

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ

**Жизнеописание
Петра Степановича К.**

**Москва
Знак
2013**

Вишневский А.Г. Жизнеописание Петра Степановича К. —
М.: «Знак». 2013. 352 с.

Петр Степанович К. — герой и в то же время соавтор этой книги. В молодости Петр Степанович не рассчитывал на долголетие, больше мечтал о славе, а выпало ему как раз долголетие — 95 лет. Его жизнь вместила в себя всю историю государства, в котором протекали его дни, так что он многое успел повидать и обдумать. Читатель получит счастливую возможность ознакомиться с различными обстоятельствами жизни Петра Степановича, а также с наиболее интересными из его мыслей, записанных им самим. Автор уверяет, что все повествование — до последней точки — основано на документах, он даже хотел заверить их у нотариуса, но в последний момент почему-то передумал. Но правдивость жизнеописания Петра Степановича К. от этого не пострадала.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-87789-065-7

© А.Г. Вишневский, 2013

Часть первая

I

Читатель не должен удивляться тому, что мы сопровождаем жизнеописание Петра Степановича К. цитированием сухих официальных документов. Более того, он должен быть сразу предупрежден, что все наше повествование основано исключительно на документах. Вымысел – это не наш принцип. Да, потрачена уйма времени на то, чтобы собрать все эти старые справки, приказы, отношения, рукописи, свидетельства, письма, дневники, – времени мы не жалели. Зато теперь мы можем быть уверены – и вы тоже, – что ни одно слово вымысла не проникло на страницы повествования, которое вам сейчас предстоит прочитать. Вначале мы даже хотели заверить все эти свидетельства истории у нотариуса, но ближе к концу нашей работы у нас почему-то сложилось отрицательное отношение к нотариусам. Поэтому мы убедительно просим читателя поверить нам на слово. Мы не станем вас обманывать.

* * * * *

Свидѣтельство.

Дано сіе ученику дополнительнаго класса ЗАДОНЕЦКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА К. Петру Степановичу, исповѣданія православнаго, родившемуся въ январѣ мѣсяцѣ 30 дня 1896 года, въ томъ, что онъ обучался въ семь классѣ съ 21 августа 1912 по 1 июня 1913 г. при отличномъ поведеніи и на окончательномъ испытаніи оказалъ успѣхи:

- в Законѣ Божіемъ отличные (5)
- “ русскомъ языкѣ отличные (5)
- “ нѣмецкомъ языкѣ отличные (5)
- “ французскомъ языкѣ хорошіе (4)
- “ математикѣ, а именно:
 - “ ариѳметикѣ отличные (5)
 - “ алгебрѣ хорошіе (4)
 - “ тригонометріи хорошіе (4)

- в исторіи отличные (5)
- “ естествовѣдѣніи отличные (5)
- “ физикѣ отличные (5)
- “ рисованіи отличные (5)
- “ законовѣдѣніи хорошіе (4)

По сему онъ, К. Петръ Степановичъ, можетъ поступить въ высшія учебныя заведенія съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставахъ оныхъ, по принадлежности.

Городъ Задонецкъ іюня месяца первого дня 1913 года

Директоръ училища
Секретарь Педагогического Совѣта

* * * * *

У.С.С.Р
Институтъ Сельского хозяйства и лесоводства в Новой
Александріи
Харьков, Каплуновская ул. №7
20 декабря 1920 г., № 3857

Удостоверение

Дано сие Петру Степановичу К. в том, что он состоит студентом Харьковскаго Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лесоводства.

Настоящее удостоверение выдается Петру Степановичу К. для предоставленія по принадлежности.

* * * * *

Задонецкій Волообраз
1921 г. янв. 15 дня №57

Учителю Задонецкой профессионально-технической школы и ремесленнаго училища Петру Степановичу К.

Прилагая при сем удостоверение за № 3857, сообщаю, что Вы освобождаетесь от занимаемой должности учителя, согласно

Вашего заявления и резолюции З.Т. У.О.Н.О: освободить от занимаемой должности и предложить немедленно выехать из Задонецка как милитаризованному студенту.

* * * * *

Удостоверение

Сие выдано Задонецкой Профессионально-технической школой Петру Степановичу К. в том, что он состоял преподавателем в упомянутой школе, преподавая следующие предметы: физика, химия, механика, экономическая география, техническое черчение и рисование. Настоящее удостоверение выдается Петру Степановичу К. по случаю добровольного выбывания из числа преподавателей Задонецкой Профессионально-технической школы.

II

В других документах, более ранних, Петр Степанович К. обозначается как «сынъ крестьянина Харьковской губерніи Валковскаго уѣзда, хутора Водопопя Валковской волости», но, как вы, вероятно, уже поняли, жизнеописание нашего героя мы начинаем не с его детства, в котором не находим ничего примечательного. Нет, мы сразу расскажем читателю об учебе Петра Степановича в Харьковском Ново-Александрійском институте сельскаго хозяйства и лесоводства, ибо именно этот институт снабдил Петра Степановича профессіей агронома.

Хотя, по правде говоря, что это была за учеба? Вода в лаборатории замерзала, трубы лопались, реактивов не было, профессорские жены торговали пирожками, холод, голод, очереди, анкеты... Это были те времена, когда на Благбазе валялись дохлые лошади, куры, навоз, старые тряпки, куски жести, сплюснутые эмалированные горшки, чайники, а иногда можно было встретить среди этого хлама человеческий труп, неизвестно как сюда попавший. Петр Степанович учился в институте в то время, когда на улице вечерами раздевали, убивали, люди от голода умирали, разбирали на топливо заборы, чтобы

согреться, жгли в печках – в знаменитых чугунках из 20 кирпичей и с трубой прямо в окно – пианино, буфеты и другую мебель. Это было тогда, когда горели дома, не действовали водопроводы, потухало электричество, когда власти нервничали, а со всех сторон наступали враги. Это были времена, когда старое похерили, новое только-только намечалось, а материальных благ не было вовсе. Тяжелые были времена!

С приходом советской власти Петр Степанович каким-то образом поселился в кабинете известного доктора медицины. Кабинет был обставлен с роскошью: мягкие кресла, диваны, большие шкафы с книгами, великолепные кафельные печи. Но теперь дров и еды не было, а из-за холода и голода и роскошь теряла всякий смысл. Пока в кабинете жил доктор, кресла, диваны, шкафы и статуэтки стояли на своих местах, был порядок, а паркет, вероятно, натирался воском. Теперь же вместо кафельной Петр Степанович собственноручно смастерил печку из сорока трех кирпичей, вытащив их из угла докторского дома, труба сначала была проведена в пробоину кафельной печи, но когда в эту дырку дым не пошел, пришлось трубе дать направление в окно. Труб тоже в те времена не делали, но было достаточно в городе разных водосточных труб, и они вполне подходили к печкам, а сами выглядывали из окон так грозно, что неопытному человеку могло показаться черт знает что! Неопытный человек мог бы подумать: каждый дом вооружен десятками пушек разных калибров.

В креслах и диванах откуда-то появились клопы. Петр Степанович одно время был уверен, что клопы здесь были и при докторе, но со временем он пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что клопы пришли после того, как многочисленные докторские покои стали заниматься, по ордерам и без ордеров, лицами неопределенного происхождения. Кожа на креслах постепенно стала обдираться, паркетные же полы при Петре Степановиче не только не натирались воском, но даже не мылись и не подметались.

В некоторых комнатах обитали знакомые доктора, тогда как сам доктор еще в девятнадцатом году отбыл в Крым, оповестив всех, кого мог, о скором своем возвращении в Харьков. Жильцы, знакомые доктора, сберегали, как могли, докторское имущество,

огрызались при бесконечных обысках и при предъявлении мандатов на комнаты, и даже Петра Степановича вовлекли в это дело. Петру Степановичу поручили сберегать докторское пианино, а так как в те времена пианино конфисковывали, то Петр Степанович зарегистрировался в губнаробразе пианистом, из-за чего докторское пианино на какое-то время и сбереглось. Петр Степанович на пианино играл две вещи: «Чижик, пыжик, где ты был» и «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці», а чтобы быть точным и справедливым, надо отметить: Петр Степанович обе вещи играл одним пальцем, а педалями, за ненужностью их, совсем не пользовался. Вот на балалайке он играл, начиная со «Светит месяц, светит ясный» и кончая таким сложным вальсом, как «На сопках Маньчжурии». Курьез случился, когда Петра Степановича специальной повесткой пригласили в губнаробраз играть на пианино, вероятно, для проверки. Пришлось долго упрашивать своего играющего приятеля сходить за него!

Но все это нам не интересно. Нам интересны тогдашние политические убеждения Петра Степановича, точнее, его отношение к советской власти, не очень для нас ясное.

Нам от самого Петра Степановича известно, что довольно скоро после того, как он, окончив реальное училище, поступил в университет, начались и пошли февральские, октябрьские, петлюровские, немецкие, гетманские, белогвардейские, большевистские, махновские, просто бандитские и др. революции и контрреволюции. Петр Степанович долго не мог разобраться, какая из властей восторжествует, но сам участия ни в революциях, ни в контрреволюциях не принимал.

Впрочем, об этом после, а нам важно знать, в самом начале, социальное происхождение Петра Степановича! Мало ли что, Петр Степанович писал в анкетах «крестьянин», – крестьяне были разные! Не все же крестьяне могли учить при старом режиме своих детей в реальных училищах. Кто учился в реальном училище? Дворяне, дети чиновников, учителей, околоточных надзирателей, прасолов, кулацкие дети и редко бедняки. Как мы ни старались добиться от самого Петра Степановича и побочно о количестве десятин у его папаша, но это не удалось: сам Петр Степанович что-то путал и рассказывал, как говорят,

не в одно, а побочные расспросы... Разве вы не знаете, что наговорят на человека? В общем, из всего видно, что папаша Петра Степановича был чем-то среднеарифметическим всех тех папаш, которые могли учить своих детей в реальных училищах. Более точно можно предполагать, что папаша Петра Степановича непосредственно сельским хозяйством не занимался, но, примерно, зарабатывал в месяц рублей сорок – сорок пять, может быть, не больше. Зато нам, например, известно, что родители Петра Степановича были людьми набожными, царя чтили, исправника боялись и очень любили в табельные дни смотреть солдатские парады, а когда пели «Боже, царя храни», то не знали: креститься, брать ли под козырек или снимать головной убор.

Братья Петра Степановича, – а их было два – и сестра, а также сам Петр Степанович, до пятнадцати лет тоже были религиозными, от пятнадцати до семнадцати проходил перелом, но стоило познакомиться молодежи с химией, физикой и вообще биологией, как резко все они становились безбожниками, даже сестра. Бог из головы вылетал постепенно: сначала у старшего брата, потом у Петра Степановича, у младшего, и, наконец, у сестры, но у каждого вылетал бог так, как буква ять из русского языка. Еще в шестом классе Петру Степановичу попался «Капитал», но тогда впечатления на него «Капитал» не произвел, а как было в дальнейшем, мы еще узнаем. До февраля и марта, когда цари начали писать манифесты об отречении, Петр Степанович, извините за выражение, жил и рос каким-то аполитичным бурьяном. Он знал, что существуют на земле социалисты, монархисты, анархисты, однако все они существовали как-то вне черты его, Петра Степановича, насущных интересов, не более, как, скажем, египетские пирамиды или, где-то на Сандвичевых, извините, на Гавайских островах, вулкан, Мауна-Лоа.

Убеждений Петр Степанович не имел никаких. Правда, в кругу товарищей, а особенно когда прогуливался по дощатым тротуарам с гимназистками, Петр Степанович логично говорил о материализме. Петр Степанович затрагивал, главным образом, вопросы из области атомов, его интересовало, так сказать, начало начал. Кроме атомов его интересовала космография. На базе логики доказывал отсутствие в природе случайностей,

а в седьмом классе, то есть перед окончанием реального училища, пришел, к выводу, что в природе нет ничего живого, а есть мертвая природа, постоянно находящаяся в движении. Петра Степановича даже приглашали в какой-то тайный, радикального направления кружок, однако Петр Степанович отказался от этого дела. Он один раз пошел на собрание кружка, там разбирали в тот день запрещенную брошюру, Петру Степановичу показалось скучно, и больше он кружка не посещал.

В общем, в политическом отношении Петр Степанович был ни рыба ни мясо. Может быть, скажут, что у Петра Степановича было притуплено классовое чутье, но и этого нельзя сказать, на что в нашем распоряжении имеются доказательства. Как только Николай Кровавый отказался от престола, весь город, а в том числе и Петр Степанович, пошли к земской управе митинговать. На митинге стали выступать всякие демократы, и Петр Степанович почувствовал в себе тоже таланты демократизма, ибо ему захотелось вылезти на возвышение и произнести речь, которая затмила бы все речи, на этом митинге произнесенные. Но из-за тех, кому еще больше хотелось произносить речи, Петру Степановичу так и не удалось осчастливить митинг своим выступлением. Надо отметить, Петр Степанович внимательно слушал ораторов, и его симпатии были на стороне тех, которые восхищались революцией, но жаль было и председателя земской управы, тоже выступившего на митинге и освистанного почему-то.

III

В задачу настоящего повествования не входит описание разных там жгучих приключений с нашим героем, ибо он жил в век, когда читателя уже ничем нельзя было удивить, и мы хотим быть созвучными его времени. Не дай бог, поставили бы до революции такую картину в кинематографе, как «Красные дьяволята»! Сколько было бы обмороков, вздохов, ахов! А когда поставили, после революции, конечно, и стали показывать, так только и слышны были довольные окрики зрителей: «Так им и надо, мерзавцам!» «Та добивай же, добивай, а то он еще живой!»

Видите, что тогда творилось? В ту пору надо было давать такие произведения, где бы факты и сами персонажи так и плавали в героизме, как вареник в сметане. Чтобы на каждом шагу встречался марксизм чистой воды, пересыпанный, как котлета сухариками, идеями социализма. Вот что тогда надо было, а не просто так писать мемуары со всякими приключениями. Кого, интересно, могли удивить тогда эти приключения?! Мемуарист, скажем, пишет, что ему всадили две пули в самое сердце, когда его расстреливали белые, а читатель скажет, обязательно скажет презрительно: «Фи... две пули! Во мне сидят четыре еще от Перекопа!» И будет прав!

Так что вызвать жалость к нашему герою в читателе или что-нибудь в этом роде – лучше на это не рассчитывать. Нам просто хочется познакомить читателя с Петром Степановичем и эволюциями, какие он пережил в то революционное время. Ведь потом в больших и малых городах ходило много на службу Петров Степановичей, и нам хотелось бы, чтобы они бесследно не вымерли, чтобы осталась о них память в молодом поколении. Мы, конечно, на успех нашего повествования не рассчитываем, а пишем его в порядке сострадания к Петрам Степановичам, которые дерзали в молодости так же, как и великие люди, только потом у них что-то не сошлось. Но все равно, если даже они и не делали революции, так ведь отношения писали, подписывались вторыми подписями и старались так составить отношение, чтобы первая подпись соглашалась начертать свое имя, не меняя сути отношения. То есть сначала подписывается директор, а потом уже Петр Степанович. Но составлял-то отношение все равно Петр Степанович!

И если вы даже сейчас всмотритесь, товарищи и господа, в тех, что ходили с портфелями в руках и седыми висками много позднее, то так и знайте: среди них было 90 процентов Петров Степановичей!

Повторяем: жгучих приключений, происшедших с Петром Степановичем, мы здесь описывать не будем, пусть даже Петру Степановичу и приходилось круто в те дни, когда на Украину приходили большевики три раза, добровольцы раз, один раз гетман с немцами, петлюровцы, махновцы, а разных мелких банд мы и считать не станем. Но мы хотим пощадить Петра

Степановича, ведь ему еще и потом предстоит повидать много интересного. А тогда... Вы же понимаете, что значит пережить все это и самому нигде активно не участвовать? Это значит: большевикам три раза руки вверх держи, добровольцам два раза, – один раз при наступлении и другой раз при отступлении; гетману руки вверх держи, петлюровцам держи и бандитам разов десять держи руки вверх.

Однажды, когда Петр Степанович за чашкой чая вспоминал пережитые ужасы, он выразился в заключение так: «Если еще будет какая-нибудь гражданская война, обязательно примкну к одной из сторон с винтовкой в руках, так будет спокойнее». Надо оправдать такую точку зрения Петра Степановича: во-первых, если пристать к одной из сторон, нервы остаются целей, а во-вторых, – самолюбие не страдает. А то разве легко: «Стой, сволочь! Руки вверх!! Ты, тра-та-та-та, кому сочувствуешь?» «Вам», – отвечал в таком случае Петр Степанович. «Врешь, сволочь!» Пока докажет Петр Степанович, что он сочувствует тому, перед кем руки вверх держит, то могут раз пять в морду звездануть, приклада дать, сапоги снимут, да и мало ли еще чего может случиться. Еще ничего было бы, скажем, один раз поднять вверх руки, два раза – от силы, а то подымай всякому, кто только сильно кричит и перед самым носом обрезом вертит. Да надоест же, наконец, и сочувствовать! Пусть уже подымают руки вверх обыватели, их такая доля, но войдите в положение Петра Степановича: человек он образованный, знает себе цену и, вдруг, налетает в городок шайка махновцев на десять минут, и изволь перед этой грубой силой руки вверх подымать, сочувствовать... «Кому сочувствуешь?» Кому же прикажете в таком случае сочувствовать? «Конечно же, вам!» И Петр Степанович сочувствовал, сочувствовал всем, кто задавал такой вопрос, кто сильно кричал и вертел неистово обрезом перед самым носом.

Конечно, Петр Степанович и в это сложное время не перестал размышлять о мертвой и живой природе, но, скажем прямо, тогда нашему герою с его атомами и электронами пришлось прямо-таки круто. Главное, слушателей подходящих не находилось. Петр Степанович слушателю – про закон Архимеда в кристаллическом его виде, а слушатель занят в это время сообщениями: входит ли в паек махорка? Что ты будешь делать!

И вот Петру Степановичу пришлось временно почти забросить законы природы, ибо сама жизнь заставляла его терять свое время на наблюдения явлений социального порядка.

Начать с того, что Петра Степановича белогвардейцы, когда в 1919 году заняли Харьков, арестовали и посадили в тюрьму, в харьковскую каторжную тюрьму, по подозрению в коммунизме. Это было нелепо, совершенно нелепо, даже офицер, поручик Кашпер, был недоволен, когда его привели.

– Хлопнули бы по дороге, а то возитесь с идиотом!

Мы, конечно, не беремся описывать тогдашнее душевное состояние бедного Петра Степановича и даже недовольны, что связались с таким беспокойным героем. Если бы с самого начала знали, что Петр Степанович попадет в такой переплет, то лучше было взять другого героя, более спокойного и без таких ужасных приключений. Но, с другой стороны, позднее выяснилось, что с этим арестом Петру Степановичу безумно повезло, так что, пожалуй, выбор мы сделали все-таки неплохой.

Тогда же и сам Петр Степанович не догадывался о своей удаче и клял себя за неосторожность. Так ли уж необходимо было ему выступать на тех студенческих сходках? Только сейчас мы вспомнили, что когда Скоропадский, а вернее Деникин, захотели мобилизовать студентов, то Петр Степанович, во-первых, яро выступал на сходках, был, так сказать, против мобилизации, а во-вторых, он прапорщика Васильева один раз вытолкнул за двери под звонкие сочувственные аплодисменты студентов во время сходки, ибо Васильев вел себя уж больно нахально: то в одиночку пел «Боже, царя храни!», то кричал, что только «сволота может быть настроена против Деникина» и т. д. Вот Васильев теперь и сводит счеты, а мы изволь все это описывать!

Петр Степанович вообще хотел уехать из Харькова с Кириллом Петровичем на время, пока деникинская власть не устаканится, а потом бы вернулся, он уже знал, что первые дни после смены власти – самые беспокойные. Так их тут же, прямо в поезде, задержали чеченцы, вывели на платформу и велели показать документы. Кирилла Петровича, как человека уже немолодого, опустили, а Петра Степановича забрали с собой,

даже вещи не позволили взять. Кирилл же Петрович так и остался на платформе, потому что поезд уже ушел.

Петра Степановича чеченцы отвели снова к вокзалу, сдали его под расписку поручику Кашперу и, препроводив в полуподвальное помещение с решетками, специально, еще при станowych приставах, предназначенное помещение, ушли. Петра Степановича, видать, считали большим преступником, ибо приставили двух часовых: одного в помещении, вместе с Петром Степановичем, а другой начал ходить под окнами, заглядывая сквозь решетки. Только тут Петр Степанович пришел в себя, так сказать, начал осмысливать происшествие.

– Ходить нельзя по камере, а то прикладом шмагану! – заявил вдруг часовой, солдат, что сидел в одной комнате с Петром Степановичем,

– Почему?

– Не разговаривать!

– Может вы закурите! – вежливо предложил Петр Степанович.

– Закурить можно. Давайте... А разговаривать нечего! Поручиком строго приказано за вами следить, – сообщил страж Петру Степановичу, раскуривая папироску.

– Ваш поручик думает, что поймали Троцкого? Как вы полагаете?

– Разговаривать не велено. Услышат, и нагорит, – пробурчал часовой.

К вечеру Кирилл Петрович передал в камеру сумку с вещами Петра Степановича и записку, – не волноваться, а сам он, Кирилл Петрович, уезжает дальше по своим делам, ибо через Петра Степановича и так потерял два поезда.

Чтобы и читатель не волновался, мы сообщим ему немедленно, что Петр Степанович выйдет из этой истории более или менее благополучно, конечно, пережив многое в душе. Может быть, в будущем, под старость, все им пережитые потрясения отразятся на нервной системе Петра Степановича, но сейчас Кирилл Петрович все-таки явится ему на выручку. А Кирилл Петрович, надо вам сказать, был по тем временам и в том месте не такой уже пустяшный человек. Его уже где-то там назначили, а может, уже и выбрали головой думы, и Кирилл Петрович явится

защитником Петра Степановича перед поручиком Кашпером как лицо официальное. Кирилл Петрович поручится головою, что Петр Степанович не большевик и что тут какое-то недо-
разумение. А поручик Кашпер, в свою очередь, пойдет на уступки Кириллу Петровичу и заявит, что он хотел только сейчас пустить Петра Степановича в расход, ибо на фронте некогда разбираться. Но раз за него заступился Кирилл Петрович, то теперь он может отправить Петра Степановича куда следует, и там очень справедливо разберутся, а если Петр Степанович невиновен, то его могут даже и выпустить.

Но все это будет потом, а сейчас, проспав относительно спокойно всю ночь, Петр Степанович открыл глаза, осмотрелся, осознал, куда он попал, и пришел в ужас. К его удивлению, в камере солдата не было, а на окне стоял солдатский котелок с молоком и лежал кусок свежего хлеба. Поразмышляв, Петр Степанович заключил, что и то, и другое принесено для него, благополучно выпил молоко, съел хлеб и, для удовольствия, закурил папироску. Еще прошло с час, и Петру Степановичу понадобилось выйти из комнаты. Он постучал в дверь и даже пробовал открыть ее, но дверь была заперта. Петр Степанович постучал еще раз, и скоро послышались шаги босых ног по ступенькам. Поворотили ключом в замке, еще повозились, и в дверях обнаружился крестьянский парняга с винтовкой на плече, висевшей на веревке.

– Чого тобі треба? – сердито обратился парень к Петру Степановичу.

– Выйти мне необходимо.

– До ветру?

– Да.

Парень снял с плеча винтовку, вероятно, для устрашения, клацнул затвором, взял на изготовку и вывел Петра Степановича в сад. Когда же Петр Степанович, сделав свои дела, замешкался, желая немного побыть на свежем воздухе, парняга опять клацнул затвором и прикрикнул на него довольно грубо:

– Марш в камеру, довольно тут раздумывать!

И снова запер дверь снаружи.

К вечеру в камеру привели еще одного постояльца – высокого молодого человека в белой кепке. Высокий молодой человек

был сильно недоволен, что его сюда сажают, и уверял солдат-конвоиров, что он не шпион, а бывший подпоручик и что он будет жаловаться самому Май-Маевскому за насилие. Солдаты уверяли молодого человека, что они здесь ни при чем и что их дело маленькое: отвести куда прикажут, а если скажут стрелять, то и стрелять будут. Петр Степанович и молодой человек, по фамилии Дьячко, обнюхались, рассказали друг другу по очереди о своей беде, посочувствовали друг другу, покритиковали белогвардейцев и единогласно решили, что у красных – и то нет такого безобразия. Правда, еще позже они решили, что и белые – молодцы, и красные тоже хороши. Успокоившись, оба настроились на философский лад и даже начали высказывать свои мирозерцания.

– Ну, поймите вы, – говорил высокий Дьячко, запоем выкуривая сигарку, – говорят, что судьбы нет! Безусловно – судьба! Я служил в Сумах у большевиков, приехал сюда в командировку, а тут эти черти! Я поселился у своего знакомого в Люботине, а комната у них одна, дети кричат, муж и жена ругаются, на меня смотрят, как на нахлебника. Ну, я пошел час тому назад к коменданту и спросил: далеко ли белые продвинулись на Сиваш? Так он поднял крик, что я шпион, и потребовал документ. Даю ему документ большевицкий, – другого же у меня нет! Раскричался еще пуще. Вот вам результаты, – добавил товарищ Дьячко, указывая на камеру.

– Только судьба! – воскликнул он.

– Судьбы в природе нет, – заметил Петр Степанович тоном, не допускающим возражений, – в природе все закономерно. Мною жизнь так хорошо разгадана, мне так понятны все явления в природе, что дальше мне неинтересно даже жить. До сегодняшнего дня, вернее, до этого инцидента, я считал, что до политики мне нет никакого дела. Пусть, думал я, другие этим занимаются, а себя посвятил бы вопросам чисто такого... научного порядка. Но как вы будете этой наукой заниматься, если у вас нет места заниматься ею! Выходит, что сначала надо создать себе атмосферу, а для этого обязательно, – Петр Степанович здесь сделал ударение и даже поднял палец, – обязательно надо примыкать к какой-нибудь политической группировке. Вот только вопрос: к какой? Для меня безразлично, какая группировка, лишь бы

были условия. Значит, надо угадать, какая группировка победит, к той необходимо и пристать. Идеи управления государством у меня нет! Я воспитывался как-то мимо этого вопроса.

– Безусловно, необходим царь! – запальчиво воскликнул т. Дьячко.

– Вот видите, – заметил Петр Степанович, – у вас уже есть идея, а я ее еще не имею. Мне, например, самодержавие противно, и хотелось какой-то демократической республики, а вместе с тем в политической экономии сказано, что всякое государство – насилие. Выходит, что нужно присоединиться до идей анархистов, но, конечно же, анархисты... В дикой стране анархисты! Ха!

Петр Степанович прошелся по камере, а потом продолжал:

– Вот большевики уже два раза занимали Украину, а толку нет. Видно и не думают возвратиться, иначе они не делали бы таких разрушений! Теперь пришли эти... На кой черт здесь нужно это трехцветное знамя! Подумаешь, – цаца! «Боже царя храни» распевают! Ей-богу, жить надоело!

Так долго еще разговаривали наши приятели и заснули только под утро. Утром их обоих повезли в контрразведку, которая тогда помещалась по улице Кацарской, кажется. К вечеру арестованных накопилось человек двадцать, а в 12 часов ночи отвели на Холодную гору в каторжную тюрьму, где нашего героя посадили в ротный корпус, в семнадцатую камеру.

Наутро Петр Степанович стал изучать новую, совершенно чуждую для него обстановку. Большая комната на втором или третьем этаже с двумя окнами на юг. В окнах массивные решетки, и в рамках нет ни одного стекла. В камере больше двадцати человек. Все они лежат на досках, положенных на массивные зеленые железные кровати, которые прикованы на шарнирах к стене и, видно, до революции на них надевались веревочные сетки, и они поднимались на день. Стены до половины выкрашены зеленой краской, и над каждой койкой нарисованы карандашом кресты, похожие на те кресты, какие дьяконы рисуют на дверях крестьянских хат, когда на Крещение господне ходят с водосвятием. Петр Степанович прежде всего начал знакомиться с надписями под этими крестами, где было написано приблизительно так:

«На этой койке лежал священник села Веселого, Жуковский, который был расстрелян кровопийцей Саенком. Мир праху твоему».

«Тут сидел казак, Кузьма Серебряков, якого убили большевики за те, шо он без спросу застрелив попа и буржуя. Туда тебе и дорога чорту!»

«На этой койке, на месте, застрелил Саенко генерала в висок. Только ножкой дрыкнул».

Таких крестов было много и везде почти упоминалось имя Саенко, который, судя по надписям, очень старательно стрелял людей здесь же в камере, в коридоре, увозил генералов и попов на автомобилях. Камер в Харьковской тюрьме очень много, и если везде есть такие надписи, так, видно, много Саенко пострелял людей!

В противоположную сторону от окон располагалась зеленая дверь с маленьким «глазком», и тут же стояла вонючая параша.

Петр Степанович после осмотра камеры начал знакомиться с арестантами и удивился, что здесь нет никого значительного. Один извозчик сидел за то, что носил кожаную фуражку, и какой-то офицер отправил его в тюрьму, потому что принял за комиссара. Сидел тут надзиратель бывшей Александровской больницы, старик Волков; он только недавно был выпущен из этой же тюрьмы, где сидел при красных за контрреволюцию. Смирно лежали два латыша – рабочих на своих местах из ВЭКа (впоследствии переименованного в ХЭМЗ, но тогда об этом еще не было известно), за то, что они латыши. Больше сидели евреи, видно, за то, что они евреи. Интересных знакомств почти не было, если не считать анархиста Бржезовского, постоянно занятого какими-то делами за стенами тюрьмы и озабоченного все новыми и новыми приспособлениями, чтобы передавать и получать письма. Еще был интересный заключенный, т. Чалый, или Альберт Джонс, бывший командир бронепоезда красных, но говорили, что его за что-то ревтрибунал присудил к расстрелу, а расстрелять не удалось: т. Чалый на автомобиле скрылся. Пожалуй, самым интересным арестантом надо считать полковника Рябцева, или Алексева, как он подписывался, когда писал военное обращение в какой-то харьковской газете, кажется «Социал-демократ». Но Петр Степанович с ним посидел

недолго, ибо полковника водили в контрразведку, а на обратном пути зарубили шашками. Его уколошили, вроде бы, за отказ работать при штабе Деникина.

В то время, когда в каторжной тюрьме сидел Петр Степанович, белые офицеры, не имевшие отношения к тюрьме, приходили сюда, как ходят в музей, выстраивали арестантов в ряды и иногда били, до крови били евреев. Петру Степановичу будто бы ни разу не попало, да он, конечно, и старался стать в задних рядах, чтобы быть подальше от офицерских ласок. А один раз, так приехал генерал какой-то, но этот приезжал за делом: он каждого спросил, за что сидит, записывал в Bloc-Notes и обещал ласково ускорить дело. Надо думать, что арестованных уже некуда было сажать, и генерал задался целью неважных освободить, чтобы было место для важных.

Бедный Петр Степанович начал на третий и четвертый день своего пребывания в тюрьме испытывать чувство голода. Выдавали только порцию хлеба да тухлую капусту, но и той мало. Петр Степанович как спокойный человек научился к голоду, к офицерским экскурсиям и вообще ко всему относиться апатично. Что же касается товарища Дьячко, то этот чуть не набрасывался на тех, кому носили из города передачи. Особенно т. Дьячко возмущала одна группа евреев: им ежедневно приносили великолепный польский борщ в банке, где они каждый раз находили в зашитой резинке письма от своих, получали вареники, мясо, зажаренную птицу. Евреи наедались до отрыжки, спокойно посматривая на остальных голодающих, и с удивительным спокойствием и равнодушием прочищали зубы. Товарищ Дьячко в таких случаях шептал:

– Я, ей-богу, сейчас на них наброшусь! Не могу! Что это за безобразия!

Один раз т. Дьячко даже заявил громогласно перед администрацией тюрьмы на проверке:

– Передачи пусть делят поровну между всеми или же совсем не принимать!

На что администрация ответила насмешливо:

– Сразу видно, что большевик! Хе! Или поровну – или никому! Мы, слава богу, признаем собственность, а потому пусть лопают каждый то, что у него есть.

Мы не знаем, что стало с т. Дьячко и вообще со всеми сокамерниками Петра Степановича, но касательно его самого читатель уже предупрежден. Не прошло и двух месяцев, как заступничество Кирилла Петровича дало о себе знать, и Петра Степановича выпустили, хотя и велели ежесубботно являться в полицию регистрироваться. Авскоре, в ноябре месяце, пришли большевики, застали Петра Степановича в одной деревне и снова заставили держать руки вверх, даже раздели, и очень долго не верили, что Петр Степанович им сочувствует. В-третьих, налетали два раза махновцы и бедный Петр Степанович тоже оба раза им сочувствовал. Наконец, жизнь как будто бы стала относительно приходить к стабильности: пошли пайки, снова институт, столовки с бесконечными очередями, анкеты. Нелегко пришлось Петру Степановичу в институте.

Гражданская война, хотя Петр Степанович в ней как будто и не участвовал, помяла его значительно – морально и физически. Особенно тяжелыми были моральные раны. Ведь, поймите: Петр Степанович воспитывался по программе старой школы, помимо программы читал бессистемно разные книжки и считал, что мировоззрение его определилось. Студенчество Петр Степанович представлял себе примерно так: в поношенной тужурке, в форменной засаленной фуражке посещает он студенческие вечеринки, где поет «Налей, налей бокалы полней!» и где, конечно, присутствуют курсистки. Петр Степанович не прочь был бы и пойти принять участие в демонстрации по улицам города, так сказать, попротестовать немножко перед начальством, и даже готов был бы немножко пострадать при обстреле казаками демонстрантов, – ну чтобы, скажем, пуля прострелила рукав тужурки, что ли. Гражданская война разорила все мечты, все планы Петру Степановичу.

Вместо привычных студенческих тужурок пошли френчи, галифе, солдатские шинели, серые солдатские шапки; в институте появились малограмотные рабфаковцы, возглавлять институт назначили второстепенного профессора и то под контролем какого-то там политкомиссара. Экзамены превратили во что-то обычное, повседневное: бывало, настигал студент на улице профессор и просил проэкзаменовать его. Садились профессор и студент на первопопавшемся подъезде и экзаменовались. На

студенческих сходках заняла руководящую роль всякая, как выражался Петр Степанович, шваль. Перестали деканствовать и ректорствовать солидные профессора: стали занимать эти должности подхалимы, подлизы и карьеристы. Всего того мы не в силах перечислить, что отравляло Петру Степановичу существование. Вообще же Петру Степановичу казалось, что руководящая роль попала в руки людей нестоящих, мелочных, несолидных прожигал и которым все трин-трава.

На Петра Степановича напала прямо-таки меланхолия. Всякие начинания большевиков он находил искусственными, дутыми, граничащими с глупостью.

Не понравилась Петру Степановичу реформа средней школы. Нарушение советской властью прав частной собственности Петру Степановичу казалось святотатством. Будучи человеком не религиозным, он все же не сочувствовал тому, что церкви пошли на разор и запустение, а, например, извлечение ценностей из церквей на голодающих нашего героя возмутило, и он очень сочувственно относился к протипвлениям патриарха Тихона. Правда, Петр Степанович в то время совершенно не читал газет, и всякие новости до него доходили устно. Например, понесет Петр Степанович на продажу на толкучку выданную в институте гимнастерку и услышит разговор, скажем такого содержания:

– Слышали, Алла Петровна, – говорит одна бывшая буржуйка другой, – уже и на Журавлевке в церкви забрали золотые кресты, чашу... и, говорят, когда начали вынимать из иконы пречистой матери алмаз, то она как заплачет... как заплачет... А они, изверги, даже шапок не сняли!

Живая газета вещь хорошая, да еще на Благбазе, но она может ввести человека в заблуждение, сбить с толку своим неправильным освещением фактов. Петр Степанович был окружен публикой, не сочувствующей советской власти, – конечно при условии, если ее об этом не спрашивают официально, – как например, жильцы докторского дома. В институте Петр Степанович вел знакомство со студенчеством с убеждениями такого же направления, как и его, Петра Степановича, а с коммунистами если и приходилось иметь дело, то из боязни наш герой улыбался, хихикал, хотя в душе презирал их и считал себя неизмеримо выше всех коммунистов, взятых вместе.

Еще бы – у Петра Степановича была почти собственная теория мировоззрения, а эти брандыхлыстики только и знали заученные слова: «Наша страна в опасности! Капиталистическое окружение железным кольцом охватило задыхающуюся бедноту! Начиная от Колчака и кончая!!!» То ли дело: «Мир состоит из пространства и материи. Материя составляется из сотни простых элементов, способных между собой соединяться, комбинироваться и образовывать массу разновидностей природы, какая нас окружает...». Вот только жаль, что не дают этим заниматься спокойно и совершенствоваться.

– Большевизм есть опыт, но разве его можно делать в государственном масштабе? – так говорил Петр Степанович в кругу однодумцев.

Правда, хотя Петр Степановичи не сочувствовал, но активно не противился, между нами говоря, боялся за свою шкуру. Во всех анкетах, официально, Петр Степанович писал, что большевикам сочувствует, а в душе нет, не сочувствовал.

А вместе с тем Петру Степановичу не хотелось больше переворотов. Он так рассуждал: какая бы власть ни пришла, все равно придет голышом, без всяких материальных средств. Вместо хлеба власти, какие бы они ни были, одинаково будут клеить воззвания, постановления и все такое. При большевиках хоть можно стало говорить, правда, в приятную для них сторону, а при других властях даже этого нельзя было делать. Ни одна их многочисленных властей Петру Степановичу не нравилась, но конкретно он и сам не знал, какой ему хотелось бы власти.

– Нужна такая власть, при которой хорошо бы всем жилось, – так казалось Петру Степановичу. И он задумался: не пробраться ли за границу, скажем, в Швецию, где совсем не было войны? Но это легко подумать! А чтобы сделать – для того нужно быть, по крайней мере, Следопытом из романа Фенимора Купера.

И вот стал Петр Степанович ко всему окружающему относиться скептически: исправляли на улицах Харькова мостовые, Петр Степанович не верил, что и завтра будут исправлять; улучшалось трамвайное движение, Петр Степанович считал, что добьют последние вагоны, а потом, где их взять? Вместо

паровозов стали делать зажигалки, дома разорены, мосты взорваны, скот поражен чесоткой, медикаментов нет, государственный строй не налажен. В общем, надо было быть большим оптимистом, чтобы поверить, что порядок когда-нибудь будет восстановлен. Петр же Степанович, как мы уже сказали, был настроен скептически, и вместо того, чтобы активно участвовать в восстановлении порядка, он стоял в сторонке и только наблюдал. Но надо отдать справедливость нашему герою и в некоторой его активности, особенно тогда, когда он узнавал, что в институте студентам выдают шинели, костюмы из солдатского сукна, белье и всякое такое. Большевики, видимо, заботились о студентах по мере сил: навезли в институт шинелей, штанов, шапок, гимнастерок и ботинок. В таких случаях Петр Степанович стремился захватить одно из первых мест в очереди и тем, кто хотел получить одежду без очереди, доказывал:

– Здесь-то вы бедовые, в тылу, а попробовали бы...

Кто не знал Петра Степановича, смотрели на него с уважением и считали, что он, очевидно, бывал на фронтах, много страдал за революцию, и выдавали ему экипировку одному из первых. Петр Степанович, хотя и признателен был за это, ибо одежда подоспела впору, и Петр Степанович в ней очень нуждался, но считал такую заботу мерой паллиативной и ни к чему не ведущей. Ну, достали шинелей, гимнастерок и шапок, а далее где они наберут? В общем, Петру Степановичу все казалось, что коммунисты доживают свои дни, и не позже вот-вот этих дней должно все рухнуть.

Физические раны Петром Степановичем были получены, главным образом, в условиях частого держания вверх своих рук, что расстроило ему нервы. Правда, к физической ране надо отнести и фурункулез, который нарядился на правой ноге Петра Степановича так удачно с двух сторон, что когда он зажил, можно было подумать, что получено ранение пулей навывлет. Когда фурункулез залечился, то это физическое ранение Петру Степановичу не причиняло каких-либо неудобств, а наоборот: при случае Петр Степанович показывал это место ноги и многозначительно говорил:

– Это меня расстреливали белые, но неудачно.

Но все равно нервы у Петра Степановича были сильно развинчены, и он болезненно реагировал на всякие ненормальные явления: вокзальная грязь, уличные непорядки, сидение в помещениях в шапках, лузгание семечек и т. д. страшно действовали на нервы. Появились периодические боли в голове, стали дрожать руки, и мучила ночами бессонница. Пришлось даже сходить два раза к профессору по нервам Платонову.

– Покой, чистый воздух и питание, – посоветовал профессор в оба визита.

Эх... покой, чистый воздух и питание! Не вы бы, профессор, говорили, не Петр бы Степанович слушал! А вы, профессор, знаете, что Петру Степановичу необходимо за четыре дня прочитать «Общее земледелие» и сдать профессору Егорову? А вы знаете, профессор, что хотя Петр Степанович и живет в кабинете знаменитого доктора, но из печки в сорок три кирпича тянет дым при условии высокого давления воздуха? А вы, профессор, знаете, что у Петра Степановича осталось муки только на две порции галушек, и негде этой муки взять? Профессор Платонов растревожил нашего героя еще больше.

К весне 1921 года Петр Степанович пришел в совершенное отчаяние. Но разве тогда в отчаянии был только Петр Степанович? Вспомните-ка весну 1921 года! Кошмар! Караул! Разгар голода! Кругом страны блокада империалистов, транспорт развалился, хлеба нет, страна Советов задыхалась. Все были в отчаянии! Не оправдываем мы своего героя в одном, что он только критиковал власть и усматривал только плохие стороны во всех ее постановлениях, декретах, мероприятиях, а ничего конструктивного со своей стороны не предлагал.

И 1922 год, казалось Петру Степановичу, будет не лучше. Мало ли что они там говорят про какую-то новую экономическую политику! Единственной путеводной звездой и утешением Петра Степановича осталось приближение к окончанию института. Вот еще три-четыре зачета, и цель достигнута. Несмотря на многочисленные невзгоды, жизненные бури, Петр Степанович к апрелю месяцу институт закончил. Он отряхнул его прах от ног своих, хлопнул парадной дверью и пошел в докторский кабинет собирать пожитки, чтобы завтра его оставить, выехать из города и окупиться в новую жизнь.

IV

Да, да, Петр Степанович начал укладывать вещи и сегодня вечерним поездом уедет служить в Задонецк, уездный городок, где учился в реальном училище, а потом и учительствовал одно время. Укладывая вещи, Петр Степанович напевал:

Смело мы в бой пойдем
За власть советов!
И, как один, пропьем
Мы кровь кадетов!

Одновременно с Петром Степановичем ехал на работу старшим агрономом в тот же городи Иван Григорьевич Жгутик, украинский националист, участвовавший активно в бандах Симона Петлюры, но как-то легализовавшийся при советском строе.

В Райсельхозсоюзе правление нашло Петра Степановича больше подходящим для службы по хозяйственной линии, и ему поручили заведовать паршивеньким совхозом, который назывался культурно-семенным хозяйством. Что касается Ивана Григорьевича, то его сразу назначили агрономом союза. Жалованья положили для Петра Степановича шесть пудов ржи, а Ивану Григорьевичу восемь пудов ржи в месяц.

Культурно-семенное хозяйство было маленьким, всего на 50-60 десятин, и цель его – выводить сортовые огородные семена, в ограниченном количестве – полевые культуры, а самое главное, – культивировать и выращивать плодовые деревья для раздачи сельскохозяйственным товариществам уезда.

Петр Степанович приехал в культурно-семенное хозяйство и застал его примерно в таком состоянии.

В центре усадьбы стоял большой деревянный дом, в каких раньше жили захудалые помещики; окна в нем были забиты парниковыми рамами без стекол, и воробьи, весело чирикаая, проскакивали в дырки рам с пушком в клюве, часть их пролетала под заржавленную крышу, в остатки водосточных труб и, очевидно, была занята помещением гнезд. Рядом с домом, направо и налево, стояли полуразрушенные деревянные амбары,

с ободранными цинковыми листами. Листы же были сорваны населением, скорее всего, для поделки самогонных кубов. Во флигеле, что стоит в стороне, вероятно, кто-то живет: крыша подправлена, окна заставлены и на пороге белеет свежая доска, вставленная недавно хозяйской рукой. Через дорогу, в другом дворе, растянулась воловня, тоже полуразвалившаяся, и возле нее стояли над корытом четыре чесоточных лошади, лежало шесть серых волов, но настолько худых, что трудно было предполагать в них силу самостоятельно подняться. В общем, усадьба носила полный отпечаток всех тех ураганов, какие прошли через нее за то бурное революционное время. А голодовка двадцать первого года усугубила печать настолько, что хозяйство, которым Петру Степановичу предстояло заведовать, могло наводить одно лишь уныние. Только густые заросли вишняка, старых груш и яблонь да пирамидальные тополи немного освежали вид и веселили глаз.

Первое, на что обратил внимание Петр Степанович, еще только подъезжая к усадьбе, были коровы, которые ходили по плодovому питомнику и объедали молодые веточки. Чувствуя себя хозяином питомника, Петр Степанович не вытерпел, соскочил с тарантаса и сам выгнал скот из питомника, выругав пастухов.

Как только Петр Степанович въехал во двор усадьбы и вылез из тарантаса, его окружили три собаки, и одна из них ухитрилась вырвать кусок штанины нового заведующего. Подбежали два человека, отогнали собак и весело Петру Степановичу заулыбались, будто бы это явился не Петр Степанович, а родной отец. Но Петр Степанович был занят порванной штаниной и не заметил даже, поздоровался ли он с людьми или нет.

Улыбающимися людьми были два молодых человека: Григорий Васильевич Кузнецов и Николай Захаревич Жовтобрюх. Оба они, как впоследствии выяснилось, окончили низшую садовую школу в прошлом году, и первый, Григорий Васильевич, с добродушным лицом и с белокуренькими, мышачьим хвостиком, усами, заменял пока что заведующего культурно-семенным хозяйством, а второй, Николай Захаревич, с черными, пронзливymi глазками, с бритой физиономией, выполнял обязанности ключника.

– Так это у вас тут культурно-семенное хозяйство? – насмешливо спросил Петр Степанович, садясь на крылечке флигеля. – Лошади у вас нельзя сказать, чтобы были культурно-семенными; волю тоже видать тово...

– Заштопались окончательно, – весело, как будто даже радуясь, сказал Григорий Васильевич.

– Питомник, я там видел проездом, тоже не особенно культурно-семенной, коровы там что-то его очень рано окулируют. Что же у вас тут интересного есть? – продолжал Петр Степанович, подперев в раздумье голову рукой, поставив локоть на колено.

– Ну, ото, четыре лошади есть, шесть волов есть, свинья поросная есть, – начал информировать Григорий Васильевич весело. – Ну, еще есть семена на посев, а бугай племенной вчера богу душу отдал; овса немного уже посеяли, а сегодня не сеем, бо воскресенье. Посеяли поддесятины дичков, яблонь и груш, еще с осени. Ну, еще что там... плуги есть, сеялки есть. Все есть, только корма скоту нет: крышами кормим, – пояснил Григорий Васильевич.

Из флигеля вышел дед Демид, подошел к группе, поздоровался, покашлял и сел недалеко от Петра Степановича.

– А вы, дедушка, какие обязанности здесь выполняете? – обратился к деду Демиду Петр Степанович, вынимая портсигар и закуривая папиросу из развесного безакцизного табаку.

– Плотничаю, – ответил дед. – Вот довели сукины дети, коммунисты, видишь до чего? – показал он на лошадей, а потом на скелет крыш. – Царя скинули, бога, говорят, нету-ти, голодом, босята, мучают! Може вы и сами с этих супчиков будете, а я раскудахтался?

– Нет, я не коммунист, – как-то гордо заявил Петр Степанович, но без комментариев, так как в своих суждениях надо быть осторожным.

– Н-да... – протянул дед, – церкви грабят, жен своих прогоняют, на гимназистках женятся: запановали... Вот как придет великий князь наш, Николай Спиридонович, то он, наш батюшка, покажет им! Он им насыпет перцу на хвост, даст стосунчика, и... полетит эта сволота.

– Вы, все-таки, дедушка будьте осторожны, а то теперь стены слушают, – предупредил деда Демиду Петр Степанович.

– Ничего не будет... моих два сына в коммунистах! Безбожники, сукины сыны! Забыли отца, мать... Воруют народное добро, батькам шиш! Мол, на черта вы теперь нужны!

Так мирно беседа проходила еще часа два, пока оба молодых человека рассказывали Петру Степановичу свои взгляды на большевистскую власть, да и торопиться было некуда: сегодня воскресенье, и работа не производилась. Выяснилось из разговора, что оба молодых человека таких же точек зрения, как и дед Демид, а когда к вечеру пришел ночной сторож, Макар, бывший из городских, и еще два рабочих от скота, Фанасий и Митро, и когда Петр Степанович познакомился со всем этим штатом, а он это и был весь налицо, когда Макар, Фанасий и Митро тоже проговорились и выругали несколько раз власти, то Петр Степанович сразу сориентировался в своем положении и наметил план своих дальнейших действий. Что ни говори, а теперь он был уже не студент, который может все критиковать, а в некотором роде начальник, это – совсем другое.

С понедельника Петр Степанович начал уже хозяйствовать – и, несмотря на неопределенность своих политических взглядов, довольно-таки успешно. Он собственноручно вылечил чесотку у лошадей, ухитрился за счет будущего урожая достать скоту корма и нанять плотников для ремонта дома и крыши на амбарах, обгородил питомник колючей проволокой и через два месяца привел усадьбу в образцовый порядок. В поле и в саду тоже появились признаки хозяйского глаза: питомник, хотя и застарелый и загрызенный коровами, Петр Степанович подчистил, оставил при ветке хорошую свежую почку, от которой ожидал веточки на каждом изувеченном коровами деревце, навел правильные линии границ между культурами, привел в восхитительный вид шкалу дичков (яблонь и груш), и Петру Степановичу присвоили в райсельхозсоюзе название «хорошего хозяина».

Петр Степанович заслужил это звание: он при поездках никогда не гонял лошадей, ездил трусцой, завел порядок на конюшне, чтобы Макар запрягал хорошо лошадей, хорошо их чистил, следил за выдачей овса, сам лично дежурил в сарае, когда опоросится свинья, чтобы предупредить несчастье, ночью проверял сторожа, требовал от деда Демида, чтобы он, кроме ругни

по адресу большевиков, приносил бы хозяйству пользу, что деду Демиду очень не понравилось.

Сначала штат поартачился, даже жаловались на Петра Степановича в только что организованный в городе союз, но увидели, что из этого ничего не будет и что надо подчиниться воле Петра Степановича. У Петра Степановича появились свои собственные девизы: например, если, что начинать делать, то делать не как-нибудь, а основательно; если задумал что-либо провести в жизнь, то проводи немедленно, не откладывая в далекий ящик; если назначил определенное время для поездки куда-нибудь, никогда не ленись подняться с постели, хотя бы это было и в двенадцать часов ночи.

Упорство в Петре Степановиче появилось прямо таки поразительное! В революцию, как вам известно, попривыкали ездить через луг, где ездить не полагается, рубить посадки в совхозах, пасти скот в запрещенных местах, а в случае приезда заведующего – грозили убить, выкрадывали двери из возовни, выкапывали ночью вику с овсом на зеленый корм, и так далее. Петр Степанович начал проводить в жизнь мероприятия, чтобы число таких анархических явлений с каждым днем уменьшалось.

Когда об этих мероприятиях узнавали в райсельхозсоюзе, то с удивлением Петра Степановича расспрашивали:

– Как вам удалось это провести в жизнь? Ведь вот т. Козапалов настолько хитер, и то ему не удалось это сделать!

– Видите, – отвечал Петр Степанович, – той или иной мерой можно направить речку в русло по твоему желанию, но необходимы жизненные меры. В сельском хозяйстве много неприятных явлений: дождь идет, когда он тебе не нужен, заморозки появляются во время цветения садов, воры выкрадывают ульи из пасеки, селяне едут практически через посев; все это явления одного порядка. Если вы не досмотрите, и жеребец ночью сорвется в конюшне с привязи, то перегрызет других жеребцов и наделает рикошету. Значит: в конюшне я делаю ответчиком конюха, и жеребец срываться не должен, иначе конюха прогоню со службы; сторож – ответственный за ценность имущества в хозяйстве во время его сторожи; садовник отвечает за плохую окулировку, за неумение вовремя уничтожить гусеницу в саду и т. д. Никогда не надо сердиться на крестьян, когда они ездят,

скажем, через луг или посев, – а надо сейчас практически поставить себе задачи: как в данном случае поступить, чтобы локализовать отрицательное явление? Были случаи, когда я выезжал на сходы в деревне и целые речи произносил, что плохо будет, когда мы начнем все ездить по посевам навпростец.

Открылись в Петре Степановиче еще некоторые америки: лучше и дешевле от Петра Степановича никто не купит на ярмарке лошадей; Петр Степанович может выгодно купить стог сена, продать что-нибудь. Такие люди, как Петр Степанович, как оказалось, не могут быть в финансовом затруднении. Петр Степанович хоть из-под земли изыщет средства или найдет этот самый наикратчайший путь, какой целесообразнее всего проведет в том или ином случае.

Петр Степанович по поручению правления приобрел в хозяйство двух племенных жеребцов, двух бычков, купил хряка, и хозяйство начало обслуживать членов товарищества. К лету хозяйство приобрело вид прямо таки замечательно образцовый! Появились экскурсанты, по воскресным и праздничным дням стали приезжать из города барышни, кавалеры, дамы, мужчины и просили у Петра Степановича посмотреть, как произрастают дички, семенная капуста, фасоль-бомба, люцерна, помидоры сладкие и кислые, морковь и т. д. Петр Степанович, если был свободен, очень охотно объяснял, показывал, давал советы.

Часто в хозяйство приходил член правления Дмитрий Петрович Шкодько, у которого непосредственно был в подчинении Петр Степанович. Дмитрий Петрович – беспартийный, а раньше был эсером, по образованию агроном, красивый, умный и отличался своими остроумиями. Дмитрий Петрович никогда не корчил из себя начальство, а все распоряжения исходили от него в виде советов, приятельских предложений, но почему-то подчиненный чувствовал, что именно так и надо сделать. Дмитрий Петрович приходил в хозяйство и сейчас приступал к какой-нибудь работе: то начинает возиться на пасеке (он был отличным пчеловодом), то садовническим ножом делает обрезки на яблонях или малиннике (он и садоводом был отличным), то занят окулировкой, то начнет выкапывать картофелины, чтобы посмотреть, насколько они выросли. Дмитрий Петрович

постоянно чем-нибудь занят. Если, скажем, застанет в хозяйстве Дмитрия Петровича дама, то он будет брэнчать на гитаре и во время игры дает свои распоряжения, советы. Мы более жизнерадостного человека и более делового не встречали, как вот Дмитрий Петрович. Если бы Дмитрий Петрович приписался в свое время к коммунистической партии, то был бы наименьше, как наркомом земледелия! По крайней мере, такого мнения был о нем Петр Степанович.

В хозяйство иногда приезжали из ЧК с обыском, с допросами и требовали мешок овса, яблок, груш. Чекисты заставляли запрягать племенных жеребцов, проезжали их до мыла, ругались и грозили, что они разгонят это контрреволюционное гнездо, требовали самогону и хорошего приема; после самогона, когда плохо уже держат ноги, чекисты пробовали стрелять собак, ворон, и один раз подстрелили даже поросенка. Но это же было в 1922 году, когда всякая шваль присосалась к советской власти и ее подрывала, пользуясь своим служебным положением!

1922 год – это год переходный, переломный, когда началось укрепление советской власти, когда, вопреки ожиданиям Петра Степановича, урожай начинал всех радовать, а заводская промышленность тоже стала на путь к прогрессу. Летом 1922 года, как говорят, организм нашей страны пережил тот кризис, когда больной или выздоровеет или умрет. После кризиса дело пошло на улучшение. Это стало заметно: появились машины, стекло, железо, керосин, спички, мануфактура, скот, – правда, в недостаточном количестве, но ведь и этого не было. С 1922 года, с лета, учреждения стали принимать вид учреждений: начали посетители шапки снимать при входе в учреждение, появились вывески «не курить», «не плевать», и даже стало можно наскочить на неприятности, если ввалиться в учреждение, не почистив ног и не бросив на дворе окурка. Всякие преды, завы и секретари уже надевали костюмы, галстуки... Стали бриться два раза в неделю, подстригаться, подчищать ногти, а кое-кто перед службой одеколоном взбрызгивается.

Значит, Петр Степанович, как мы уже упомянули, прослыл хорошим хозяином. А почему? Какие стимулы, так сказать, побуждали к этому Петра Степановича? Советской власти он хотя и сочувствовал, но это, между нами говоря, в официальных

анкетах, а на самом деле, мы знаем, ему хотелось такой власти, при которой хорошо было бы жить. Так что отношения к власти не могли служить стимулом, побуждающим Петра Степановича из кожи лезть. Но ведь и против властей он не стал бы переть. Такие люди, как Петр Степанович, не годятся ни для экономического саботажа, ни для шпионства. Для того чтобы быть злостным врагом власти, надо уметь поджигать, убивать, выдавать, хитрить, вообще делать побольше вреда. Петр же Степанович относился к той категории людей, которые слишком уж сильно зависят от сиюминутных обстоятельств и действуют по воле этих обстоятельств. Если, допустим, до него заскочит генерал во двор и будет просить его спрятать от большевиков, что хотят его застрелить, так Петр Степанович его спрячет и не выдаст; а если случится большевику спрятаться у Петра Степановича от генерала, что сейчас только хотел расстрелять большевика, то Петр Степанович спрячет и большевика. А где же принципы? – спросите вы. Мы не знаем. Из-за отсутствия у Петра Степановича принципов мы даже одно время подумывали перестать писать о нем и взять кого-нибудь попринципиальнее, погероичнее, кого любая власть уважает и держит при себе.

Но потом мы подумали: что же Петр Степанович... Он же не один был такой. И нам захотелось разобраться в обстоятельствах, каковые направляли жизнь всех этих Петров Степановичей в великую эпоху, когда тон задавали люди самых высоких принципов. Почему, к примеру, Петр Степанович оказался хорошим хозяином в такое трудное для советской власти время?

Мы думаем, что в данном случае сыграли роль шесть пудов ржи месячного содержания – с одной стороны. Во-вторых, Петра Степановича приняла на службу не советская власть, а правление райсельхозсоюза, которое могло бы уволить его при несоответствии своему назначению. И, в-третьих, у Петра Степановича оказалась от природы такая уж хозяйственная струнка, Петр Степанович был бы таким же отличным хозяином и у помещика, и у Махна, если бы восторжествовала его власть (мы, конечно, ни в коем случае не хотели бы этого, это мы так говорим) и существовали службы, где можно было бы

хозяйствовать, и при любой власти Петр Степанович мог быть только хорошим хозяином.

Увидев, что им интересуется правление райсельхозсоюза, Петр Степанович почувствовал под собой твердую почву, в нем стала появляться солидность, уверенность в своих действиях, авторитетность, и Петр Степанович постепенно стал превращаться в солидного спеца. Григорий Васильевич, Николай Захарьевич, дед Демид, Макар, Фанасий и Митро обязаны были его во всем слушаться, повиноваться его требованиям, выполнять аккуратно поручения. Петр Степанович свой штат не обязывал приходить в контору и слушать его разговоры, но сама жизнь как-то так сделала, что к вечеру все обязательно приходили и слушали то, что говорил Петр Степанович.

На таких вечерних собраниях в конторе Петр Степанович сначала выкладывал свои планы на завтрашний день, благо-склонно их менял, если кто-нибудь из присутствующих вносил мотивированные изменения, а дальше, когда наряд составился и был записан в книгу, Петр Степанович начинал говорить на отвлеченные темы. Таким разговором Петр Степанович не преследовал каких-нибудь просветительских там целей, это была его болезнь – разговаривать на философские темы. О чем Петр Степанович только и не говорил на собраниях в конторе! Он говорил о микробах, об атомах, о теории вероятностей, о выборе маточной коровы, об удивительных свойствах пчел и о том, что занимающиеся пчеловодством постоянно облагораживаются; говорено тут было о землетрясениях, о клеточках растительных тканей, о нитробациллах, об арабской лошади и славных производителях – Годольфине-Арабиане, Дариет, о Сметанке. Петр Степанович беседовал и на политические темы: о революции вообще и в частности, о честолюбии революционных деятелей, о диктатуре людей, о том, что еще до сего времени существуют войны, критиковал мероприятия коммунистических властей. О чем здесь только не говорилось!

В конце концов, штат Петра Степановича принял особенный даже внешний вид. Фанасий, например, из неряшливого парня превратился в чистюлю и аккуратиста. Макар очень заинтересовался пчелами и наотрез перестал пить водку и курить. Николай Захарьевич купил себе фетровую шляпу, хоть и старенькую,

желая казаться культурным человеком. Григорий Васильевич так глубоко поверил в силу витаминов, что начал съедать в день две цибарки помидор и заявил, что он теперь мяса в рот не возьмет. Митро перестал расхваливать царя Николая II и даже стал считать его своим врагом, а дед Демид не только стал лечить трахому, разьедавшую ему до этого времени глаза, но перестал избивать свою бабу, что проделывал раньше очень часто.

Петр Степанович никогда не навязывал своего мировоззрения, своих взглядов, а только их высказывал. Если же его точки зрения укоренились в штат хозяйства, то по этому только можно судить, что большинство людей есть плодородная почва, на которую высевай семя, как-нибудь заборони боронкой, и семя взойдет. Бывали случаи, что кто-нибудь – Николай Захарьевич и даже Фанасий – возражали Петру Степановичу, но последний умел их убеждать в ошибочности их аргументации. Особенно много было самостоятельности у каждого из подчиненных Петру Степановичу людей в вопросе религии и организации государственного управления. Такие вопросы как атомы, микробы, геологические явления и т. д. принимались всеми безапелляционно, как аксиома, но о боге и государстве, – совсем другое дело.

Дед Демид считал самым правильным управление государством при наличии царя, но царя умного, а не такого барахла, как эти пропойцы Романовы, о чем дед Демид узнал от Петра Степановича. Дед Демид считал, что царя надо выбирать, посадить его на хорошее жалование, дать ему хорошую квартиру, обязать жениться на русской, и тогда, по мнению деда Демида, жизнь пошла бы очень хорошо. В подтверждение своих правильных доводов дед Демид приводил примеры из жизни пчел, указывал на стадо коров, возглавляемых бугаем, даже на хозяйство, где есть тоже царь в лице Петра Степановича, и страшно сердился, когда ему возражали. Об уничтожении религии, по мнению деда Демида, могут говорить только дураки и бандиты; при этом приводилось много примеров из личной жизни, когда только бог выручал деда Демида.

Афанасий сначала был религиозен и тоже монархист, но под влиянием лекций Петра Степановича резко изменил свои

взгляды: он стал почти коммунистом и даже стал предлагать средства в целях проведения коммунизма.

– Выбить и перевешать в каждом селе, кто мешает жизни! Подпалить все деревни и хутора, разбить все поля на клины, хотя бы на семипольный севооборот, построить каменные дома поквартирно, общие загоны, конюшни, овчарни, свинарники, инвентарные сараи, водопровод и все то, что нужно в таком большом хозяйстве. Выбрать старосту, уничтожить деньги, утром делать наряды на работу, ссыпать хлеб в общие магазины, ввести пайки, иметь магазины одежды, где все берется без денег, и по системе отгружать хлеб по указанию центров. Завести лошадей хорошей породы, поставить симментальский скот, тонкорунных овец, построить фабрики и заводы, чтобы зимой не сидеть без дела.

Что касается остального штата, то он своих взглядов не имел и почти всегда был согласен с Петром Степановичем.

V

Как у хорошего хозяина, у Петра Степановича постоянно были дела в городе: то нужно поехать в правление, выписать досок для ремонта станков в конюшне, то требуется захватить в моботдел и зарегистрировать племенных жеребцов, в другом месте необходимо побывать и принанять плотника, там... да мало ли дел у делового человека! Между делами Петр Степанович черпал и духовное удовлетворение: там поговорит с приятелем Иваном Григорьевичем на отвлеченные темы, тут перекинется парой теплых слов с бухгалтером склада и пообещает ему обязательно прислать сладких помидор, скажет, остро и умно скажет, Анастасии Васильевне комплимент. Все это между делом. Хотя это «между делом» и было главной духовной пищей для Петра Степановича. Можно было бы сегодня не явиться в моботдел, и даже не к спеху, да и плотники сейчас не нужны, но нельзя же ехать в город без дела! Надо его придумать. Конечно же, прямое дело от этого у Петра Степановича не страдало, он ехал в город, когда можно ехать. В жнитву, например, так Петр Степанович совсем две недели не ездил в город. Еще бы: уборка, молотьба!

Особенно приятно было Петру Степановичу вести разговоры со знакомыми из всех ведомств уезда, штатскими и военными, партийными и беспартийными. Например, в земельном управлении Петру Степановичу приятно было побеседовать со своим партийным товарищем по институту, с которым можно было обо всем разговаривать, даже ругать советскую власть. Однажды Петр Степанович этого партийного товарища, по фамилии Краулевич, кажется, из латышей, даже спросил:

– Почему ты, Краулевич, за эти разговоры не продал меня в свою ЧК?

– Такой элемент, как ты, Петр, для государства не опасен, – добродушно отвечал т. Краулевич, усмехаясь глазами сквозь пенсне.

– Как не опасен! – даже рассердился Петр Степанович – за кого ты меня считаешь? Что я, ребенок?

– Не ребенок, но политический убудок, – смеясь возразил Краулевич, и дальше продолжал, хлопая Петра Степановича по плечу: – да ты не сердься, ей-богу! Ты интересен, и я тебя люблю, но только не за политику. Ты очень интересный собеседник. Когда это, знаешь, сидишь в комнате вечерком и, знаешь ли ты, разговариваешь о материализме, об атомах... Если хочешь, так я бы с удовольствием с тобою встречался, только не на службе, чтобы в беседе с тобою восстанавливать в памяти химию, физику, космографию... Ну, не сердься, голубчик, не сердься...

– А ты знаешь, что я эсер? – вдруг спросил Петр Степанович Краулевича, желая последнего озадачить.

– Врешь, папаша. Я тебе не поверил, и никто тебе не поверит, ибо ты разбираешься в политике, как свинья в апельсине, – смеясь, отвечал Краулевич.

– А я тебе скажу, – горячился Петр Степанович, – что из вашей советский власти ни черта не выйдет, потому что к вам присосалось много разной сволочи! Ваша ЧК вся из бандитов, председатель уисполкома – выскочка, заведующий земельным отделением – дурак!

– Ха-ха-ха... – заливался Краулевич. – По злобе, папаша, говоришь, по злобе... Ну, брось, а то кто-нибудь подслушает, то хохотать будет над твоими аргументами.

Так Петр Степанович говорил только с Краулевичем, а со случайными партийными говорил осторожно и всегда в приятную для коммунистов сторону, при этом обязательно рассказывал, что и он сидел при белых в тюрьме за коммунизм. С некоторыми же партийцами Петр Степанович вел разговоры так, что с частью коммунистических положений соглашался, а с частью нет, поэтому у партийцев должно было составить мнение, что, мол, парень, в сущности, полностью сочувствует, но только имеет на плечах голову и относится к явлениям критически.

Совершенно иным был разговор у Петра Степановича со старым приятелем Жгутиком. Тут уже о чем только они ни говорили! Критиковали, ругали, возмущались, злились, подсмеивались... Попадало бедным коммунистам в разговорах Петра Степановича со Жгутиком Иваном Григорьевичем. Но Иван Григорьевич критиковал коммунистов сознательно, ибо он в немецкую войну дослужился до капитана, состоял, чуть ли не в чине полковника, в одной из военных частей Симона Петлюры. Что же касается Петра Степановича, то он критиковал больше по привычке критиковать, а может быть потому, что он сжился со старым бытом, привык видеть в городе солидного исправника, артиллерийских офицеров, чиновника с двумя кокардами на фуражке и с петлицами на сюртуках. Петру Степановичу были дороги формы в гимназиях, реальных школах, нравились чинно стоящие городские возле почты и булочной, ласкал взгляд автомобиль председателя земской управы, бешено пронесившийся по харьковской улице с деловым председателем, и чем-то приятным остались в памяти парады возле собора в табельные дни, когда командир батареи и воинский начальник под звуки духового оркестра произносили речи.

А как приятны были все ночные балы в женской гимназии, когда в зале с левой стороны стояли гимназистки, а справа – реалисты! Входит начальник гимназии и все гимназистки, в белых передничках, с чистенькими бантиками в волосах, как одна сделают книксен... Бог ты мой, что это была за картина! Как будто ветром подули, и гимназистки заколебались, шевельнулись и замерли. Реалисты косят, во время всеобщей, глаза в сторону гимназисток, и у каждого реалистика, начиная с

третьего класса, есть своя, за кем он ухаживает, с кем он сегодня будет вечером, после всенощной шагать по тротуарам в паре! Ах, как это прекрасно! А приятный разговор о разных различиях: об атомах, о бытии, о душе... Петр Степанович привык к кинематографу «Чары», привык к народному дому, где любители устраивали «малороссийские спектакли», а антракты такие длинные и приятные, что, сидя в парке с Соней Балаконовой или с Тamarой Тулгузиной, вдоволь наговориться о Базарове, о нигилизме, о Лизе Калитиной; можно рассказать пару стихов из «Евгения Онегина», упомянуть о прекрасных римлянах из «Камо грядеши», да мало ли было приятных разговоров!

Петр Степанович, собственно, против революции ничего не имел бы, но чтобы эта революция не нарушила того, к чему так привык Петр Степанович. Ну, провели бы там реформу какую-нибудь среди селянства, среди рабочих, но зачем же ломать эти прекрасные формы, уничтожать кокарды, погоны? Теперь, например, противно зайти в народный дом! В первых рядах сидят в шапках, одеты в черкасиновые пиджаки, с вульгарными мужицкими физиономиями, а среди них Маруся в красных брюках из ЧК! Бр... какая мерзость! То ли дело раньше: в первом ряду сидят нотариус с женой, исправник и два сына кадета, мать и дочь купца Топоркова с большими веерами, помощник исправника и многие другие приличные люди. В седьмом и восьмом рядах размещаются учителя, реалисты и гимназистки побогаче, а дальше и на галерке, между нами говоря, всякая шантрапа, позволяющая себе громко цмокать, когда целуются на сцене, и громко вызывать на bis, даже когда этого не надо.

Возможно, что Петр Степанович более снисходительно отнесся бы к коммунистам, если бы своевременно познакомился не только с Базаровым и Лизой Калитиной, но с той грязной ролью Третьего отделения, какую оно сыграло в свое время, со страданиями политзаключенных, с распутищиной и вообще со всей той гадостью, что прикрывалась красивыми золотыми погонами, белыми гимназическими фартуками и всем тем, чем только прикрывалась гадость старого режима. Но он почему-то с этим не познакомился. Петр Степанович читал и такие

книги, как «Записки из мертвого дома» Достоевского, но, если хотите, Петру Степановичу жизнь каторжников показалась чем-то романтическим, и самому хотелось посидеть, но посидеть не с катастрофическими последствиями, а как-то так... Ну, в общем, особенного в каторжной жизни Петр Степанович не нашел, кроме поэтического, романтического и немножко лирического. Читал Петр Степанович «Рассказ о семи повешенных», он тоже на него произвел хотя и сильное впечатление, но с другой стороны. Петр Степанович в этом рассказе больше интересовался не тем, за что их вешали, а как их вешали и что они перед этим делали. Петр Степанович был весь пропитан психологией каждого из преступников, восхищен гимнастикой по Мюллеру перед самой смертью и очень сочувствовал папаше и мамаше, считая их поступок – посещение сына, – легкомысленным. Читал еще Петр Степанович Глеба Успенского, но описание этих крестьян... Вообще Глеб Успенский писатель скучный! То ли дело – возьмешь, например, Толстого, раскроешь книжку и читаешь: «Князю Нехлюдову было девятнадцать лет, когда он из третьего курса университета...». Тут, по крайней мере, имеешь дело с князем, со студентом, а Петр Степанович сам собирался быть студентом. Тут что-то родное, интересное, – а то Глеб Успенский! Попадались под руку Писарев, Белинский и Добролюбов, и читал Петр Степанович их критические статьи, но что же: начнешь читать критику на что-нибудь, а самого этого что-нибудь не читал; одолеет Петр Степанович половину статьи, а дальше спать хочется. Да, собственно, если и читал Петр Степанович критиков, то больше, чтобы козырнуть перед товарищами, шегольнуть где-нибудь вроде:

– Сам Писарев по этому вопросу сказал...

На самом же деле, важно не то, что сказал Писарев, а что Петр Степанович произносит эти слова, показывает, что он читает Писарева, а ребята и молчат, думая про себя: «А черт его знает, – может так Писарев и сказал!»

Может быть, вы спросите: неужели Петр Степанович ничему не научился в институте? Но ведь вы помните, что Петр Степанович после окончания средней школы главным образом подымал вверх руки и совершенно не успел разглядеть и облюбовать какую-нибудь из властей. В высшей школе Петру Степановичу

некогда было читать посторонние книги, а «Общее земледелие» и «Зоотехния» могли скорее подтолкнуть мысли Петра Степановича снова в сторону атомов, нежели к вопросам социологии. Если же и пришлось встретиться с «Политической экономией» Туган-Барановского, то она была прочитана только для получения зачета, а отнюдь не для других каких-нибудь целей. Но все-таки Петр Степанович не считал, что он ничего не понимает в политике, и очень любил поговорить на разные темы.

Иван Григорьевич Жгутик и Краулевич поселились в одной квартире, и скоро их квартира сделалась местом сборища местной агрономии. Краулевич, как мы сказали, не был тем ретивым коммунистом, что может придирается к каждому слову беспартийного, а потому сходявшиеся на посиделки агрономы в его присутствии чувствовали себя довольно свободно. Если уж они особенно расхаживались разуделявать коммунистические порядки, то Краулевич или был себе на уме и в разговор не вмешивался, или, шутя, говаривал:

– Вот где бы вас, товарищи, накрыть нашему политбюро, – сразу контрреволюции меньше осталось бы!

А нам так кажется, что т. Краулевич только получал пользу, не мешая откровенным разговорам, по крайней мере, он был в курсе настроений ценного отряда уездных кадров.

Что же были здесь за разговоры? Какую цель агрономы преследовали, разговаривая на политические темы? По нашему мнению, – хотя и не совсем корректно со стороны автора высказывать свои мнения, – по нашему мнению, агрономы просто болтали, извините за вульгарность, не преследуя своей болтовней определенной цели.

– Как живешь, Ивантий? – обращался к Ивану Григорьевичу Петр Степанович, поздоровавшись и закуривая папироску безакцизного табаку.

– Живу вот... Разве можно жить при этих чертях! – отвечает Иван Григорьевич, показывая на Краулевича, спокойно читающего «Правду».

– Что, уже? – смеясь, спрашивает Краулевич и снова углубляется в «Правду».

С этого и начинается. Иван Григорьевич начинает доказывать, что если сейчас сельскохозяйственная кооперация и

налаживается, то только благодаря таким хорошим беспартийным товарищам, как Шкодько, и хорошему подбору агроперсонала.

– Но я чувствую, – говорил Иван Григорьевич, – чувствую, что коммунисты в кооперации заоктябрят: разгонят беспартийцев, сядут сами на готовенькое и начнут портачить. Поделят весь райсельхозсоюз на кабинеты, понаписывают плакаты «без доклада не входить», пораздают машины в кредит бедноте, а когда беднота откажется кредиты погашать, – закроют не только союз, но и товарищество.

– Бедноте только и давать в кредит! – восклицает Краулевич, держа наготове газету, чтобы дальше читать.

– Так разве это кредиты? Кредиты это – я тебя спрашиваю? – горячится Иван Григорьевич, размахивая кулаками перед самым носом Краулевича. – Это милостыня! Взятка, чтобы они стояли за коммунистов! Подкуп и незаконное распоряжение коммунистами не принадлежащими им средствами! Почему вы называете это кредитами, позвольте вас спросить? Мы, порядочные люди, привыкли называть кредитами то, что поворачивается обратно к сроку!

– И поворотят, – спокойно заявляет Краулевич, читая газету.

– Ты смеешь или дурака корчишь? – возмущается Иван Григорьевич. – Пойми ты, что он, незаможник, берет кредит на коня, а купит бутылку самогону, самогон и пиджак! Но если купит пиджак, он хоть, стерва, мерзнуть не будет, а то пропьет! Пропьет, вы потом кинетесь ссуды возвращать, а оно... кукиш с маслом! А незаможник еще подшутит над вами: «А еще там разжиться нельзя? Больно уж хорошо я тогда пьянствовал!» Вот вам кредиты! Вы, конечно, с просьбой в банк об отсрочке, надеясь, что за это время ваши незаможники наберутся где-то там рыцарских качеств, сядут на коня и привезут вам дориносилшчинми¹! Держи карман!

– Что большевики развалят кооперацию, то это как пить дать, – добавляет от себя авторитетно Петр Степанович. – Правда, есть и среди коммунистов люди порядочные, но нам же их не дадут, а пришлют отого Петрова, что в комхозе, спеца на

¹ Прославляемые ангелами.

все руки; он возьмется за всякую работу – даже тиф возьмется лечить. Но толку много ли?

– Да откуда у нас, на Украине, набралась эта Коммуна? – возмущается Иван Григорьевич. – Понаезжали эти лапотники, всякая сволота, чертовы политики да политиканки, и будут наводить здесь порядки! Ты, например, – обращается Иван Григорьевич к Краулевичу, – латыш! Какого же черта приехал сюда коммунию эту наставлять! Небось, у себя там коммуны не устраиваете, а остались и бароны, и министров понаставили, и белогвардейцев передерживаете, и земли не делите! Что бы ты сказал, если бы я поехал туда, к вам, да и начал там коммунию разводить?

– Пожалуйста, – согласился Краулевич: – хоть сейчас!

Одним словом, все было тихо, мирно, а оказалось, что Иван Григорьевич был не такой уж дурак.

VI

Петр Степанович сразу и не разобрал, что это за лозунг такой новый: «Коммунисты в кооперацию и на все командные высоты!»! А если бы и разобрал, так что?

Сидели себе люди благополучно на своих местах, подписывали бумаги, накладывали резолюции, имели дела с различными учреждениями, кредитовали периферию машинами, семенами, контрастовали свеклу, торговали на складе, мололи на мельнице зерно, жили себе благополучно – и вдруг перевыборы! Да какие перевыборы! Оказывается, есть командные высоты по назначению, и есть командные высоты по выборам. В райсельхозсоюзе командные высоты выборные. А потому выбранного председателя райсоюза арестовали, – это раз. Шкодька арестовали, – это два. Все уездные партийцы поразъезжались на периферию, по товариществам, и начали готовить почву, чтобы командные высоты в райсельхозсоюзе перешли бы по выборам к коммунистам. И пошла писать губерния. Товарищества на местах перестроились на незаможницкий лад, потом велели им эмиссары выбрать своих уполномоченных для съезда в райсельхозсоюзе по перевыборам правления.

Приезжают. Съехались. Собрались в зале. Пришел председатель уездного исполкома, секретарь парткома, партийный член правления райсельхозсоюза от старых еще выборов, приехал партийный от «Сільського Господаря», сели за президиумский стол. К сожалению, говорят, старый председатель правления арестован, и он отчетного доклада сделать не может. Но это чепуха – за него сделает доклад оставшийся член правления.

После доклада предлагают список кандидатов в правление: 4 партийца и один непартийный. Председатель говорит:

– А ну... кто против этих кандидатов? Поднимите руки!

Почему-то никто против руки не поднимает, так что командные высоты бескровно переходят к коммунистам.

Как только служащим стало известно, а они присутствовали на выборах, что в правление выбрали Шатунова, отого Петрова из комхоза, о котором мы уже знаем, слышали от Петра Степановича, Калмыкова, Гордиенко и Трофима Захарьевича, как беспартийного из старых членов правления, то все ахнули! Зашушукались, зашевелились... Иван Григорьевич так саданул под бок здесь присутствующего Краулевича, что тот даже ойкнул.

– Неужели у вас в партии только это барахло и есть, что вы вперли к нам в райсельхозсоюз! – воскликнул Иван Григорьевич.

Краулевич сознался, что, действительно, состав правления попался слабоватый. Ну, что же: делать нечего. На следующий день все служащие пришли в полном составе и расселись по своим местам, ожидая, что будет дальше.

С опозданием посходились и все новые члены правления, – раньше всех пришел беспартийный Трофим Захарьевич, – засели в отдельной комнате и почти до шабашу совещались. К концу занятий т. Шатунов, – как выяснилось, он будет председателем, – собрал всех служащих в бухгалтерию и произнес такую речь:

– Товарищи, от имени правления прошу вас исполнять работу так же добросовестно, как и до сего времени вы ее исполняли. Не бойтесь: перемен в служебном персонале мы не будем производить, а в доказательство и для спайки, по случаю годовщины нашего союза, через месяц, устроим вечеринку с буфетом, где познакомимся как следует, ибо люди узнают друг друга только в семейной обстановке, и вы увидите, что со стороны

правления будут только хорошие к вам отношения, чего мы просим и от вас.

Служащие похлопали в ладоши, особенно «неответственные», и тяжелая атмосфера рассеялась. До чего люди непостоянны в нынешние времена! Нашлись такие, что даже сообщили сначала неуверенно, а потом стали говорить уверенно, громогласно, что новое правление даже лучше. Кассир, Петр Петрович, оглядывая через очки нового председателя, произнес как-то нейтрально:

– Наше дело маленькое: принимаешь деньги и выдаешь.

В общем, разбился народ на фракции, как в китайском Гоминьдане.

Слава богу, хоть с арестованными все хорошо окончилось. К удивлению всех служащих, арестованных членов правления не били, а сейчас же после перевыборов отправили в Харьков. Через три дня было уже известно, что т. Шкодько дали в одном из банков солидную должность, а бывшего председателя тоже устроили прилично – замом в одном из центральных учреждений Харькова.

Так что жизнь пошла своим чередом.

Как и предсказывал Иван Григорьевич, члены правления сели по кабинетам, по крайней мере, три, а тех двух, маловажных, Трофима Захарьевича и сбоку припеку т. Гордиенка, посадили в общих комнатах: Трофима Захарьевича посадили в Торговом отделе, а т. Гордиенка – во вновь организованном отделе колхозов. Трофим Захарьевич и т. Гордиенко сделали вид, что они этого не заметили, и покорно сели в общих комнатах. Но все это еще ничего... А вот председателю правления отдали стол Ивана Григорьевича, и рано утром, когда Ивана Григорьевича еще не было на службе, стол перенесли в кабинет председателя, захватив еще и барометр. Иван Григорьевич приходит...

– Почему мне перенесли стол? – спрашивает в недоумении у служащих.

Мы вообще избегаем описывать острые моменты, боясь неверной передачи их, но скажем, что Иван Григорьевич в ту же минуту подал заявление об уходе со службы. Председатель долго доказывал Ивану Григорьевичу, что все это мелочь, что нельзя же из-за какого там стола и барометра ставить вопрос

об уходе! Но Иван Григорьевич – человек принципиальный и поставил ультимативно: стол и барометр – или увольнение. Пришлось председателю перенести стол и барометр назад в агроотдел, а себе возвратить прежний. Значит, Иван Григорьевич настоял на своем.

Председатель правления не исполнил своего обещания, что перемен в служебном персонале не будут производить, ибо на четвертый день пришел к Анастасии Васильевне какой-то незнакомый молодой человек и предложил от имени правления передать ему секретарство. Анастасия Петровна сильно вспылила, даже пенсне сняла с носа, и побежала в кабинет Шатунова. Что они там говорили, о чем беседовали, – неизвестно. Однако пока Анастасия Васильевна осталась, и в райсельхозсоюзе получилось два секретаря: Анастасия Васильевна и новый незнакомый человек. Потом выяснилось, что после юбилейного вечера Анастасия Васильевна будет состоять личным секретарем правления, будет писать протоколы на заседаниях и ведать секретной частью, какая должна была завестись в райсельхозсоюзе. Еще через несколько времени слетел помощник бухгалтера, а на его место посадили нового. Поступило на должность еще три человека в отдел колхозов, и начали уплотнять агроотдел, так что со стороны Ивана Григорьевича поступило еще одно заявление об уходе, и пришлось правлению выселить в подвальный этаж сторожиху из ее комнаты, а туда вселили отдел колхозов.

Новые порядки служащим страшно не понравились, ведь никто так критически не подходит к своему правлению, как служащие. Например, не понравилось служащим, что т. Петров, взял на складе полушубок, валянцы и галоши, но взял так, что и в жалованье не выписывал, и расписок не давал заведующему складом. У т. Гордиенка была собственная кобыла, оставшаяся еще от фронта, и так как у т. Гордиенка было много воспоминаний, связанных с кобылой, то он ее тоже ввел в союз как члена райсельхозовской семьи: кобылу поставили на какой-то особенной диете в хозяйстве Петра Степановича. Надоела же эта кобыла Петру Степановичу! Т. Гордиенко ежедневно по телефону справлялся о ее здоровье и просил ее никуда не запрягать, чтобы не испортить, но просил гонять на корде. Товарищ Шатунов

проявил тоже свои странности: кассир, Петр Петрович, перестал разбираться, где начинается касса, а где собственный бумажник т. Шатунова. Бывало, принесет т. Шатунов откуда-то, скажем, столько-то миллионов, бросит на стол к Петру Петровичу, а сам уйдет, не сказав ни слова. Или еще кричит из кабинета Петру Петровичу, чтобы тот выдал столько-то тысяч сторожихе, и пусть она принесет папирос. То придет прислуга Шатунова с запиской от жены Шатунова, чтобы Петр Петрович выдал денег на базар.

– Что же оно будет дальше? – спросил Петр Петрович бухгалтер, снимая в волнении очки после выдачи очередных денег на папиросы для председателя.

– А вы без расписок не выдавайте, – посоветовал бухгалтер.

– Тогда выгонит со службы, – резонно ответил Петр Петрович.

– Не выгонит, а так в тюрьму посадят, – предупредил бухгалтер.

– Вы поговорите с Шатуновым сами по этому вопросу и скажите о расписочках! – попросил Петр Петрович бухгалтера.

Дальше нам неизвестно, как был упорядочен этот вопрос, но Петр Петрович попал в тюрьму только через шесть месяцев.

Не понравился служащим и тот факт, что на склад стали поступать такие машины и материалы, какие не покупались никем. Например: пришло двадцать нефтяных двигателей, из коих был один куплен каким-то кулаком за наличный расчет, а остальные девятнадцать погрузили через три месяца и отправили обратно в Харьков. Пришли особенные тормоза к повозкам, и тоже их никто не покупал; привезли партию бричечных втулок, но пришли номера только большие и маленькие и тоже лежали без движения. Привезли партию шведских топоров, которые пошли в ход, а потом начали сдавать обратно: оказались железными. Была где-то закуплена партия клещей к хомутам такого большого размера, что могут прийти только крупному тяжеловесу или слону в пору.

Не понравилось служащим, что склад сельскохозяйственных машин и орудий, а также сельхозматериалов постепенно превратился в мануфактурный и галантерейный магазин. В насмешку или черт его знает для чего кто-то отбил замок от магазина,

выкрал мануфактуру. Запечатали магазин, вызвали собаку, – собака прыгнула на беспартийного члена правления Трофима Захарьевича. Трофима Захарьевича посадили в тюрьму, а через два дня открыли магазин, выпустили Трофима Захарьевича и снова стали торговать, как ни в чем не бывало.

Передавал Петр Степанович еще такие сведения о правлении. Что будто бы при старом правлении крестьянина принимали чуть ли не с распростертыми объятиями, если в союзе крестьянин появлялся по делу. Его терпеливо выслушивали, давали советы, инструктировали, и крестьянин довольный уходил. Теперь же так: заходит крестьянин в союз и спрашивает бухгалтера, как ближесидящего:

– Можно ли зайти к председателю?

– Попробуйте, – многозначительно предлагает бухгалтер, затаив на лице что-то нехорошее.

Крестьянин осторожно подходит к двери и читает: «Без стуку не заходить».

– А постучать можно? – снова крестьянин обращается к бухгалтеру.

– Я же вам сказал, попробуйте! – раздраженно говорит бухгалтер, не прерывая перебрасывать косточки на счетах.

Крестьянин стучит: ответа нет; крестьянин снова стучит: ответа нет. Наконец, он решается войти, но, не успев переступить порога, как сумасшедший, возвращается обратно.

– Ну что? – ядовито спрашивает бухгалтер.

– Говорить, що «куди пресся, здесь занято!» – отвечает в смущении крестьянин, чувствуя себя в дураках.

Бухгалтер смеется, а за ним вся бухгалтерия.

– А вы знаете, что там, в кабинете, делает в это время Шагунов? – спрашивал своих друзей Петр Степанович, когда передавал им об этом.

– Нет.

– Так он сидит там с военкомом, – выдумывал Петр Степанович, – или еще с кем-нибудь из красных фуражек, и они ведут приблизительно такой разговор:

– Где это ты достал себе такой револьвер? – так должен спрашивать т. Шагунов военкома.

– Да так... достал, – вяло отвечает военком.

– А ну покажи, какой номер! – просит военкома Шатунов таким тоном, как будто бы от этого зависит благополучие страны.

Потом, будто бы, разговор переходит на погоду, на то, что деловного, поговорят о том, что галстуки теперь начали вязаные носить или что Анастасия Васильевна – бабенка недурственная. А крестьянин в это время стоит, ждет, пока поговорят о делах государственной важности.

Получивши в союзе какую-нибудь сенсацию, Петр Степанович моментально мчится в земуправление к Краулевичу и начинает:

– Да неужели вам, партийным, повывазило, что такие дураки правят райсельхозсоюзом?

– Чего ты все так близко к сердцу принимаешь, Петр Степанович! – восклицает т. Краулевич.

– Ну, как же: девятнадцать двигателей отправили обратно! Могут аэропланов выписать на склад! Слона купят! Выпишут броненосец, как ходкий товар в сельхозкооперации! – возмущается Петр Степанович.

– А ты еще считаешься философом, Петя! Не может же наша партия сразу вдруг все наладить. Ты посмотри: много ведь сору отскакивает от партии. Ты нашего кучера Кузьму знаешь?

– Ну, знаю.

– Так он был раньше, знаешь, какой шишкой? Комендантом нашего города! Бывало, как запряжет пару лошадей в ковровые сани, как пронесется! Шапка заломом, красные брюки, мундир в шнурках... Он ведь не грамотен! Пришло время, и он стал на свое место: теперь возит нашего заведующего. Так-то, брат, Петя: придет время и эти Шатуновы, Гордиенки тоже пойдут насмарку. А теперь лучшие, заметь, на более ответственных постах.

– Но почему вы не наставляете простых, но рассудительных рабочих? Где вы повывирали этих жуликов с Благбаза? Ну что это у Гордиенко за стаж? Где-то босяковал, потом попал в Красную армию, разбой ему, видишь, нравится, – а теперь вы его ставите членом правления! Я понимаю еще поставить токаря, что имеет лет пятнадцать стажу, рассудительного, честного, хозяина, хотя бы и малограмотного. А то понаставили демагогов! Олухов царя небесного!

– Ну, что же, – разводил руками Краулевич, – если зарвутся сильно, – партия одернет.

– А почему тебя не выбрали? Почему секретаря парткома не выбрали? Ведь секретарь очень деловой человек!

– Да вот собрались в парткоме, – ведь иначе это не делается, – судили, рядили, на все концы прикидывали и пока лучших не нашли. Как там вечер скоро? – спросил Краулевич.

– Через три дня. Будешь?

– Собираюсь.

– Ну, пока.

– Пока.

VII

Весь женский персонал и, в помощь ему, один счетовод из союзного аппарата, после занятий в этот знаменательный, юбилейный день, принялись за работу. Лишние столы были вынесены в отдел колхозов, часть столов поставили в бухгалтерии, – в самой большой комнате, – с таким расчетом, чтобы могли все разместиться. Из членских кабинетов поделали уютные гостиные. В торговом отделе Анастасия Васильевна решила поставить все закуски, ящики с пивом и в уголку, между нами говоря, запрятала бутылок тридцать отличного самогону! Но над самогоном в воздухе так и носились восклицательные и вопросительные знаки, так и носились... А что если наскочит кто-нибудь из ГПУ? Хорошо, если помогут глазки Анастасии Васильевны, но ведь в ГПУ иногда служат такие мужчины, что ни глазки, ни... ничего не поможет! Без риска ничего не делается. Какой бы там риск ни был, а тридцать бутылочек в торговом отделе было запрятано. Появились ковры, коврики, откуда-то принесли пальму, кажется из флигеля, где жил до сих пор бывший хозяин райсельхозовского дома. В агроотделе устроили гостиную в украинском духе, тем более что здесь занимается Иван Григорьевич, а всем было известна его «щирість» ко всему украинскому: Анастасия Васильевна решила и Ивану Григорьевичу сделать приятное. На лампы, керосиновые лампы, – еще в Задонецке не было электричества, – были надеты колпаки, изящно изготовленные из разной цветной папиросной бумаги.

Потом начали носить из квартиры Анастасии Васильевны закуски... Что там было! Нет, мы не можем умолчать и должны хоть частично перечислить, что там было! Булки: к чаю, в бумажной форме, превосходная, бесподобная, быстростъедобная, на белках, на сливках, заварная, без яиц и масла, которая долго не черствеет, легкая... Ах, довольно! Караул!!! Но нет, – еще несут булки: большую, домашнюю, петербургскую, английскую, польскую, русскую, шоколадную, с шафраном, желтую, или крендель, на миндалях... Нет, довольно! Это же булки, но потом начали носить: сахар с ванилью, сахар с ванилью, приготовленный другим способом, сахар с запахом розового масла, сахар с апельсиновой или лимонной цедрой, сахар с запахом флер д'оранж... Бабки: из разных сухарей, из ржаных сухарей, миндальная мучная, миндальная обыкновенная, миндальная необыкновенная, снежная, шоколадная. Нет, мы отказываемся наотрез дальше перечислять! Скажем только, что был даже принесен примус, если кому-нибудь захочется разжаренного или подогретого.

К восьми начали сходиться. Раньше всех пришел беспартийный член правления Трофим Захарьевич, потом некоторые служащие, а еще потом пошли все в ряд – и имеющие отношение к союзу и не имеющие никакого отношения. Кое-кто успел заглянуть в торговый отдел, обратил внимание на скакающие вопросительные и восклицательные и...

Бог ты мой! как бегают, как метушится Анастасия Васильевна! А Катя, а Нина, а Маруся Карасик! Они, как павы, плавно-плавно ходят под руку и восхищаются делами рук своих и Анастасии Васильевны. Пришли еще некоторые девицы, дамы, освежили райсельхозсоюзовское общество, томно-томно посматривают на мужчин, как бы приглашая, маня, желая взглядами близко-близко сойтись душами, чтобы поделиться, посочувствовать и получить сочувствие. А мужчины! Гордиенко, например, улыбается и смеется так, как никогда его не видели. Как приятно лежит на нем черненькая сатиновая рубашка под кавказский поясик; брюки галифе, хромовые сапоги со скрипом и на голове чубчик... Ах, какой приятный чубчик! Гордиенко тоже зашел в торговый, взглянул на вопросительные и

восклицательные знаки, но не пил. Не только не пил, но он проявил великодушие, какого от Гордиенка никто не ожидал!

– Смотрите, Анастасия Васильевна, чтобы с тем вот не втюпаться!

– Хи-хи-хи... – ответила Анастасия Васильевна, в душе любясь прелестным Гордиенком.

Фу, ты пропасть! Всех затмил нам Гордиенко, так, как говорят на Украине, «забив баки», что из-за него совершенно выпустили из виду остальное мужское общество! Ну, вот вам, – возле двери, в задумчивости, стоит т. Петров: галстука он не носит, считает это предрассудком; он, т. Петров, гордо посматривает кругом и готов в каждую минуту, в любую секунду говорить с вами на любую тему: о политике, о математике, о паровозостроении, о Пулковской обсерватории, о японском микадо. О чем хотите! Вот только-только мимо него пробежала Анастасия Васильевна и сказала ему, между прочим, что много людей собралось.

– Общество, тас-зать, есть двигатель, значит, нашей ответственности, но, значит, которая, не признавая... – начал, было, Петров.

– Да? – спросила Анастасия Васильевна, мило улыбаясь и не слыша, что т. Петров говорит, ибо ей надо было бежать к председателю Шатунову, который только-только вошел в бухгалтерию.

А Шатунов! О-о... Нет, мы отказываемся его описывать! Но если бы вы увидели, как т. Шатунов встретился с Анастасией Васильевной в дверях и как он отступился, давая ей дорогу, то вы бы обомлели! Сколько деликатности! Единственно что немного испортило его движение и жест – это то, что Анастасия Васильевна и не думала проходить мимо т. Шатунова, – она именно направлялась к нему, к т. Шатунову.

– Ась? – наставил ухо т. Шатунов к лицу Анастасии Васильевны. Но нет, – Анастасия Васильевна ему ничего и не говорит, она только приятно улыбается, расставив красиво руки, как расставляют молоденькие утята крылышки, когда им жарко.

Один Иван Григорьевич не имел такого сияющего вида, как все остальные: он запустил бороду, осунулся и даже ленточка в украинском стиле сползла с вышитого воротничка. Видно

человек даже в зеркало не посмотрел, когда шел на вечер. Иван Григорьевич злобно посматривал по сторонам, и Анастасия Васильевна решила к нему не подходить, чтобы не нарваться на дерзость.

Петр Степанович тоже приехал и, видно, заглянул уже в торговый отдел: больно уж шибко он увивается возле Кати, Нины и Маруси Карасик, особенно возле Кати, так и сыпет комплименты, так и сыпет...

Вообще же все общество, как мужчины, так и женщины, в этот вечер собрались такими нарядными, выбритыми, напудренными, надушенными, и все, видать, в отличном настроении. На вечеринке как будто бы люди переродились! Какие все приятные! Ох, как приятен и деликатен Краулевич! Только предупреждаем, мы очень уважаем т. Краулевича, не только как партийца, но и как человека. Нина и Маруся Карасик несколько раз уже бегали вниз, к сторожике, чтобы поправить волосы, подпудриться и прорепетировать выражение глаз. Особенно же Краулевич пленил собой всех девиц и дам, севши за пианино, что из флигеля принесли, – тоже от бывших хозяев. Аккордами Краулевич проверил пианино, потом взял что-то так легко-легко... Потом заиграл что-то грустное-грустное... Ну, тут все умерли! Катя стала задумчиво смотреть на розовый абажур керосиновой лампы, Нина вперила глаза в Краулевича и не сводила их во все время игры, Маруся Карасик метала молнии и злилась, вероятно, что Краулевич на нее меньше всех обращает внимание.

Потом сели за стол. Потом председатель произнес речь об успехах союза; выступал т. Петров, что-то неопределенное промямлил Трофим Захарьевич и некстати расплакался Петр Петрович. В своем углу он горько сквозь слезы жаловался:

– Кто поставил на ноги союз, а кто лавры пожинает!

Так же некстати выступил кто-то из беспартийных посторонних: на него зашикали, соседи даже одернули за толстовку, но он выдержал характер и кончил тем, что поднял стакан пива выше головы и произнес здравицу союзу.

Ели, пили пиво, заскакивали в торговый отдел освежиться самогоном. После закусок были танцы. После танцев разошлись

по домам; но некоторые попали в ГПУ, где и переночевали, чему виной, возможно, как раз и были те тридцать бутылок самогону, что с самого начала стояли в торговом отделе. А в общем вечер прошел благополучно. Но были, конечно, и недовольные. И прежде всего, Иван Григорьевич, несмотря даже на гостиную в украинском духе.

Где-то уже под конец вечера они вышли с Петром Степановичем на улицу покурить, и он отвел Петра Степановича в сторонку для серьезного разговора. Только он не сразу приступил к этому разговору, а сначала, не удержавшись, излил душу давнему другу.

– Ты знаешь, меня так расстроил этот вечер, так возмутил, что я никак не могу успокоиться. Сколько подлости в людях, подлизывания, намеков... Эта мразь, Анастасия Васильевна, готова торговать своим телом направо и налево, чтобы только не выгнали со службы. Как можно так улыбаться, как она улыбается! Глазами, губами, грудью, руками, и даже ринсе-пез – и то улыбается!

А Гордиенко вырядился! Вчера надавали нам анкеты заполнять, спрашивают в анкете: «женат или холост»? Так Гордиенко пишет: «парубок». На вопрос о специальности, – пишет: «специальность индустриальная», а образование – высшее среднее. Я ему говорю, что табак есть выше среднего, а образования такого нет и, говорю, специальности такой тоже нет. Вот где дурак так дурак! Мы учились, тратили время, переживали, анализировали, и вдруг твоим начальством становится парубок с высшим образованием и с индустриальной специальностью! Хочется уколоть себя иголкой, хочется думать, что это во сне!

– Разве вся жизнь не есть сон? – как-то безразлично и ни к кому не обращаясь, произнес Петр Степанович, недавно побывавший в торговом отделе.

– Н-да... Но то – другое дело!

– Кой черт – другое... Жизнь и есть сон. Разве не сон, когда подумаешь, что эта же луна, что нам светит, светила еще при Навуходносоре и теперь еще светит.

– При чем здесь луна! Какая тут к черту луна! – возмущенно воскликнул Иван Григорьевич. – Я ему про ублюдков, про Шатунова, Петрова и Гордиенко, а он мне о Навуходоносоре!

– Но это имеет связь: один и тот же клубок. Тут надо начинать с атомов, чтобы найти объяснение и удовлетворить себя логическими выводами.

– Тут одно объяснение: ты дурной! – сердито сказал Иван Григорьевич таким тоном, каким часто говорят приятелям, допуская фамильярности, за которые не сердятся.

– Может быть, – согласился Петр Степанович покорно, но дело в том, что мы с тобою две природы разные: ты способен нервничать, волноваться, восхищаться и вообще жить свои шестьдесят или семьдесят лет, понимая все явления относительно, а я считаю всякую относительность функцией каких-то абсолютных, высшего порядка, законов. Выругай при тебе Петлюру – ты на дыбы станешь, а для меня все твои Петлюры, Деникины, Ленины и Керзоны – явления одного порядка. Все их идеи – мелочь, не стоящая внимания в общих мировых законах. Иногда я тоже способен возмущаться или радоваться явлениям этого порядка, но это показывает, что я тоже испорчен средой, и мозги, раздражаясь этими мелочными рефлексам, вызывают, – я бы сказал, идиотские восхищения или возмущения. Спрашивается: зачем это? Какой смысл?

– Ты дегенерат, Петя, ей-богу! – воскликнул Иван Григорьевич, вытаращив глаза на Петра Степановича. – С тобою опасно оставаться наедине. Ей-богу!

Установилось неловкое молчание на минутку, но тут Иван Григорьевич вспомнил о своем серьезном разговоре.

– Я думаю жениться на той неделе, – вдруг заявил он.

– О! – воскликнул Петр Степанович. – Вот тебе и функции мировых законов!

– Да. И думаю жениться по-настоящему, – продолжал Иван Григорьевич. – Венчаться буду, свадьба будет, и ты тоже должен шаферовать.

– На ком же ты женишься? – удивился Петр Степанович.

– Пора уже, – не отвечая на вопрос, продолжал Иван Григорьевич: – Тридцать пятый годочек пошел. Как видишь, бог

лица прибавил, – он постучал пальцем по лысине, – сединка пробивается, да и надо подумать о потомстве.

– Зачем тебе потомство?

– Надо, чтобы было трое детей: двое замещают папашу и мамашу, а один – для процентов.

– На ком же ты женишься, – ты еще не сказал? Ведь чтобы жениться – надо в любви объясниться, и на луну повздыхать, и целоваться ведь надо, а тебе же не... ну, не вяжется!

– Женюсь на Зинке Золотниковой, на куркульской дочке, с домиком в Харькове; но сейчас там сидят квартиранты и, вероятно, их не выселишь.

– Расскажи же, – как ты в любви объяснялся, целовался и все такое прочее? – весело шутил Петр Степанович. – Ты в бога не веришь, а венчаться хочешь.

– Я с Зиной начал целоваться еще в институте, где и она училась, если ты помнишь. А венчаться хочу... ну... и родители ее будут спокойны, и... вообще без венчания – не брак, а опорный пункт.

– Предрассудки, мещанство и регресс, – брезгливо произнес Петр Степанович.

– «Предрассудки, мещанство», – передразнил Петра Степановича Иван Григорьевич: – А что же без венчания за брак! Конечно, бог – чепуха, но как же не венчавшись?

– Оригинальная логика! – воскликнул Петр Степанович.

– В общем, – продолжал Иван Григорьевич, – в воскресенье ты должен дать мне пару лошадей, сам приезжай в Карачовку, а я приглашу еще кое-кого из своих. Особенно, конечно, там ничего не будет: тесть нагонит самогончику, – я ему два пуда сахару переслал, – разведем ягодным соком, и все будет приличненько.

– Я отказываюсь глубоко залазить по этому вопросу, ибо все это претит мне, но шаферовать буду, – ответил на все предложения Петр Степанович.

VIII

Петр Степанович К. был непростой человек. Хотя вы и давно уже с ним знакомы, а наверно, еще не знаете, что в молодости

Петр Степанович обожал театр и потом даже почти написал пьесу из жизни дореволюционных студентов, каковым и он побывал когда-то, хоть и недолго. Там были такие сцены, такие диалоги... Ну, например:

«Сцена представляет квартиру студента, мещанского типа. Столы завалены книгами, несколько мягких стульев, диван, два кресла. Герань в горшках, фикусы и другие цветы. За столом сидит Попов в студенческой тужурке и читает.

Явление 1-е.

Попов (задумываясь). А больше всех мне нравится из древних философов Эпикур! Поразительная ясность в рассуждениях! Гассенди, Гоббс и всякая такая штука – уже не то. У Эпикура – все: атомы, движение и... и всякая такая штука... (Стук в дверь). Кто там?

Нет, знаете, тут пока не интересно. Перейдем сразу к явлению 3-му. В той же квартире, но народу побольше, и всё как-то поживее.

Гордеич. Ну-с, рассказываемся и пустимся в дальнейшее плавание.

Инацкий. Девочки есть, водка есть, компания отличная. Чего еще!

Кривцов. На квартире лучше, чем в трактире (потирая руки, смотрит на стол с бутылками и закусками).

Савченко. Ох, где я очутился: кацапня кругом, аж жутко!

Абрамович. А я, а я!

(Все смеются. Ира уходит за самоваром).

Савченко. Жаль, понимаете, что русское студенчество так относится к украинской нации.

Кривцов. Какая там украинская! Малороссия – и крышка!

Инацкий. Э... Так нельзя, Кривцов. У тебя эти чувства не развиты, и тебе не следовало бы говорить на политические темы. Политика – дело тонкое, тут надо быть философом, как Попов (К Попову). Только поменьше этих Платонов и Спиноз

(смеется, не давая Попову возразить). У тебя же, Кривцов, есть городовые, жандармы, ты обеспечен. Зачем тебе политика?

Савченко. Когда это вы начали тыкаться? Еще ведь и не пили!

Абрамович. Ну ладно, господа...

Инацкий. Только не господа.

Кривцов. Коллеги!

Инацкий. И не коллеги.

Абрамович. Товарищи!

Гордеич. Ты, Абрашка, сядь, я сейчас тост произнесу...

Абрамович. Я только как правовед хотел сказать, что не из чего пить, нету ни бокалов, ни чайных стаканов.

(Все смеются. Надя, спохватившись, уходит за посудой).

Гордеич. Может, это и глупая привычка произносить тосты, но она мне нравится. Я предлагаю выпить за то, что будет твориться в нашем государстве лет через пятнадцать-двадцать. Будет страшная война, и начнется революция. Наперед предсказываю, что Кривцов тогда удерет за границу, Инацкого повесят еще до революции, Попов будет незаметным человеком в одном из многочисленных городков нашей империи, Савченко будет жить где-нибудь в Сорочинцах, что станет с Абрамовичем, я не знаю, наверно, будет служить в банке, а вы, коллеги (обращается к женщинам), выходите замуж за разных там людей...

Кривцов. Революции у нас скоро не будет.

Гордеич. Потому что жандармов много?

(Все смеются)

Савченко. Будэ!

Инацкий. Будет, конечно! Обидно только, что меня до этого повесят.

Попов. Будет ваша революция или не будет, а человек как был мыслящим тростником, так и останется, и ничего вы с этим не поделаете.

Надя. А все же страшно, когда читаешь о Французской революции.

Кривцов. Вот! Есть пример уже, и революции делать не будут.

Абрамович. Обязательно будут. Сейчас идет период накопления потенциальной энергии в странах Европы, а потом ей необходимо будет превратиться в кинетическую, что, понятно,

выльется в форму войны. Война же обязательно кончится революцией, особенно у нас в России.

Кривцов. *Так уж и обязательно! Революция – это...*

Гордеич. *Ну брось, Кривцов. Поживешь, поживешь еще за границей. Только, брат, побольше золота копи, а то мы будем жить тогда на бумажные деньги...*

Там была еще романтическая линия. Надя была влюблена в Инацкого, и очень переживала, что его могут повесить, хотя все шло именно к этому. Но к чему пришло на самом деле, мы не знаем, так как, к сожалению, пьесу окончить не удалось, частое поднимание рук вверх плохо способствовало письменной работе. Кроме того, Петр Степанович зачем-то показал наброски пьесы одному своему приятелю, который здорово разбирался в писательстве и даже иногда печатал в газетах статьи на литературные темы. Петр Степанович рассчитывал на поддержку, а приятель гордился тем, что он человек прямой и говорит, что думает. Вот он, по прямоте своей, и врубил Петру Степановичу: нового, оригинального ничего нет, сцены не интересные, безжизненные, построение их страшно старое, так и отдает Чеховым, Потапенком и пр. Совсем отбил охоту писать, Петр Степанович хотел даже сжечь свою рукопись. Но, в конце концов, не сжег, теперь она пылилась где-то на чердаке материнского дома в Змиеве и, возможно, ждала своего часа.

Да дело, в конце концов, не в пьесе. «Ганц Кюхельгартен» тоже не удался Гоголю, зато потом... Петр Степанович не был обескуражен, он всегда ощущал свою необычность и с молодости еще собирался заткнуть за пояс Пушкина или там Наполеона. Петр Степанович точно не знал, из какой области гения он заткнет за пояс, и это для него было не так важно. Важно было, чтобы гремело его имя. Он даже в музыке не прочь был прогреметь, стать выше Рихарда Вагнера, выше Шаляпина, но это скоро отпало. Как мы знаем, Петр Степанович был однажды зарегистрирован в губнаробразе пианистом и кое-что мог сыграть на балалайке и даже на пианино, но, как мы тоже уже рассказывали, репертуар у него был небольшой, во всяком случае, недостаточный, чтобы прославиться на весь мир. Голосом природа его тоже не наделила. Он любил иногда попеть, и пел, случилось,

но как-то без успеха. Уже позднее, когда он женился, стоило ему запеть, как слышался из другой комнаты женин голос: «О, завел уже, чертуля!» Согласитесь, что если жена не признавала его талантов в пении, то что сказала бы публика?

И с Карлом Марксом у него не вышло. Он хотел отодвинуть Карла Маркса в архив, но получилось значительно хуже, чем он ожидал. Мы помним, что он еще в отроческие годы заглядывал в «Капитал», пробовал несколько раз его читать и позднее, но стоило дойти до ренты, как дело дальше не двигалось: стоп машина! Он решил обратиться за мнением по делу ренты и вообще прибавочной стоимости к одному авторитету. Так знаете, что тот ответил? Этот авторитет ему ответил так: «Чтобы понимать учение Карла Маркса, надо иметь хорошее общее образование, а вы, батенька, его не имеете». Дело, конечно, не в образовании, после такого ответа Петру Степановичу просто расхотелось иметь дело с Карлом Марксом.

Но все равно, оставалось еще много перспектив: натурфилософия, литература вообще, потом появился парашютизм и еще некоторые другие. В агрономы он как-то случайно попал. Даже друзья его за это критиковали. Помнится, когда они с Иваном Григорьевичем после окончания института собирались ехать к месту работы, состоялся между ними такой разговор.

– Собственно, наш институт не высшее учебное заведение, – так высказывал свою точку зрения Иван Григорьевич. – В сельскохозяйственный институт поступают все, кому лень учиться в технических, политехнических, путей сообщения и т. д. Да у нас, собственно, и науки нет ни одной, чтобы она похожа была на науку! Исключительно беллетристика! Зоология – наука, которую я с удовольствием читал перед сном и приготовил ее для экзамена за неделю. Общее или частное земледелие – тоже беллетристика. На науку похожи обе химии и к ним практические занятия; ну, еще можно добавить геологию, если ее серьезно учить, а все остальное – легкий роман Вербицкой. И специальность наша сомнительная. Агрономия – все равно, что политика! Если врач лечит или инженер строит, то тут все вытаращат глаза и смотрят, ни черта в этом не понимая, а в сельском хозяйстве всякий считает себя спецом, даже врач и любой городской еврей.

– Мне кажется, что ты, Ванюша, сгущаешь краски, – возразил Петр Степанович.

– Да нет же, не сгущаю! Агроном это что-то несолидное! Ты будешь служить на участке, где не платят жалованья, и определенной работы там нету. Будешь заниматься политическими вопросами и заполнять анкеты про то, сколько на десятину в вашем районе приходится мышей, куриц на одного петуха и какая самая распространенная порода кроликов в вашем районе. Начальством твоим в районе будет зав. волостным земельным управлением, парняга полуграмотный, который старается одеться лучше твоего, поскольку он начальство. Если же ты такому парню не понравишься, то он начнет тебя обвинять в контрреволюции, в саботаже, в религиозных предрассудках и даже пришьет уголовное дело! Будь покоен! Я как-то ехал на автомобиле в Донбассе с таким вот завволзу, так он мне говорил, скаля зубы: «Я с агрономами, тра-та-та-та-та их мамаше, я с ними не церемонюсь! Я их меняю в нашей Каравковской волости, как перчатки! Как что, так их – к чертовой матери!» Ну, какого мы хрена полезли в сельскохозяйственный институт? Я еще понимаю, – я, но ты, – окончивший реальное? Ведь я знаю, что ты даже поступил в политехникум, а потом почему-то перешел в сельскохозяйственный! Большую ты, Петроний, глупость сделал, окончив на агронома! Времени же на беллетристику пошло столько же, сколько потратил бы на настоящие науки.

Петр Степанович и сам не знал, почему пошел учиться на агронома, но все равно, другие перспективы тоже еще оставались. По натурфилософии он один раз даже начал писать сочинение, то есть не то чтобы начал писать, а обозначил заглавие «Мои точки зрения о мировом абсолютизме». Но в этот момент пришли знакомые, принесли карты и предложили играть в «фильку», и он оставил свое сочинение до более подходящего случая. С одной стороны, он даже был доволен, что пришли соседи и помешали писать сочинение, а с другой стороны, и недоволен, так как таки мог написать что-нибудь порядочное. Но все равно, если человечество тогда было лишено возможности знать точки зрения Петра Степановича о мировом абсолютизме,

то в этом повинны исключительно соседи Петра Степановича, которым, как назло, в этот момент приспичило играть в «фильку».

А потом Петр Степанович увлекся культурно-семенным хозяйством и на время перестал думать о своем всемирном призвании, тем более, он чувствовал, что его и так очень уважали в райсельхозсоюзе.

Но после того как в этом райсельхозсоюзе случился коммунистический переворот, он почувствовал, что уважать его стали как-то меньше.

У Петра Степановича установились с новым правлением странные взаимоотношения. Петр Степанович еще чаще стал приезжать в райсельхозсоюз и, несмотря на надпись на дверях кабинета т. Шатунова: «Без стука не входить», заходил смело, смело здоровался за руку и также смело разговаривал в таком духе:

– Что это ты, Шатунов, еще за номер выкинул?

– А что?

– Зачем ты прислал эту кобылу Гордиенка? Что там, в хозяйстве, – курорт?

– Это тебя не касается: это правленческое дело.

– Ну да, но я ведь заведующий, я же ведь должен критически относиться к явлениям! Дай папиросу!

– А ты ее, черта, запрягай. Закуривай.

– Но ведь Гордиенко приходит в хозяйство, придирается, что мы ее вовремя не поим, вовремя не кормим, вовремя не чистим. Велел, чтобы я для нее часы купил. А если она, не дай бог, издохнет! Гордиенко же меня застрелит!

Это разговор по делу, а без дела Петр Степанович тоже заходил, и тогда беседа проходила в таком духе:

– Ну, как дела? – спрашивал Петр Степанович, закуривая папироску.

– Ничего.

– Ты мне выхлопчи револьвер, а то опасно ездить ночью.

– Не дадут.

– Ну, брось! ты же носишь!

– Партийному можно.

– Я думаю, что люди родились на свет все с одинаковыми правами, – без рубашки родились.

– Н-нда... Бросим об этом. Ты, знаешь, Петр Степанович, я тоже хочу поступать в ваш институт.

– Не примут.

– Почему?

– Малограмотный. На рабфак – могут.

– Ну, брось, брат, – малограмотный... Я когда то учился в низшей сельскохозяйственной школе! Вот даже значок есть.

– Надо среднее кончить. Не примут.

– Давай меняться значками! А?

– Не хочу. Мой значок еще с Новой Александрии, и таких не делают.

– Давай поменяемся... Давай?

– Не-е... не хочу. Так револьвер выхлопочешь?

– Не дадут.

– Ну, тогда пока.

– Пока.

От Шатунова Петр Степанович проходил в отдел колхозов, к Гордиенко.

– Ну, як моя кобыла? – спрашивает бойко Гордиенко.

Петр Степанович насмешливо рапортует:

– С кобылой вашей все благополучно: температура 37 и восемь десятых, пульс 39, число дыханий в минуту девять, самочувствие – отличное и передавала вам привет. Просила передать коробку пудры и мармеладу.

– Прошу вас, товарищ, без шуточек! – сердится т. Гордиенко.

– Да что с вашей кобылой может сделаться, чтобы она издохла!

– со злостью говорит Петр Степанович.

– Товаришу! С ким це вы так разговарываете? Прошу до порядку!

Так кто же после этого будет уважать Петра Степановича? И Петр Степанович снова стал подумывать о своем всемирном призвании, от которого он временно отвлекся для работы в райсельхозсоюзе.

Не то, чтобы он постоянно об этом думал, но после праздничного вечера, посещения торгового отдела, а особенно после разговора с Иваном Григорьевичем, именно такие мысли пришли ему в голову.

– Что из себя представляет советская власть? – так думал Петр Степанович, уезжая с кооперативного бала на хутор. – Понасадили на ответственные посты всякой шушвали и говорят: «Вла-ась!»... – В этом месте Петр Степанович громко передразнил кого-то. – Возьмем наш уезд: на весь уезд только и человека – секретарь упаркома, т. Глагольев. Он хотя и рабочий, но начитанный, разбирается в явлениях, человек положительный и дипломатичный. Если же взять остальных, конечно, Краулевич не считается, то неужели им не совестно ходить по тротуарам? А как они носят портфели! Нет, вы посмотрите! Идет, сукин сын, в глазах глупость светится, комиссарская фальшь, а гонору хоть отбавляй! Ведь ни один из этой шантрапы не верит в коммунизм, а на собраниях и заседаниях подлаживается под идеи, ведет дипломатию... Коммунисты, а гонор генеральский...

Петру Степановичу не хотелось на хутор: так приятно сидеть в санях... Чтобы растянуть время, он натянул вожжи и пустил жеребца шагом.

Город оставался позади, а вдали виднелся в лунном освещении хутор, пирамидальные тополи; по-над дорогой гудели телефонные столбы, немножко постукивала серьга оглобли, иногда фыркал жеребец, и слабо доносилось пыхтение паровой мельницы из города. Иногда на луну набегала тучка, чего Петр Степанович не видел, но догадывался по теням, пробежавшим по белой снежной пелене.

– Странно, – думал Петр Степанович, будучи в состоянии приятной истомы, – очень странно! Луна, снег, столбы, лошадь и я... Как ясно все это осознается! Неужели же придет время, когда не будет этих чувствований, пониманий, переживаний? Жизнь идет, как часовая стрелка: медленно, но верно... Долго поезда ожидать, сидя на полустанке, но поезд все же подходит, и надо садиться. Куда эти люди спешат, метушатся? Чего им надо? Ведь исход один.

Жутко стало нашему герою, но мысли назойливо лезли в голову.

– Ну, что из того, что Ленин – герой! Это нужно только при жизни, только для удовлетворения нашего низменного чувства – честолюбия. Идеи! Фи, чепуха... идеи. Что значит идеи? Зачем эти идеи, если часовая стрелка сотрет их на своем пути,

как пылинку? Вот вам: случится что-нибудь с небесным механизмом и полезет в градусниках ртуть ниже нуля, еще ниже, еще... ахнет мороз минус сто двадцать градусов – вот вам и идеи! По календарю 1 мая, а оно –120°, по календарю надо сено убирать, а оно –120°, по календарю надо хлеб возить на продажу, а оно – глетчеры, лед, ветры дуют, и нет ничего: ни идей, ни людей, ни продналога, ни честолюбия... Вот вам и социализм! Люди – что муравейник, бегают, суетятся, носят большие тяжести, трудятся, – придет озорной мальчишка, палкой ковырнет, воды налет, кинет червя-лакомку, еще раз палкой ковырнет... Муравьи считают это явление, вероятно, метеорологией, а мальчишка смеется.

Взлетел Петр Степанович мысленно на одну из звезд Большой Медведицы и в микроскоп рассматривал землю: Ленин, Пуанкаре, Вильсон, Врангель и люди вообще казались Петру Степановичу мелкими-мелкими инфузориями. Пушкин, Шекспир, Бетховен – такая мелочь, не стоящая даже внимания; глаз и внимания не стоит утомлять над этими точечками микроскопического поля зрения.

– А земных шаров, как маку, можно насыпать в солнечное пятно! Ха-ха-ха... хо-хо-хо... ха-ха-ха...

Если бы случился прохожий и подслушал этот истерический хохот человека, одиноко едущего куда-то в третьем часу ночи, то, несомненно, перепугался бы и обошел бы далеко дорогу, по которой ехал этот сумасшедший.

– Коммунисты борются за социализм, – думал дальше Петр Степанович, – а на кой черт он им нужен! Какое мне дело до поколений, и чего я должен рисковать на баррикадах? Эх... умри ты сегодня, а я завтра! Надо стремиться подольше жить и затягивать время, надо больший промежуток времени оставаться формой, различающей луну, атомы, людей... Но зачем это все!..

Последнее почти выкрикнул Петр Степанович страдающим стоном.

Петр Степанович, может быть, долго еще бы думал и переживал в таком же духе, но жеребец въехал в раскрытые ворота и заржал, как бы приветствуя сторожа Макара, тут же подошедшего.

– Долгонько, Петр Степанович, гостили! – заискивающе обратился Макар к Петру Степановичу, принимаясь выпрягать лошадь.

– Да? – спросил Петр Степанович, чтобы издать какой-нибудь звук, вылезая из саней и лаская тут же прыгающих Дашку, Султана и Черкеса.

Когда Петр Степанович зашел в комнату и зажег лампу, ему сильно захотелось сейчас же сесть за стол и написать философское произведение, но такое сильное произведение и умное, чтобы мир ахнул. Петр Степанович не стал медлить. Он взял стопку писчей бумаги, подложил четвертый номер транспаранта, терпеливо развел чернил из копирного карандаша, обмакнула перо и написал, предварительно закурив папироску: «Предрассудки в абсолютном их понимании». Но такое заглавие ему не понравилось, а так как Петр Степанович не любил всяких зачеркиваний в письме, то скомкал и выбросил испорченный лист бумаги, подложил транспарант под следующий и снова написал заголовок: «В омуте жизненной лжи». Петр Степанович хотел было уже двинуться дальше, но тут пошли мысли такого сорта, что вот-де он напишет такое-то философское произведение, затмит всех Пушкиных, Лениных, заговорит о нем печать; только затруднялся Петр Степанович, – какой поставить псевдоним? Моя фамилия... уже больно не «философская»! Толстой, Шатобриан, Маркс, – фамилии действительно красивые, а моя...

– Поводить лошадь или можно поставить в конюшню? – донесся из коридора голос Макара.

– Он не мокрый: ставьте в конюшню! – раздраженно ответил Петр Степанович, считая, что Макар мешает ему заниматься работой.

Потом Петр Степанович стал сомневаться, что напишет какое-нибудь философское произведение, и вообще стал сомневаться, что что-нибудь напишет. Перо Петр Степанович еще держал в руке, но было ясно, как день, что из этого ничего не выйдет. В душе все осунулось, стало жутко Петру Степановичу, и он разозлился на свою слабость, неподготовленность к письменной работе. Но ведь мыслей в голове много! Ах, как все это

увязать? В бессилии наш герой бросил ручку на пол и с облегчением свалился на кровать.

Бедный Петр Степанович! Возможно, что его побуждало писать честолюбие, так высмеянное им же полчаса тому назад, а вместе с тем нам нашего героя жаль. Конечно, таких счастливых нет на земле, чтобы только сел за пианино, положил бы партитуру на клавиши, и звуки понеслись бы так плавно, трогательно, стройно... Нам, например, известен один видный скрипач, так где у него столько терпения набиралось? Он мог один только звук целыми днями наигрывать на своей скрипиче, вслушиваясь в этот звук и не замечая, как струны въедались в пальцы. Терпение, терпение, Петр Степанович, труд и воля... Но где там... Петр Степанович лежит пластом в постели, тяжело дышит и презирает себя. То ему хочется застрелиться, то снова появляются проблески надежды и сомнений, то снова все осунется... А как бы хотелось Петру Степановичу не только прославиться, но заткнуть за пояс всех знаменитостей и показать мизерность всех этих марксизмов, социализмов, анархизмов и всякой другой белиберды, напоминающей всю жизнь человечества. Жаль нам Петра Степановича!

Тем более что вскоре после знаменательного вечера у Петра Степановича начались служебные неприятности, которые опять надолго отвлекли его от натурфилософских размышлений. Но какое-то время, до начала неприятностей, Петр Степанович дышал еще полной грудью и даже занимался устройством своей личной жизни.

IX

– Шафером-то шафером, – думал Петр Степанович, проснувшись на следующее после сельхозсоюзовской вечеринки утро, – а не пора ли тебе и самому, милый друг, жениться?

Кривил вчера Петр Степанович душой, кривил, когда про мировые законы-то говорил Ивану Григорьевичу. Атомы – атомами, а он ведь и сам последнее время подумывал насчет женитьбы. Ей-богу! Ему сейчас двадцать восьмой год, пока женишься, се да то, да пока дети вырастут, то будешь и стариком. Не думайте, что он погорячился, расчет у него был правильный.

Петр Степанович посчитал еще в 1922 году, что советской власти никто не прогонит, а если и будет переворот, то такого... внутреннего порядка, – это раз; во-вторых, кризис миновал и пойдет жизнь страны на материальные накопления; наконец, рано или поздно жениться необходимо, ибо сама жизнь этого требует, – это три.

Петр Степанович на службе чувствовал себя прямо-таки великолепно. Особенно хорошо он почувствовал, когда оборудовал себе целых две комнаты в главном доме, купил кровать, ковер и стол, в одну из командировок в Харькове приобрел охотничье ружье и даже, чтобы быть загадкой, нацепил на стенку портрет Ленина. Таких женихов – еще поискать!

Пока не думал Петр Степанович жениться, до тех пор никто об этом даже не напоминал. А теперь зайдет тот же сторож хозяйства, Макар, в две комнаты Петра Степановича, скажет что-нибудь по делу, а потом улыбнется широкой-широкой улыбкой, до ушей, и скажет:

– Не хватает вам, Петр Степанович, женушки! Хе-хе-хе... Сироточкой, Петр Степанович проживете. Вот и вешалочки некому пришить, – воротничком просто нацепили одежину, и гардиночек нету-то на оконушках. Да, необхо...

– О, я еще не собираюсь жениться, – отвечает Петр Степанович, сдерживаясь, чтобы не поделиться своею тайною мечтою с Макаром.

В союзе тоже: Анастасия Васильевна обязательно поднимет разговор приблизительно такого сорту:

– Ну, если уж такие не поженятся, Петр Степанович, как вы, это я уж не знаю, где нашей сестре деваться!

Как-то встретился Петр Степанович со своим учителем, еще по реальному училищу, и тот, сейчас же после приветствия:

– Еще, Петя, не женился?

В праздничный день выйдет Петр Степанович в сад, ляжет на коврик под яблоней или старой душистой грушей, читает роман, возьмет ли сухую книжечку по специальности, но не читается. Невольно в мыслях начнет перечислять своих знакомых девиц, но... нет подходящих! Вера – старая, Сима – глупая, высока уж больно ростом. Нюся – не окончила гимназию, а жениться на модистке... Ксения – подходящая, но она на третьем

курсе медицинского и не пойдет, а если пойдет, то с нею никакой любви не может быть: ты ей с поцелуем, а она в это время будет думать, что во рту все выслано эпидемией, – ты ей о цветах, о пчелках, о солнышках, а она будет прислушиваться к воркотанию желудка и представлять, как эти кишечные сосочки всасывают питательные вещества... бр... Так Петр Степанович иногда долго перечисляет знакомых девиц, подходит к ним со всех точек зрения, критикует – и в каждой обязательно найдет недостатки, а раз недостаток, то ничего из этого и получиться не может.

Читатель может вообразить, что Петр Степанович уж больно наивен и даже подумает, что мы своего Петра Степановича просто сочинили для романа: неужели Петр Степанович до 27 лет никого не любил из женского персонала?

Категорически отвечаем: Петр Степанович много раз любил. Но кто из нас не любил в ученические годы? Каждый любил! Любили все мы, сильно любили, чисто любили... Петр Степанович один раз даже стреляться хотел... После этого случая любил еще несколько раз. А во времена учительства в профшколе Петр Степанович даже ночевать домой не ездил, так крепко привязался к одной учительнице, поселившись у нее в комнате на правах мужа. Мы больше скажем: Петр Степанович чуть-чуть не вскочил с этой учительницей, извините за выражение, в алиментную путаницу, – но хорошо, что в эти годы советская власть была занята белыми, зелеными и другими бандами, и еще как следует не расписали алиментных законов. При теперешних-то законах Петру Степановичу пришлось бы обязательно выплачивать по одной трети своего жалования. Кстати ребенок умер, а то, возможно, что старая история могла бы быть возбуждена теперь, и платить все равно пришлось бы.

Так что наш герой, как видите, герой не без любовных историй – даже стреляться хотел! В общем, герой, как герой, без всяких там подделок, подтасовок, подрисовок, а что с невестами Петр Степанович был как бы в некотором затруднении, то кто только после гражданской войны не был в затруднении! При всех других прочих условиях, Петр Степанович, может быть, даже не терял бы связи еще с той девицей, из-за которой хотел стреляться, но в голодовку, в войну, во всю эту жизненную помеху революцией у многих жизнь сложилась не так, как

предполагалось. Перед концом института были еще у Петра Степановича некоторые отношения с однокурсницей Степанидой, но Петр Степанович считал, что ему этих отношений хочется меньше, чем ей, и они как-то разъехались, хотя она и добрая была, и даже плакала.

Ну, да это все – прошлое. С лета 1922 года стали в учреждения поступать машинистками, регистраторшами, счетоводшами и на другие службы деликатные барышни, с которыми префы, завы и секретари имели не только служебно-официальные отношения, но тут стали вмешиваться в дела и глазки, и ручки, и губки, и всякая такая другая штука. До 1922 года люди делали одолжение правительству, что служили, а теперь стало наоборот: учреждения стали делать одолжения, что напринимали такую массу белокуреньких, черненьких, шатенок, рыженьких и разных других оттенков. Штаты переполнялись и мужчинами, но это уже по другим причинам. Не редкость в 1922 году встретить в учреждении за шуршащими бумагами барышню, что раньше ходила с папкой «Musik», надеясь быть пианисткой, но обстоятельства... обстоятельства складывались так, что надо служить. Фу! черт его знает: начали писать об одном, а переехали на другое! Ну, извиняемся. Просто это получилось от того, что Петр Степанович часто начал ездить в город, в правление и в другие учреждения, и на него эти учреждения с каждым днем производили большее и большее впечатление. Например, Лизе дали повышение, а на ее место посадили Марусю Карасик, а Маруся Карасик в хороших отношениях с бухгалтером, а бухгалтер путем... э, надо бросить об этом: заедем снова в дебри.

При поездках в город, по делам и без дела, Петр Степанович, продолжал внимательно присматриваться к своим знакомым девицам. Он увеличил число мест своих посещений, и можно было видеть привязанным его жеребца возле: упродкома, уисполкома, правления потребительской кооперации, своего правления, типографии, даже возле яичного склада! В каждом из этих управлений сидели девицы, знакомые Петру Степановичу еще по гимназии. Одни печатали на машинках, другие рылись в бумагах, третьи почему-то сидели недалеко от какого-нибудь райпродкомиссара, четвертые еще чем-нибудь занимались.

Бывали случаи, что Петр Степанович встречался со своим начальством, и начальство задавало вопрос:

– Чего это ваш жеребец стоит возле земуправления?

– Передавали мне, чтобы я как-нибудь заехал взять план нашего хозяйства, – невозмутимо спокойно отвечал Петр Степанович, хотя никто ничего не передавал, и никакого плана не нужно было.

Никто не мешал после этого разговора, через полчаса, жеребцу стоять привязанным возле военного комиссариата.

Да и к нему в совхоз приходили правленские барышни – посмотреть, как он успешно хозяйствовал. Приходила даже Анастасия Васильевна, собственно, не барышня, а дама, но муж ее сошел с ума и теперь находился где-то в доме умалишенных, что Анастасии Васильевне не мешало жить, радоваться, улыбаться и даже флиртовать. Приходила сюда машинистка Союза, Нина, очень полная и краснощекая девица, интересная особа: она, например, жаловалась на малокровие, что вызывало со стороны громкий смех, шутки по ее адресу и снова смех; реже в хозяйстве являлась Катя, пока служившая регистраторшей в Союзе, но ей могут дать и более солидную должность, если будет вакансия. Ее знал Петр Степанович еще гимназисткой, и она ему очень нравилась.

Катя была среднего роста, черненькая, очень красивая, с черными большими глазами. Раньше у Кати были замечательные волосы, всегда убранные в толстую длинную косу, но теперь уже коса сделалась короче, – однако Катя была прелестной девицей, хотя ей и было уже двадцать четыре года. Кате очень нравились романы Тургенева и особенно его героини; влияние тургеневских романов было так велико на впечатлительную душу хорошенькой Кати, что она и сама напоминала тургеневскую героиню. Когда на Катю смотришь, то невольно ее хочется представлять не иначе, как гуляющей в большом, заброшенном парке возле обрыва, с книгой в руках, и ветер должен ей развевать локоны, а глаза глубокие-глубокие смотрят куда-то вдаль, и чувствуется в Кате всегда что-то возвышенное, чистое, и ее хочется любить. За Катей до сих пор серьезно не ухаживали. До революции не успели, а в революцию люди были заняты добыванием куска хлеба, куда, собственно, и уходила вся энергия.

Теперь, наконец, можно было бы и поухаживать за Катей, но нравы у мужчин после революции и гражданской войны стали другие, нежели это было в тургеневские времена: теперь требуются девицы покладистые, чтобы в первый вечер можно было бы поцеловать, обнять, а Катя такой вольности допустить не могла. Если уж любить, то любить на всю жизнь... Ах, виноват, как мы увлеклись Катей и расписались, что сами не заметили, что на это ушло время! Но все-таки к Кате мы еще вернемся!

Вчера Петр Степанович заснул так неожиданно, что даже не успел убрать в стол начало своей рукописи. Теперь же, когда, отдав должное мыслям о женитьбе и ощутив их, если можно так сказать, всем своим телом, он встал со своего одинокого ложа и увидел чистый лист бумаги, то с раздражением вспомнил Макара, который все время мешал ему теми или иными обращениями по совершенно пустяковым вопросам. Правда, Петр Степанович еще перед тем, как он совершенно неожиданно заснул, и сам стал сомневаться в своей силе: не надо было ему заходить в торговый отдел, тем более, не один раз. Но никто ведь не знает – не заснул ли Петр Степанович так быстро, может, полежал бы он на кровати с полчаса, а потом присел бы за стол и, действительно из-под его пера вышло бы что-нибудь величественное? Пусть он и не написал в ту ночь ни одной строчки, если не считать заглавия, но читатель ведь знает, какими большими вопросами была наполнена в ту ночь голова Петра Степановича. Да если бы он напечатал в брошюре под заглавием «В омуте жизненной лжи» все то, что у него бродило в голове, то мы уверены, что Бухарин, Сталин, Калинин, Чемберлен, Бриан, Кулидж и все, все, все политические деятели после прочтения брошюры Петра Степановича сразу поняли бы, на каком ложном пути они стоят, и заявили бы единогласно:

– Теперь мы снимаем с себя всякую ответственность и находим всякие коминтерны, палаты, съезды и т. д. абсурдными и не имеющими под собой никакой логической увязки...

А ведь никто и не подозревает такой грандиознейшей потенциальной энергии в Петре Степановиче! Гордиенко, вероятно, ставит Петра Степановича далеко ниже себя. Эх, сколько великих, но не высказанных мыслей носят в своих головах люди! Но мы не желаем подливать масла в огонь, зная, что

Петр Степанович еще жив, а его рукопись уже начата. Нет, довольно об этом! С огнем не шутят!

Х

Не знаем, потому ли, что Петр Степанович своих мыслей еще не изложил на бумаге, или потому, что пока решил жить и действовать по обыкновению, но факт остается фактом: в субботу Петр Степанович крепко задумался над вопросом: кого бы из девиц пригласить с собой на свадьбу к Ивану Григорьевичу? Маруся Карасик – не подходит: у нее редкие зубы и она одевается безвкусно; Нина... Нина тоже не подходит: вульгарная уж больно и, конечно же, Петр Степанович не будет связываться с какой-нибудь машинисткой и панской дочкой! Он Нину считает даже недостойной внимания с его стороны. Разве Катю пригласить? А что если она откажется? От Кати этого ожидать можно. Да и насчет Кати у Петра Степановича недавно были сомнения: уж больно она хрупкая, и еще в июне месяце показалось Петру Степановичу, что подбородок не совсем красивый у Кати. Потом уже, позже, неприятное впечатление от подбородка сгладилось и, как будто бы, все части Катиного лица гармонировали между собою, но все-таки... Долго и глубоко думал Петр Степанович над выбором девицы и одно время остановился на Анастасии Васильевне, – хоть нацелуюсь вдоволь, – думал Петр Степанович, – но переменил и окончательно решил пригласить Катю.

Немедленно был заказан жеребец, и Петр Степанович вечером поехал в город к Кате. Жеребец смело выстукивал по снегу свой такт, саночки весело неслись по наезженной дороге, и Петр Степанович деловито сидел в санях, как будто бы ехал не по своим личным делам, а по делам союза. Люди же вероятно думали, давая дорогу Петру Степановичу:

– Вот, видать, у человека дела: против ночи и то приходится ехать из дому!

Петр же Степанович презрительно посматривал на сторонившихся людей, не подозревавших даже, в какие грандиозные мысли погружены мозги встреченного ими человека. Признаться, Петру Степановичу немножко обидно было, что люди смотрели

на него, как на кого-то обыкновенного, но в душе, как в масле, плавало успокоение: если, мол, еще не знаете, кто я такой, то в будущем... Тут успокоение прерывалось, перемешивалось с неопределенными сомнениями, несформировавшимися желаниями – между нами говоря, честолюбивого порядка, и... Петр Степанович на одном из поворотов зачем-то даже стегнул и так горячего жеребца. Бесформенно и как-то второстепенно фиксировались в голове Петра Степановича проносившиеся дома, улицы, телефонные столбы, мазнула по глазам кладбищенская церковь, вывеска конторы лесничества; мимолетно через мозги, как через фильтр просачивается воспоминание о песнях, какие распевались реалистами ночью на кладбище, вспоминалось, что в этом доме, с зелеными воротами, квартировал когда-то член правления земской управы, помещик Филипошин; показалось, что жеребец как бы нахрамывает на левую заднюю, и мысли обратились к тому, что, вероятно, подкова сильно притянута, стала припоминяться по анатомии животных мускульная работа лошади, всплыл профессор Палладин с его очками и свежей физиономией... Ну, в общем, попадало в голову само-теком все, что может туда попадать, в то время как человек едет в вагоне, на санях, или даже идет пешком, с нетерпением ожидая конечного пункта, когда надо открывать фортку и входить в дом.

Петр Степанович подъехал к дому, где жила Катя, привязал к оградке жеребца и прошел во двор. Через минуту Петр Степанович удивленной Кате говорил:

– Здесь же ничего особенного нет! Приедете туда, побываете в церкви, посидите за столом, посмеетесь, и я вас благополучно привезу обратно.

– Но почему вам, Петр Степанович, взбрело в голову меня пригласить? – краснея и стесняясь, удивлялась Катя, поистине хорошенькая, что снова не ускользнуло от зорких глаз Петра Степановича.

– Ну, вот вам... просто... да что здесь говорить! Ведь это пустяк: заеду я завтра утром, заверну вас в теплый тулуп, ножки прикрою бараницей...

– Дело не в этом, Петр Степанович! – воскликнула Катя, прикрывая свои прекрасные черные глаза длинными ресницами и продолжая смущаться. – Я вообще не понимаю...

В общем, на следующий день, в воскресенье, Катя сидела рядом с Петром Степановичем в саночках, и рысак их обоих мчал в направлении Карачовки, и вскоре они увидели верхушку церкви, где должен был венчаться Иван Григорьевич со своей Зиной. По дороге руки у нашего героя так и чесались, так и чесались обнять Катю, прижать близко-близко к сердцу, хотя она была в тулупе, но благоразумие брало верх, и Петр Степанович не решался провести в жизнь свои желания. Неизвестно, подозревала ли Катя обо всех этих желаниях нашего героя или она просто сидела рядом и в это время думала: надо было про запас взять еще две булавки.

Так или иначе, жеребец Буртный благополучно доставил их к месту назначения, и Петр Степанович ни разу не попробовал обнять Катю, преодолев всю тягучесть такого желания, решив без подготовки самой Кати и более близкого знакомства никаких таких безобра..., то есть вести себя с Катей обыкновенно, но любезно. Дорогой Петр Степанович затронул вскользь атомы, коснулся человеческой души, ознакомил Катю вкратце со своим мировоззрением и чуть-чуть проговорился, что он не прочь бы жениться вообще. Разговор дорогой был так подобран Петром Степановичем, что, по его расчетам, когда они приедут и разденутся в доме невесты Ивана Григорьевича, Катя должна будет уже смотреть на Петра Степановича, как на человека более или менее близкого, выделяющегося среди остальных гостей.

Действительно, когда они оба разделись, прездоровались со всеми и убедили всех, кто интересовался, что они не замерзли, Петр Степанович незаметно расчесал свои русые волосы, вытер пальцем, на всякий случай, уголки глаз, взял на пуговицу хлястик бокового кармана во френче, – тогда все ходили во френчах, – и выпятил грудь так сильно, а ногами стучал так твердо, что, конечно, Катя, по мнению Петра Степановича, должна была им залюбоваться. К сожалению, мы не можем сказать ни да, ни нет, нам неизвестно, как смотрела Катя на Петра Степановича в то время. Одно мы заметили, что она себя не совсем ловко чувствовала среди всей этой сутолоки, и, видно, была рада, найти укромный уголок, на скамеечке, возле тут же стоявшей двуспальной кровати.

Через час надо было ехать в церковь. Иван Григорьевич толковал Петру Степановичу:

– Я хотя и не верю в разных там богов, но что же это за брак, если не венчаются? Кроме того, и батьки Зины будут спокойны, и брак как-то крепче.

Родители Зины ходили между гостей с озабоченными лицами, насильственно улыбаясь, а в головах у них ходили мысли разные. У отца, вероятно:

– Вот неприятность: раньше выходило из пуда сахара восемь бутылок первака и восемь вторяка, а теперь почему-то накапало первака шесть, а вторяка двенадцать бутылок.

А мать думала:

– Комод, кровать, сундук и шесть стулок я Зине отдам, но гардероба ни-ни-ни, ни в коем случае! Пусть сами наживают!

В голове Зининой мамы сидели пироги, лапша, кисель, ска-терти, посуда, подвенечное платье, зять, неудавшееся желе и другая свадебная канитель, и в то же время гостям надо было улыбаться и говорить любезности совершенно по иным поводам и причинам. В голове же Зининого папаши бродили самогон, сено и то количество его, какое съедят лошади гостей, пока отбудется свадьба, думал он и о крюке, что вырван санями из ворот, о том, что коровам холодно и что расходы вообще большие в связи со свадьбой. Гости же и не подозревали, что у папаши и мамыши такие мысли, – иначе они и не беспокоили бы их своими пустыми разговорами, вопросами и даже капризами. Кума лезла к мамаше Зины с тем, что она ждала телочки от коровы, а корова отелилась бычком; Матрена Степановна почему-то интересовалась, поедет ли мамаша Зины в Харьков на этой неделе или нет; Степан Кириллович десятый раз хотел мамаше Зины рассказать, как он выдавал свою дочку замуж и сколько пришлось израсходовать денег; Таисия Гавриловна в третий раз требовала показать ей то полотенце, что вышивала недавно Зина, когда брали у нее узор. Да мало ли кому чего и что хочется говорить, но обязанность мамыши – быть со всеми любезной, заботливой, гостеприимной, а что там пироги или гардероб у тебя в голове, то кому до этого дело? Папаша же умудрялся увливать от вопросов и разговоров, а только усмехался и куда-то спешил, спешил... Невесту никто не осмеливался беспокоить: ее одевали

в спальнной комнате, куда даже вынесли из зала зеркало. Из спальни доносились иногда обрывки замечаний дружек, одевавших невесту:

– Это, кажется, ничего... Галя, сюда еще булавочку одну... бант... Где же ленты... Подпуши, подпуши... Заколи выше, да выше же тебе говорят! Так... так... Пудра, да пудра рассыпалась...

Иногда из спальни выскакивала дружка, но с ней никто не успевал заговорить, ибо рот у нее занят булавкой и нужен был немедленно стакан воды, из-за чего она так поспешно и вышла. На лицах выскакивающих дружек была отражена какая-то тайна, проблескивала зависть, растерянность, а у некоторых из дружек, кто постарше, было выражение лица тех пассажиров, что опаздывают на поезд.

Иван Григорьевич ходил между гостей почему-то одетым в пальто и волновался, что так долго одевают невесту. Правда, для него было развлечение, – один за одним стали съезжаться еще гости, и гости все желательные. Например, приехал заведующий торговым отделом райсоюза – интереснейший человек, да и фамилия у него была оригинальная: Папиеров. Товарищ Папиеров интересен был по многим причинам: во-первых, он все отношения, какие поступали в торговый отдел, небрежно прочитывал и так же небрежно их распахивал по карманам; этими отношениями он пользовался и как папиросной бумагой, и в них себе завтрак заворачивал, вытирал отношениями пыль со стола и т. д.; во-вторых, товарищ Папиеров первым в Задонцеке надел после революции фетровую шляпу, храбро став в ней в ряды демонстрации 12 марта, и третье, – товарищ Папиеров так умело обкрадывал райсельхозсоюз, что ни при старом правлении, ни при новом ни разу даже не попался.

Минут через десять приехал и агроном Вайнблут, но товарищ Вайнблут был прямой противоположностью товарищу Папиерову. Когда приносили ему по разносной книге отношения, явно адресованные ему, то он, не читая их, долго доказывал принесшему, что он отношений категорически не возьмет, что, мол, отношения такая штука, что легко может затеряться, и что странно даже, что отношения эти пишут вообще. Разносчик доказывает резонно, что дело его маленькое: отнести и получить расписочку, а где агроном Вайнблут

заденет это отношение, то это его, разносчика, совершенно не касается. Наконец разносчик, доведенный до белого каления упорством т. Вайнблута, без расписки выкладывает на стол, и сам без расписки уходит. Т. Вайнблут, крадучись, отношения читает, возмущается, перебирает их в руках и не знает, куда ему их задеть? То перепишет их номера себе в записную книжку, то заберет эти отношения, как драгоценность, и пойдет к бухгалтеру за советом, а в конце концов, начинает трогательно бухгалтера просить:

– Будьте любезны, Кирилл Мефодиевич, возьмите их к себе: у вас и папки есть, и все приспособления для них, – вы привычны с ними, – ну, а что я с ними буду делать?

– Но Рафаил Михайлович, ведь они адресованы в ваш отдел и по ним надо выполнять задания! – резонно отвечает Кирилл Мефодиевич.

– Н-да, но они могут затеряться...

В общем, целая мука т. Вайнблуту, пока он найдет-таки доброго человека, что возьмет отношения, понесет в правление на резолюцию, устно передаст т. Вайнблуту сущность резолюций, а отношения где-нибудь сохранит. Устных же резолюций Рафаил Михайлович не боялся, ибо они затеряться не могли – это не бумага, – исполняя точно и аккуратно, что в устной резолюции было сказано.

Уже перед самым отъездом поезда в церковь на венчание, приехали еще два агронома из своих районов, т. Дзюбик и т. Ковтиш. Им даже не пришлось вылезти из саней: они погнали своих потных лошадей за поездом, стараясь не отстать. Эти два агронома были люди молодые, товарищи Петра Степановича по институту, и служили первый год. Но они подавали надежды, были оба со способностями, беспартийные, но чудесные люди. Т. Ковтиш, Орест Евтихиевич, в первый же год начал расти в брюхе, как будто бы оно и ожидало своего времени, когда Орест Евтихиевич поступит на должность, чтобы начать свою карьеру. Об Оресте Евтихиевиче мы здесь распространяться не будем, может быть, мы еще с ним встретимся. А вот о т. Дзюбике надо несколько слов сказать, ибо на встречу с ним у нас нет надежд: он умрет от туберкулеза весной. Мы бы и о нем не писали, но надо же отметить человека где-нибудь, что он

существовал, тем более, что никто даже не догадается написать некролог. Так вот, значит: т. Дзюбик окончил институт и отличался оригинальностью речи: у него в разговоре слово как бы догоняло и даже перегоняло следующее слово, что делало речь т. Дзюбика сбивчивой, мало понятной и часто малосодержательной, хотя говоривший всякий раз старался провести существенную мысль. Ну, да нечего нам долго останавливаться на т. Дзюбике, – все равно он умрет весной и не успеет в нашем произведении занять надлежащего места, как не успел и пожить на этом свете.

Что это был за поезд! Нет, Иван Григорьевич прав, не признавая брак без венчания! На самом деле: нельзя же так незаметно жениться и выходить замуж, выходить замуж и жениться, как этого хотят коммунисты! Пойдешь в загс, запишешься, распишешься, дадут бумажонку – и дело в шляпе. Ну, конечно же, это чепуха... несолидно даже. То ли дело: на Иване Григорьевиче надет твидовый темно-синий костюм, пальто, шарф, гамаша новые и серая каракулевая шапка; он сидит чертом на санях, военная косточка, а лошади прут, прут, выбрасывая из-под копыт клочья снега. Зина немножко раньше уехала и другой дорогой, чтобы карачовцы не подумали, что жених и невеста едут с одного двора. На Зине – фата, белое платье, восковой венок, окаймляющий, правда, низковатый лобик, на ногах серые замшевые башмаки и такие же, серые, заграничного фильдеперса, чулки. Иван Григорьевич сознавал, что здесь принимают участие не только он, Иван Григорьевич, и Зина, но посмотрите: целая кавалькада!

– Хоть панику наведем, – так думал Иван Григорьевич, томно посматривая на карачовцев, высыпавших на улицу посмотреть небывалую свадьбу: в Карачовке были свадьбы простые, мужицкие, а это же поехали венчаться пань!

Самого венчанья и того, как поезд возвращался домой, мы, пожалуй, описывать не будем, ибо это читателя мало заинтересует. Правда и интересного-таки ничего не было, если не считать того, что Петр Степанович на пари взялся выдержать одной рукой венец от начала до конца венчания и что подруга Зины шепнула ей:

– Ты бы хотя бы для приличия заплакала, а то твой подумает, что ты с радостью за него замуж выходишь.

Зина, с трудом, правда, выжала слезу и хотела, было, подруге сделать какое-то замечание, но махнула рукой и решительно стала на коврик перед аналогом, и стала раньше Ивана Григорьевича, ибо твердо верила: если невеста станет первой на коврике, то муж будет у нее под башмаком, а не наоборот.

XI

Петр Степанович приятельствовал с Иваном Григорьевичем, любил поболтать с ним, сообща поругать советскую власть и такое прочее, а все-таки, в глубине души, он думал, что против него, Петра Степановича, Иван Григорьевич слабоват, хоть он и был чуть ли не полковником у Симона Петлюры. «Что он знает, кроме гопака и вышитых украинских рубашек?» – как бы спрашивал себя Петр Степанович, сравнивая интересы Ивана Григорьевича с волновавшими его самого мировыми вопросами. Хотя, отвечал сам себе, стараясь быть честным, Петр Степанович, кое в каких делах Иван Григорьевич разбирается совсем неплохо. А то, что он, конечно, не сможет, подобно Петру Степановичу, написать, к примеру, «В омуте жизненной жи», то таких людей, что смогли бы это сделать, вообще маловато на свете. Сточки зрения теории вероятностей, странно было бы, если бы два таких человека сошлись в их небольшом уездном городе, а один такой человек, Петр Степанович, здесь уже был.

Ивану Григорьевичу это, конечно, было невдомек. Он совсем недавно, например, говорил Петру Степановичу: прокормить всех этих комиссаров рабочие и крестьяне, худо-бедно, смогут. Но кто им напишет «Тараса Бульбу»? Да он просто не видел, что за человек стоял перед ним!

Такое непонимание обижало Петра Степановича, а теперь его немножко задело и то, что Иван Григорьевич женился, тогда как сам он все еще был неженатым и как бы отставал от своего приятеля, сдавал ему позиции. А ведь он давно уже подумывал о женитьбе, за Иваном же Григорьевичем он ничего такого прежде не замечал.

Может быть, поэтому, а, может быть, по другой какой причине, но сделалась с Петром Степановичем после свадьбы Ивана Григорьевича странная перемена. Буквально на следующую ночь приснился ему такой сон, будто сидит она в полоборота, – с черными, как терен, глазами, с прекрасными черными волосами, с пробором с левой стороны; все лицо и руки имеют прекрасный темноватый цвет кожи; подбородок, такой нежный... и усмешка, и сидит она и как будто бы не участвует в разговорах, а только наблюдает, улыбается, и снова наблюдает. Не дают покоя Петру Степановичу ее печальные, задумчивые, прекрасные глаза! Манят его, зовут, ласкают Петра Степановича... Протянул Петр Степанович руку, хотел нежно погладить ее волосы, но рука бессильно опустилась: кругом стены, кровать, стол и окно, а ее нет...

Вы догадались, о ком мечтает Петр Степанович? Это он мечтает о Кате. Катя ему засела в голову. Вы понимаете, чем здесь пахнет? Почему начал так рассуждать человек? Влюбил... нет, мы пока это оставим, ибо сам Петр Степанович никак не освоится со своими чувствами, ибо они, эти чувства, появились только вчера, на свадьбе. Еще вчера Петр Степанович, собственно, и не подозревал назревающей бури в душе. А сегодня вот начинает образ Кати преследовать его, вытесняя все остальное в голове. К сведению наших читателей, любивших уже и еще не любивших: как прекрасно то время, когда человек только начинает любить! Вернись, вернись то время золотое! (это для тех, кто любил), скорее, скорее приходи то время, когда начинаешь любить! (для тех, кто еще только собирается). Какие прекрасные ощущения, чистые, светлые... Не опишешь святых ощущений, а их только можно переживать. Это те времена, когда все существо вмиг обновляется, празднует, молится перед прекрасным образом вашей избранницы! Волосы, лоб, брови, ресницы, глаза, нос, губы, шея..., складки платья ее, даже туфли, пусть и истоптанные, кажутся вам чем-то божеественно прекрасным... И идете вы, хотя бы во сне, по глубокой земной, прекрасной долине, смело идете в приятные тенета, а вокруг благоухает вечный май: пчелки разные поют свой нежно жужжащий гимн, порхают бабочки, цветы приятно, открыто и честно смотрят вам в глаза... Для Петра

Степановича такие переживания не новость: были, были уже такие переживания. Но то – не то... Вот теперь – по крайней мере, Петру Степановичу так казалось, – переживания действительно настоящие, а те, прежние, как-то померкли и не стоили даже воспоминаний.

Но Петр Степанович, как вам известно, – человек рассудительный: рядом с новыми чувствами, одурманивающими мозг, появляются и мысли практического порядка: Петр Степанович твердо решил жениться на Кате.

Но только вот Катя, Катя как на это посмотрит?

Катя, надо сказать, пока и не подозревала, что такой серьезный человек, человек, говорящий больше об атомах, человек материалистичного склада, начал питать к ней нежные чувства. Кто бы мог подумать на Петра Степановича! Катя даже почти забыла уже, что ездила с Петром Степановичем на свадьбу к Ивану Григорьевичу, и по-прежнему продолжала писать союзные бумаги, буква в букву, таким же порядком, как она делала это вот уже два года. И вдруг... зовут к телефону Катю... Оказывается, Петр Степанович просит разрешения к ней приехать домой. Странно! Человек не ездил, не ездил – и вдруг хочет приехать! Зачем? Неужели опять у кого-то свадьба?

Приехал Петр Степанович к Кате в 8 часов вечера, когда солнце давно перестало светить в Задонецке, передвинувшись в сторону Америки. Катя грелась возле печки, накинув платок на плечи, и с недоумением прислушивалась, как Петр Степанович в кухне снимал галоши, полушубок, ставил кнут в уголок и сморкался – вероятно, в платок, – готовясь войти в комнату. Вошел.

– Здравствуйте, – удивленно ответила Катя, пожимая руку гостю и поправляя тут же сползающую шерстяную шаль.

– Не ожидали сюрприза? – развязно сказал Петр Степанович, чтобы с чего-нибудь начать, и, очевидно, осваиваясь, уселся в истрепанное кресло. – Я человек прямой, Катя, и буду говорить прямо: я хочу на вас жениться.

– Да бросьте, Петр Степанович, шуточки шутить, – смеясь и краснея, ответила Катя, – вы лучше скажите: большой ли мороз на дворе?

– Мороз? Та-ак... Так вот, Катя, говорю серьезно: я хочу вам сделать предложение. Сегодня у нас что? Пятница? Ну, так вот: на той неделе, в пятницу, давайте перевенчаемся. А?

– Петр Степанович! совсем вам не подходит шутить! – смущаясь, воскликнула Катя.

– Ей-богу не шучу! – в свою очередь воскликнул Петр Степанович, в подтверждение чего он подошел вплотную к Кате и взял ее руку.

– Сядьте, сядьте, пожалуйста, – отымая руку, смущенно попросила Катя. Если вы не шутите, то я вам скажу прямо, что в моих расчетах не было выходить замуж, а особенно за вас. Я вас не люблю, вы мне чужой и вообще страшно...

– Что значит «не люблю?» Надо же выходить замуж? Надо же мне жениться? Выбор мой пал на вас, и вам, вообще, надо дать веские доказательства, так сказать, вашего нежелания. Почему за меня нельзя выходить замуж?

– Ну, как-то уж все это быстро! Да вы и шутите, Петр Степанович, – неловко себя чувствуя, сказала Катя.

– Вот те и на! Приехал бы это за три версты шутки шутить, – серьезно произнес Петр Степанович. – Почему шутки? Вы мне нравитесь, приданого мне не нужно, ибо и у меня ни черта нет, а... Вы подумайте, Катя... – просительным тоном обратился скорее к столу, нежели к Кате, Петр Степанович.

– Нельзя же, Петр Степанович, все так быстро! – резонно воскликнула Катя. – Посмотрим: приезжайте почаще ко мне, познакомимся, и возможно, что вы сами откажетесь от меня.

– О, нет... – протянул Петр Степанович таким тоном, как будто бы хотел сказать: «Что вы – считаете меня сумасшедшим?» Я еще помню вас, Катя, гимназисткой: еще тогда я питал к вам особенные чувства, а теперь вот вы заняли в моей душе все место, и я никак не могу... Давайте, Катя, через неделю перевенчаемся или запишемся просто и будем жить вместе! а? Ну? – Петр Степанович снова подошел к Кате, взял ее руку, поднес к своим губам и поцеловал.

На глазах у Кати появились слезы, но трудно сказать, что это были за слезы! Несмотря на свои двадцать четыре года, Катя еще никого не любила. Или она просто случайно так прожила, не встретив на жизненном пути ни разу мужчины,

который бы заставил вздрогнуть ее сердце, или, может быть, Катя себя переоценивала и считала всех встречавшихся мужчин недостойными ее внимания, – кто знает? А если Катя тоже, как и Петр Степанович, подозревала в себе незаурядные таланты и видела себя, например, второй Вьялцевой? Она даже хотела учиться на пианино. Мы не ручаемся, возможно, что какие-нибудь таланты и таились в прекрасной Кате, но они не раскрылись – из-за разных причин, из коих на 99 процентов складывается наша повседневная жизнь: то пианино нет, то революция помешала, то почему-то не хочется, то учителя нет, то как-то... ну, в общем, обстоятельства не сложились. Так вот: плакала ли Катя, увидев ошибочность своих расчетов и предположений, плакала ли она через то, что вот-де какой-то Петр Степанович, делает ей предложение, а Кате и крыть нечем, плакала ли она о своих двадцати четырех прожитых годах, – нам по этому вопросу ничего не известно.

Мы только знаем, что прекрасная, хрупкая Катя, с ее грустными черными глазами, наполнившимися слезами, стояла виновато, растерянно перед Петром Степановичем и ожидала хотя бы какого-нибудь конца этой неожиданной сцены. Кате очень хотелось провалиться сквозь землю, умереть, но что же сделаешь с землей, если она не разверзается, и со смертью, если она занята сейчас в другом месте. А он, Петр Степанович, стоя тут близко, целовал ее руку...

Между нами говоря, хорошенькая Катя принадлежала к натурам безвольным, о которых можно сказать, что они не живут, а катятся по наклонной плоскости и не шевельнут ни одним мускулом, чтобы зацепиться и прекратить произвольность течения событий. Мало ли таких натур? Сейчас она никак не могла найтись: как ей быть дальше? – и даже ее представления о тургеневских девушках ей ничего не подсказывали. Но здесь, спасибо ему, Петр Степанович пришел на выручку, сам и заговорил:

– Вы извините, Катя, мое такое... ну, хамство, что ли, но ей-богу, я искренне и глубоко вас люблю! Я уважаю вас глубоко!

Пока эта фраза будет производить на Катю впечатление, признаемся читателю: немножко Петр Степанович соврал; соврал – правды некуда деть. Петр Степанович вчера, и сегодня

даже, до прибытия к Кате, был переполнен чувством любви, Катю обоготворял, можно сказать любил ее на 117 процентов. Но здесь, на месте, растерявшаяся Катя показалась Петру Степановичу немножко иной, и любовь понизилась вдруг процентов до 70-75. Правда, приятно, что Катя не походит на других девиц и не набросилась на Петра Степановича, как это бы сделали другие, видя перед собою все-таки приличного жениха, но все же обидно: руку Катя держит без всякого тонуса, до поцелуев в губы вообще дело не доходит...

Однако Петр Степанович разумом понимал и Катю, хотя и обиделся немножко в душе за ее адское равнодушие. Ведь он приехал не пофлиртовать, а желая жениться! Шуточка ли, жениться! Ведь Катя должна понимать, что Петр Степанович, может быть, даже делает одолжение, предлагая Кате себя в мужья. Может быть, Петр Степанович мог бы себе найти лучшую... Но все эти мысли в голове Петра Степановича проходили не в такой конкретной форме, как мы здесь описываем, они фильтровались через мозг незаметными капельками, отравляя настроение, понижая степень любви Петра Степановича к Кате, но не уничтожая главной мысли о женитьбе.

Что такое, в сущности, любовь? Петр Степанович, например, еще будучи реалистом, пришел к выводу, что любовь есть кривая, графически изображенная на осях координат и никогда не идущая параллельно оси абсцисс. Эта кривая, по его мнению, ежесекундно способна то понижаться, то повышаться, а когда линия опускается ниже оси абсцисс, то вместо любви появляется ненависть. Петру Степановичу приходилось в жизни наблюдать такие явления, он размышлял над ними, но пока, во всяком случае, к тому моменту, о котором мы сейчас рассказываем, еще не нашел величину для точного измерения количества любви и ненависти... Мы бы с удовольствием продолжили эту тему, но, извините, сейчас не можем отвлекаться и должны вернуться в комнату к Кате.

Там в это время воцарилась такая неловкость, что Петр Степанович даже подумал со злостью:

– Провалиться бы. И связался же с нею!

Петр Степанович некоторое время барабанил пальцами по столу, вперив свои глаза в ножку кровати. Он как бы

раздумывал: а что дальше делать? Пока Петр Степанович сидел и раздумывал, Катя вытерла глаза, поправила волосы на голове, лучше вкуталась в шаль и, вздрогнув, успокоено прислонилась к печке и тоже вгляделась, но не в ножку кровати, а в лампу. Эта немая сцена длилась несколько минут, пока Петр Степанович не заговорил первым, посчитав, видимо, что времени в молчании и так прошло достаточное количество.

– Странно, Катя, человеческая жизнь устроена, – так начал говорить он, печально улыбаясь. – Вот вам пространство, громадное пространство, и по нему проносится бесшумно грандиознейший шар, земной шар. Стрельба из пушек, вулканические взрывы, морские бури и все земные шумы и громы не слышны, ничтожны по сравнению с величием земного шара, так величественно и бесшумно проходящего в пространстве.

Петр Степанович на этом высморкал нос, вдумчиво глядя на угол комода, а Катя с недоумением смотрела на него, ожидая продолжения мыслей Петра Степановича. Петр Степанович, не спеша, сложив платок восьмеро, спрятал в карман и продолжал:

– Нам вот, Катя, кажется, что все наши революции, войны, идеи, честолюбие, сокращение со службы – это что-то значительное. Но вознеситесь вы мысленно тысяч на пять верст от Земли – и покажется вам вся наша земная канитель такой мелочью, что вы расхохочетесь, так вам станет смешно. Как иногда смешно бывает смотреть на болотную каплю в микроскоп, где проворная инфузория нападает на малюсенькую водоросль и вероятно считает: «Я тоже живу»... Ха-ха-ха...

– Что вы хотите сказать, Петр Степанович? – воскликнула Катя, заинтересовавшись разговором.

– Обождите немножечко. На меня иногда находит, и хочется пофилософствовать. Видите ли, темный народ, не подозревающий о существовании всяких там физик, химий, математик, физиологий, но только еле-еле осознающий свое существование, – этот народ счастливее нас, изучивших всякие науки. Простой народ, если он любит, то любит, а мы...

– Странно, Петр Степанович, – прервала его Катя, опасаясь возвращения к теме любви, которая ее смущала, – раньше я

никогда не думала, что вы такой начитанный, с такими интересными мыслями. Вы меня даже удивили, когда мы ездили на свадьбу к Ивану Григорьевичу.

– Почему же удивил? – Петр Степанович почувствовал, что рыбка, кажется, клюнула.

– Ну... Это, – Катя замялась, – это как-то не вяжется с вашей наружностью.

– Какая же у меня наружность? – поспешно спросил Петр Степанович.

– Такая, – Катя затруднилась определить... Ну, грубая, что ли...

– Мужичка?! – припер Катю к стене Петр Степанович.

Петру Степановичу случалось смотреть на себя в зеркало, и он тоже иногда находил, что у человека с такими духовными интересами, как у него, внешность могла бы быть немного иной. Менее грубой, что ли. «Неладно скроен, да крепко шит», – как-то попытался утешить он себя, но потом вспомнил литературного персонажа, о коем были сказаны эти слова, и больше к этой мысли не возвращался. Сейчас же он расстроился. Катя была такая красивая, а он – Собакевич-Собакевичем.

Хотя, с другой стороны, – рассуждал Петр Степанович, – мужчина и не должен быть таким красивым, как женщина. И вообще дело не в красоте. «Она его за муки полюбила, а он ее – за состраданье к ним». Петр Степанович чуть было не процитировал эти слова с целью убедить Катю принять его предложение, но потом подумал, что даже двухмесячное пребывание в белогвардейской харьковской каторжной тюрьме в 1919 году – недостаточные муки, чтобы требовать за них любви такой женщины, как Катя, а других мук он припомнить не мог. Поэтому он избрал другую тактику.

– Конечно, такая красивая женщина, как вы, Катя, – начал он...

– Да я совсем не красивая, – откликнулась Катя, – явно провоцируя Петра Степановича на продолжение.

– Нет, Катя, нет, вы очень красивая. Когда я на вас смотрю, я вспоминаю реальное училище: первый урок – русская словесность – и учитель нам читает:

Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись.
Так озаряет лунный свет...

Это о вас, Катя! Видно, из-за своей красоты вы и не хотите выйти за меня.

– Да ведь вы сами будете потом жалеть. Вы же меня не любите. Вы просто ищете женщину, и так как я вам показалась самой подходящей, то вот вам...

– Ну что вы, Катя! Не надо меня так обижать!

– Я не хочу вас обижать, но нельзя же жениться, не зная друг друга. Может, я вам совсем и не подхожу...

Поговорили-поговорили, вернулся к себе Петр Степанович только за полночь, и так и не понял, удачным было его сватовство или нет. И никакой через неделю женитьбы не было.

Но теперь Петр Степанович и сам стал склоняться к тому, что торопиться в таком деле не следует, и даже нехорошо это для такого обстоятельного человека, как он. От замысла же своего Петр Степанович никак не отказался, а стал ездить к Кате по вечерам, жеребец его и дорогу уже сам находил. И Катя не протестовала. Так катилось все мало-помалу, уже и зима закончилась, а весной, сами понимаете, у Петра Степановича дел невпроворот, на особую свадьбу времени не оставалось. И на венчании Катя не настаивала. Так что записались просто, и был уже к лету Петр Степанович женатым человеком.

Мы, кажется, забыли вам сказать, что отец Петра Степановича, будучи совершенно не приспособленным к революциям, конфискациям, разорению церквей, сниманию с них колоколов и тому подобному, к этому времени умер неизвестным образом, находясь по каким-то делам в селе Петровское неподалеку от города Змиева, а мать, слава тебе господи, была жива, у нее был домик в Змиеве. Как женщина сильно старорежимная, она полагала, что сын ее, прежде чем жениться, должен был попросить ее благословения. Когда же, женившись не спросясь, да еще и без венчания, Петр Степанович все-таки

привез к ней на показ молодую жену, она встретила их недоброжелательно, а невестка ей вообще не понравилась. Она ценила в женщинах широкую кость и способность к физическому труду, а от субтильной Кати мать Петра Степановича большого проку не ожидала. Но менять что-либо было уже поздно.

ХII

Вы, вероятно, уже заметили, что среди имен людей, которых Петр Степанович мог бы превзойти, если бы ему удалось превратить свою потенциальную энергию в кинетическую, наряду с Пушкиным, Дарвиным и другими, в мыслях своих он частенько-таки упоминал и имя вождя мирового пролетариата т. Ленина. Не удивительно, что смерть т. Ленина произвела на него впечатление освободившейся вакансии, тут уж точно надо было садиться за стол, брать в руки перо... И никакой Макар теперь бы ему не помешал. Но в ту зиму как раз пришлось Петру Степановичу заниматься своей женитьбой, а после женитьбы началась семейная жизнь, пошли всякие заботы, перемены во время препровождения, один раз даже ездили в Харьков и там ходили в театр «Березиль». Ведь хаживал когда-то Петр Степанович в студенческие годы в театр, хаживал, пьесы писал, вы помните?.. А потом вообще пошли дети. Раньше можно было хоть в выходной день заняться, даже столик под яблоней думал установить для этого... Сейчас не то, сейчас только видит тебя этот подлец, так сразу в рев, и пока не возьмешь его на руки, не успокоится. Согласитесь, что в таких условиях нелегко было Петру Степановичу переплюнуть бездетного т. Ленина.

Да. И тут еще эта проверяющая комиссия. А как же не проверить? Что с того, что ты – хороший хозяин? Даже и подозрительно, когда все другие – плохие. Т. Гордиенку это еще и раньше стало подозрительно, когда Петр Степанович захотел снять его кобылу со специальной диеты. А что лошадей давал служащим для религиозных обрядов без разрешения правления? А что вмешивался в распоряжения правления, а председателя вообще называл малограмотным? И рабочие недовольны:

ведет себя в хозяйстве как настоящий царь, по пять раз одно и то же заставляет переделывать. Ну, ничего. Партийная комиссия во всем разберется.

Здесь мы должны предупредить нашего читателя, особенно бывшего партийного, и рассеять могущее возникнуть недоумение: «неужели же у партийцев и в партии вообще не было ничего положительного, что в данном повествовании выставлены партийцы отрицательного порядка»? Мы хотим уверить всех читателей, и партийных, и беспартийных, что в дальнейшем ходе нашего повествования мы рассчитываем встретить очень положительных партийных товарищей, – таких людей, что сам Джек Лондон позавидует, что выпало счастье нам их описать, а не ему, Джеку Лондону. На нашем пути, возможно, еще попадется такой партийный герой, что Джек Лондон написал бы целый роман про него и озаглавил бы его, например, «Зов металла». Но пока не попался. Ведь пока действие происходит в двадцатые годы, когда нигде и ни в чем не проведена стабилизация, когда только один кучер Кузьма вернулся на свое старое место, а многие, кто мешал партии бодро шагать вперед, еще держатся крепко кобьями сырой, тяжелой, липкой грязи за сапоги партии, и ей, партии, приходится сильно напрягать мускулы, прежде чем сделать еще один шаг вперед. Мы этим не хотим сказать, что все четыре партийца из нынешнего Правления в последующие годы будут выброшены из партии, но некоторые из них – да, выскочат и займутся другой работой, соответствующей их духовному уровню и физической силе. Впрочем, сейчас об этом еще рано говорить, извините, что отвлек вас немного в сторону.

Партийная комиссия все проверила досконально и пришла к неутешительным выводам. Да, конечно, отдельные успехи были, но общая атмосфера в хозяйстве тяжелая, партизанщина какая-то куркульская. Всем правит один Петр Степанович, делает, что хочет, без оглядки на партийное руководство. Надо собирать общее собрание рабочих, комиссия представит им свои выводы, посмотрим, что они скажут. Рабочий класс все очень правильно понимает.

Петр Степанович уже знал по некоторым наблюдениям, что если ты попал на обсуждение общего собрания, то тебе

крышка. Что ты там ни будешь говорить, – все рано провалят и прокатят. У них в райпотребсоюзе как-то был случай в одном совхозе, что уволили магазинера Моргуна со службы, а он, дуралей, возьми и подай заявление на общее собрание рабочих, чтобы, видишь, его реабилитировали. Теперь Моргун и внукам закажет обращаться к общему собранию! Ну, собрались рабочие, начали обсуждать. Председатель, как всегда, начинает демократически: «Кто по этому вопросу желает взять слово?» Мнутся люди, но нехотя один просит слова и говорит: «Оно, конечно, мне не нужно, но скажу пару слов и о Моргуне. Моргун, конечно, паренек славный, но иногда видишь – несет через парк ящичек из магазина. Может быть, в этом ящичке и ничего нет, может быть, он и пустой, а подозрения есть». «Кто еще желает?» – спрашивает председатель. Выступает, тоже нехотя, еще один и говорит: «Я за Моргуном никогда, можно сказать, ничего не примечал, но скажу, что ежели зайдет в магазин к Моргуну какая-нибудь женщина, то обязательно закрывается дверь, и там он, Моргун, начинает с женщиной амуриться, бо слышно, что женщина смеется». Так этого Моргуна не то что не восстановили на работе, но еще и жена не хотела домой пускать.

Устроили собрание и в хозяйстве Петра Степановича. Выбрали председателя – Афанасия, а от комиссии выступал т. Гордиенко. Он доложил, что так и так, спочатку здавалося, що Петро Степанович... Може воно так і було спочатку... А потім він втратив пильність... Не розуміє вимог моменту... Якесь політична близорукість... Комісія вважає, що він не може більше очолювати господарство... *

Афанасий никогда еще не был председателем собрания, но он не растерялся и постарался, чтобы все шло, как и на других собраниях, на которых ему случалось бывать. Он важно надулся и произнес, как если бы он это делал каждый день:

– Кто по этому вопросу желает взять слово?

Сначала никто не желал, но потом все-таки Григорий Васильевич вспомнил, что до приезда Петра Степановича он

* Сначала казалось, что Петр Степанович... Может, оно так и было вначале... А потом от утратил бдительность... Не понимает вимог момента... Какая-то политическая близорукость... Комиссия считает, что он больше не может возглавлять хозяйство... (укр.)

выполнял обязанности заведующего, и решил, что ему непременно надо выступить.

– Конечно, у Петра Степановича образование, но они думают, что они только одни что-то понимают, а мы ведь тоже учились в садовой школе и знаем, как окулировку делать...

Т. Гордиенко сочувственно кивнул, и тогда Жовтобрюх, Николай Захарьевич, возбужденно выкрикнул:

– У нас здесь не крепостное право, чтобы командовать! Я, значит, сеялки, ремонтирую, а Петр Степанович подходит – и то ему не так, и другое не так; и новую доску выстругай, и сошники переставь... наговорил такого, что...

– А це треба було робити?* – строго спросил т. Гордиенко.

– Конечно, надо, да разве все это переделаешь: и доску перемени, и сошники сдвинь, и оси подкатай... Тут и так досадно, а он – со своими командами...

Сторож Макар, как бывший городской, лучше разбирался в политике, и его выступление было более дипломатичным.

– У меня сейчас по посевам никто не ездит, как раньше было! А если комиссия находит, что надо снять Петра Степановича, дай ему бог здоровья, так ей виднее.

Одним словом, поговорили, все припомнили Петру Степановичу, и только дед Демид сказал, что он Петра Степановича уважает, но что царей нам здесь не надо.

В конце Афанасий, как ему разъяснили перед собранием, поставил на голосование решение комиссии: одобрить или не одобрять.

Не одобрять было как-то неудобно, да и не все понимали, что это за решение, так что все подняли руки за одобрение.

Через два дня Петра Степановича вызвали на заседание правления, и т. Гордиенко сделал доклад о результатах работы комиссии и о решении собрания. Шатунов сокрушенно качал головой, давая всем своим видом понять, что не ожидал он такого от Петра Степановича, не ожидал, что все это для него – полнейшая неожиданность, но вообще был настроен миролюбиво. Выступая, он вспомнил лозунг партии «Коммунисты в кооперацию и на все командные высоты!», подчеркнул, что

* А это нужно было делать? (укр.)

руководить хозяйством должен, конечно, кто-нибудь партийный, но и разбрасываться ценными агрономическими кадрами партия не велит. А Петр Степанович К. – человек с высшим агрономическим образованием и, несмотря на промахи на руководящей работе, может еще принести пользу. В данный момент, больше всего пользы он мог бы принести в Куземенском совхозе, где как раз не было старшего агронома.

Петр Степанович знал этот совхоз. Там действительно не было старшего агронома, но там вообще ничего не было, потому что все было разворовано и пропито его предыдущим заведующим, бывшим революционным матросом из здешних по фамилии Коваленко, и его помощниками. Сейчас как проверенный участник революции и гражданской войны Коваленко был приглашен на работу в ГПУ, а заведующим был назначен Корчак, до недавнего времени возглавлявший горкомхоз, чем-то проштрафившийся на этой работе, но все же партийный. Так что Шатунову позарез нужен был в Куземинах хоть один человек, разбирающийся в хозяйстве. Такие вот обстоятельства и привели Петра Степановича в Куземины.

Вы спросите: почему Петр Степанович не стукнул кулаком по столу, не написал, на манер Ивана Григорьевича, заявления об уходе, не отказался от нового назначения?

Да все из-за женитьбы. Из-за нее он теперь – степенный человек, семейный, у него растет сын и, между нами говоря, жена его, Катя, снова ждет ребенка. Две комнаты его в главном доме – совхозные, в них теперь новый заведующий будет жить, еще пока не назначенный. А в Куземинах есть дом для агронома, реквизируемый у бывшего владельца еще тогда, когда враги оказывали бешеное сопротивление советской власти. Вот и вся арифметика.

И не забудьте, что Петр Степанович – человек философского склада, он никогда не забывает о своем высоком призвании, еще надеется удивить человечество новыми откровениями. Листок с аккуратно выведенными словами «В омуте жизненной лжи» лежит среди его бумаг, как маршальский жезл, а агрономство, Куземины – это все временное, преходящее.

ХІІІ

Боимся, нам придется теперь, в целях экономии бумаги, отойти от подробного жизнеописания Петра Степановича и двигаться дальше, обозначая только пунктирную линию его жизни, довольно-таки прерывистую.

Петр Степанович не перестал быть хорошим хозяином и в Куземинах. Дай ему похозяйничать годик-другой, у него бы и тут все заиграло и заблестело. Но тут у него оказался непосредственный начальник, Корчак Андрей Андреевич, член РКП(б) с 1918 года. И дело не в том, что он был начальником Петра Степановича. Он вообще был начальником, никакой другой профессии у него не было. До Куземин он был начальником горкомхоза, и все было бы хорошо, если бы он не стал подъезжать к одной сотруднице новенькой. Отличная девица, о такой блондиночке-секретарше каждый начальник может только мечтать: губки накрашены, глазки подведены, голосок приветливый. Живет одна со своими родителями, так Андрею Андреевичу казалось, во всяком случае. Он и стал ей оказывать знаки внимания. Он оказывает, а она – ни в какую. Она ни в какую – а он наседает. Начальник все-таки. Даже угрожать ей стал понижением в должности. А тут, как говорится, возвращается муж из командировки. Он, видите ли, был военным, где-то воевал, неизвестно где, распространял мировую революцию, и она это свое замужество не афишировала. Он приехал – а она в слезы. Он тоже не стал ничего афишировать, помчался в Харьков, там с кем-то поговорил. Наш секретарь партийный возвращается из области, глаза вытарашены, только одно от него и слышно: «моральный облик, моральный облик!» В общем, сняли Андрея Андреевича с работы, дали выговор и перебросили в Куземины. А сотрудница как раз осталась на своем прежнем месте, без понижения.

Андрей Андреевич приехал в Куземины со своими принципами. Первый и самый главный принцип Андрея Андреевича как начальника был такой: «ершистых подчиненных мне не нужно». Ершистых он убирал очень быстро. Этой диалектикой Андрей Андреевич владел досконально. Чуть что, он сразу: «Что же касается Тимчука, то я знаю, куда он гнет... Я

зна-аю, что Тимчуку наша власть не по нутру. Я зна-аю, что Тимчуку в кумовья милее урядник и старшина». Сотрудники смотрят на Андрея Андреевича во все глаза и, понятно, боятся выступать, ибо Андрей Андреевич настолько сильно вооружен диалектическими приемами, что ему и возразить-то нечего.

А Петр Степанович, даром, что философского склада человек, а как раз довольно-таки ершистый. Он считает, что если кто-то не разбирается, допустим, в свиноводстве, хоть даже и начальник, так нечего и соваться. Он, конечно, слушает Корчака из осторожности, а делает все равно по-своему. И при этом Петр Степанович никак не может отказаться от своей привычки разглагольствовать с людьми на разные посторонние темы. Ну, просто сам лезет в пасть Андрею Андреевичу.

Заспорили они однажды круто по вопросам свиноводства, а обернулось все политическим делом. Петр Степанович в какой-то момент потерял бдительность да возьми и скажи:

– Этот хряк только в партию вступить может. Никакой другой пользы от него не будет.

Это он не про Андрея Андреевича сказал, а про настоящего хряка. Но все равно такого уже Андрей Андреевич стерпеть не мог. Собирает собрание и говорит:

– Пора нам научиться отличать беспартийного специалиста от вредителя! Что мы знаем о социальном происхождении Петра Степановича? Он пишет, что из крестьян, а сам с рабочими разговаривает о каких-то Папене и Уатте! Кто эти люди? Какое они имеют отношение к нашему пролетарскому государству? Чем они помогают в нашем свиноводстве? А не иностранный ли он шпион, наш Петр Степанович?

И пошло-поехало. Хоть про хряка почему-то Андрей Андреевич и не упомянул, а уволили с такой формулировкой, что с трудом потом устроился Петр Степанович агрономом на сахарный завод.

И это было только начало. За Петром Степановичем установилась репутация человека политически неблагонадежного, и он, надо сказать, эту репутацию, помимо воли, поддерживал, никак не мог отказаться от привычки высказывать свои точки зрения по всяким вопросам. Но так как эти точки зрения высказывались на основании собственной логики Петра

Степановича, а не на основании таких авторитетов, как Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, то получались курьезы. «Видимо, простой логики мало, – думал он иногда, – надо серьезно читать, изучать диалектическую логику». Думать-то думал, а чуть что, сразу же выступает примерно, в таком стиле: «если бы я был на месте Сталина, то не так бы поступил, а...». Или: «Маркс с такими решениями не согласился бы». Где же диалектика?

Вот он и попадал все время в разные истории. Конечно, всякий раз, как Петр Степанович выпутывался из последней неприятности и переходил в другое место служить, он твердо решал, что будет очень осторожен, всякий раз собирался на новом месте жить по-новому, а оно не выходило. Видно, природа человеческая наверх выпирает, как шило в мешке: ты его уложишь в мешок, а оно, чертово шило, где-нибудь и выстроится из мешка. Жене давал несколько раз обещания – начать жить по-новому, но... не выходит.

Недолго удержался он и на этом сахарном заводе. Он-то, собственно, только делал предложения по повышению урожайности свеклы, тем более что приезжал управляющий трестом Викентий Григорьевич и призывал к этому от имени партии. Но нервы у людей были уже напряжены пятилеткой, всем хотелось предложить что-нибудь замечательное, а не чтобы кто-то другой это предлагал, тем более, беспартийный специалист. Тем более, кто позволяет себе выпады...

Пришлось ехать в область и добиваться правды.

Три месяца ходил Петр Степанович без работы, и если что-то его поддерживало в это время (кроме, конечно, огорода и коровы), так это все еще жившая в нем вера в свое великое призвание. Правда, мы видели, как многие способы прогреметь на весь свет уже отпали сами собой, даже мы об этом сожалеем. Еще при переезде в Куземины затерялся и заветный листок с красиво написанным заглавием «В омуте жизненной лжи», в него чуть ли не завернули стекло от керосиновой лампы, чтобы оно не разбилось при транспортировке.

Но, с другой стороны, кое-что еще оставалось. Одно время Петр Степанович даже подумывал, как уже, кажется, упоминалось, о парашютизме – новой области, в которой

тоже можно было бы прогреметь. Хотя, честно говоря, он не понимал, как это можно решиться спрыгнуть с такой высоты!

А больше он надеялся все-таки на художественную литературу. Она всегда привлекала Петра Степановича, порой он чувствовал в себе такие потенциалы, что на Салтыкова-Щедрина смотрел с большим снисхождением. «Если бы мои потенциалы в литературе превратились во что-то кинетическое хоть на десять процентов, предполагал Петр Степанович, то люди ходили бы между моими памятниками, как в лесу между деревьями». Если что и препятствовало реализации этих потенциалов Петра Степановича, то лишь нехватка свободного времени, которого, как мы, кажется, тоже уже говорили, у женатого Петра Степановича оказалось даже меньше, чем было до женитьбы.

Но вот теперь вынужденный простой привел к тому, что свободного времени у Петра Степановича оказалось даже в избытке. Он помаялся немного бездельем, а потом почувствовал в себе прилив сил, примерно, как в ту ночь, когда он ехал подлунной с памятного юбилейного вечера. Он поискал бумаги, чтобы опять начать с красиво выведенного заглавия, где-то у него должна была быть стопка бумаги, но теперь, при семейной жизни, найти что-нибудь в его доме стало намного труднее, чем при прежнем порядке. А перо буквально жгло пальцы. У Петра Степановича еще со времен его учительствования сохранился неисписанный школьный кондуит – довольно-таки толстая книга большого формата с разграфленными страницами. Эти чистые страницы просто молили о заполнении. Поначалу Петру Степановичу немного мешала повторяющаяся на каждой странице «шапка»:

Годъ, мѣсяць и число	Заявленіе преподавателей о проступкахъ учениковъ	Налагаемые мѣры взысканій
----------------------	--	---------------------------

Поэтому он перевернул книгу «шапкой» вниз и вверх первой (бывшей последней) страницы решительно вывел:

*Глава первая,
так сказать, вступительная, чтобы с чего-нибудь начать
повествование*

Потом подумал немного и начал писать:

«Это была не учеба, а черт знает что! На самом деле: вода в лаборатории замерзала, трубы лопались, реактивов не было, профессорские жены торговали пирожками, холод, голод, очереди, анкеты...».

Петр Степанович старался писать каждый день, хотя, к сожалению, и теперь ему кое-что мешало не меньше, чем сторож Макар в свое время. Петр Степанович боролся за свою реабилитацию. Надо было ездить в Харьков искать правды: делать нотариальные копии со своих документов (по одному рублю за каждую копию), подавать заявление в обком своего профсоюза с приложением этих самых копий и прочее. Но в обкоме профсоюза никуда не торопились, велели наведаться «через пару деньков», возможно, заявление Петра Степановича будет рассматриваться на президиуме, если только не уладят вопроса мирным путем с дирекцией Свеклотреста. Одним словом, свободное время оставалось.

Через пару деньков оказалось, что председатель обкома профсоюза уехал в командировку по важному делу и, очень может быть, что после выходного возвратится из командировки, если, конечно, не задержится. Председатель возвратился только после следующего выходного и был очень удивлен, что Петр Степанович его ждал. Его товарищеский совет заключался в том, чтобы Петр Степанович сам сходил к директору треста и постарался уладить конфликт по-мирному.

Петр Степанович провел несколько часов на стуле возле двери кабинета директора, через которую все время входили и выходили местные сотрудники, пока не решился проскользнуть в дверь вместе с одним из них (он выбирал, какой позахудалее, – директор сним долго не будет разговаривать) и дождался, когда тот вышел.

– Викентий Григорьевич, я к вам, – начал он сладеньким голосом.

– Что еще вам? – поднял брови Викентий Григорьевич.

– Видите, Викентий Григорьевич, меня директор завода...

– Петр Степанович настолько подсластил свой голос, что его обычный баритон зазвучал лирическим тенором.

– Скорее говорите, я сейчас уезжаю! – нетерпеливо прервал его Викентий Григорьевич.

Петр Степанович растерялся, ему хотелось подробно рассказать обо всем, что с ним приключилось, но раз Викентию Григорьевичу надо уезжать...

– Вот мое заявление, в нем все сказано, – он пододвинул к директору свое заявление на четырех страницах, исписанных убористым, но красивым, как казалось Петру Степановичу, почерком.

Викентий Григорьевич поморщился, что, видимо, отражало какие-то внутренние колебания. Потом колебания стали внешними. Вначале Викентий Григорьевич брезгливо отодвинул от себя слишком близко подвинутое заявление, как будто оно было вымазано нечистотами. Потом он посмотрел на него некоторое время издали, взявшись за край стола, что должно было означать, что он встает и уходит. Но внезапно он оторвал руки от стола, решительно взял перо и небрежным почерком начертил резолюцию: «Зав. кадрами. Разобраться, выехав на место с представителем обкома профсоюза».

– Отнесите в кадры, но ничего из этого не выйдет. Такие люди, что занимаются контрреволюционными выступлениями, – им у нас нет места, – он потянулся к графину, налил и выпил стакан воды.

– Викентий Григор...

– Извините, мне некогда с вами размузыкивать.

Опустим второстепенные детали и скажем только, что и на этот раз правда восторжествовала, хотя и в усеченном виде. В конце концов, Обком профсоюза вынес постановление «предложить директору завода за вынужденный прогул заплатить; изменить приказ №146; принять к сведению заявление заместителя директора треста, что т. К. Петр Степанович будет использован по специальности на другом предприятии треста».

Вся эта история заняла три месяца и, не ходя на работу, Петр Степанович имел достаточно свободного времени, которое он проводил над своим кондуитом. И страниц он исписал уже немало. Первая глава была уже закончена, и немного написано было уже из «Главы второй, в которой Петр Степанович задумается над бессмысленностью жизни и будут указаны причины, побудившие Петра Степановича впасть в глубокий скептицизм».

Как видим, Петр Степанович писал о себе в третьем лице, как Державин, но суть не в этом. А суть в том, что когда он сидел над своей рукописью, все его заботы удалялись от него, и даже такой большой человек, как управляющий всем трестом Викентий Григорьевич, к которому и в кабинет-то нельзя было попасть, превращался в мелкую козявку, не стоящую упоминания.

XIV

Автор настоящего повествования, то сливаясь с его героем, то разъединяясь с ним, и не думает, как уже упоминалось, описывать всякие жгучие приключения, происходившие с Петром Степановичем, тем более что никаких таких приключений с ним, слава богу, и не происходило.

Если с кем и происходили в то время приключения, так это с братьями Петра Степановича – старшим братом Алексеем Степановичем и младшим – Василием Степановичем.

Василий Степанович был горячий коммунист и, даром что молодой, находился уже на ответственной работе. В чем заключалась эта работа, Петр Степанович не очень хорошо знал, разве что догадывался. Василий Степанович часто куда-то исчезал, а куда – неизвестно, с братом он не делился. «Где-то он, наверно, в каком-то подполье орудует», – высказал свою догадку Петр Степанович в разговоре с Катей, когда она удивилась, что давно нет от брата никаких известий. Этот разговор слышал старший сын Петра Степановича, которому было тогда лет шесть. Через несколько дней Катя, зайдя на кухню, обнаружила крышку подпола открытой и увидела, что стоявшая внизу керосиновая лампа была зажжена. Оказывается, это ее старший сын отправился на поиски «дяди Васи». Лазить в подпол ему не

разрешалось, так что его пришлось наказать, но хуже наказания было для него то, что под полом он никого не нашел.

Со старшим братом, Алексеем Степановичем, был другой коленкор. Он в семье из братьев считался самым способным, был хорошим инженером по прокатным станам, но всего этого ему показалось мало, и он зачем-то связался с Промпартией. Петр Степанович даже и не знал, что такая партия существует, да и никто не знал, но, благодаря умению ОГПУ вовремя арестовывать, все о ней узнали. В газетах опубликовали стенограммы судебных заседаний, на которых главные вредители во всем признались.

У Петра Степановича тогда еще не было привычки регулярно читать газеты, но тут ему помог младший брат, Василий Степанович. Он тогда неожиданно снова откуда-то возник и немедленно отсекся от Алексея Степановича. Василий Степанович хорошо разбирался в международной обстановке и, выступая на собраниях перед трудящимися, убедительно разъяснял, что если бы заговор Промпартии не был своевременно раскрыт, то в Москве бы уже сидел Пуанкаре. Петр Степанович виделся с братом Василием во время одной из своих поездок в Харьков, и тот сунул ему в руки газету «Известия»:

– На, передашь матери, ты ее раньше увидишь. А то она думает, что ее сыночка не за что арестовали.

Брат на минуту вышел из комнаты, Петр Степанович открыл газету, и его взгляд сразу уперся в знакомое: «Новые отряды МТС ускоряют коллективизацию СССР». Его заинтересовал пункт, касавшийся специально свекловичных районов, он попытался вникнуть в него, но тут возвратился брат и раздраженно сказал:

– Что ты читаешь? Ты переверни страницу!

Петр Степанович послушно перевернул страницу и неожиданно увидел на ней свою фамилию. Это была стенограмма процесса по делу «Промпартии», и как раз показания давал Алексей Степанович. Петр Степанович стал читать. Брат отвечал на вопросы прокурора Крыленко:

– Я совершенно определенно и сочувственно встретил Февральскую революцию и должен также определенно признаться,

что Октябрьская революция явилась для меня просто неожиданной. Я не понимал смысла происходящих событий, – теперь-то я их очень и очень хорошо понимаю, – но свое личное отношение тогда могу сформулировать только с отрицательной стороны...

Тут Петр Степанович почувствовал себя неловко, у него у самого, конечно, никогда не было отрицательного отношения, так, нейтральное – это еще может быть. Но что бы он сказал, если бы его стали спрашивать? Петр Степанович читал дальше:

– Примерно в конце 1925 года, в начале 1926 г., когда была сформирована и организована вредительская работа по линии Донбасса и по линии других отраслей, – она мне становилась понятной. В этом отношении я определенно попал в число участников этого «Инженерно-технического центра».

Крыленко. Приблизительно с 1925 г. вам стал ясен вредительский характер работы и в вашей практической работе вы должны были принимать участие в этой вредительской работе. Вы оказались открытым вредителем с половины 1925 года.

К. С начала 1926 г.

Петру Степановичу стало не по себе, даже немножко жутко. Нейтрально относиться к советской власти, когда никому не известно было, сколько она продержится, – это он еще понимал. Но встать на путь открытого вредительства теперь, когда она довольно основательно укрепилась! Как такие мысли могли прийти в голову его брату Алексею, который у них в семье считался самым умным?! А ведь пришли же, он сам об этом говорит!

Мать Петра Степановича была малограмотной, ему пришлось прочесть ей газету вслух, но когда он захотел забрать газету, она не отдала, унесла куда-то. Спросила только, что Алексею за это будет. Петр Степанович точно не знал, ничего хорошего, конечно, не ожидал, но матери ответил неопределенно.

Впрочем, приговор оказался не особенно суровым. Первоначально, правда, Алексея, в числе главных подсудимых, приговорили к расстрелу, но потом почему-то смертную казнь всем заменили десятилетним заключением. Народ даже удивлялся: расстрел – он и есть расстрел, а заключенный может и выжить...

Впрочем, на сей раз этого не произошло. Алексей Степанович пропал бесследно, как если бы его все равно расстреляли, из заключения никогда не вернулся, так что и мы больше не будем к нему возвращаться.

Таких приключений у скромного агронома Петра Степановича не было, но всякие неприятные истории были и у него, и умолчать о них мы не можем.

Как уверяет Петр Степанович, за первые четырнадцать лет трудовой деятельности его девять раз выгоняли со службы, а три раза, вроде, он сам уходил. И каждый раз приключалась какая-нибудь история. Пересказывать их все мы, само собой, не станем, а перескочим через несколько лет и потом снова встретимся с Петром Степановичем, когда он, описав круг по Харьковской области, а однажды залетев даже в Полтавскую, снова живет в уже знакомом нам Задонецке и работает агрономом на сахарном заводе. Все вроде бы налаживается – и в стране, после временных трудностей 1932-1933 годов, и в жизни Петра Степановича.

Кстати, трудности эти семья Петра Степановича пережила относительно благополучно, он как-никак занимал тогда должность главного агронома совхоза, у них даже была корова с телянком. Питались в основном кукурузой, но было молоко и вообще не голодали, как многие вокруг.

Случались, правда, разные моменты, но, по тем временам, – ничего особенного. Как-то ночью все проснулись от довольно громкого стука возле сарая. Петр Степанович решил выйти посмотреть, но не тут-то было. Катя встала стеной. Она вообще сделалась очень нервной, все ее пугало. Один раз, например, она услышала детский плач за окном, открыла дверь – а там стоит босая девочка лет пяти или шести, примерно такая же, как их младший сын (в ту пору у Петра Степановича было двое детей). Катя позвала её в дом, накормила и хотела переодеть во что-нибудь более теплое и не такое рваное. А девочка вдруг стала кричать и защищаться, видно, решила, что ее раздевают, чтобы съесть. Она знала, что такое бывает. Тогда Катя сложила вещи в сумочку, на дно сумочки, под вещи, чтобы не было видно, положила кое-какие продукты и вывела девочку на улицу. Младший сын Петра Степановича (тогда он был младшим, а потом стал

средним) тоже вышел на порог и смотрел вслед девочке, пока ее фигурка не скрылась из виду. Вернулся в дом, а мама сидит как-то бестолково и плачет.

Вот и сейчас она так же бестолково повисла на шее у Петра Степановича и стала умолять его не выходить. Петр Степанович, конечно, разорвал её руки, но тут она бросилась на пол и обвила его ноги. И ему пришлось смириться. Только когда рассвело, он вышел и понял, что воры пытались разбить замок на сарае. Но то ли замок был прочный, то ли воров спугнул свет в доме, когда Петр Степанович собирался выйти ночью, но замок на двери сарая уцелел, а вместе с ним и корова с теленком. С тех пор, конечно, их в сарае уже не оставляли, держали в доме, в пристройке, где бывший владелец, к тому времени раскулаченный и увезенный куда-то, хранил разные сельскохозяйственные инструменты.

Еще разные были эпизоды. Как-то утром, проезжая на дрожках мимо ближнего поля, Петр Степанович заметил там несколько работающих женщин. А вечером, когда возвращался, увидел у дороги только одну, прилегшую отдохнуть. Так ему сначала показалось, когда же подъехал ближе, а она не пошевельнулась...

Все это было, конечно, очень неприятно, но жизнь шла своим чередом. В тот момент начальство ценило Петра Степановича как опытного специалиста, а он, в свою очередь, старался оправдать доверие начальства, работал с утра до ночи. Смотреть по сторонам ему особенно некогда было, да и не хотелось. Иногда его вызывали в трест, в Харьков, на всякие совещания, сдавать отчеты или планы. Колхозникам билеты на поезд не продавали, был такой приказ, но у Петра Степановича всегда была бумага, что он едет в командировку, так что он ездил спокойно, и однажды ему даже довелось оказаться в Харькове в тот день, когда столицу Украины посетил известный французский политический деятель Эдуард Эррио.

По начитанности своей Петр Степанович знал, что где-то существуют немцы, англичане, французы, но встречаться с ними ему, можно сказать, не приходилось, а тут подвернулся случай взглянуть на живого француза, да еще и знаменитого. Вот Петр Степанович и задержался в Харькове на выходной, переночевав

у своего брата Василия, теперь уже большого партийного начальника, окончательно обосновавшегося в столице Украины. С Василием Степановичем, всегда сильно занятым и высоко летавшим, особенных отношений Петр Степанович не поддерживал, но переночевать у него, в случае чего, можно было. Жену брата Шуру он давно знал, на ней начальственное положение мужа не слишком отпечаталось, она не заносилась и всегда приглашала. Петр Степанович возможностью ночевки не злоупотреблял, но и не пренебрегал – в случае необходимости, конечно. На этот раз особой необходимости не было, но ему хотелось поговорить с братом, а в выходной, перед отъездом, он вышел на улицу поглазеть на француза.

Был приятный летний день, и довольно много людей выстроилось вдоль улицы Карла Либкнехта, бывшей Сумской, в ожидании лимузина с французом. Сами ли они пришли или по мобилизации, – этого Петр Степанович не знал.

Проходя по этой самой улице накануне вечером, он видел, как два милиционера приблизились к какому-то человеку деревенского вида, обессилено сидевшему на земле у входа в магазин, убедились, что он жив, помогли ему встать и, держа под руки, увели куда-то в переулок. Ходили слухи – Петру Степановичу рассказывали, – что если люди могли еще ходить, их оставляли на улице, а кто не мог, – тех увозили в какие-то бараки на Основе, а потом, когда они умирали, ночью, их сбрасывали в овраг поблизости и немного присыпали землей – и так каждую ночь. Правда это было или нет? Мало ли что болтают... В гражданскую войну тоже не сладко было, сколько людей от тифа умерло, например! Может и теперь была какая-нибудь заразная болезнь, о ней не говорили, чтобы не было паники, а остальное – одна баба сказала? Он сам в гражданскую войну сколько раз руки поднимал – а жив остался.

Обо всем этом Петр Степанович и хотел побеседовать с братом, тот-то, большой начальник, точно знал, что – правда, а что – брешут. Но особого разговора не получилось. Петр Степанович долго ждал его вечером, успел поиграть с Велориком – ровесником своего второго сына, поболтать с Шурой, а брата все не было. Наконец, тот пришел, усталый, сказал жене, что есть не будет, только чаю выпьет. Он хмуро выслушал вопрос

Петра Степановича насчет основянских барачков, разуверять не стал.

– Лес рубят – щепки летят! Не знаешь, что ли?

– Так я думал..., – начал было Петр Степанович.

– А ты не думай, Петя! – брат не донес нож с маслом, которое он собирался намазать на хлеб, отложил нож. – За нас партия думает. Ты Сталина-то хоть читал? Мы не отрицаем трудностей. Но это же не трудности упадка, это – трудности роста. Мы растем, решается вопрос «кто кого?», и нам не до сантиментов. Кажется, ясно.

Петру Степановичу было не совсем ясно, но он ожидал, что брат, как обычно, даст более пространные разъяснения, он всегда считал своим долгом пропагандировать политику партии. Странно, на этот раз пропаганды не последовало. У Петра Степановича даже закралось подозрение, что Василий Степанович сам испытывает затруднения с объяснением происходящего. А его усталый, прямо-таки угрюмый вид не располагал к вопросам.

На другой день Петр Степанович, смешавшись с толпой, ожидавшей высокого гостя, стоял примерно в том месте, где вчера наблюдал работу милиции. Но сейчас никаких неприятных картин Петр Степанович не заметил. Люди, одетые более или менее по-праздничному, в светлых рубашках, – как-никак выходной, спокойно ждали, переговариваясь между собой. Высказывалось мнение, что, дескать, после этого визита Европа подбросит нам немного харчей. Правда, какая-то пожилая женщина поблизости сказала, что для этого Эррио надо было бы повезти на Рыбный базар или на Основянский, где он бы мог увидеть трупы опухших от голода, но ее никто не поддержал. Особого воодушевления, когда проезжал лимузин, не было, люди глядели молча, а когда он проехал, спокойно разошлись.

XV

Все этом мы знаем со слов, Петр Степанович кое-кому рассказывал о своих впечатлениях, но никаких письменных свидетельств не оставил. Поэтому и мы эту тему не развиваем, а

возвращаемся к благополучному периоду жизни Петра Степановича года три спустя после памятного визита пронизательного француза, лично убедившегося в том, что Украина – это прекраснo возделанный плодоносящий сад. Петр Степанович уже полтора года работает на одном месте, 12 февраля ему стукнуло в аккурат 40 годочков.

Хотите знать, как он теперь выглядит?

«У таких людей, как я, – описывает себя Петр Степанович, – органы внутренней секреции неисправны, печень плохо работает, сердце – с перебойми, в почках – камни, желудок не варит, дает себя чувствовать геморрой. Внешнее оформление тоже неважное: под глазами мешки, глаза жаднющие, брови растрепаны, на макушке – лысина (скорее, на лишай походит, чем на лысину), уши заросли пушком, шея покрыта ромбическими морщинами, на щеках и на носе – синие жилочки. Иногда посмотришь в зеркало... хочется плюнуть самому себе в рожу! Отвратительная рожа!»

Так рожа – что! Вы загляните в трудовую книжку Петра Степановича. Положенного для обыкновенного трудящегося количества страничек в ней не хватило, в середину вшито несколько посторонних листков. Но главное – не форма, а содержание. Петр Степанович чувствует себя неловко, когда с этой трудовой книжкой знакомятся в его присутствии, а ведь ее, наверно, изучают и когда он отсутствует.

Записи там, примерно, такие. С левой стороны: «Принять на работу согласно приказа за № 172 от такого-то числа». С правой стороны: «Уволен за срыв и саботирование мероприятий соввласти, согласно приказа за №4 от такого-то числа». А ниже еще есть запись: «Согласно отмены приказа за №4 от такого-то числа, считать уволенным как не оправдавшим себя на работе». Это характеристика службы Петра Степановича только на одной из должностей.

Дальше можно читать такие записи: на левой стороне «Принят на должность согласно приказа №79», с правой стороны размашистым почерком: «Согласно приказа за № 187 снят с работы по подозрению во вредительских актах». А ниже приписка: «Согласно постановлению нарсуда вышеуказанная формулировка причин снятия с работы отменяется и

заменяется такой формулировкой: вследствие недоказанности актов вредительства, трестом переводится на другое предприятие».

Еще есть такая запись: «Согласно постановлению комиссии по чистке соваппарата и согласно приказа за № 49, снят с работы как вычищенный по 2-й категории». Ниже пояснение: «Согласно постановления ОБКК-РКИ от такого-то числа, протокол комиссии по чистке от такого-то числа отменяется, и гражданин К. должен быть использован по специальности».

В начале служебной карьеры Петра Степановича, когда еще не вшивали дополнительных листков в трудовой список, но уже было записей штуки четыре, он считал, что с течением времени его трудовой список выправится. Он надеялся, что какая-нибудь шестая запись будет сформулирована хотя бы так: «Согласно приказу за номером таким-то, освобожден от должности по собственному желанию». И чтобы времени пребывания на одном предприятии до этой записи набралось хотя бы года три. Однако так почему-то не получалось.

Конечно, особенно тщательно изучали трудовую книжку Петра Степановича завкадрами. Петр Степанович давно уже заметил, что если он заходил в кадры даже с пустячным заявлением, там всегда он встречал самый внимательный прием. И конечно, завкадрами обычно удивлялись трудовой книжке Петра Степановича: как это он с такой книжкой – и еще на свободе?

Петр Степанович и сам этому удивлялся. Давно уже арестован Иван Григорьевич Жгутик – как украинский националист и разоблаченный петлюровец. Арестован, разумеется, латыш Краулевич – как литовский шпион (да и есть ли какая-то разница между Литвой и Латвией?). Арестован даже т. Шатунов, но он, по крайней мере, арестован за дело: в двадцать третьем, кажется, году, будучи в Харькове по служебной надобности, ходил слушать выступавшего там т. Троцкого. И, вернувшись, еще всем рассказывал, видимо, не предвидя дальнейшего развития событий: «Какой оратор, какой оратор!.. Лучше Ленина!». Все арестованы, а он, Петр Степанович, еще на свободе. Видно, родился в рубашке!

Но, конечно, кое-какие неприятности были и у Петра Степановича. По его вине, разумеется.

Он и всегда-то недолюбливал начальство, а после всяких своих служебных историй так его невзлюбил, что сам стал задавать себе вопрос: не анархист ли он, Петр Степанович? Иногда даже приходила и такая мысль: «А не специализироваться ли по радио, чтобы уехать радистом, скажем, на остров Визе?» Вот где можно было бы прослужить лет десять подряд. Здесь же, на большой земле, очень много развелось начальства, много бюрократических рогаток, неудобств, всяких правил и инструкций.

Да что там говорить, даже официантка в столовой – и та корчит начальство. Люди в столовой напоминали Петру Степановичу лошадей в конюшне перед задачей им корма. Конюх, не спеша, понес вон той пегой, и пегашка с довольным выражением набрасывается на овес, ей плевать на соседнего мерина, что так глупо провожает глазами конюха в ожидании своей порции. Петру Степановичу всегда кажется, что официантка-конюх его игнорирует: прежде подходит к лошадкам, что позже заняли место. Ему обидно, что какая-то там официантка, получающая в месяц заработка каких-нибудь 75 рублей, а корчит из себя...

– Подойдете ли вы, наконец, когда-нибудь ко мне? – желчно, но сугубо сдержанно спрашивает он.

– Сейчас, – говорит она и уходит черт знает куда.

– Ну, вы подойдите! – обращается к свободной официантке.

– Я, товарищ, этих столов не обслуживаю, – отвечает официантка с достоинством.

– Тьфу!

А ведь это вовсе не значит, что Петр Степанович против порядка, какой установился при советской власти, он считает, что его отношения с начальством при старом режиме были бы не лучше.

– Есть такая категория людей, – делится он со своим новым сослуживцем Парамоном Артемьевичем, – которым не нравится нынешний момент, существующий порядок. Что же в этом плохого? Только Пуухерия Ивановна и Афанасий Иванович были довольны своим положением, но такие люди аэроплана не

изобрели бы. А я хочу, чтобы мои дети не то что аэроплан, а межпланетную ракету изобрели, а Циолковскому поставили бы на Марсе памятник из какого-нибудь марсианского минерала голубого цвета.

Это еще в том году было, вскоре после очередной смены места работы. Катя, на что смиренная была, а тут настояла.

– Давай, Петя, вернемся в Задонецк. У меня там какие-никакие, а родственники есть. А здесь что? Если с тобой что приключится, куда я денусь, с тремя детьми?!

Пришлось Петру Степановичу уступить. Написал прошение в трест: прошу, по семейным обстоятельствам, тыр-пыр... Им-то, в общем, все равно было, в тресте, в Задонецке ты, в Золочеве или в Зачепиловке. Грамотные агрономы везде были нужны. Они только удивились, что Петр Степанович первый раз добровольно меняет место работы, без скандала. Подыскали ему место, не очень хорошее, но – в Задонецке.

Вот они теперь и едут с Пармоном Артемьевичем на бричке в колхозы. Молча ехать скучно, и надо как-то завязывать отношения с новыми сослуживцами. Петр Степанович помнит, что, жена просила (в какой уже раз!) быть осторожным, он и сам это понимает. Пармон Артемьевич, хоть и партийный, кажется, симпатичный мужик. Но все равно ничего неосторожного Петр Степанович не говорит, так, больше о жизни. Петр Степанович рассказывает, что хотел поросенка купить, ездил в соседний совхоз...

– Подобрали себе что-нибудь?

– Нет.

– Почему?

– Да как-то того...

– Я тоже в прошлом году взял свинку, а она мордуется... до кнуров хочет, сволочь. Кабанчика если бы...

В таком вот духе идет разговор, – как видите, – в самом невинном духе. Петр Степанович говорит осторожно, следит за каждым своим словом. От кабанчиков и свинок разговор как-то незаметно перешел на общую дороговизну, потом на философию. Лошади бегут, бричка на рессорах покачивается, кучер свой ушной рупорчик тоже наставил, одновременно управляя лошадьми, видно, и ему интересна беседа образованных людей.

– Как вы думаете, – спрашивает Парамон Артемьевич, – при бесклассовом обществе будет существовать коммунистическая партия?

Петр Степанович осторожно, но решительно заявляет:

– Нет!

– Почему? – удивленно спрашивает Парамон Артемьевич, боясь, очевидно, утратить билет при бесклассовом обществе.

– По двум причинам, – отвечает Петр Степанович. – Во-первых, преимущества бесклассового общества станут настолько понятны, что между партийцами и беспартийцами не будет никакой разницы; а во-вторых, при бесклассовом обществе политические и хозяйственные дела сольются вместе, и будут этими делами управлять общие органы. Это моя точка зрения, – поспешил добавить Петр Степанович, вспомнив об осторожности.

– Правильно, – говорит Парамон Артемьевич, – и я так думаю. Закуривайте, – протягивает он портсигар.

Петр Степанович закуривает, а сам себе думает: «Если все такие, как он, на этом новом месте работы еще можно жить».

– Когда же это случится? – спрашивает Парамон Артемьевич.

– Да через десять лет, конечно же, этого не случится, – осторожно высказывает свое мнение Петр Степанович.

С Парамоном Григорьевичем они потом даже сдружились, сидели в одном кабинете, и оба недолюбливали сидевшего там же технолога Баранецкого – вертлявый был какой-то и все заискивал перед начальством.

Как-то был такой случай. Совещаются они в кабинете с сотрудниками, говорят о делах. Дела надоедают, и хочется поговорить о чем-нибудь постороннем. Встает Петр Степанович, якобы чтобы размяться, подходит к висящей на стене картине художника Пчелина, на которой изображено покушение эсэрки Каплан на т. Ленина, и говорит:

– А вы знаете, товарищи, эта картина нарисована неправильно!

Сотрудники всполошились и каждый думает: «Политическое это или не политическое?» Потом один из них, конечно, Баранецкий, спрашивает:

– Что же здесь неправильное, Петр Степанович?

Петр Степанович подмечает, что вопрос задан ехидно, но, как ни в чем не бывало, поясняет:

– Посмотрите, товарищи, на группу, что стоит перед радиатором машины: тот вот рабочий, что помещен за Каплан и мальчишкой, вероятно, разрезан пополам и своей половиной насажен на радиатор машины.

– А... вы, Петр Степанович, вот в каком смысле...

Потом Парамон Артемьевич ему пенял на крылечке: «Зачем ты при Баранецком такие вещи говоришь?!»

Но, в общем, жили дружно, и 12 февраля, когда Петру Степановичу исполнилось 40 лет, задержались все после работы, сделали небольшое угощение, поздравляли, а профком подарил Петру Степановичу красивый дерматиновый портфель, очень вместительный. Петр Степанович даже не ожидал такого внимания.

Ближе к осени, правда, пошли слухи, что урожай сахарной свеклы в этом году будет не очень хороший, и что, конечно, в этом виноваты окопавшиеся в сахарной отрасли вредители. Никто этому не удивлялся, все знали, что классовая борьба в стране обострялась, повсюду было много врагов, и их нужно выявлять. С этой целью было устроено общее собрание и на работе у Петра Степановича.

Завкадрами выступил объективно:

– Никаких конкретных фактов вредительства Петра Степановича у меня нет, товарищи, но партия призывает нас к бдительности. Вчера я перечитал записи в его трудовой книжке и почувствовал, что мы сделали ошибку, когда приняли его на работу. Мне его лицо сразу не понравилось, когда он только первый раз пришел. Считаю, что мы должны исправить нашу ошибку, не дожидаясь, пока нам на это укажут соответствующие органы.

Стали Петра Степановича прорабатывать, а он зачем-то полез на рожон. Парамон Артемьевич благожелательно высказался в том смысле, что считает Петра Степановича хорошим специалистом, хотя и не может с ним согласиться по поводу того, что надо распустить коммунистическую партию. Петру Степановичу выслушать бы все спокойно, а он стал возражать, ничего, дескать, он такого не говорил. Ну, тут уже и Парамон Артемьевич

возмутился. Он сделал страшные глаза, обвел ими собрание, нашупал кучера и спросил его патетически:

– Ты, Петро, с нами был тогда на бричке. Говорил Петр Степанович, что не нужна будет коммунистическая партия?

– Да вроде бы говорил, – ответил нехотя Петро.

Некоторые служащие тоже вспомнили разные разговоры Петра Степановича, но особенно ярким было выступление Баранецкого. Он буквально пригвоздил Петра Степановича к стене за то, что он смеет издеваться над горем партии, высмеивая замечательную картину художника Пчелина. После этого выступления уже ни у кого не было сомнения в том, что Петр Степанович просто саботирует мероприятия советской власти и что его надо немедленно уволить с работы, что и было сделано.

Петру Степановичу обидеться бы на Баранецкого, а он почему-то обиделся на Парамона Артемьевича, подошел к нему после собрания и завел с ним разговор такого порядка.

– Парамон Артемьевич, мы же с вами рассуждали про бесклассовое общество, так его еще построить надо! Зачем вы так?..

– Я же ничего такого на вас не сказал особенного, – обиделся Парамон Артемьевич. – А что другие на вас наговаривали, так я за них не отвечаю.

Петр Степанович, конечно, расстроился и стал думать, куда ему теперь устраиваться на службу. Но через три дня пришел милиционер ночью (почему ночью?), своим стуком перепугал всю семью (при чем здесь семья?) и с наганом наготове повел в милицию. Здесь Петр Степанович, как он считает, перестал быть человеком: потребовали сдать пояс (а он и не думал вешаться), забрали перочинный ножик и посадили в общую камеру.

В отношении гигиены – нет слов для выражения, санитарное состояние камеры – кошмарное, а обращение – никудашное. Предварительное заключение, – возмутился Петр Степанович, – не доказательство еще, что ты – преступник: в предварительном заключении много таких людей, которых потом по следствию и по суду оправдывают. При чем же здесь наганы, винтовки, антисанитария, вши, клопы и всякая другая гадость?

– Хорошо, – рассуждает Петр Степанович, сидя в предварительном заключении, – допустим, я даже преступник, но почему я должен попадать обязательно в антисанитарные

условия? У нас преступников не бьют, но почему преступнику создают чрезвычайно стеснительную обстановку? Почему преступников посылают в далекие табора и почему на 5, на 8, на 10 лет? И вообще – как они определяют, кто преступник, а кто – нет? Юристы отвечают: преступление подводится под статью, а статьи утверждены правительством. Хорошо, пусть так, – утверждены правительством, но судьи, прокуроры – неужели умеют ставить диагноз очень точно во всех случаях?

Так сидит Петр Степанович, по обыкновению, рассуждает и ждет точного диагноза. Проходит десять дней, а он все еще ждет. Хотя он и привык к разным поворотам судьбы, но уже отвык от стеснительной обстановки, напомнившей ему харьковскую каторжную тюрьму. Да к то ж было в молодые годы и при Деникине! А теперь власть, вроде, советская. И сам он уже – отец семейства, у него, между прочим, дома осталась жена Катя с тремя малыши детьми, младшему и года еще нет. Пока она носит ему передачи, но в случае чего – как они будут жить без него?

Задонецк город маленький, все всех знают, и знает Катя Мыколу Свиридова, уполномоченного какого-то в ГПУ. И не только знает, а он кем-то там ей приходится, какой-то дальний племянник, седьмая вода на киселе. Идет она к нему домой, а его нету. Хорошо еще, что мама его была дома, Горпина Прокофьевна. Посидели, побалакали: уехал, говорит, на два дня к сельской учительнице в гости. Что за такая учительница, говорит, не знаю, ездит он к ней, его дело холостое.

Ладно, прошло два дня, приходит Катя снова. Приехал, приехал, – встречает ее Горпина Прокофьевна. – И сразу лег спать. Теперь до завтра не проснется.

Проспал Мыкола день, ночь и еще день, вечером просыпается хмурый, а тут снова Катя приходит. Так и так, забрали Петра Степановича, не можешь ли что узнать?

– Тут дело сурьезное, – говорит. – Контрреволюция! Есть протокол собрания.

– Та яка там контрреволюция? – вмешивается Горпина Прокофьевна. – Ты що, Петра Степановича не знаешь?

– Нэ знаешь, нэ знаешь! – передразнивает Мыкола, думая о том, чего бы сейчас выпить, чтобы промочить пересохшее горло.
– Газеты надо читать! Они все маскируются.

– А что там в протоколе-то написано? – спрашивает Катя.

– Да я его еще не читал, дел знаешь сколько?

– Ну, посмотри завтра.

– Посмотрю, если успею. Дел, знаешь, сколько набралось!

На другой день, с утра Мыкола подробно рассказывал своему приятелю, другому уполномоченному, о сельской учительнице и прекрасно проведенном времени. А потом уже, когда все было рассказано, стал перебирать дела подсудимых, какие за ним числятся, взял протокол Петра Степановича, мельком посмотрел и отложил, потому что вперед надо было разобраться в контрреволюционном деле Криволупа Луки, срезавшего колоски на колхозных посевах, – Криволуп ждал своего диагноза в камере предварительного заключения уже две недели...

Только еще через день вызвал он на допрос Петра Степановича. Спрашивает:

– Где вы были во время Деникина?

Пусть-таки, такие вопросы Петру Степановичу уже задавали.

– В каторжной тюрьме сидел, – отвечает и удостоверение показывает, всегда с собой брал в таких случаях. Слово по слову – туча с Деникиным разошлась.

С Деникиным не вышло, переходит Мыкола к другим каверзным вопросам.

– Правда ли, что вы в течение года взяли из совхозного свинарника семь откормленных свиней и зарезали их для себя?

– Нет, неправда.

– А сколько же взяли?

– Ни одной не брал.

– А зачем же в протоколе написано?

Видит Петр Степанович, что человек не верит, а он – ей-богу – ни одной свиньи не брал. Как-то был случай, что в начале года директор ему в счет зарплаты выписал поросенка, но кучер умудрился и тому хребет переломать, пока довез. Как могло случиться, что этот недозвезенный поросенок в протоколе превратился в семь откормленных свиней?

Один день вызывают Петра Степановича из антисанитарной общей камеры, другой, третий. Чего только не спрашивали.

– А откуда вы знаете Папена?

– Да я его не знаю, он умер уже давно.

– Как же умер, когда о нем в газетах пишут?

– Да то другой Папен. То Дени Папен, который изобрел паровой двигатель, но его тогда не признали. А уже потом Джемс Уатт.

– А с Джемсом Уаттом у вас была переписка?

Бился он с Петром Степановичем, бился – ничего не добился. Или выпускать надо, или отправлять в Харьков – там добьются. Но выпускать-то он сам не имеет права. А доложить начальству, что не нашел никакой вины, – что же он тогда за уполномоченный? Вот незадача!

Видя, что дело затягивается, встревоженная Катя, вызвав срочно бабушку из Змиева, съездила на один день в город Сталино, столицу индустриального Донбасса. Там теперь, после переноса столицы Украины из Харькова в Киев, работал чуть ли не самым главным начальником по партийной линии брат Петра Степановича Василий Степанович. Катя каким-то образом добралась до Шуры, Шура поговорила с мужем, а он – мы не знаем с кем, но только Мыколу Свиридова вызвали к вышестоящему начальнику товарищу Подгаре и сказали ему, что, вероятно, предъявленные Петру Степановичу обвинения сильно преувеличены, и никакого хода этому делу давать не надо.

Вечером пришел Мыкола домой и говорит Горпине Прокофьевне:

– Выпустили твоего Петра Степановича, пусть больше не попадается.

В самом деле, и месяца не просидел, выпустили, отобрав подписку о невыезде. Петр Степанович даже обиделся немного. То такая строгость, а то вдруг, – иди домой... Где здесь логика? Если его забрали в камеру из-за опасения, что он мог убежать, так он не собирался. Пока он сидел в камере, он вообще рассудил, что 90% арестованных и подозреваемых в преступлениях не думают о побеге, только 10%, возможно, думают и всего 1% разбежался бы, если бы мог. Зачем же тогда арестовывать? А какая запись у него теперь прибавится в послужном списке?

Он собирался еще лет двадцать пять служить, а у него уже сейчас не трудовая книжка, а волчий билет.

Через несколько дней приходит бумага:

Постановление

1936, ноября 19 дня, п/о уполном. Заднецкого Р/О НКВД, мл. лейтенант госбезопасности Свиридов, рассмотрев следственный материал по обвин. быв. агронома Заднецкого сах. завода К. Петра Степановича 1896 года, нашел, что первичные материалы дирекции завода и предварительное расследование являются преувеличенными, не соответствуют действительности и что при вторичном опросе свидетелей и производстве очной ставки свидетели опровергают свои предыдущие показания и что для привлечения гр. К. Петра Степановича к судебной ответственности материалов недостаточно, а по сему

Постановил

Следственный материал на гр. К. Петра Степановича производством прекратить, подписку о невыезде аннулировать.

П/о уполномоченный

Мл. лейтенант

Свиридов

Утверждаю Нач. р/о НКВД

Ст. лейтенант госбез.

Подгара

Печать

Вот что значит родиться в рубашке!

Запись в трудовой книжке теперь будет изменена, но когда Петр Степанович смотрит внимательно в зеркало, то видит новые неприятные перемены: на щеках вылезит значительно больше седины, чем было еще совсем недавно; под глазами оттопыриваются мешки причудливого буро-сине-бледного цвета, а если отвести пальцами мешок, а потом отпустить, то складочка долго не расправляется. И много других неприятностей открывает на

своем лице Петр Степанович, помимо описанных. А вне зеркала он чувствует себя еще хуже: печет изжога, в правом боку колики – и там, где легкие, и там, где печень. Сердце ноет, и чувствуются явные перебои; в суставах ног как будто бы черви копошатся, поясница побаливает, – видать, почки не в порядке.

– Орел! – думает Петр Степанович.

XVI

Петр Степанович и так стареется быть осторожным, и смяк, а если уж и разговаривать, так только с надежными людьми. Но, во-первых, у него не всегда получается определять таких людей. А во-вторых, он может говорить только о том, о чем думает, а у него именно мысли неосторожные.

Вы даже представить себе не можете, как выступления сослуживцев на собрании, на котором его прорабатывали, огорчили Петра Степановича. «Неужели я – антисоветский элемент? – подозрительно думал он сам о себе к концу собрания. – Конечно, я не сразу поверил в советскую власть, так кто же в нее тогда верил? Но сейчас-то я уже вижу, что был неправ, социализм свое берет. Тракторные, автомобильные, химические и многие всякие заводы, что так быстро нашей общественностью созданы, – строительство их же не сорвано? А ведь я во всем этом принимал хотя бы пассивное участие».

Ему бы и продолжать так думать, а он все время сбивается. Например, пребывание в стеснительных условиях камеры предварительного заключения придало мыслям Петра Степановича новое направление, хотя, между прочим, он и раньше об этом задумывался. В Задонецке больница и тюрьма расположены одна против другой, через улицу. Давно уже Петр Степанович обратил внимание на разницу их архитектур и ограждения: больница имеет зеленые насаждения, больной может на костылях ходить по аллеям, и никто за ним не присматривает; тюрьма же огорожена высокой кирпичной стеной, сада во дворе нет, а на вышках дежурят часовые с ружьями.

– Очевидно, преступность организованное общество считает чем-то вроде бешенства, – говорил он жене Кате. – Преступники наказываются, а больные лечатся. Это неправильно. То

– больные, и это – больные. Преступление социалистическое общество должно лечить, а не наказывать. Много случаев в нашей стране, когда преступления вылечивались. Примером могут служить Соловки, канал имени Сталина, Московско-Волжский канал и т.д. Но обыкновенно для преступников создают грубую обстановку. Тюрьмы, ссылки и расстрелы – не лечение преступников: слишком все это грубо.

Жена Катерина выслушивала Петра Степановича, но у нее не было интересных соображений на этот счет. Когда же он поделился своими мыслями с одним председателем завкома, которого он считал очень порядочным человеком, то председатель отнесся к этим мыслям с неодобрением.

– Вы, Петр Степанович, умный человек, – честно признал он, – но часто лезете не в свое дело. Я помню, например, как вы критиковали решение партии поставить т. Кагановича наркомом путей сообщений.

– Да, – говорит Петр Степанович, – я считаю, что он был бы в тысячу раз ценнее на партработе.

– Но ваше ли это дело решать такие вопросы? У вас же есть свои дела.

– Видите, – говорит председателю завкома Петр Степанович, – вы отчасти правы. Но это происходит от того, что день у меня не нормирован, я постоянно на работе, вот и начинаешь, кроме служебных дел, задумываться еще и над человеческими.

– А вы не задумывайтесь, – советует председатель завкома.

– Да как же не будешь задумываться, если хочется отвести душу?

– В семье отводите душу, – настаивает председатель.

– В семье я не бываю: ухожу – она спит, а вечером прихожу – тоже спит. Я хочу быть гражданином Советского Союза и свободно говорить, о чем я пожелаю.

– Что же вы – лучше других граждан? – спрашивает председатель. – Почему все время надо говорить? Вы же не радио. Если много говорить, работать будет некогда.

Петр Степанович и понимал вроде бы, что председатель завкома прав, но характера своего изменить не мог. Не нравилось ему, что порядок жизни не такой, как ему бы хотелось, и ничего он не мог с собой поделаться.

Все это очень расстраивало Петра Степановича и даже пугало. У него теперь было уже трое сыновей, а что если с ним что-то случится?

Сыновья, по крайней мере, старшие, о младшем еще рано было судить, были похожи на Катю, с тонкими лицами, не то, что у него. У Петра Степановича на этот счет была целая теория, емуказалось, что вообще тонкихлиц вокруг стало меньше. Как-то ухудшалась порода, видно, с селекцией что-то не так. Иван Григорьевич, – вспоминал он приятеля, – даром, что петлюровец, мужик был что надо, статный, лицо красивое. И неглупый. Если бы такой жеребец был или бык, за него бы в любом хозяйстве держались. А он даже потомства не оставил. Женился поздно, хотел троих детей, а Зинка ему ни одного не родила, а потом... Когда выйдет, уже поздно будет, да и выйдет ли еще. Может, конечно, у него где-то раньше что-то завелось, да теперь этого уже не узнаешь. Еще он вспоминал Дмитрия Петровича Шкодька. Его уже потом, из банка, забрали, разоблачили как эсэра. Он успел до революции родить сына и дочку. Дочка и сейчас жила неподалеку, ботанику в школе преподавала. А сына тоже арестовали, весь в отца пошел, а что же тут хорошего, по нынешним временам? И у Краулевича не было детей, хотя такие, в пенсне, сейчас бы точно не подошли.

У Петра Степановича дети пока росли, но, по его теории, тонкие лица не сулили им ничего хорошего. Детьми, конечно, больше Катя занималась, но и Петра Степановича они радовали. Учились хорошо – и старший, и средний, про младшего еще пока не было известно. Случались, конечно, и неприятности.

Как-то вызывает его директор школы, молодой подтянутый мужчина в гимнастерке, из новых, но на вид интеллигентный, и показывает ему рисунок старшего сына.

– Чи ви бачили цей малюнок вашого сина?– спрашивает. – Як це розуміти?*

Смотрит Петр Степанович на рисунок и ніяк не розуміє **, хоть он когда-то и сам преподавал рисование в профучилище.

* Вы видели этот рисунок вашего сына? Как это понимать? (укр.)

** Никак не понимает (укр.)

По морю плывет лодка, с неба светит солнце, все дети это рисуют. Он посмотрел вопросительно на директора.

– Якого кольору, на вашу думку, це море? – спрашивает директор.

– Синього, – довольно уверенно отвечает Петр Степанович.

– Блакитного, – мягко поправляет его директор.

– Ну, блакитного, – не сопротивляясь, соглашается Петр Степанович.

– А човен якого кольору?

– Човен жовтий.

– И сонце жовте? – то ли спрашивает, то ли утверждает директор, обреченно глядя в пол.

– А яке ж воно має бути? – удивляется Петр Степанович.

– Це що ж, у вас в родини такий жовтоблакитний настрій? – директор не поднимает глаз от пола. – Інших кольорів немає? Та це ж справжній жовто-блакитний прапор!..

– А мені здається, що це аркуш зі шкільного зошиту.

– То я вас попередив, Петро Степанович. Як директор школи я мушу бути пильним*.

Петр Степанович вернулся домой и отобрал у сына желтый карандаш. Оставил только синий.

Старший сын Петра Степановича всем интересовался, иногда даже удивительно было. Как-то спрашивает:

* – Какого цвета, по вашему мнению, это море?

– Синего.

– Голубого.

– Ну, голубого.

– А лодка какого цвета?

– Лодка желтая.

– И солнце желтое?

– А какое же оно должно быть?

– Это что же, у вас в семье такое желто-голубое настроение? Других цветов нет? Да это же настоящий желто-голубой флаг!

– А мне кажется, что это лист из школьной тетради.

– Ну, я вас предупредил, Петр Степанович. Как директор школы я должен быть бдительным. (укр.)

– Папа, если поднимется аэроплан над Харьковом и будет на одном месте кружить, то Англия сама подойдет под аэроплан?

– То есть как это? – спрашивает Петр Степанович.

– Как же ты не понимаешь? – даже обиделся старший сын. Земля вращается с запада на восток, и если подняться аэропланом, то какая-нибудь западная точка должна подойти под него сама. Я рассчитал, что такая точка может быть в Англии.

Петр Степанович выписал для своих детей журнал «Вокруг света» и сам тоже стал его почитать. Это чтение навело его на новую мысль.

Редко, редко теперь случалось Петру Степановичу возвращаться к своим литературным занятиям, но все-таки он их не забросил. Кондуит был уже полностью исписан, писал Петр Степанович теперь на разрозненных листках, предназначавшихся для конторских надобностей и тоже соответствующим образом разграфленных. Но это ему не мешало. Как только выкраивалась свободная минутка, тут же доставал свои листки, добавлял к написанному страничку-другую, тщательно нумеруя страницы в правом верхнем углу, чтобы можно было легко восстановить нужный порядок, если нескрепленные листки рассыпятся или перепутаются.

Иногда Петр Степанович перечитывал написанное ранее, чтобы дать ему критическую оценку, с огорчением отмечал отдельные огрехи, которые он тут же выправлял. Особенно чертыхался Петр Степанович, когда обнаруживал у себя пропущенные украинизмы. Он знал за собой этот грех, когда-то с ним крепко боролись преподаватели Петра Степановича в реальном училище и его научили бороться. Но что поделаешь, по службе ему постоянно приходилось иметь дело с селянами, а они, по большей части, говорили по-украински, и с ними он тоже переходил на украинский язык. А потом, когда переходил на русский, и у него само выскакивало: «приехал с Харькова»; «не знаю, есть ли вообще мозги в нашего директора», и тому подобное.

Впрочем, это все – пустяки, Петру Степановичу его писанина нравилась. Читая, он довольно мотал головой, иногда даже смеялся и сам на себя удивлялся. Казалось бы, чему удивляться – ты же всегда себя считал предназначенным для мировой

славы? Но, знаете ли, это все так считают, а верят ли они в это по-настоящему? Допустим, ты даже играешь на балалайке, так это же не значит, что ты Бетховен. Ты оглохни, а потом попробуй музыку сочинять! Но это мало кто даже пробует.

А тут Петр Степанович попробовал – и у него получилось. Не такой дурак был Петр Степанович, чтобы думать, что он уже переплывнул, например, Гоголя, Николая Васильевича, как ему виделось в его юношеских грезах. Но не хуже выходило, ей-богу, не хуже! Особенно если поработать еще немного, пошлифовать... Он уже видел Катю переписывающей его рукописи по десять раз, наподобие Софьи Андреевны Толстой, вот только дети подрастут и Катя поправится. А то у нее здоровье стало пошаливать, жаловалась на боли какие-то. Лекарства стала принимать. Ну, да образуется...

Из-за недостатка времени для литературного творчества труд Петра Степановича подвигался не так быстро, как хотелось бы. Свое жизнеописание, начатое, как мы помним, еще в Куземинах, он довел пока только до «главы девятой, в которой читатель еще больше распознает Петра Степановича по существу». А ведь у него были и другие литературные начинания, он делал заметки впрок, из исписанных конторских страничек составлялась уже изрядная стопка. Все это была большая литература, рассчитанная на другие времена, на благодарных потомков. Как всякое большое искусство, она требовала жертв и не давала немедленных результатов. Во всем этом было что-то основательное, старорежимное.

Сейчас же чтение журнала «Вокруг света» навеяло Петру Степановичу новый, более современный замысел. Отношения с начальством у него никак не складывались, да и с сослуживцами что-то не получалось. Уже сколько раз Катя его просила: «Петечка, голубчик! Ты уже с ними, с людьми, поддерживай хорошие отношения, а то ведь замучимся мы все!» Он и старался на всякие манеры быть и вежливым, и почтительным, и лицемерил даже, и подхалимничал. Только не в отношениях, видно, было дело, а в его дурацком характере, который ведь не переменишь. Очень уж он неосмотрительный, природа его такая, что ли? Может, и правда ему неплохо жилось бы на острове Визе, но как туда попасть, да еще с тремя детьми? А вот

если устроить себе остров Визе в собственном доме: уйти со службы и заняться литературным трудом. На службу ходить не надо, сидишь себе за столом, пописываешь, шлешь свои сочинения в журнал «Вокруг света», они публикуют, присылают денежки. Петр Степанович, конечно, не знал точно, сколько там платят за произведения, но, наверно, не меньше, чем он получал на своей должности. По его разумению, писателям должны были платить даже больше.

Петр Степанович уже реже думал о том, чтобы прославиться. По совести сказать, с течением времени, когда человеку сорок лет, слава уже не так-то и нужна, здесь следи, чтобы документы были в порядке, когда станешь хлопотать пенсию, соцстрахи их у тебя потребуют. Конечно, может быть и не лишнее чем-либо прославиться, заслужить, например, персональную пенсию. Или получить единовременного пособия десять тысяч! Совсем, совсем не помешало бы. Но... снова это «но». Ведь для 10000 рублей нужно что-то сделать полезного для государства, а что он такого полезного сделал? Неловко даже перед людьми станет брать эти десять тысяч.

Но это еще будет ли, а сейчас Петру Степановичу больше неловко было перед женой, что он не оправдал ее надежд. Она ведь тоже верила в его недюжинные способности. Во всяком случае, выходя за него замуж, она уверена была, что платье у нее будет крепдешинное, туфли – лаковые с замшевыми вставочками, и они вместе ежегодно будут ездить в Мацесту, Алупку, а надоест шум городской, – тогда в Атузы. В Алупку они, правда, один раз съездили, оставив полуторагодовалого сына – тогда единственного – на попечение сестры Петра Степановича Гали, а последние лет десять ни разу вместе не ездили даже на базар. Туфли она может купить на резиновой подошве, а о платье из крепдешина даже и не вспоминает, как-то не до этого. Но Петр-то Степанович об их надеждах молодых помнит, так что, пожалуй, десять тысяч у государства он все-таки взял бы. Но никто не предлагает!

А нельзя ли прославиться и заодно немного подзаработать литературным трудом? Если бы был старый режим, то еще кое-как прославиться можно было бы, но при советской власти, оказывается, нужно писать обязательно в духе диалектического мате-

риализма, а что это такое – не всякий знает. Надо много-много изучать всего, да сверх того надо иметь классовое чутье и не быть политическим бурьяном. Как видно, при советской власти слава не дается зря.

Но другим же дается! Нет-нет, прославиться не так уж и трудно в нашей стране. Только надо отряхнуть с себя всю обывательскую мишуру и заняться, наконец, сознательным трудом, который действительно был бы делом доблести и чести, приносил бы настоящую пользу и хорошее содержание.

Петр Степанович в очередной раз перебрал в голове все возможности такого труда. Опять почему-то вспомнил о парашютизме, но тут же честно сказал себе, что на парашюте он опуститься не может, тем более без кислородного аппарата. А вдруг он, черт, не раскроется! Менее рискованное дело пойти в экспедицию, только, конечно же, не на север: там холодно и опасно. Можно было бы, например, в Кара-Кумы попробовать, но тоже опасновато, придется еще, пожалуй, проталкивать грузовик через пески своими собственными плечами. Все сходилось к тому, что вернее всего – литературная писанина.

Написать, для начала, Петр Степанович решил научно-фантастическую повесть, что-нибудь, вроде «Зірки КЕЦ», принесенной как-то старшим сыном из библиотеки, «Генератора чудес» или, допустим, «Человека-невидимки» Герберта Уэллса. При его владении пером, уже проверенном, при его познаниях в области натурфилософии, сочинить что-нибудь подобное будет раз плюнуть. И конечно, это должно быть в советском духе, а то Петр Степанович уже сам начинал сомневаться в своей благонадежности.

Он, например, как-то разговорился с одним своим приятелем о том, о сем, поговорили и о зиновьевском процессе, в котором Петру Степановичу не все было понятно. Хотя, конечно, поспешил он добавить, осудили зиновьевцев правильно. Он был уверен, что такому человеку, как его приятель, непонятно то же самое, что и ему, поэтому не скрывал своих недоумений, формулируя их, правда, очень осторожно. Дескать, все-таки странно, что люди могут пасть так низко, а главное, непонятно, зачем им это было нужно? Приятель выражал свое отношение к предмету беседы междометиями, благожелательно подбадривавшими

Петра Степановича, но сам не высказывался. Поговорили, разошлись, а потом Петр Степанович стал себя корить:

– Ну зачем ты завел этот разговор! Только показал, что еще живет в тебе отрыжка старого времени и мешает осознать глубину классовой борьбы. В том и диалектика: просто так объяснить нельзя, а через классовую борьбу можно. Она заставляет совершать такие чудовищные предательства, что перед ними обычная логика бессильна.

Петр Степанович даже стал тревожиться, не были ли превратно поняты приятелем его, Петра Степановича, мысли, и тревожился довольно долго. Не хотелось ему разделять судьбу своего партийного младшего брата – уж на что хорошо брат разбирался в диалектическом материализме, а ведь и его приговорили к высшей мере как врага народа, а Шуру уже как жену посадили. Сестра Галя ездила из Полтавы в Сталино, пыталась узнать, что стало с Велориком. Сказали, что его, в соответствии с каким-то «приказом от 15 августа», доставили в приемно-распределительный пункт, а оттуда – в детский дом, в какой – неизвестно.

XVII

К счастью для Петра Степановича, у него в это время стало меняться мировоззрение – в лучшую для него сторону. Мы об этом узнали случайно из его переписки с сестрой Галей, точнее, с ее мужем Грищенко. Кое-что из этой переписки сохранилось, теперь мы ее читаем и видим: это и тот Петр Степанович, какой был, и уже не совсем тот – в разрезе мировоззрения.

Раньше Грищенко жили в Харькове, Галиного мужа на работе ценили как инженера-гидролога, даже комнату им дали на Ключковской улице. А потом вдруг – раз! и выгнали со службы, только в Полтаве им и удалось устроиться. Тамошней жизнью, вроде, были довольны, прислали карточку – сидят вместе с сыном Тарасом на каком-то поваленном дереве, видно в лесу.

Мы извиняемся перед читателем, но если он хочет больше узнать о новом мировоззрении Петра Степановича, то ему придется смириться с тем, что мы временно перейдем на украинский язык. Ведь наше повествование основано исключительно на

документах, в данном случае, на подлинных письмах. А Грищенко принципиально писал только по-украински. И Петр Степанович отвечал ему так же, чтобы Грищенко не возомнил о себе и не посчитал, что он, Петр Степанович, совсем уже забыл рідну мову.

Грешным делом, он иной раз думал, что Грищенка-то с его украинским языком и уволили со службы по подозрению в симпатиях к разоблаченному националисту Скрыпнику и его компании. Но точно он не знал, а сам Грищенко объяснял свои злоключения по-иному. Он все подробно описал Петру Степановичу.

*Західні райони Харківської області бідні на поверхневі ґрунтові води, тому там просвердлено артезіанські свердловини. Ці свердловини не звичайні, вода з них сама піднімається вище поверхні землі. Труби в цих свердловинах закінчуються над поверхнею землі метрів на три із загнутими до низу кінцями. Ото водичка з них сама собі й тече день і ніч. І витікає її, як я підрахував, не менше як п'ятнадцять мільйонів літрів за одну добу. Це 1,5 мільйонів відер на добу, які задають величезної шкоди населенню і державним установам тим, що заливають великі площі городніх і орних земель, а головне, утворюють антигігієнічні умови для населення. І до того ж ця вода, можливо, є придатною не лише для питних та господарчих потреб, але вона й лікувальна. Вивчивши цю справу, я, по своїм службовим обов'язкам, не міг не підняти питання про заборону хижачького методу експлуатації артезіанських свердловин і про влаштування на них водорозбірних колонок. З цього й почалися мої злі пригоди. Мене вигнали з роботи. А після цього, як я не складав зброї, мене переслідували, хто тільки не лінувався... **

* Западные районы Харьковской области бедны поверхностными грунтовыми водами, поэтому там просверлены артезианские скважины. Эти скважины не обычные, вода из них сама поднимается выше поверхности земли. Трубы в этих скважинах заканчиваются метра на три над поверхностью земли, их концы загнуты вниз. Вот водичка из них сама собой и течет день и ночь. И вытекает ее, как я подсчитал, не менее пятнадцати миллионов литров за сутки. Это 1,5 миллиона ведер в сутки, наносящих огромный ущерб населению и государственным учреждениям тем, что заливаются большие площади огородных и пахотных земель, а главное, создаются антигигиенические условия для населения. И к тому же, возможно, эта вода пригодна не только для питьевых и хозяйственных нужд, но она еще и лечебная. Изучив это дело, я, в силу своих служебных обязанностей, не мог

Петра Степановича самого, как мы знаем, не раз увольняли со службы, этим его трудно было удивить. Сейчас он, правда, работал, но все-таки посчитал нужным дать понять Грищенко, что и у агрономов жизнь не легкая, не у одних гидрологов.

*Я розмовляв з одним моїм знайомим із курських агрономів, так він каже *: «Я стал сомневаться, что агрономия – специальность. Это – что-то вроде политики, завтра меня, агронома, могут снять с должности заведующего совхозом и назначить на мое место бывшего милиционера или молотобойца. Почему не выдвигают молотобойцев на врачей и инженеров, если они не окончили соответствующих школ?» Про що це говоре? Це говоре про те, що люди, коли їх не так лікують, то вони кричать, а наша земля – вона не кричить, не скаржиться, що з нею не так поводяться. Серед радгоспівської господарської касты є міцна спайка, існує на кожному кроці протекціонізм. На агрономів господарників в радгоспах провадяться переслідування з боку «практиків», і через те що цих практиків більше, то майже завжди агронома буде положено «на чотири лопатки». Практики – люди, які скоріше можуть поламати своє самолюбство в принципових питаннях, вони не так реагують на моральні болі, коли доводиться їм вислухувати ті чи інші, правдиві і неправдиві спостереження з боку вищого начальства, а тому ця категорія господарників більш живуча, більш «приємлема» для начальства. Агроном має свої погляди, ініціативу, хоче, щоб з ним рахувалися як з знавцем тої спеціальності, яку чоловік вивчав, а в цукровій промисловості зараз більше «пожирай начальство глазами, а розговаривать не смей!» А коли агроном заартачиться, його виживуть все рівно: мало до чого можна причепитися в господарстві! ***

не поднять вопрос о запрете хищнического метода эксплуатации артезианских скважин и об устройстве на них водоразборных колонок. С этого и начались мои злоключения.

* Я разговаривал с одним моим знакомым из курских агрономов, так он говорит

** О чем это говорит? Это говорит о том, что люди, когда их не так лечат, то они кричат, а наша земля – она не кричит, не жалуется, что с ней не так обходятся. Среди совхозной хозяйственной касты – крепкая спайка, на каждом шагу встречается протекционизм. Против агрономов-хозяйственников в совхозах

Боимся, читатель находится в совершенном недоумении: где же видим у Петра Степановича новое мировоззрение, из-за которого ему, читателю, предлагают даже изучить украинский язык?

Насчет украинского языка не беспокойтесь, он еще понадобится нам по ходу нашего повествования. А что касается нового мировоззрения, то оно проявляется в историческом оптимизме Петра Степановича. Если бы, например, у вас были в ту пору такие служебные обязанности, что вам пришлось бы поинтересоваться содержанием письма Петра Степановича, то, мы уверены, вас бы прямо-таки насторожил его критический тон в отношении кадровой политики в советских совхозах. А ведь мы еще не все процитировали. Петр Степанович обнаружил, например, еще какой-то *«протекціонізм, часто зв'язаний з національністю. Ми можемо прослідкувати по деяких цукроварнях такі випадки, що коли прослужить років чотири або п'ять на одній цукроварні адміністратор або управитель, директор і взагалі впливова людина, скажемо, за національністю поляк, то ми можемо спостерігати як на ту цукроварню поступово припливають теж поляки, яких за термін чотири-п'ять років можна налічити десятками. А до того часу поляків не було. Я не хочу тут бути ворогом нацменів, але кажу, що коли розглядати під кутом зору приймання на посаду, то безумовно це одна з болячок того ж нездорового протекціонізму»**. Слышите националистические

ведутся преследования со стороны «практиков», и так как этих практиков больше, то почти всегда агронома уложат «на четыре лопатки». Практики – люди, которые скорее могут перешагнуть через свое самолюбие в принципиальных вопросах, они не так реагируют на моральные боли, когда им приходится выслушивать те или иные, заслуженные или незаслуженные замечания со стороны высшего начальства, а потому эта категория хозяйственников более живуча, более «приемлема» для начальства. У агронома есть свои взгляды, инициатива, он хочет, чтобы с ним считались как со знатоком в той специальности, какую человек изучал, а в сахарной промышленности сейчас больше «пожирай начальство глазами, а разговаривать не смей!»... А если агроном заартачится, его выживут все равно: мало ли к чему можно придаться в хозяйстве!

* протекционизм, часто связанный с национальностью. Можно проследить на некоторых сахарных заводах такие случаи, что когда прослужит четыре или пять лет на одном заводе администратор или управляющий, директор,

нотки? Могло бы вас это не насторожить при вашей предполагаемой должности и вашем несгибаемом интернационализме?

Но вы не спешите с выводами, читайте дальше. И вы узнаете, что Петр Степанович не только осуждает все перечисленные им явления как пережитки неприятного прошлого, но и понимает, что не они определяют лицо нашего героического времени. Если что и плохо по-настоящему в этом героизме, так это то, что мы совершим все мыслимые подвиги и не оставим ничего нашим детям и внукам. Поневоле станешь прикидывать, чем бы смогли заняться, например, агрономы будущего.

*Звичайно є ще багато неприємного в нашому житті, та ми вже бачимо, що наші діти будуть жити краще за нас. А чи краще це буде? Я навіть іноді співчуваю їм. Бідні, діти, бідні... Дніпростан збудуємо, Волго-Донський канал прокопаємо, Свирську станцію поставимо... всю славу забере наше покоління... Правда, говорять про безкрайність мира, і гарно було б ще дітям коли 2000 року не долетіли б до Місяця. Треба уявити собі, наскільки мусять бути бідними наші внуки! Прилетить наш унучок на Місяця (а це він мусять зробити, бо ми всю славу земляну заберемо), оглядиться там, зробить деякі проміри й повернеться на землю з докладом «Місяць, його ґрунт та перспективи його використання для землеробства». Далі підуть «Проблеми землевлаштування та переселення з Землі на Місяць неможливого селянства» і так далі... Коли трапиться, що тепер ми полетимо на Місяця, то ще можна заспокоїтись за наших нащадків, бо мир безкрайній, а творчість неосяжна, і крім Місяця є ще до біса різних там Марсів, Меркуріїв, Венер, Нептунів та інших зірок.**

вообще влиятельный человек, скажем, по национальности поляк, то мы можем наблюдать, как на тот завод постепенно приплывают тоже поляки, которых за срок в четыре-пять лет можно насчитать десятки. А до того времени поляков не было. Я не хочу здесь быть врагом нацменов, но говорю, что если рассматривать под углом зрения принятия на должность, то безусловно это одна из болячек того же нездорового протекционизма.

* Конечно, есть еще много неприятного в нашей жизни, но мы уже видим, что наши дети будут жить лучше нас. А будет ли это лучше? Я даже иногда сочувствую им. Бедные, дети, бедные ... Днепростран построим, Волго-Донской канал прокопаем, Свирскую станцию соорудим... всю славу заберет

И все это писалось Петром Степановичем не в газете, писалось в частном письме, искренне писалось. Это каждый мог понять, с какими бы целями он ни стал вникать в разборчивый почерк Петра Степановича. Но дело не в этом, дело совсем в другом! Ведь не зря мы упомянули, пусть и вскользь, о новых замыслах Петра Степановича. Ему важно было именно так написать, он готовил себя к делам серьезным и безошибочным. Он вдруг осознал, просто озарение какое-то на него снизошло, что все его предыдущее творчество было пропитано устаревшим духом критического реализма, на который молились его преподаватели в реальном училище. Прав был, прав его приятель, когда презрительно сравнивал его с Чеховым и Потапенком. Сейчас нужен был не критический реализм, а что-то другое, нужна была музыка сфер! И эта музыка уже звучала в душе у Петра Степановича.

Петр Степанович чувствовал, что его время пришло, что он должен написать что-то совершенно советское, чтобы и тени сомнения не осталось в том, насколько он, Петр Степанович, предан идеям социализма!

Он принес со службы новую пачку конторских листков и принялся за дело.

XVIII

Петр Степанович еще не решил, как будет называться задуманная им повесть, не стал тратить время на поиски названия, а сразу написал:

себе наше поколение... Правда, говорят о бесконечности мира, и хорошо еще, если наши дети не долетят в 2000 году до Луны. Надо представить себе, какими бедовыми должны быть наши внуки! Прилетит наш внучок на Луну (а он должен это сделать, потому что земную славу мы всю заберем), оглядится там, сделает кое-какие замеры и вернется на землю с докладом «Луна, ее почва и перспективы ее использования для земледелия». Далее пойдут «Проблемы землеустройства и переселения с Земли на Луну беднейшего крестьянства» – и так далее... Если же случится, что мы теперь полетим на Луну, то все равно можно быть спокойными за наших потомков, потому что мир безграничен, а творчество необъятно, и помимо Луны есть еще до черта разных там Марсов, Меркуриев, Венер, Нептунов и прочих звезд.

Глава 1. Книги Гриффина сохранились!

После трагической смерти Гриффина, как вам, читатель, известно из романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка», все три его книги «в коричневых кожаных переплетах» остались у Томаса Марвела. Сотни раз Марвел силился постичь тайны этих трех томов, но из этого ничего не получалось.

В одно из воскресений Томас Марвел хлебнул больше нормы джина, у него забилось сердце, закружилось в голове, и он ушел в гостиную в приподнятом настроении, запер дверь, осмотрел на окна шторы, заглянул под стол и только тогда отпер шкаф, вынул оттуда все три книги Гриффина и, сев за стол, начал читать. Видно, джин так подействовал, что ему не читалось. Он загасил свет и, сидя за столом, заснул...

И Томасу Марвелу снится сон. Сидит он на обочине дороги, шагах в двадцати выкопана яма, закрытая фашинами, и вдруг... фашины зашевелились. Раздался грубый голос Гриффина:

– Томас Марвел!

Марвел так испугался голоса Невидимки-Гриффина, что на голове волосы стали дыбом.

– Томас Марвел! – окликнул его снова Гриффин.

– Я ссслу-ша-ю... – простонал Марвел.

– Я хочу тебе сказать вот что, Марвел, – начал говорить Гриффин. – В моих трех томах описана великая тайна, и не тебе, олуху, разобраться в ней!

Мы не станем все цитировать, только самое главное. Остальное кратко перескажем. Станный сон произвел на престарелого Марвела такое впечатление, что на следующее утро его нашли мертвым. Таинственные книги обнаружил трудившийся в трактире Марвела сознательный рабочий Роберт. Вообще-то он был авиационным механиком, теперь же, из-за охватившей Англию безработицы, вынужден был добывать себе пропитание, работая у Марвела. Роберт тоже не смог разобраться в загадочных книгах, но, на всякий случай, не хотел, чтобы они достались английским капиталистам, которые, конечно, использовали бы открытия Гриффина против Советского Союза и вообще против пролетариев всех стран. А тут как раз...

Агроному Федору Спиридоновичу Морейко выпало счастье. Его вызвали из совхоза в Наркомзем и предложили ехать в командировку в Англию по вопросам отбора племенных бычков для ввоза в Союз. Морейко в Наркомземе хорошо знали как высококвалифицированного агронома и вообще как человека делового, умного и преданного советской власти. Он знал три языка: английский, французский и немецкий. Все эти качества выдвигали Морейко в передовые ряды пролетарской интеллигенции. Если он до этого работал не в Москве, а на периферии, то лишь потому, что любил руководить непосредственно сельскохозяйственным производством.

Необычен Морейко был и в совхозовской обстановке. Он обогатил прекрасную химико-бактериологическую лабораторию и в свободное от производства время допоздна производил там опыты, не связанные с сельским хозяйством.

Вот этого-то Федора Спиридоновича Морейко и отправил Петр Степанович в Порт-Стоу, предместье города Айпинга, где, как известно, после смерти Гриффина обосновался Томас Марвели где, конечно, водились самые лучшие племенные бычки. Надо ли удивляться, что, узнав о появлении в этом предместье советского человека, сознательный рабочий Роберт немедленно с ним познакомился и попросил у него совета, как поступить с книгами.

Проведя ночь и день за изучением таинственных формул, Морейко, хотя и не до конца разобравшись в них, понял всю грандиозность изложенного в книгах замысла.

По мере ознакомления с записками, Федор Спиридонович все больше поражался простоте открытия талантливого Гриффина. Радио, пока человек не ознакомлен с сутью дела, кажется непонятным. Но какая простая штука радио, когда человек ознакомится с теорией и практикой его! Чем дальше читал Федор Спиридонович лежавшие перед ним книги, тем больше ему казалось, что тайна Гриффина настолько проста, что странно, как это ему, Федору Спиридоновичу, она раньше не приходила в голову. А если осуществить замысел Гриффина и внедрить практически! Если его поведсти по линии марксизма-ленинизма! Не по линии

злоупотреблений и личной наживы, как мечтал сделать Томас Марвел, а в интересах построения социалистического общества!

К сожалению, эта правильная линия действия чуть было не пресекалась из-за того, что официант в пивной, где состоялась первая встреча Морейко с Робертом, подслушал их разговор, донес на них в полицию, и за ними, как это всегда бывает в Англии, установили слежку. (Петр Степанович очень заботился о том, чтобы читатель не сомневался в правдивости его рассказа и прекрасном знании автором тонкостей повседневной английской жизни и вообще всего того, что он описывал). Но новым друзьям удалось обмануть шпионивших за ними полицейских, и они приступили к выполнению разработанного ими плана. План этот, в двух словах, был изложен Петром Спиридоновичем следующим образом:

– Нам обоим следует выехать в Москву, где мой брат работает в одном из научно-исследовательских институтов Академии наук. Он ведает прекрасной медицинской лабораторией физико-химического уклона. Лучшего места для наших опытов не придумать! Электричества у него в лаборатории хватает, тайна опытов обеспечена, и брат будет отличным союзником.

Чтобы не внушать подозрений, выезжать в Москву надо было порознь: сначала Морейко, а потом, по его вызову, – Роберту. Надо было только подстраховаться на случай, если полиция не совсем прекратила слежку за ними. Морейко и здесь все продумал.

– В нашем полпредстве есть хорошая машинистка, и я с ней в прекрасных отношениях. Под мою диктовку она напечатает в нескольких экземплярах важнейшие для меня положения и выдержки из записок Гриффина, и тогда, если, паче чаяния, у нас похитят книжки или еще что-нибудь случится, останутся напечатанные на машинке копии важнейших материалов. Эти копии я дам членам нашей комиссии, что вместе со мной выезжают, а книги буду держать при себе.

Уже перед самым отъездом Морейко вписал в свою записную книжку более подробный план действий – по пунктам:

1. *Посвятить в дело Бориса как брата; втянуть его с головой.*
2. *Уволиться с должности в совхозе и поступить сотрудником к брату в лабораторию, изменив фамилию, имя и отчество.*
3. *Детально изучить генеральные линии ВКП(б) по всем вопросам общей политики, после чего наметить план действий.*
4. *Усовершенствовать методологию Гриффина, привести в исполнение SKa и сделать портативные PKa – Борис поможет.*

Было еще несколько пунктов, но уже чисто технических, мы их опускаем.

Возвратившись в Москву и отчитавшись в Наркомземе, Федор Спиридонович подал заявление об уходе с работы. В Наркомземе были удивлены и начали уговаривать Федора Спиридоновича изменить свое решение об уходе, пообещав предоставить ответственную работу в самом Наркомземе с хорошим окладом.

– Эх, чудаки! – думал Федор Спиридонович. – Что такое ваша ответственная работа перед проблемами, которыми я сейчас озабочен!

Теперь надо было посвятить в тайну книг Гриффина брата Федора Спиридоновича

Борис Спиридонович был старше брата на семь лет. Чертами оба брата сходны между собой, но Федор Спиридонович, подражая Кибальчичу, носил бородку и усы, а Борис Спиридонович сбрасывал на голове всю растительность, кроме бровей. Когда Борис Спиридонович надевал халат, колпак и натягивал предохранительные резиновые перчатки, то имел вид факира, а видевшие его непроизвольно проникались к нему уважением. Борис Спиридонович имел ученую степень кандидата медицинских наук, печатался в специальных журналах, пользовался авторитетом и был на хорошем счету как конструктор всяких усовершенствований, приборов и приспособлений, в том числе и в рентгенологии.

Замыслы Федора Спиридоновича нашли у старшего брата полное понимание.

– Проблема грандиозная... – в задумчивости произнес Борис Спиридонович. – Как только овладеем техникой невидимости, направим свои действия и усилия к ликвидации войн. Я всю жизнь не могу привыкнуть к этому зверству империалистов и всяких там фашистов: «наводить порядок» в слабых государствах... Потом...

– Знаешь что, Боря! – мягко перебил Бориса Спиридоновича младший брат, – давай сначала, голубчик, овладеем техникой, а планы действий наметим в дальнейшем. Видишь ли, действия наши должны быть тесно увязаны с политикой нашей партии, должны быть согласованы, взвешены на все лады. А теперь, повторяю, давай будем осваивать технику невидимости. Может быть, у нас еще ничего и не выйдет.

Братья взялись за дело. Им удалось устроить приглашение Роберту, который приехал в Советский Союз как иностранный специалист. Путешествие Роберта не обошлось без приключений. Где-то в Германии, в поезде, пока он сидел в вагоне-ресторане, злоумышленники проникли к нему в купе и похитили его саквояж со всеми вещами. К счастью, сумка военного образца, в которой он носил свои документы, осталась при нем, и он успешно добрался до Москвы. Единственное, о чем он жалел, это сделанный Федором Спиридоновичем конспект книг Гриффина. Один экземпляр этого перепечатанного на машинке конспекта Федор Спиридонович, уезжая из Англии, оставил Роберту, Роберт делал на нем важные пометки, они оказались утраченными вместе с саквояжем. В Москве Федор Спиридонович дал ему свой экземпляр, и он пытался по памяти восстановить свои пометки. Теперь они работали втроем. Работа шла очень успешно, Борис Спиридонович оказался настоящим гением, достойным продолжателем Гриффина. Он не только далеко продвинулся в проблеме невидимости, но и пришел к выводу, что его исследования способствуют развитию многих областей медицины.

– *Идея невидимости Гриффина, – разъянял Борис Спиридонович Федору Спиридоновичу и Роберту, – построена исключительно на разделе физики о свете. А если к идее Гриффина, кроме света, привлечь другие разделы физики, воспользоваться широко органической и неорганической химией, то может получиться что-то грандиозное!*

– *Мне кажется, – говорил Борис Спиридонович, – что идея невидимости открывает новые пути для борьбы с абортами, лечения рака, гриппа. В некоторых странах назревает уже такой грандиозный вопрос, как регулирование численности населения, а ведь нельзя же этот вопрос разрешать абортами! Аборты – это своего рода «бойня», это примитивная первобытность! А это должно свестись, в конце концов, к тому, что вы вводите инъекцию – не знаю, мужчине или женщине, и говорите, что у вас не будет ребенка, скажем, три года.*

Одним словом, он был очень увлечен своими экспериментами, работа шла вовсю.

XIX

Петр Степанович отдавал работе над задуманной повестью все свободное время, уж очень ему хотелось выбраться на свой собственный остров Визе. Правда, дело двигалось не так легко, как прежде, видно про себя писать легче, про знакомое. А в этих лабораториях научных он и не был никогда, один раз только в Харькове заходил в институт Эрлиха, но там все – по медицинской части, и запомнился больше всего сильный запах, тоже медицинский, какой-то, карболки, что ли... Впрочем, Петр Степанович планировал побывать в каких-нибудь серьезных, может быть, даже секретных лабораториях, надо только найти нужные знакомства, а лабораторий таких в Харькове было полно, в этом Петр Степанович был уверен. Не зря ведь ходили слухи о немецких шпионах, проникших в эти лаборатории.

По причине причудливой служебной карьеры Петра Степановича семейство его не раз меняло местожительства, но все больше кочевали по Харьковской области – из одного районного

городишки в другой. Со времен студенческой своей молодости привязан был Петр Степанович к Харькову, любил ездить туда по служебным делам – без дела-то редко приходилось, с обидой принял перенос столицы в Киев. Сейчас вот дети подрастали, старший уже начинал задумываться, где дальше учиться, после десятилетки, – где же, как не в Харькове?

– В Киев молиться ездить хорошо, а не учиться, – говорил Петр Степанович надменно.

Петр Степанович снова и снова перечитывал то, что успел написать, но не с таким удовольствием, как прежние свои сочинения. Иной раз даже морщился, как от чего-нибудь кислого, лимона, например. Шлифовать много еще надо было, – а где взять время? Хоть подросшие дети и не требовали уже такого внимания, как прежде, а дел домашних не убавилось. Катя все чаще жаловалась на слабость, ее тянуло прилечь, не могла уже, как раньше, весь день возиться на огороде, а без огорода, на одно жалованье Петра Степановича, им трудновато было бы прожить. Так что теперь ему тоже приходилось там копаться. Тревожило здоровье Кати Петра Степановича, возил он ее в Харьков на консультацию, были даже на приеме у профессора в Рентгеновском институте на Пушкинской улице. А лучше не стало.

Неужели и на этот раз не доведет Петр Степанович свой труд до успешного окончания, и заветный остров окажется несбыточной мечтой, как и все остальные, давно рассеявшиеся? Нет-нет, на этот раз он решил не отступать.

В студенческие годы Петр Степанович с большим уважением относился к физике и химии, читал по ним даже больше, чем полагалось студентам, да ведь это когда было! Научно обосновать идею невидимости – с этим он испытывал затруднения. И Петр Степанович решил, что не станет слишком углубляться в этот вопрос, а больше будет писать о политике – разумеется, в духе времени. Да и его героям пора было задуматься о политике, они это чувствовали. Чем успешнее шла их работа, тем чаще они обсуждали свои дальнейшие планы.

– В первую очередь, следует ознакомить с нашими делами органы госбезопасности, – предложил Роберт. – Они смогут тогда в два счета покончить с троцкистами всех мастей.

– Я с этим не согласен, – возразил очень спокойно Борис Спиридонович. – Сначала давайте сами на практике воспользуемся невидимостью, чтобы убедиться в ее силе, а потом уже...

– Видите, товарищи, – перебил брата Федор Спиридонович, – мне представляется, что самым трудным делом будет разрешение вопроса правильности наших действий. Я сейчас сомневаюсь вот в чем. Наши вожди идут в открытый идеологический бой с буржуазией, поставив ясно и определенно вопрос «Кто кого?». Не станут ли наши действия рожном против политики партии?

– Вот я же и говорю, – пояснил Борис Спиридонович. – Кто знает, как там органы безопасности расценят наше дело, а потому лучше пока никого не посвящать в наши тайны и действовать самостоятельно. Пусть потом диалектический материализм разбирается в нашем деле!

Роберт не соглашался с братьями и стоял на своем.

– Органы госбезопасности оценили бы силу невидимости, посоветовались бы с вождями и, может быть, использовали бы эту невидимость в широком масштабе. А так... если мы будем действовать втроем... Напоминает просто кучку террористов.

– Палка о двух концах, – сказал Федор Спиридонович. – Логически вы, Роберт, правы. Конечно, следовало бы передать тайну силы невидимости государству. А с другой стороны, жаль, ибо мы тогда будем играть в этом деле второстепенную роль, превратят нас в техников, устранив от идеологической стороны дела. Мне бы хотелось внести такое предложение: давайте пока действовать самостоятельно и осторожно. Взвесим практически силу невидимости за границей, внутри нашей страны, а потом уже детально обсудим дальнейшие пути.

На том и порешили и стали обдумывать способы незаметно пробраться за границу. К счастью, Роберт, будучи авиационным механиком, великолепно мог управлять самолетом, и это подсказало друзьям простейший путь. Последовали события, описанные Петром Степановичем в главе «Странные происшествия на аэродроме».

Аэроплан был полностью готов к отправке. Летчик Файн и бортмеханик Шепель шли к приготовленной для них машине, но, когда до нее оставалось шагов 50-60, вдруг с изумлением увидели,

что на ней сам собой заработал пропеллер, а затем их аэроплан без всяких пилотов разбежался по гладкому полю аэродрома, оторвался от земли и плавно поднялся в воздух...

Файн несколько секунд стоял в оцепенении, потом перевел взгляд с улетавшей машины на Шепеля.

– Что такое!?! – с ужасом не то спросил, не то воскликнул тот, вытаращив глаза. – Ты заметил? Заметил, что он са-ам улетел?

На месте, где только что стоял аэроплан, лежала какая-то книга, неизвестно откуда взявшаяся. Файн поднял ее и прочитал: «Александр Беляев. Звезда КЭЦ». В растерянности он полистал книгу и вдруг обнаружил на одной из страниц какую-то запись карандашом. Он впился в нее глазами.

«Т. Файн! Мы, кандидаты в небожители, решили воспользоваться вашей машиной для перелета с Земли на КЭЦ. В случае неудачи машину возвратим в целости. Не волнуйтесь»...

Начальство аэродрома, посоветовавшись, решило не оглашать происшедшего, а посвятить в это дело только органы НКВД.

Каково же было удивление всего аэродромовского коллектива, когда через восемь дней после происшествия, вечером, самолет Файна и Шепеля приземлился на аэродроме – и снова без летчиков. К нему сразу бросилось несколько человек, но они нашли лишь записку: «Первая проба полета на звезду КЭЦ неудачна. Возвратились благополучно. Не делайте шума – для нашей страны это невыгодно».

Райком немедленно собрал весь коллектив и при закрытых дверях долго на все лады обсуждали эти странные происшествия. Никакого решения не приняли, кроме того, что договорились не распространяться о случившемся и ожидать дальнейших событий.

Все это, конечно, было только началом. Побывав невидимкой на заседании райкома, Федор Спиридонович убедился, что загадочные события решено не предавать огласке, и развернул бурную деятельность по использованию невидимости в интересах социализма. Петр Степанович с увлечением описывал беседу между невидимыми Федором Спиридоновичем и Робертом где-то на лужайке под Кенигсбергом, куда они

приземлились во время очередного перелета на угнанном немецком моноплане.

Чемодан со съестным сам по себе медленно перенесся из кабины моноплана, лег на траву, раскрылся, и из него сами собой стали выкладываться разные яства и даже бутылка портвейна. Коробка консервов стала распечатываться как бы висящим в воздухе складным ножом, потом в нем открылся штопор и стал ввинчиваться в пробку... Невидимые же люди вели между собой такой разговор:

– После аэропланов, Роберт, надо будет начать пускать под откос товарные поезда.

– А в какой стране начнем? – спросил голос Роберта.

– Конечно же, в Германии! – воскликнул голос Федора Спиридоновича. – Машинистов и кондукторов будем спихивать с поездов, чтобы человеческих жертв не было, чтобы к нам не подкапывались. Потом будем опускать их военные корабли на дно.

– Я слабо знаком с тем, как осуществлять потопление военного флота, – раздался голос Роберта.

Рюмка портвейна поднялась в воздух и опрокинулась, после чего голос Федора Спиридоновича объяснил:

– Попроберемся на броненосец, изучим технику и...

– Конечно, – согласился Роберт.

– На аэропланах не умели же летать, а теперь летаем как заправские летчики...

Некоторое время спустя чемодан с провизией сам водворился в кабину аэроплана, заработал мотор, завертелся пропеллер, и аэроплан, немного разбежавшись по траве, взлетел плавно в воздух, накреняясь крыльями то вправо, то влево, пока не выровнялся окончательно.

Федор Спиридонович Морейко не бросал слов на ветер, и вскоре мир стал свидетелем событий загадочных и невероятных.

Во всех странах взволновалась общественность. Еще бы не взволноваться: из Германии в СССР улетають аэропланы без пилотов, и уже сорок два аэроплана приземлились на разных

аэродромах – в Киеве, в Харькове, в Москве, а 11 – почему-то в Архангельске. В комиссариате иностранных дел не знают, как поступать с этими аэропланами. То же происходило и в Италии, но аэропланы – около сотни – сами собой перелетали и садились в разных городах Испании. На каждом аэроплане было наклеено обращение: «Революционная Испания! Примите маленькое возмездие за разрушения и кровь, пролитую гордым народом в борьбе против фашизма!» В последнее же время много заговорили в печати о волнениях в Германии, где начали гибнуть целые составы поездов, военные пароходы, подводные лодки и т.д. Разносились слухи, что на одном из военных аэродромов вдруг ни с сего, ни с того, загорелось одновременно 152 аэроплана. Слабый авторитет Гитлера, опирающийся на репрессии и демагогию, превратился в посмешище, и фашизм держался на волоске.

Обо всех этих непонятных явлениях много писалось в газетах, но еще больше передавалось из уст в уста. Рассказывали, что Муссолини вынужден был уйти из банкета*, где от времени до времени в лицо ему кто-то бросал скатанные шарики хлеба. Будто бы английскому королю напустили в постель такую уйму блох и клопов, что прислуга и придворные не знали, что делать. К тому же королю кто-то в кушанья и в вино подсыпал нафталина, и положение короля оказалось критическим: блохи и клопы не дают спать, а есть ничего он не может из-за нафталина. Блохи, клопы и нафталин стали специальным вопросом в палате лордов, но и тут дала о себе знать невидимая сила. Не успели лорды сделать еще и двух запросов, как все благородное собрание начало чесаться. Сначала чесались отдельные лорды, и незаметно, потом стали почесываться все, а через десяток минут в палате стало твориться что-то невообразимое. Лорды чесались с таким остервенением, что галстуки и воротнички посползали набок, а лорд Чемберлен не постеснялся даже расстегнуть брюки и запустить обе пятерни так глубоко к коленкам, как будто собрался утонуть в брюках. Пока чесались в палате лордов, тот же вопрос стали обсуждать в палате общин. Вот на этом заседании Ллойд-Джордж и произнес последнюю свою речь – «О блохах и клопах». Все эту

* Тут снова дает о себе знать сложный для Петра Степановича выбор между предлогами из и с.

речь читали, и она была последней речью старого льва-политика, ибо, придя домой, он помолился богу, лег в постель и умер, ничего не сказавши перед уходом в преисподнюю.

Изумление перешло все границы, когда из газет узнали, что японского микадо кто-то сделал невидимым, оставив видимыми только голову, руки и ступни ног. Писалось, что микадо находится на излечении у профессора Бурденко, которого советское правительство отпустило по особой просьбе японского правительства, а некоторые утверждали, что Чан-Кайши думает послать советскому правительству ноту с просьбой отозвать Бурденко, желая, видимо, чтобы микадо и дальше оставался в таком изуродованном виде.

Непонятные вещи происходили и в СССР. Недавно в органы госбезопасности поступила записка о готовящемся покушении на одного из членов Политбюро, а когда органы госбезопасности нагрянули в указанное место, то действительно застали врасплох около сотни отъявленных террористов, связанных с гестапо.

На тайных правительственных заседаниях обсуждали, что делать дальше? Одни запрашивали Уэллса о Гриффине, желая выяснить, фантазия это была или действительно Гриффин существовал, другие предлагали самые хитроумные проекты искоренения страннных и дерзких невидимок, третьи, ничего не понимая, агитировали за объявление войны СССР. Ни одна газета не выходила без сообщений о проделках шайки невидимых людей.

Техника невидимости все более совершенствовалась, этим занимался Борис Спиридонович, организацию же действий армии невидимок, становившихся все более многочисленными, взял на себя его брат Федор. У Бориса Спиридоновича, между тем, появилась новая забота. Он так увлекся научной работой, что совсем забросил свою жену Марфу Петровну, за которой стал увиваться их общий знакомый, одинокий доцент Петрушевич. Он вечно околачивался у них дома, и, видимо, Марфа Петровна находила его интересным собеседником. Возвращаясь поздно вечером из лаборатории, Борис Спиридонович нередко заставлял их за чайным столом и вынужден был не без раздражения включаться в их разговор, который подчас приобретал неожиданную остроту, в таком, например, духе.

– О чем вы здесь разговор ведете? – спросил Борис Спиридонович, особенно не обращаясь к Петрушевичу.

– Сейчас модно говорить о невидимках, – ответил Петрушевич.

– Общество в опасности из-за этой шайки, – вмешалась в разговор Марфа Петровна.

– Общество социалистическое в безопасности, – поправил ее муж, – а общество фашистское в ба-альшой опасности!

– Это вы верно подметили, Борис Спиридонович, – заметил Петрушевич, – так как эти невидимые люди направили свою деятельность исключительно в пользу нашего Союза. По всей видимости, группа невидимых людей организовалась у нас, а не за границей.

– Может быть, и у нас, – согласился Борис Спиридонович с самым нейтральным выражением лица.

– Говорят, что позавчера в Большом театре по главному проходу партера в воздухе пронесся роскошный букет цветов, доплыл в воздухе до оркестра, потом перепрыгнул через оркестр и упал к ногам Козловского, – рассказывал Петрушевич, обращаясь одновременно к Борису Спиридоновичу и к Марфе Петровне. – И это уже не кажется удивительным! Если аэропланы летают без людей, то почему бы и цветам не падать к ногам артистов?

– Проблемы невидимости – ба-альшое дело... – задумчиво произнес Борис Спиридонович. – Если обыкновенным путем социализм будет завоевывать мир, то времени и воды утечет много. А если люди используют невидимость – в десяток лет! Москва станет столицей земного шара. Тогда, может быть, и ты, Марфуша, сделаешься патриоткой Советского Союза.

– Разве я одна не верю, что советская власть когда-либо овладеет всем миром? Никто в это не верит! – довольно ехидно сказала Марфа Петровна.

– Я, во всяком случае, не верю, – встал на ее сторону Петрушевич. – Политические убеждения – это как религиозная вера. Христиане и магометане всегда были убеждены, что именно их религия распространится по всему миру, а остальные исчезнут, но ведь этого не произошло. Так и в политике. Фашисты считают, что они фашизируют весь мир, коммунисты думают, что их

дело правое, и весь мир будет коммунизирован, и так далее. Этого никогда не будет.

– Видите ли, Эдмунд Антонович, – Борис Спиридонович с трудом дождался, когда сможет возразить Петрушевичу, – религия – дело духовное, а не желудочное. Можно быть католиком или магометанином и жить с набитым брюхом и кошельком, а можно прозябать, вести полуголодное существование. Здесь-то собака и зарыта. Одни люди, независимо от их веры, объединяются из-за пустого желудка и кармана, чтобы организовать жизнь и природу для сытой, веселой и бодрой жизни, а другие, тоже независимо от веры, объединяются, ибо боятся, что полуголодные хотят их ограбить. Так что, Эдмунд Антонович, ваша аналогия неудачна.

– А вы, Борис Спиридонович, всерьез думаете, что коммунизм восторжествует? – Петрушевичу явно нечего было возразить, но выражение злой иронии на его лице говорило о полном несогласии с Борисом Спиридоновичем.

Борис Спиридонович был поражен откровенностью Петрушевича и немного даже растерялся. Перед ним сидел несомненный двурушник. На институтских собраниях Петрушевич выступал как советский, преданный партии и правительству гражданин, а сейчас, видимо, считая Бориса Спиридоновича и Марфу Петровну «своими людьми», разоткровенничался и выдал себя.

Борис Спиридонович перевел разговор на другое, но в уме отметил: подозрительный тип этот Петрушевич, надо будет невидимкой за ним понаблюдать.

Впрочем, разговор с Петрушевичем не прошел совсем бесследно для Бориса Спиридоновича, он как-то впервые по-настоящему осознал, какой размах приобретает начатое ими дело. Хотя главный научный вклад в решение проблемы невидимости внес он сам, он понимал, что практическое воплощение их замысла – дело рук его брата Федора, и не мог им не восхищаться.

– Как же вы существуете, что никто из ваших не ловится? – спросил его как-то Борис Спиридонович.

– Да как! Очень просто, – пояснил Федор Спиридонович, – вербуем себе потихоньку надежных людей, делаем их невидимыми, а секрет не объясняем.

– А если на провокатора наскочите? – встревожился Борис Спиридонович.

– И наскочили на двух, – отозвался Роберт из другого конца комнаты, где он возился с какой-то установкой.

– Ну и что же?

– Уничтожили наши же. Дисциплина у нас твердая, и инструкций нарушать никто не должен. Пожалуй, только эти два греха и есть на нашей душе..., – добавил Роберт в раздумье.

– Вы скажите, товарищи, долго ли вы думаете оставаться на нелегальном положении? – спросил Борис Спиридонович.

– Мы думали над этим вопросом, – пояснил младший брат, – и решили оставаться на нелегальном положении, пока не увидим, что все пойдет по руслу к коммунизму. Не хотим, видишь ли, ставить в затруднительное положение наше правительство перед другими странами. Попасться мы не попадемся, а если сами объявимся, – неизвестно, как на это посмотрят.

– Разве вы еще не знаете мнения по этому вопросу руководящих кругов?

– Был я в кабинете у одного из руководителей, когда там обсуждался вопрос о невидимости, – сказал Федор Спиридонович, прохаживаясь по комнате, – но...

– Что? – не вытерпел старший брат.

– Не совсем лестного мнения о нас..., – грустно ответил Федор Спиридонович.

Все трое, как-то разом, посмотрели на часы, удивившись, что уже поздно, и поспешили разойтись, так как Федор Спиридонович и Роберт завтра утром в состоянии невидимости должны были улетать в Мадрид на дирижабле «Советы».

По правде говоря, не один только предстоящий полет на дирижабле «Советы» заставил Федора Спиридоновича прервать этот разговор. Незримо присутствуя на секретном совещании в кабинете высокого руководителя органов безопасности,

он услышал о таких проделках невидимок, о которых не знал и он сам. Будто бы и в СССР все чаще происходили загадочные происшествия, вроде гибели самолета «Максим Горький», и теперь органы безопасности задавали себе вопрос, не было ли все это диверсиями невидимок. Не мог ли кто-нибудь невидимый подсыпать в пищу или питье летчика Благина зелье, чтобы сделать его безумным и заставить выполнять запрещенную «мертвую петлю» вокруг «Максима Горького»? Особенно же тревожило органы безопасности становившееся все более частым странное, даже предательское поведение некоторых революционеров – недавних вождей, крупных партийцев, высших командиров Красной Армии и других ответственных работников. Не было ли в распоряжении невидимок каких-то загадочных лучей, чтобы воздействовать на психику этих еще недавно преданных социализму людей, заставляя их вступать в сговор со злейшими врагами?

Все это очень беспокоило Федора Спиридоновича, но он решил пока ничего не говорить ни брату, ни Роберту, а постараться самому во всем разобраться. Теперь же, во время полета на дирижабле в Мадрид и возвращения в Москву, спокойно всё обдумав, он пришел к выводу, что обсудить с ними сложившуюся ситуацию все же необходимо, и это надо сделать безотлагательно.

Выслушав Федора Спиридоновича, Борис Спиридонович и Роберт долго молчали. Первым нарушил молчание Борис Спиридонович.

– Значит, ты считаешь, что тайной невидимости мог завладеть кто-то еще?

– Считаю так, – ответил Федор Спиридонович. – И, по почерку судя, это фашисты. Ведь мы стараемся уничтожить или похищать только технику, избегать человеческих жертв. А они никого не жалеют, направляют свои вредительские усилия на людей, особенно наиболее ценных. Они явно хотят оставить нашу страну без руководства, а потом напасть на СССР. Мы должны как-то этому помешать.

– Но как они могли додуматься до невидимости? – изумился Роберт. – Неужели нашелся еще один Гриффин?

– Не обязательно, – произнес в раздумье Борис Спиридонович.
– Они могли украсть его тайну.

– Книги Гриффина у нас, – возразил Федор Спиридонович. – Других ведь не было.

– А твой конспект, украденный вместе с саквояжем Роберта!? Эта пропажа уже тогда показалась мне странной, теперь я почти уверен, что за вами, Роберт, шпионили. Вы ничего не заметили?

Роберт задумался, а потом смущенно сказал, что действительно, он познакомился в поезде с красивой молодой женщиной, немкой, хорошо говорившей по-английски. Она рассказала, что происходила из рабочей семьи, была очень революционно настроена, с ненавистью говорила о капиталистах и фашистах и не внушала ему никаких подозрений. Да он и сейчас не считал ее причастной к краже, так как обнаружил пропажу саквояжа, именно вернувшись из вагона-ресторана, где был вместе с ней. Так что у нее было полное алиби.

– Но ведь у нее могли быть сообщники, – резонно заметил Борис Спиридонович. – Она отвлекла ваше внимание, а они...

Роберт растерянно смотрел на братьев, не зная, что сказать. Некоторое время все молчали. Затем Федор Спиридонович встал, прошелся по комнате и решительно произнес:

– Мы заварили эту кашу, нам ее и расхлебывать. У тебя, Борис, появляется новая задача. До сих пор главной нашей заботой было сделаться невидимыми, а теперь надо научиться лишать невидимости наших врагов, выводить их, так сказать, на чистую воду. Нужно начать опыты по распознаванию невидимости. А мы с Робертом попытаемся разыскать их секретную лабораторию и, если удастся, уничтожить ее. Что-то подсказывает мне, что ее надо искать в Германии.

XX

Петр Степанович в очередной раз перечитал все написанное и на этот раз остался доволен. Он почувствовал, что вышел, наконец, на верный путь, повествование начинало приобретать остроту, которой ему явно не хватало, писать стало легче. В голову пришло, наконец, и подходящее название: «Схватка невидимок». Еще немного усилий...

Мы уже предугадываем дальнейшее развитие истории невидимок. Мы предвидим временный успех вражеской стороны. Не удивимся, если нам откроется коварное вероломство двурушника Петрушкевича, который может оказаться (мы точно не знаем, но предполагаем) совсем не развязным ухажем Марфы Петровны, чего опасался Борис Спиридонович, а немецким или японским шпионом, задурившим голову бедной женщине, чтобы подобраться поближе к секретам ее мужа. Как ни обидно, но нам, скорее всего, придется распрощаться с Робертом, не настолько важным персонажем повествования, чтобы автор не мог им пожертвовать. Немного наивный, но честный, даром что англичанин, он, видимо, геройски погибнет, попав в ловушку, подстроенную Петрушкевичем. Но зато, в конце-то концов, верх одержат все же братья Морейко. Именно они выиграют схватку невидимок, спасут СССР от страшной угрозы. Ни один клоп и ни одна блоха не проникнут в Кремль и не нарушат сна красных вождей. Более того, Федору Спиридоновичу удастся темной ночью, когда невидимость становится еще большей, чем обычно, пробраться в тайную лабораторию вражеских невидимок где-то в горах Шварцвальда и полностью уничтожить ее вместе со всеми невозобновимыми секретами невидимости. И тогда, наконец, с сознанием исполненного долга братья откроются органам безопасности. За этим последует высокая оценка деятельности Федора Спиридоновича и Бориса Спиридоновича, и их не только представят к заслуженным правительственным наградам, но и назначат руководителями созданного специально для них Института Невидимости. Движение к социализму еще более ускорится, а Москва, как и обещал Борис Спиридонович своей жене и неразумному Петрушкевичу, станет столицей земного шара.

Что тут скажешь? Добрые намерения, честные усилия должны быть и, конечно же, будут вознаграждены. Мы уже почти видим обложку свежего номера журнала «Вокруг света» с повестью Петра Степановича К., уже мысленно читаем хвалебные отклики, уже дорабатываем повесть, вместе с Петром Степановичем, конечно, для издания ее отдельной книгой, в «Детгизе», например. Мы идем дальше и уже отправляемся вместе с ним и

его женой Катей, одетой в крепдешиновое платье, в какую-нибудь Мацесту..

Так бы и случилось, безусловно, так бы и было, если бы... Если бы не вероломное нарушение нашими новоиспеченными европейскими соседями столь удачно и своевременно заключенного с ними совсем недавно пакта о ненападении. Все смешалось, и в этой мешанине мы вообще едва не потеряли нашего героя, что было бы не удивительно при тех потерях, которые всем пришлось понести в то время.

Но нам повезло, и когда война кончилась и страна вступила в период восстановления народного хозяйства, нам удалось разыскать и Петра Степановича, хотя и не сразу.

Часть вторая

I

Над историческими событиями мы не властны, порой они нарушают спокойное, размеренное течение дел, пусть даже и прерываемое время от времени увольнениями со службы, пребыванием в камере предварительного заключения и прочими мелкими неприятностями, следить за отдельными, индивидуальными судьбами становится сложнее. Возьмите ту же войну. Наше повествование основано на документах, но документов, касающихся жизни Петра Степановича в годы великой войны, осталось очень мало. Как быть? Ограничимся тем, что просто приведем эти документы в том виде, в каком они попали в наши руки, а потом, когда буря уляжется, снова вернемся к более упорядоченному изложению жизни нашего героя.

Начать с того, что сперва мы просто потеряли Петра Степановича из виду. Где он? Куда подевался? Не погиб ли в первый период войны, признанный впоследствии неудачным? Для призыва на фронт Петр Степанович был, вроде бы, староват, но ведь погибали и в глубоком тылу, становившемся к тому же, по мере приближения к нему фронта, все менее глубоким, – от бомбежек и прочее. А, может быть, он стал подпольщиком или примкнул к партизанам и принял геройскую смерть в неравной борьбе с оккупантами?

В который раз, оказавшись в затруднении, мы кляли себя, что выбрали такого неусидчивого героя, тщеславно надеясь через него приобщиться, если повезет, к славной эпохе, выкованной нестигаемыми Петрами Степановичами. А что бы вы чувствовали на нашем месте? Все следы Петра Степановича испарились, а из документальных свидетельств военного лихолетья нам удалось найти единственное письмо, написанное на каком-то случайном, неровно оборванном листе бумаги, и то не самим Петром Степановичем, а его женой Катей и адресованное их старшему сыну. Вот оно.

Здравствуй, дорогой мой Старшенький!

Как мне жаль и обидно было так поздно узнать, как вы там сильно голодаете... В Капустяновке, говорят, а я сама, ты же знаешь, при всем моем желании, прийти не могу, чувствую себя довольно неважно. Завтра рано идет к Ване его мама. Наготовила тебе маленькую посылку, но не уверена, возьмет ли она ее. Быть может, в другой раз я смогу передать больше, а теперь прости за малое.

Но я думаю, что ты, мой Старшенький, знаешь, как велико мое желание помочь тебе, чем могу, только обстоятельства не дают мне исполнить это желание... Ты знаешь, ты понимаешь и простишь мне... Дитя мое! Крепись, не падай духом и верь, что ты будешь жить!!! Я хочу, чтобы ты верил в то, что мы снова увидимся!! Я хочу в это верить, я живу этой надеждой! Мою молитву не теряй, быть может, она тебя будет выручать в тяжелые минуты, но лучше пусть не будет в твоей жизни тяжелых минут. Пусть с тобой будут всегда удачи! Пусть с тобой будут бодрость, и вера, и надежда!

Если б ты знал, как я думаю все время о твоём настроении, состоянии здоровья и твоём положении в части. Найди минуту, чтобы черкнуть пару слов о себе. Боюсь и волнуюсь, что Бутенко может не найти тебя. Как хочется, чтобы ты хоть этот хлеб получил. Знаю, что табаку ты будешь больше рад, но... увы, я не могу набрать на этот раз. Я прошу Бутенко, чтобы она выменяла для тебя пшена или каких других круп за нитки. Старшенький мой, старайся писать письма, чтобы не потерять нам связь и надежды!

Быть может, ты еще будешь здесь, и я смогу передачу передать братиком твоим. Хотела сообщить Марусе, чтобы она порадовала тебя письмом, да не успела этого сделать. Но не ошибусь, если передам тебе от нее привет и самые лучшие пожелания.

Будь же здоровым и телом, и душой! Пусть тебя везде сопровождают удачи и счастье! Благословляю тебя, мое дитя! Да хранит тебя господь!

Я и братья твои тебя крепко-крепко целуем. Младший особенно часто вспоминает тебя, а Средний грустит о тебе. Прости мне все обиды, не вспоминай их, знай, что мама хочет тебе только

счастья. Пусть же будет это всегда с тобой, мой дорогой, мой милый Старшенький! Целую крепко. Твоя мама.

Как это письмо оказалось в наших руках? Да потому что не попало в свое время в руки адресата. То ли Катя не успела передать его маме Ивана Бутенко, то ли та сама не добралась до своего сына, возвратилась, не солоно хлебавши, и вернула недоставленное письмо, – этого мы никогда не узнаем. А письмо мы отыскали в кипе старых бумаг – вот оно, перед нами. Но в нем, как видим, ничего не говорится о Петре Степановиче, как будто и не было его никогда, а речь ведь все-таки идет о главе семьи! Он-то куда запропастился? Уж не стал ли он и в самом деле невидимкой, так что и написать о нем невозможно?

Долго мучил нас этот вопрос, пока, наконец, в другой пачке бумаг, относящихся к совсем другому, абсолютно благополучному и мирному периоду, мы не обнаружили еще один листок, исписанный хорошо знакомым нам почерком. Скопируем его для читателей.

Собственноручное показание

Я, Петр Степанович К., проживающий в г. Задонецке, Харьковской области, по Красноармейской ул. № 9, будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу заданных мне вопросов сообщаю следующее.

С 1938 года я работаю в Задонецкой свеклобазе в должности старшего агронома. В октябре месяце 1941 года, когда стали на город Задонецк налетать немецкие самолеты, я был занят отгрузкой свеклосемян, которых на свеклобазе имелось свыше 1000 центнеров, в глубь страны. До 15 октября 1942 года мне удалось отгрузить свыше 500 центнеров, а остальные не удалось отгрузить, так как 15 октября меня арестовали и посадили в Задонецкую тюрьму. Никто мне не делал в Задонецке никаких допросов, и никто мне не сказал, за что я арестован. Середина октября 1941 года в Задонецке была очень тревожной, и все были озабочены, занимались эвакуацией. Если бы меня не арестовали, то 17 октября я бы со своей семьей тоже эвакуировался бы, но поскольку меня постигло такое несчастье, семья

вынуждена была остаться в Задонецке. Семья моя состояла (кроме меня) с жены и троих детей.

17 октября 1941 года группа арестованных, примерно в 30 человек, была под конвоем выведена из Задонецкой тюрьмы и пешим порядком отправилась в направлении г. Балашова Саратовской области. Шли пешком, с ночевками в пути, до Острогжска, а там посадили нас на платформу, и мы благополучно прибыли в город Балашов. В Балашовской тюрьме я пробыл 17 месяцев. За эти 17 месяцев мне было 4-5 допросов, на которых у меня допытывались: за что я арестован? Мне нечего было что-либо сказать по этому вопросу, так как я и сам не знал причины ареста. После одного из допросов меня посадили в одиночку, чтобы «я подумал»; в одиночке я просидел 62 суток. После чего был очередной допрос, но мне и тогда нечего было что-либо сказать о причине моего ареста, и меня снова перевели в общую камеру.

Вскоре ко мне посадили подозрительного типа, который стал со мною вести явно провокационные разговоры антисоветского порядка. Не помню фамилию этого человека, так как с тех пор прошло около 16 лет, но его через 3-4 дня увели из нашей камеры. К моему удивлению, через несколько дней вдруг меня стали вызывать на допросы и очные ставки, где уже не интересовались вопросами повода к моему аресту, а возник вопрос об организации побега из тюрьмы. Если бы кто-либо проверил это обвинение, то сразу бы убедился в его абсурдности, так как я, особенно после одиночного заключения, был в таком физическом состоянии, что еле передвигался по камере, а когда человек в таком состоянии, то он не мог осуществить не только побега, но даже не мог думать об этом. Грязную роль в этом вопросе сыграли на очной ставке два старика с города Задонецка, тоже заключенные, Остольский Федор Петрович и Соломка Петр Алексеевич. Когда я спросил Соломку: «Что вас побудило наговорить на меня всяких гадостей?», он ответил: «Нам с Федором Петровичем обещали свободу, если дадим такие показания, какие от нас потребовали».

Прошло еще некоторое время, однажды меня вызвали в коридор и под расписку зачитали, что мне Тройкой дан срок тюремного заключения на 10 лет по ст. 58 п. п. 10 и 11. Через несколько дней я был отправлен в Котлас, где и пробыл 10 месяцев.

В январе 1944 г. я был вызван в лагерную канцелярию и меня освободили, основываясь на... (далее идут две строки точек, видимо, Петр Степанович не помнил в точности оснований своего освобождения и уточнил их уже в беловом варианте своих показаний, нам же достался только черновик).

По возвращении в Харьков, я явился в областные органы МГБ, где мне сказали, что ко мне никаких претензий не имеется. Я явился в Харьковский сахсвеклотрест, и мне предложили возвратиться на ту же Задонецкую свеклобазу, где я работаю и сейчас в должности старшего агронома.

Возвратившись в Задонецк, я не застал в живых жены, и не оказалось дома старших двух сыновей: жена умерла, один сын был призван на фронт, а другой работал в Куйбышеве рабочим на оборонном заводе. Имущество мое было расхищено, и мне пришлось начать жизнь сначала. Уже здесь, в свеклотресте, я был награжден медалью за доблестный труд во время Отечественной войны.

Фамилии заключенных, что вместе со мной были в этапе, – Корсуна Николая Сергеевича, Чичирья Андрея Митрофановича, Покровского Петра Андреевича и Турина Карпа Алексеевича, – я помню.

Турин Карп Алексеевич умер при мне в Балашовской тюрьме, а остальные оставались в Балашове, когда меня увезли в Котлас. Указанные лица при мне не вели каких-либо антисоветских разговоров, во всяком случае, я этого не слышал. Да и не могли указанные люди вести со мною каких-либо антигосударственных разговоров, так как они меня совершенно не знали.

Вот уже идет семнадцатый год, как я был арестован, а я и сейчас не могу никому ответить: за что же я был арестован 15 октября 1941 года.

Петр Степанович К.
3 апреля 1958 года.

Тут же обнаружили и подколотые заржавевшей скрепочкой к этому черновому, рукописному тексту, еще две бумажки, на бланке, напечатанные на машинке и скрепленные печатями, то есть вполне официальные:

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик

Прокурор
Харьковской области

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

26 февраля 1960 г.
№ Я-161-60

Гр. К. Петру Степановичу
г. Задонецк, Харьковской области, ул. Красноармейская, 9.

На Ваше заявление сообщаю, что дело Ваше Харьковским Облсудом
прекращено в августе 1958 года.
За справкой о реабилитации обращайтесь в Харьковский облсуд.

Зам. Облпрокурора по надзору за
следствием в органах госбезопасности
Советник юстиции

Дейнеко

И вторая:

Харьковский областной суд
гор. Харьков, улица Хмельницкого № 4, тел. 2-46-73

Справка

7/III 1960, № 257сп

Дело по обвинению Петра Степановича К., 1896 года рождения,
работавшего ст. агрономом свеклобазы в гор. Задонецк Харьковской
области, пересмотрено президиумом Харьковского областного суда
от 8 августа 1958 года.

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от
30 декабря 1942 года в отношении Петра Степановича К. отменено, и
дело производством прекращено. Петр Степанович К. – реабили-
тирован.

Председатель Харьковского областного суда Мирошниченко

Печать

Выходит, Петр Степанович не только выжил, вернулся домой, так еще в который раз оказался невиновным. Но Соломка-то, бесовестный старик, каков! Пытался оговорить невиноватого! Какое вероломство!

Нам, как автору, эта линия показалась интересной, поначалу мы даже намеревались ее развить. Мы ведь понимаем, что нашему повествованию не хватает сильных страстей. Если читатель помнит, мы обещали ему встречу с героями, достойными пера Джека Лондона, но это у нас не получилось. Героизма тогда кругом было очень много, даже в мирное время – возьмите хотя бы трактористку эту, забыл, как ее звали... А уж о военное время мы и не говорим! Но почему-то Петра Степановича, к которому мы так привязаны, героизм обошел стороной, и из-за этого мы не можем показать читателю, что в страстях мы тоже разбираемся.

А тут как раз нам подвернулось вероломство – это не то что Джек Лондон, это вообще Шекспир! Вот мы и подумали, соприкоснувшись с вероломством двух стариков – Остольского Федора Петровича и Соломки Петра Алексеевича, не окунуть ли нашего читателя в мир страстей и глубоких переживаний, связанных с вероломством. Нам уже слышался такой, примерно, диалог в духе Шекспира (Ричард III, помните, конечно):

Solomka Piotr Alekseevich

– Faith, some certain dregs of conscience are yet within me. I would not want to slander Piotr Stepanovich.

Ostolsky Fiofor Petrovich

– Remember our reward, when the deed is done...

Нет, мы лучше перейдем на русский язык, пока ведь не все у нас читают Шекспира в оригинале. Итак:

Соломка Петр Алексеевич

– По правде говоря, кое-какая совесть во мне еще сидит, не хочется мне наговаривать на Петра Степановича.

Остольский Федор Петрович

– Ты лучше вспомни о награде, которую нам пообещали за это.

Соломка Петр Алексеевич

– Ё-моё! Чуть не забыл о награде. Конечно, скажу, что потребуют!

Остольский Федор Петрович

– А где же теперь твоя совесть? Она тебе точно не мешает?

Соломка Петр Алексеевич

– Совесть – хорошая вещь, когда ее не слишком много. А когда она разрастается, так превращается в беса, который только мешает человеку во всех его делах. Хочешь нормально жить – живи собственным умом и без всякого совестливого беса.

Остольский Федор Петрович

– Ай, ай! Вот он сейчас у меня под локтем вертится и убеждает не наговаривать на Петра Степановича.

Соломка Петр Алексеевич

– Ты этому бесу не верь, не впускай его в себя, а то он в тебя заберется, чтоб лишить тебя сил.

Остольский Федор Петрович

– Ни хрена не выйдет, не на такого напал!

Соломка Петр Алексеевич

– Ну, вот теперь ты дело говоришь, как порядочный человек, который дорожит своей репутацией. Что же, пойдём, скажем все, чего от нас потребуют!

(Проваливаются).

Так мы немножко поупражнялись, а как стали думать дальше, так поняли, что у нас и с вероломством ничего не выходит. Тоже мне, вероломство! Мы такого вероломства, знаете, сколько видели! Чепуха на постном масле, по нашим временам! Любой бы так поступил на их месте – Соломки Петра Алексеевича или Остольского Федора Петровича. А на вашем, думаете, по-иному? Нет, на одном Соломке Петре Алексеевиче далеко не уедешь, не тот уровень. Нам самого Ричарда III подавай. *Counting myself but bad till I be best*^{*}. Надо бы нам выше подняться, там поискать, – но не можем бросить Петра Степановича. Да и кто же нам позволит – выше? Там все такое ослепительное,

* «Пусть низок я, но ввысь мой путь ведет!» (Тоже Шекспир, если верить переводчику).

государственное, все в звездах... А мы все-таки не Шекспир. К сожалению. Так что оставим эту тему.

Впрочем, нам и с Петром Степановичем неплохо, мы уже не раз убеждались – и читатель тоже, – что и Петр Степанович не так прост, наверно, родился в рубашке. Не всем Петрам Степановичам так везло в ту пору, многие так никогда и не возвратились в свои Задонецки. Но если бы не они, как бы можно было в то время сохранить гораздо более ценные кадры Наркомата внутренних дел? Вынужденные день и ночь бороться с опаснейшими Петрами Степановичами, эти кадры вместе с обнаруженными ими преступниками, сурово насупив брови, двигались в глубь страны, на восток – не на запад же, в самом деле, им было двигаться, где в это время была такая стрельба и где и без них хватало вооруженных людей!

Но это – дело прошлое. Главное мы знаем: Петр Степанович реабилитирован, и теперь мы можем, ничего не опасаясь, с чистой совестью продолжить его жизнеописание. По крупицам, буквально по крупицам придется нам собрать сведения обо всем, что происходило в тяжелые военные и послевоенные годы, ибо сам Петр Степанович в это время почему-то почти ничего не записывал.

II

Еще до того, как Петра Степановича арестовали, неприятель неожиданно быстро придвинулся к нашим местам, и старший сын Петра Степановича ушел в ополчение. Ему исполнилось 16 лет, и он решил, не исключено, что по подсказке старших товарищей, укрепить своим присутствием нашу редущую военную силу. Возможно, к этому времени и относится приведенное выше недоставленное письмо Кати. К сожалению, даже несмотря на присутствие старшего сына Петра Степановича на полях боев, под Лозовой, куда привела его судьба, удача явно была на стороне противника. Дошло до того, что командиры стали спарывать свои петлички, дружески советуя своим подчиненным, чтобы они спасались, кто как может. Стал пробираться домой и старший сын Петра Степановича.

Не получая долгое время никаких известий от старшего сына и опасаясь за судьбу двоих младших, Катя и после того, как Петра Степановича забрали и увезли куда-то из Задонецка, пыталась эвакуироваться. За нее обещала похлопотать одна старая знакомая, жена председателя райисполкома, правда, она не знала, станет ли муж помогать, когда узнает, что Катерина – жена арестованного. Ждали, когда председатель возвратится – он уже неделю как мотался по району, пытаясь организовать хоть какую-то эвакуацию вверенных ему предприятий и учреждений. Но, к сожалению, вернуться в Задонецк он так и не успел. Вдруг ни с того, ни с сего нагрянули немцы и захватили его прямо в конторе совхоза, эвакуацию которого он организовывал. Кто да что? Им некогда было разбираться. Добрые люди сказали, что это – председатель райисполкома, немцы расстреляли его и пошли дальше.

Так Катя с детьми и не уехала из Задонецка в более безопасные места, и потом восемь месяцев они жили под немцами, заодно с которыми в Задонецке побывали также румыны и итальянцы.

Когда эти немцы вошли в Задонецк, Катя, уже больная и измученная, сказала в сердцах: «Слава Богу. Теперь никого не арестуют». Она, конечно, не должна была так говорить, тем более что, в их семье и арестовывать-то больше некого было, как она думала. Но слово сорвалось, теперь его из песни не выкинешь, правды же в нем оказалось немного. В декабре 1941 года немцы стали высылать оставшееся мужское население Задонецка в свои тылы, а с их точки зрения, к мужскому населению уже относились не только 16-летний старший сын Петра Степановича, но и его 14-летний средний сын.

Мужское население погнали пешком, в каком-то селе они переночевали, утром погнали дальше, и прошел слух, что конечным пунктом будет лагерь военнопленных. Такая перспектива мало кого привлекала, и по дороге мужское население стало разбегаться, надо сказать, при легкомысленном попустительстве со стороны немецкого, а может быть, и румынского, – сейчас этого уже не выяснить – конвоя. При первой возможности, дали деру и сыновья Петра Степановича. На какое-то время они нашли приют в селе Большая Камышеваха, у одного неробкого

хозяина, который уже приютил у себя семерых таких же беглецов. Теперь их стало девять. Хозяин был старостой этого села и довольно ловко лавировал между назначившими его немцами и своими односельчанами. Для немцев главным было обеспечить своих солдат провиантом, с каковой целью они периодически наведывались в село. Накануне староста ходил по дворам и предупреждал людей, чтобы те прятали живность и продукты, оставляя лишь немного: ведро картошки, пару кур... Подвода с немцами останавливалась около каждого двора, староста напускал на себя лютый вид, чуть ли не ногой открывая калитки, и грубо требовал продукты. Люди выносили заранее приготовленное.

Пряча у себя девятых беглецов, староста немало рисковал, но и проявлял дальновидность. Он помогал им, как мог. Спали они покатоком на полу, в доме. В поле оставались неубранные кукуруза и сахарная свекла, беглецы могли пользоваться печью, а хозяин даже делился с ними хлебом. Все это зачлось ему впоследствии, когда немцев прогнали. Его даже не стали арестовывать, а сразу мобилизовали в Красную Армию, так же, как и его сына. Что стало со старостой впоследствии, нам неизвестно, а сын его числится в довольно длинном списке жителей села Большая Камышеваха, отдавших жизнь за Родину.

Катя осталась в Задонецке с шестилетним младшим сыном в полном неведении о судьбе двоих старших, мучилась от этого неведения и просто таяла на глазах. Никакой медицины не было, только Люба, жившая неподалеку знакомая медицинская сестра, иногда навещала ее. Муж Любы, Николай, командир Красной Армии, не вернулся еще с финской войны, говорили, замерз где-то раненый. Катя тогда ей очень сочувствовала, утешала, как могла. Так они и сдружились. Люба работала в районной больнице, больные ее очень уважали, называли Любовью Петровной, считали, что она умеет лечить не хуже докторов. Но сейчас что она могла сделать без лекарств и прочих медикаментов? Только банки ставить?

Однажды Люба пришла проведать Катю и нашла ее в полном отчаянии: куда-то исчез младший сын. Надо было идти его искать, но куда? И сил совсем не было. Люба сказала, что она пойдет, поищет, но младший сын Петра Степановича

нашелся сам. Он вернулся в румынской каске, с котелком, полным еще не остывшей похлебки. Оказывается, он ходил к церкви, возле которой стояли румыны, и глазел там на их полевую кухню. Котелок он нес с гордостью, ожидал похвалы, а мама расплакалась, стала кричать, чтобы он не смел уходить без разрешения, тетя Люба стала ее успокаивать, в общем, все получилось не так, как он ожидал.

Конечно, от таких переживаний можно было еще больше заболеть. Кате становилось хуже и хуже, и когда Задонецк освободили, она была уже очень слаба.

Старший и средний сыновья Петра Степановича возвратились домой в конце февраля 1943 года, когда немцы отступили. Отступить-то они отступили, но пока не очень далеко, так что Задонецк все еще был, можно сказать, на линии фронта. Чего же удивляться, что неподалеку от дома, старшего сына задержали, посчитав его по возрасту подходящим для военной службы и заподозрив в дезертирстве? А среднего сына отпустили.

Средний сын Петра Степановича добрался до своего дома, нашел его полуразрушенным – без двери, без окон, без галереи. Он стоял перед домом в полной растерянности, когда его окликнула проходившая соседка: «Живы они. Живы!..» Мама с младшим братом нашлись в подвале совхозной конторы, где, кроме них, пряталось от обстрелов человек тридцать. Средний сын вошел туда, мать бросилась к нему: «А где старший?» Средний сын внезапно заплакал, страшно стыдясь при этом своих слез, ведь кругом было столько народу. Но он не мог сдержаться, видно, сказалось напряжение последних дней. Мама и люди, находящиеся в подвале, подумали, что старшего брата уже нет в живых. Подвал затих, некоторые тоже утирали слезы.

Катя пошла в город с документами, нашла комендатуру, и вернулась со старшим сыном. Но сил не оставалось никаких, она слегла. Через неделю старшего сына официально мобилизовали в армию – он достиг, наконец, призывного возраста. Катя не смогла даже пойти его проводить, только с большим трудом собрала для него сумку с продуктами на дорогу и ждала, когда он зайдет попрощаться. Он успел заскочить домой, уже в солдатской форме, поцеловал мать, постоял возле нее минутку и

побежал садиться на какой-то грузовик, правда, без приготовленной для него сумки с продуктами. Еще до его прихода в дом попросились трое красноармейцев – погреться. Уходя, они решили незаметно прихватить эту сумку с собой – мало ли какие превратности военного времени их ожидали.

Мартовское солнце пригревало, снег сходил, и Катя надеялась, что весной она станет поправляться. Но 24 марта ей стало совсем худо, она стала бредить, звала старшего сына, просила его не умирать, как будто это он умирал... Средний сын сбегал за Любовью Петровной, при ней Катерина и скончалась. Лекарств ведь все равно никаких не было.

Может быть, не случайно последние мысли Кати были о старшем сыне. Его пехотный батальон в этот день двигался по длинному лесному оврагу в направлении, указанном начальством, которое еще не знало, что все они находятся в окружении. Так мало того, над ними еще все время кружил самолет – «Рама» и все высматривал, а у немцев знаете, какая была оптика! Одним словом, внезапно с двух сторон этого оврага появились немецкие танки, а в таких обстоятельствах обычно у танков большие преимущества перед пехотой. Красноармейцы инстинктивно бросились в стороны, под защиту деревьев. Бросился и старший сын Петра Степановича. Стоял страшный грохот, и он как будто даже приближался, немцы стреляли по бегущим из пулеметов. Бежавший сзади красноармеец Кулаков, из-за фамилии, а возможно также и из-за плотного телосложения носивший прозвище Куркуль, крикнул «Ложись!» Старший сын Петра Степановича вжался в покрытую снегом землю и в ту же минуту Куркуль рухнул на него, придавив своим немалым весом, и тем спас. Сам-то он получил пулю в спину, и ему уже ничто не могло помочь.

Немецкие танки еще немного постреляли и, видимо, не желая больше расходовать боеприпасы, поползли из оврага. Старший сын Петра Степановича переждал какое-то время, а когда урчание моторов сделалось почти неслышным, выкарабкался из-под коченевшего трупа Кулакова, распрямылся, укрывшись за нетолстым стволом осины, осторожно огляделся и, не рискнув расстаться с винтовкой, стал пробираться наверх. Так же, видимо, поступили и другие выжившие, потому что, когда

старший сын Петра Степановича добрался до верхнего уровня, там уже поджидали немцы, которые отобрали оружие, присоединили его к небольшой группе выбравшихся из оврага красноармейцев. Среди них оказался раненный в руку и стонавший от боли недавний одноклассник старшего сына Петра Степановича Дмитро. Немцы подождали немного, присоединили к группе еще двоих выкарабкавшихся из оврага, привели всех – человек двенадцать – к большой брезентовой палатке, и велели ждать под присмотром одного фрица с автоматом.

Возле палатки два немца играли в шахматы. Один из них проиграл и старший сын Петра Степановича, решив проверить свои знания немецкого языка, предложил победителю сыграть партию. Тот согласился и довольно быстро получил мат.

Все было тихо и мирно, и, почувствовав себя победителем, по крайней мере, в шахматах, старший сын Петра Степановича спросил, нельзя ли перебинтовать руку его раненому товарищу. Немцы заулыбались, принесли аптечку, и сделали ему перевязку по всем правилам своей немецкой науки. Видно, они тоже чувствовали себя победителями.

Но ближе к вечеру приехал грузовик с какими-то другими немцами, они грубо приказали пленным лезть в кузов, в котором уже было несколько красноармейцев, стали кричать «шнель!» и чуть ли не подталкивать прикладами, все произошло буквально за одну минуту, грузовик укатил, и с этого момента следы старшего сына Петра Степановича надолго теряются.

После смерти Кати в Задонецке осталось двое детей – одному было 14 лет, другому шел восьмой год. Что с ними было делать в обстоятельствах военного времени? Где-то в Змиеве у них жила бабушка, мать Петра Степановича, но адреса ее никто не знал, да и жива ли она еще, было неизвестно.

Пока среднего сына Петра Степановича приютила семья Маруси, но там он сразу почувствовал себя нежеланным нахлебником. Пошел к директору совхоза, знакомому отца, просить какой-нибудь работы. По неопытности он боялся, что директор даже не станет с ним разговаривать, а тот, наоборот, обрадовался – паренек возник прямо-таки вовремя.

Директору еще на той неделе пришла разнарядка из райкома партии – выделить одну девушку для работы на военном заводе

– на Урале или, может, в другом месте, где людей не хватало. Парни-то все были на фронте. Но кого он ни выберет, сразу прибегают матери – и ни в какую! Да еще подарки приносят по дружбе! А тут – сирота.

– Хорошо, что ты непризывного возраста, – размышлял директор вслух. – Мы скажем, что тебе 16 лет, должно пройти. Получишь там специальность.

Так средний сын Петра Степановича оказался в Куйбышеве.

А младшего взяла к себе, не видя другого выхода, тетя Люба, хотя жившая при ней ее мать была недовольна, опасаясь, что втроем они не прокормятся. Люба же всегда хотела иметь сына, но не получилось. И она сказала матери:

– Если бы свой был, мы бы его не выгнали, прокормили бы. Прокормим и этого.

Вернется или не вернется Петр Степанович или кто-то из его сыновей, она тогда не думала. Хорошо еще, что советская власть вернулась. Но зимой 1944 года неожиданно появился и Петр Степанович.

III

Когда Петр Степанович возвратился из заключения, он сразу хотел забрать своего младшего сына, не сообразив еще по-настоящему, как он будет жить с ним в своем опустевшем очаге. А Люба привыкла уже к мальчику, и он к ней привык. Она понимала, что ребенка придется отдать, но все оттягивала этот момент.

– Петр Степанович, – говорила она, – куда вам сейчас брать ребенка, у вас у самого ни кола, ни двора. Зачем травмировать мальчика? Вы устройтесь сначала, обзаведенье какое-то сделайте, тогда и заберете. А пока пусть поживет в привычной обстановке. Видаться с ним вы сможете в любой момент – приходите и выдайтесь.

Петр Степанович и стал приходиться почти что каждый вечер. Если бы не стеснялся быть навязчивым, приходил бы и каждый. Днем он работал, мотался по совхозам, составлял всякие планы и отчеты, вообще восстанавливал свеклосахарное производство

района, сильно пострадавшее от оккупации, отсутствия мужчин и других неурядиц военного времени. Но вечером... Одинок было Петру Степановичу по вечерам, тоскливо. Он крепился-крепился, пропускал день-другой, а потом все-таки шел к Любе – он, правда, всегда официально именовал ее Любовью Петровной – повидаться с младшим сыном, конечно, но не только. Он у нее вообще как-то хорошо себя чувствовал, с ней можно было поговорить. Любовь Петровна поила Петра Степановича чаем и внимательно слушала его рассуждения о перспективах свекло-сахарного производства, о роли агронома, которого у нас никогда не умели ценить, но, конечно, и о вещах более общих, всегда занимавших ум Петра Степановича. В то время он серьезно задумывался о послевоенном устройстве мира. Петр Степанович склонялся к тому, что в интересах полного избавления от войн должно быть создано Всемирное правительство. Но согласятся ли с этим его предложением американцы? англичане? Они, конечно, вынуждены были вступить с нами в союз, чтобы не оказаться под властью Гитлера, но, когда Гитлера не будет, снова могут возобладать их эгоистические интересы.

Любовь Петровна так высоко не летала, но все же и у нее находилось что сказать в пользу Всемирного правительства. Например, однажды у них в больнице оказался английский офицер, находившийся здесь с какой-то миссией и внезапно заболевший дизентерией. Так если не считать того, что он не говорил по-русски, он ничем не отличался от нормальных людей, даже дизентерией болел так же, как и мы. А немцы! На них-то она вдоволь насмотрелась, пока они здесь были. Среди них тоже были вполне нормальные люди. А итальянцы! Тут она начинала смеяться, у нее был очень приятный смех. По ее рассказам, итальянцы носили смешные шляпы с перьями и передвигались на мулах. В лютый мороз они просились в дом. Им говорили, что в доме тесно, нет места, а они отвечали, как малые дети: «Нам не интерес карашо, нам интерес жарко». Когда они заходили, ботинки их были расшнурованы, чтобы поскорее ноги оказались в тепле. А румыны, которые дали младшему сыну Петра Степановича котелок с похлебкой!

Так что все – люди, – заключала свой международный обзор Любовь Петровна, – я думаю, даже негры не слишком от нас отличаются.

Петр Степанович не рискнул признаться, что никогда не видел живого негра, но и он, конечно, не сомневался, что негры – такие же люди, как и мы, и что когда-нибудь и негр сможет занять пост председателя Всемирного правительства.

Само собой, Петр Степанович не раз все обдумал, прежде чем прямо сказать в один из таких вечеров.

– Любовь Петровна, вы остались одна, и я овдовел. Давайте соединим наши жизни.

Но если вдуматься, так все само к тому и шло. Младший сын и без того признавал Любовь Петровну за мать, даже называл ее «мама Люба», и она уже привыкла к нему, как к сыну. Петр Степанович хоть и был старше нее, но всего на десять лет, сверстников же Любви Петровны после войны, сами понимаете, было не густо. А после пронесшегося надо всеми урагана, после всевозможных потерь и разорений, следы которых видны были и в личной жизни, всем хотелось почувствовать какую-то опору. Петр Степанович, со своей стороны, как-то лучше рассмотрел Любовь Петровну и убедился, что может на ней жениться. Правда, она была медицинским работником, а в молодости у Петра Степановича было предубеждение к таким женщинам. Ее поцелуешь в приливе хороших чувств, а она столкнется с вашими зубами, и в голове у нее сразу: «у человека тридцать два зуба: восемь резцов, четыре клыка и двадцать зубов коренных». Однажды в те поры он объяснял одной молодой особе, почему для любви вредны медицинские знания:

– Я вот вас люблю, способен вами восхищаться, сравнивать вас с Венерой себя могу считать Демоном, но тут же – рядом – нарастают мысли, отравляющие всю поэзию, весь романтизм! Вы красавица, а рядом анатомия и физиология: я вижу ваш скелет, кишечник, голову в разрезе и ваши мозги с серым и белым веществом...

Помнится, эти объяснения вызвали неоднозначную реакцию. Венера и красавица были восприняты с плюсом, но кишечник и особенно скелет так смутили бедную девушку, что ухаживание за нею пришлось прервать.

Теперь таких запросов, как в молодости, когда Петр Степанович измерял проценты любви, у него уже не было, но все-таки он и сейчас все взвесил и пришел к положительным выводам. А будучи человеком наблюдательным, он, по некоторым признакам, предположил, что и Любовь Петровна будет не против его предложения. Окончательное решение Петр Степанович принял в бане, когда, освободившись от одежды и оставшись наедине со своим мужским естеством и окатив себя водой из шайки, он ощутил в себе прилив сил, которых, как ему казалось, у него уже почти не осталось.

Он не ошибся, и как-то все у них хорошо пошло, он даже не ожидал, считая себя уже почти стариком. А оказалось, что нет...

Петр Степанович и Любовь Петровна сначала жили, не расписываясь, но потом, ближе к концу войны, решили, что, пожалуй, большого смысла в этом нет, лучше узаконить отношения. Весной сорок пятого года они расписались и даже отметили это событие небольшой вечеринкой.

Особой свадьбы, конечно, не было, как, впрочем, ее не было и когда они поженились с Катей. А про пышную свадьбу Жгутика Петр Степанович давно уже забыл, как забыл о многом из той, прежней жизни, отрезанной от нынешней непонятной зыбкой чертой. Но все же событие отметили, пришли из знакомых два агронома – сослуживцы Петра Степановича, двоюродный брат Любви Петровны Виктор с женой. Сварили картошку, кильку соленую получили накануне по карточкам, капуста квашеная с зимы оставалась. Буханку хлеба Петр Степанович на базаре купил. Развели немного спирта, выпили за скорый конец войны – ждали со дня на день, тут уже сомневаться не приходилось, – побалакали. Двоюродный брат после продолжительных и упорных боев под Киевом остался без правой руки, так не погиб же! Он давно уже вернулся с фронта и научился все делать левой рукой, почти как правой, за столом даже и незаметно было, что он однорукий. Зато все знали, что он хорошо пел, отсутствие руки этому не мешало, и когда выпили еще по одной, Любовь Петровна попросила его:

– Заспівай, Вітя!

Все замолчали, и он тоже немного помолчал, а потом, как-то выпрямившись на стуле и плотнее опершись на его спинку, запел:

Ой з-за гори кам'яної
Ой з-за гори кам'яної
Голуби літають,
Не зазнала розкошоньки,
Вже літа минають ...

Запрягайте, хлопці, коні
Коні воронії,
Та й поїдем доганяти
Літа молодії.

Догонили, наздогнали
На кам'яновім мості,
Ой верніться, літа мої,
До мене хоч в гості!

Не вернемось, не вернемось,
Немає до кого,
Не вмiла нас шанувати,
Як здоров'я свого.

Ой верніться, ой верніться,
Літа молодії,
Буду я вас шанувати,
Літа золотії...

Хорошо пел Виктор, а кто о чем думал, пока он пел, мы не знаем. Любовь Петровна, например, плакала, да и Петра Степановича, видно, подпирали слезы, но он сдержался.

IV

В Куйбышеве среднего сына Петра Степановича определили на завод, привели к рабочему-фрезеровщику и сказали ему: «Это

твоя смена». Через неделю парень уже работал самостоятельно, толковый оказался. Получал рабочий паёк, дали ему и место в общежитии – живи и живи. Может, он бы и задержался в этом Куйбышеве, но тут неожиданно-негаданно вернулся отец из заключения и стал его разыскивать. У среднего сына Петра Степановича снова появилось что-то вроде дома, и он стал тосковать по отцу, по братьям, по Задонецку. Волга тоже, конечно, хорошая река, но до Донца ей далеко. Он так и написал отцу: хочу вернуться домой.

Петр Степанович сразу понял, что средний сын попал в Куйбышев незаконно, не по годам, и отправил ему нужные документы. Средний сын Петра Степановича пошел с документами на прием к директору. Тот отослал его к заместителю по кадрам – лейтенанту НКВД. А заместитель мог принять его только через неделю. Парень решил, по легкомыслию, что дело уже сделано, перестал ходить на работу, настроение было чемоданное. Заместитель же – лейтенант НКВД – трудился подлозунгом «все для фонта»! Так что он принял через неделю среднего сына Петра Степановича, выслушал его, а потом взял за шкирку, вывел на улицу и сказал: «Иди работай!».

Появление среднего сына Петра Степановича перед своим учителем-напарником, фрезеровщиком, очень того удивило, но он же и подсказал решение: «Тебя судить за прогулы будут. Получи продовольственные карточки за месяц и беги». Повторять второй раз ему не понадобилось, несмотря на свои 15 лет, средний сын Петра Степановича был толковый малый, начитанный. Он получил и продал карточки и вскочил в последний вагон какого-то поезда, едущего на запад. В этом военном товарном поезде, в вагоне с саперами, он добрался до Ростова, они его еще и кормили.

На вокзале в Ростове его чуть было не задержали. Милиция проверяла документы, он попытался пристроиться к путевым рабочим, как будто он – один из них, но милиционеры его как-то вычислили и стали махать ему руками, дескать, ну-ка иди сюда! Он сделал вид, что идет к ним, усыпил их бдительность, нырнул под вагон и замешался в толпе. Выждал, когда поезд тронулся, снова запрыгнул в последний вагон и так добрался до Мариуполя. Здесь порядка было уже (или еще?) меньше,

никто никого не трогал, и он довольно спокойно пересаживался с поезда на поезд, пробираясь на север – до Сталино, а потом и дальше.

Все путешествие длилось недели две, деньги кончились, и средний сын Петра Степановича научился немного подворовывать на чужих огородах, а то и на пристанционных базарах. Его ни разу не поймали, хотя в Харькове он чуть не попал в облаву, и в конце октября 1944 года он, наконец, добрался до Задонецка.

Не зная, куда идти, средний сын Петра Степановича явился к отцу в контору – она находилась в том же доме, что и до войны. Петр Степанович в это время излагал своим двоим сослуживцам, с которыми он сидел в одной комнате, идеи Лютера Бербанка, по его мнению, недооцененные. Когда кончится война, говорил он, они будут очень полезны для восстановления нашего сельского хозяйства. Вы представляете, американцы...

В это время открылась дверь, все трое подняли глаза от бумаги и увидели на пороге подростка с изможденным землистым лицом, в кепке, в промасленном ватнике и таких же ватных штанах. Петр Степанович не сразу понял, что перед ним – его сын, и чуть было не сказал ему, что он ошибся дверью...

Средний сын Петра Степановича ничего не знал о переменах в отцовской жизни и был немало удивлен, когда отец привел его к дому Любови Петровны, памятному ему по тем дням, когда он прибегал сюда звать тетю Любу к умирающей матери. Они вошли во двор, и он еще раз удивился, увидев прилипшую к оконному стеклу физиономию своего младшего брата: тот с любопытством глазел на отца, появившегося в неурочное время, да еще в сопровождении какого-то незнакомого парняги.

Петр Степанович не впустил среднего сына в дом, а попросил посидеть на бревнах, лежавших неподалеку от ворот. Сам же поспешно растопил печь, мотанулся с двумя ведрами к колонке за водой, и стал наполнять поставленную на плиту выварку. Внезапно Петр Степанович хлопнул себя по лбу, достал из погреба глечик с молоком, отлил из него молока в зеленую эмалированную кружку, заполнив до краев, отрезал большой ломоть хлеба, все это отнес среднему сыну, как-то безучастно сидевшему на бревнах, и попросил его еще немножко подождать.

Ноябрь в наших местах обычно холодный, а в октябре еще бывает тепло. Не так, как летом, но тепло. И в тот день стояла хорошая, солнечная погода. Но все же Петр Степанович пошел в огород за домом, расчистил небольшое место среди бурьянов и зачем-то стал разжигать там костер. Когда костер разгорелся, Петр Степанович позвал, наконец, среднего сына, посадил его на стоявший вблизи костра широкий пень и, выразив сожаление, что у него нет машинки для стрижки волос, удалил с головы своего сына столько волос, сколько позволила его техника владения ножницами. Голова получилась немного полосатая, но волос на ней практически не осталось.

После этого Петр Степанович с помощью специального ковшика налил в ведро горячей воды из выварки, разбавил ее холодной из другого ведра, отнес воду в огород, и велел сыну раздеться донага, что было несложно, потому что, как выяснилось, промасленная ватная одежда среднего сына Петра Степановича была надета прямо на голое тело. Эту одежду Петр Степанович тут же бросил в костер, куда до этого попали и все состриженные волосы. Сунув палец в ведро с водой, Петр Степанович убедился, что вода горячая, но терпимая, вручил сыну кусок хозяйственного мыла и стал поливать его из ковшика, следя за тем, чтобы сын везде хорошо намыливался, особенно в тех местах, где у него еще остались волосы, чтобы не пришлось состригать и их.

Сын делал все, что велел отец, но как-то вяло, пассивно, как бы перемога себя. Уже когда он вытирался большим вафельным полотенцем, Петр Степанович заметил, что сын весь дрожит, несмотря на прилично гревшее солнце и польхавший рядом костер. Он дал ему свои рубаху и кальсоны и предложил лечь в постель, на что сын охотно согласился, отказавшись от еды. Попросил только попить.

Разумеется, все происходившее не укрылось от глаз младшего брата, который уже все понял.

– Это мой средний брат? – спросил он Петра Степановича, когда тот вышел на кухню, чтобы заварить чай.

– А разве ты его не помнишь?

– Помню, только я его не узнал.

Петру Степановичу в тот день нужно было закончить срочный отчет, пришлось вернуться на службу, поручив младшему сыну присматривать за братом до прихода мамы Любы. Она же, вернувшись с работы, застала среднего сына в бреду и, как медицинский работник, сразу заподозрила сыпной тиф. Как в воду глядела. Его срочно отвезли в больницу.

Когда через несколько дней средний сын Петра Степановича, наконец, пришел в себя, дежурная сестра обрадовалась, это был хороший признак. Больные тифом часто умирали в бреду, так и не приходя в сознание. Он же, очнувшись, чувствовал большую слабость, к которой добавилась неловкость: он с удивлением осознал, что лежит совсем голый, и страшно смутился. А в больнице просто были трудности с бельем.

В сентябре 1944 года младший сын Петра Степановича пошел в первый класс. Разумеется, Петр Степанович хотел, чтобы и средний сын возобновил учебу, прерванную войной. Сам средний сын хотел того же. Но как это сделать? Пока он добирался до дому, пока болел тифом, время текло, не останавливаясь, шел к концу ноябрь, учебный год давно начался, поступить куда-нибудь было уже невозможно. Пропадал еще один год, четвертый. Петр Степанович ужасно переживал из-за этого, пытался что-то сделать, но не смог. Ему было очень обидно, мы знаем об этом из его письма сестре.

Ты помнишь, как наши малограмотные родители лезли из кожи, чтобы мы все получили высшее образование? А мой сын, отличник, никак не может подняться выше семилетки. Директор школы у нас новый, никого из нас не знает. Я ходил к нему, просил взять сына в восьмой класс, а он заладил: в середине учебного года не имею права. «Если бы он в прошлом году закончил седьмой класс, тогда можно было бы еще подумать. А после такого перерыва – он будет тянуть класс назад». Говорить с ним было бесполезно, он смотрел на меня спесиво, как на замшелый пень.

Обиделся Петр Степанович, обиделся и даже не сумел этого скрыть. Но, может, это и к лучшему? Он излил свою обиду сестре, а она ему вот что ответила, телеграммой, заметьте.

Петру Степановичу в тот день нужно было закончить срочный отчет, пришлось вернуться на службу, поручив младшему сыну присматривать за братом до прихода мамы Любы. Она же, вернувшись с работы, застала среднего сына в бреду и, как медицинский работник, сразу заподозрила сыпной тиф. Как в воду глядела. Его срочно отвезли в больницу.

Когда через несколько дней средний сын Петра Степановича, наконец, пришел в себя, дежурная сестра обрадовалась, это был хороший признак. Больные тифом часто умирали в бреду, так и не приходя в сознание. Он же, очнувшись, чувствовал большую слабость, к которой добавилась неловкость: он с удивлением осознал, что лежит совсем голый, и страшно смутился. А в больнице просто были трудности с бельем.

В сентябре 1944 года младший сын Петра Степановича пошел в первый класс. Разумеется, Петр Степанович хотел, чтобы и средний сын возобновил учебу, прерванную войной. Сам средний сын хотел того же. Но как это сделать? Пока он добирался до дому, пока болел тифом, время текло, не останавливаясь, шел к концу ноябрь, учебный год давно начался, поступить куда-нибудь было уже невозможно. Пропадал еще один год, четвертый. Петр Степанович ужасно переживал из-за этого, пытался что-то сделать, но не смог. Ему было очень обидно, мы знаем об этом из его письма сестре.

Ты помнишь, как наши малограмотные родители лезли из кожи, чтобы мы все получили высшее образование? А мой сын, отличник, никак не может подняться выше семилетки. Директор школы у нас новый, никого из нас не знает. Я ходил к нему, просил взять сына в восьмой класс, а он заладил: в середине учебного года не имею права. «Если бы он в прошлом году закончил седьмой класс, тогда можно было бы еще подумать. А после такого перерыва – он будет тянуть класс назад». Говорить с ним было бесполезно, он смотрел на меня спесиво, как на замшелый пень.

Обиделся Петр Степанович, обиделся и даже не сумел этого скрыть. Но, может, это и к лучшему? Он излил свою обиду сестре, а она ему вот что ответила, телеграммой, заметьте.

*СОГЛАСИШЬСЯ ОТПУСТИТЬ СРЕДНЕГО СЫНА ПОЛТАВУ ГРИЩЕНКО
УСТРОИТ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ ЭТОМ ГОДУ ПОЛУЧИТ
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ДИПЛОМОМ ТЕХНИКУМА СМОЖЕТ ПОСТУПИТЬ
ЛЮБОЙ ВУЗ ЖИТЬ У НАС РЕШАЙ СРОЧНО*

Вот так Грищенко! Петр Степанович показал телеграмму среднему сыну, у того глаза загорелись. Решение приняли в тот же день, а через две недели средний сын Петра Степановича уже был студентом техникума и жил у Грищенко. Их сын Тарас, погодок старшего сына Петра Степановича, был на фронте, так что место у них было. Материально из дому помогали. Стипендии, конечно, не хватало, а Петр Степанович не хотел, чтобы его сын околачивался у сестры на хлебником, хотя Грищенко, по тем временам, и неплохо зарабатывали.

Когда Петр Степанович расписывался с Любовью Петровной, средний сын из-за учебы не мог приехать, да Петр Степанович и не настаивал, потому что средний сын был очень привязан к Кате, и ему, как посчитал Петр Степанович, его новый брак мог быть неприятен.

V

С Иваном Бутенко все было в порядке, на него пришла похоронка. А старший сын Петра Степановича как в воду канул. Как ушел в тот день, попрощавшись с матерью, так от него ничего и не слышали. Говорили – пропал без вести, так Петр Степанович считал, что большой разницы нет, – сколько убитых осталось не подобранными и не зачисленными в погибшие в первые годы войны. Немножко надеялся, конечно, но не так чтобы очень: война уже кончилась, а от него – ни слуху, ни духу.

И Маруся так рассудила. Ей было уже двадцать лет, к ней сватался Федя Коноваленко, тоже одноклассник. Он вернулся с войны почти неповрежденным, и у них уже все было решено.

А сын тут вдруг возьми и объявись. Он, оказывается, был в плену, потом его где-то проверяли на подозрительность. Слава богу, все оказалось в порядке, и теперь он снова служит в рядах Советской, бывшей Красной, армии и будет служить до тех пор, пока его не демобилизуют, а когда это произойдет, ему неизвестно. Все это было написано в треугольном солдатском

письме без марки, которое вручила Петру Степановичу почтальонша, к счастью, хорошо ему знакомая: письмо-то пришло по старому адресу. С целью правильной доставки корреспонденции, почтальонша внимательно изучила все, что было написано на треугольном конвертике со штампом «Просмотрено военной цензурой» и, будучи немного в курсе обстоятельств жизни Петра Степановича, догадалась, что треугольничек пришел почти что с того света. Чтобы утвердиться в своей догадке, она даже помедлила немного возле калитки, но Петр Степанович не стал сразу разворачивать треугольник, а, с недоумением вертя его в руках, ушел в дом.

Письмо начиналось словами: «Дорогие Мама и Папа!». Позднее старший сын Петра Степановича, конечно, узнает, что мамы его давно уже нет в живых, потому что она умерла 24 марта 1943 года, в тот самый день, когда он попал в плен. Просто мистика какая-то! Но сейчас откуда он мог знать об этом, проведя столько времени в плену? Поэтому он и писал: «Дорогие Мама и Папа!». А как же он мог еще писать?

Что испытал Петр Степанович, развернув обычный по тем временам бумажный треугольник? Какие чувства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо самому побывать в его шкуре, а нам не приходилось. Если бы он был женщиной, мы еще могли бы сами что-то вообразить, какой-нибудь там обморок, а потом, когда ей уже распустили кринолин, – ах! я всегда знала, что он жив! Какое счастье! И т.д., и т.п.

Но Петр-то Степанович был мужчиной и – к той поре – с довольно-таки дубленой кожей. Удивляться этому не следует. Мы специально посмотрели статью «Дубление» в Большой Советской энциклопедии, там прямо написано: «Широкое распространение в Советском Союзе в годы сталинских пятилеток методов ускоренного красного и комбинированного дубления привело к резкому сокращению длительности процесса дубления». Петр Степанович прошел и красное, и комбинированное, какие уж тут обмороки!

Но все-таки и он не остался бесчувственным и, по нашим сведениям, даже заплакал. Скупыми, мужскими, но все-таки слезами, а это с ним не часто случалось. Мы знаем только еще один случай, о котором не преминем вам сообщить в надлежащем

месте. Были это слезы радости или слезы печали? Повод был радостный, что говорить, но он столько всколыхнул в душе. Все, конечно, обрадуются, узнав об этой счастливой новости, но Катя-то уже не узнает и не обрадуется. Может, Петр Степанович единственный и понимал, как ей всегда хотелось радостной жизни, и как мало радостей послала ей судьба. Пожалуй, только дети и были ее радостью, а все остальное, чего она ждала, соединяя свою жизнь с жизнью Петра Степановича, полного таких надежд... Обманул Петр Степанович ее ожидания, обманул, а она даже ни разу его этим не попрекнула. Ну да ладно.

Старший сын Петра Степановича вернулся летом 1947 года, в воскресенье. Когда он неожиданно и несколько нерешительно открыл калитку в знакомый еще по довоенным временам, но тогда чужой двор по Красноармейской 9, Петр Степанович, по случаю выходного дня, строгал доску, с помощью какой-то намеревался укрепить расшатавшееся крыльцо. Можно сказать, что он готовился таким образом к приезду сына, зная об этом приезде загодя из последнего полученного им письма. Петр Степанович поднял взгляд к калитке, медленно положил рубанок – мимо вкопанного в землю стола, на котором лежала доска, так что рубанок упал на землю, – и стал всматриваться в вошедшего, с трудом узнавая в нем сына. Какое-то время оба стояли неподвижно, как бы привыкая друг к другу. Последний раз они виделись перед уходом сына в ополчение в 1941 году.

Мы не будем описывать последовавшую затем сцену, мы же при ней не присутствовали. Мы лишь знаем, что ко всем неизбежным в такой момент эмоциям у Петра Степановича добавлялось, буквально заглушая все остальное, желание как можно скорее накормить сына, ему казалось, что с этим нельзя медлить, как с искусственным дыханием. Как только он почувствовал, что может отойти от него, оставив покурить во дворе, он бросился в погреб, стал там чиркать спичками, чтобы зажечь керосиновую лампу, и почувствовал, что руки у него дрожат, и спички не загораются. Картошки он еще мог бы набрать в темноте, но ведь ему нужно было взять банку с помидорами, и он не знал точно, где стоит миска с малосольными огурцами.

Он чуть было не позвал сына – помочь засветить лампу, но вовремя опомнился, и ему удалось унять дрожь в руках...

Петр Степанович занялся чисткой картошки, стал зажигать примус, собирать на стол. За всеми этими делами ему почему-то легче было разговаривать с сыном, расспрашивать его про то, как он доехал от своего места службы в Германии, вообще про Германию... Не про плен, а как, например, немцы сейчас к нам относятся? Как там с продуктами? Хотя, скажем честно, немцы в тот момент его не сильно интересовали, его больше беспокоила предстоящая встреча сына с Любовью Петровной, когда она вернется с дежурства в своей больнице. Как оно все пройдет? Надо бы ее как-то предупредить.

Младшему сыну Петра Степановича было уже 11 лет. В то воскресенье он с утра болтался с хлопцами на Донце, вернулся, когда Петр Степанович заканчивал свои кухонные приготовления, и не сразу узнал в незнакомом дядьке в военной гимнастерке старшего брата. Петр Степанович велел ему поесть, а после сходить в больницу и сообщить новость маме Любе. Однако, быстро оценив значение момента, младший сын пришел в такое возбуждение, что есть не стал, а схватил вареную кукурузину, наспех посыпал солью, и, обгрызая ее на ходу, побежал в больницу, по дороге оповещая всех соседей о возвращении брата.

К вечеру об этой новости знал, можно сказать, весь город. Знакомые заходили поздороваться, а когда стемнело, собрались за вкопанным в землю столом несколько довоенных друзей старшего сына, принесли бутылку самогона. Пришли и Маруся, и Федя Коноваленко, и другие, человек пять или шесть. Многие разбежались, а кого-то уже и не было на этом свете. Помянули их, выпили за здоровье тех, кто выжил, а Петр Степанович произнес тост прямо-таки философический.

– Человеческая жизнь, – сказал он, – быстротечна, и луна, что нам светит (все посмотрели на небо, потому что луна, в самом деле, сияла вовсю, хотя и закрываемая время от времени пробегающими облаками) и светила еще при Навуходоносоре, только подчеркивает эту быстротечность. Но такой инфузории, как я, кажется, что она живет очень давно и даже познала законы жизни. Какой закон главный? Закон потерь. Только в

детстве и немного в молодости мы приобретаем, а потом тратим и теряем. Тратим наши знания, а теряем человекoв... – Он помолчал, как будто перебирал в памяти всех, кого знал и кого уже не было. А, правду сказать, так вспомнилась ему только Катя, ему снова ужасно жалко стало, что она мало хорошего успела увидеть в жизни, даже платья крепдешинового он ей не купил, а ведь ей так хотелось... Далось ему это крепдешинoвое платье! Он представил себе, что она могла дожидаться негaданного возвращения сына, от жалости голос его начал дрожать, потому Петр Степанович и замолчал ненадолго, но потом все-таки продолжил.

– Что такое закон природы? По закону всемирного тяготения вода может течь только вниз, через это никто и не видел, чтобы вода по своей воле текла вверх. Если б такое случилось, это было бы чудо, противное законам природы. – Петр Степанович снова сделал паузу, понимая, что речь его получается слишком длинной и надо дать ей достойное завершение. – По закону потерь мой сын не должен был бы вернуться, а он вернулся. Это – чудо. Наука не признает чуда, а я верю в науку, но за такие чудеса можно и выпить.

Все поддержали Петра Степановича одобрительными возгласами, стали чокаяться, а потом долго еще сидели под скользящей между облаками луной, и Лена Верченко даже процитировала всегда трoгавшие Петра Степановича стихи про луну, которая с высоты над Белой Церковью сияет; потом пели вполголоса «Розпрягайте, хлопці, коней», «Под звездами балканскими» и другие песни; потом снова разговаривали, перебирая события последних лет, – каждому было, что рассказать; снова помянули Ваню Бутенко и Витьку Непорожного – Петр Степанович знал обоих; Маруся даже всплакнула, опустив лицо и вытирая непрошеные слезы. Старший сын чокался со всеми, поддерживал беседу, но, в общем, был не очень-то разговорчив и, казалось, даже не все слышал, будучи погружен в свою думу. И Федя Коноваленко почти ничего не говорил. В войну он попал в окружение, выбравшись, оказался в партизанах у Ковпака, ходил героем, но в тот вечер ему неудобно было показывать свое геройство.

Петр Степанович и Любовь Петровна ушли раньше – ему с утра идти на службу, а она была после дежурства. Младший

сын остался вместе со всеми. Любовь Петровна пыталась и его отправить спать, он только помотал головой и не стронулся с места. Разошлись, когда небо уже стало светлеть.

Пили немного, но все-таки хорошо, что у Любви Петровны, как у медицинского работника, дома всегда был небольшой запас спирта.

VI

Любовь Петровна тревожилась, как примет ее вернувшийся старший сын, но все прошло хорошо. Он был уже человек взрослый и повидал много такого, о чем не любил рассказывать. Когда он понял – после окончания всех проверок, – что сможет, наконец, вернуться домой, больше всего ему виделось, как мать радуется его возвращению. И когда отец написал ему в первом же письме, что мать умерла, он почувствовал не горе даже, а просто растерянность. Воображаемая встреча с матерью была в его сознании чем-то вроде пропускного пункта, через который ему предстояло пройти, чтобы вернуться в прежнюю жизнь, а потом уже зажить по-новому. А сейчас что?

Любовь Петровна, как умная женщина, рассудила, что сейчас главное для старшего сына Петра Степановича – после долгих скитаний по зыбкой мари войны – почувствовать твердый грунт под ногами, прочную стену за спиной. А они с Петром Степановичем жили по тем временам порядочно. У них был свой дом, унаследованный Любовью Петровной от родителей (мама умерла в самом конце войны), огород большой, пока были карточки, они всегда их хорошо отоваривали, Любовь Петровна уколы делала частным образом.

– Ты, – сказала она старшему сыну, – о прошлом не думай. Твое дело – доучиться еще один год, чтобы десятилетку закончить. А потом, если захочешь, пойдешь дальше образование получать. Мы с батюшкой поможем, не сомневайся.

Любовь Петровна, по знакомству, устроила старшего сына разнорабочим на хлебозавод, чтобы он получил продовольственные карточки и вообще... Хлебозавод, одним словом... А после работы он учился в вечерней школе, заканчивая десятый

класс. К удивлению и даже гордости Петра Степановича, за пять..., да где там за пять, за шесть потерянных лет он почти ничего не забыл, и все эти тангенсы-котангенсы щелкал, как семечки. А директор школы, знакомый Петра Степановича еще по довоенным временам (он демобилизовался и вернулся на свою прежнюю должность вместо того нетопыря, что не хотел принимать среднего сына Петра Степановича в восьмой класс), говорил:

– У вашего сына – большие математические способности.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – скромно улыбался Петр Степанович. – Я ведь в молодости сам преподавал математику.

Петр Степанович с удовлетворением поглядывал на старшего сына. Тот все еще частенько ходил в той же несносимой гимнастерке, в какой пришел со службы, но у него уже появились две гражданские рубахи – одна купленная, а вторую ему Любовь Петровна сшила из довоенного материала. Петр Степанович радовался, когда видел сына в гражданской рубахе, и заводил с ним разговоры о его дальнейших планах. Его намерение поступать в университет на физико-математический факультет Петр Степанович очень одобрял.

– Мне тоже надо было пойти по математике или по физике. У меня в молодости был знакомый, Жгутик, не знаю, где он сейчас, так он мне всегда говорил: «с твоими способностями, Петруша, не по агрономии надо было идти, а по точным наукам». Но тогда с сельскохозяйственными продуктами было неважно, и я решил двигаться в эту сторону. А то бы тоже мог сейчас быть физиком.

Вступительные экзамены старший сын Петра Степановича сдал прилично, бывший фронтовик, никаких трудностей с поступлением не было. Даже не посмотрели, что был в плену, о чем он написал в анкете. С продуктами из дому помогали. Он приезжал обычно на выходной, всей езды было часа четыре, проводил дома две ночи, и уезжал ранним поездом с вещмешком, наполненным разной провизией: крупами, картошкой, особенно Любовь Петровна заботилась, чтобы обязательно положить в вещмешок кусок сала. Оно не портилось, и калорийность была высокая. Любовь Петровна покупала сало на базаре, стоило

это дорого, а ведь надо было и среднему сыну помогать, и самим кормиться. Но как-то она выкручивалась. Петр Степанович отдавал ей всю получку, а в детали особенно не вникал. Правда, завести козу – это была его идея, козье молоко не хуже коровьего, даже полезнее, а прокормить козу легче. В общем-то, такого голода, как в других местах, у них тогда не было, хотя, кажется в 1947 году, в больнице у Любови Петровны и открыли отделение для детей-дистрофиков.

Сын где-то раздобыл офицерскую полевую сумку, днем по выходным он доставал оттуда книжки и тетрадки и несколько часов занимался, расчистив себе место на обеденном столе. Петр Степанович не знал, что и думать. Он же сам был студентом и готовился, бывало, к экзаменам целыми днями и ночами. Но чтобы так круглый год сидеть над учебниками, даже по выходным, такого он не мог припомнить. Гражданская война, что ли, мешала? Больше руки поднимал перед каждой новой властью. А может, теперь иначе нельзя? Наука шагнула вперед, накопилось столько нового – все это надо выучить.

Петр Степанович старался не мешать занятиям сына, но когда тот делал перекур, обязательно заводил с ним какой-нибудь разговор на научные темы – о теории относительности и тому подобное. До войны Петр Степанович постоянно читал журналы, не только «Вокруг света», но и, например, «Знание – сила», научно-популярные книги, которые сын приносил из районной библиотеки, и, благодаря этому, даже в трудные времена ощущал свою сопричастность полету общечеловеческой мысли. Сейчас стало сложнее, журналы столько лет не выписывали. Расцвет ядерной физики прошел как-то мимо Петра Степановича, занятого агрономическим трудом, он узнал о нем, можно сказать, *post factum*, а о расшифровке письменности майи, да еще нашим земляком, харьковчанином, вообще впервые услышал от младшего сына.

Но все же совсем от научной мысли Петр Степанович не оторвался и по многим вопросам имел самостоятельное суждение. Он, например, не во всем был согласен с Эйнштейном, его смущала идея замедления времени, он где-то вычитал, что этого не может быть, даже Циолковский так считал. И

теперь он интересовался, что думает по этому поводу его старший сын, начинающий физик.

Само собой, Петр Степанович интересовался и новыми веяниями в агрономической науке и даже, по поручению Общества по распространению политических и научных знаний, прочел в нескольких районных учреждениях лекцию об академике Вильямсе под названием «Старший агроном Советского Союза». Он внимательно следил за дискуссией, когда выводили на чистую воду вейсманистов-морганистов, но, конечно, не был таким бараном, чтобы верить каждому слову.

– Все-таки, – делился он своими сомнениями со старшим сыном, – я не согласен с тем, что наследственность не имеет никакой роли. Это Трофим Денисович загнул немного. Почему же тогда от симментальской коровы всегда рождается тоже симментальская, а не, допустим, шортгорнская? Как у вас там об этом говорят? Насчет хромосом? У тебя есть знакомые на биологическом факультете?

– Я когда-то интересовался проблемой невидимости, – сообщил он сыну однажды. – Ты не знаешь, ведутся сейчас какие-нибудь работы в этом направлении? Или это все засекречено?

Старший сын Петра Степановича, как назло, ничего об этом не знал. А ведь овладеть тайной невидимости было бы не менее важно, чем секретом атомной бомбы! Сын не спорил, пообещал навести справки и, если что узнает, сообщить отцу, но в тот момент явно был не в курсе. А может, знал, но не имел права разглашать? Петр Степанович относился к этому с пониманием, ни на чем не настаивал, но свою линию гнул. Его очень заботила обороноспособность СССР.

– Я перед войной был уверен, что у нас есть секретное оружие, какой-нибудь «генератор чудес», так что к нам и подступиться нельзя... На будущее что-нибудь такое обязательно нужно иметь, – резюмировал он разговор.

VII

Старший сын Петра Степановича стоял на верной дороге, а вот со средним было не очень хорошо. Он жил в Полтаве у Грищенко, учился в техникуме. Война приближалась к концу,

Грищенко ждали возвращения сына Тараса, и средний сын Петра Степановича подумывал о том, что на последнем году учебы ему надо будет съехать от них и снять где-нибудь угол. Да. А единственный сын Грищенко погиб при осаде Кенигсберга, так что съезжать не понадобилось. Он так и остался на тарасовой кровати, рядом с его полкой с книгами. Средний сын Петра Степановича все их перечитал, он вообще с детства много читал, даже в Куйбышеве записался в библиотеку и в любую свободную минуту прилипал к книге. Кстати, поспешно покидая Куйбышев, он не успел сдать в библиотеку последнюю взятую книгу, «Тайна двух океанов», сперва хотел забрать с собой, а потом решил оставить в общежитии на тумбочке – не для того, чтобы кто-то сдал вместо него, а чтобы подольше не замечали его исчезновения.

Учиться ему было легко, он хорошо, с отличием, окончил техникум, и его сразу же призвали в армию. Оттуда он писал письма и отцу, и Грищенкам (с ними он переписывался по-украински), и из этих писем мы знаем, что и в армии он был на отличном счету, к окончанию службы был уже старшим сержантом. За год до окончания службы средний сын Петра Степановича занял первое место по плаванию в Киевском военном округе, и его наградили 20-дневным отпуском. Часть его он провел в Задонецке, съездил на денек в Харьков повидаться со старшим братом, студентом университета, а потом укатил в Полтаву – к Грищенкам, они его ждали. К тому же, там была еще одна девушка, Оксана... Так у них, можно сказать, ничего особенного не было, они только переписывались. Но, пребывая на военной службе, средний сын Петра Степановича стал сильно хотеть, чтобы после его возвращения со службы у них все-таки что-то было, и ему позарез нужно было встретиться с ней и убедиться в том, что и она хочет того же.

На прощанье тетя Галя, прослезившись, сказала, что его кровать всегда его ждет, а Грищенко пообещал найти ему хорошую работу, не очень обременительную, чтобы, вернувшись, – служить ему оставалось меньше года – он смог подготовиться к поступлению в институт и потом продолжить образование.

Но средний сын Петра Степановича не вернулся. Куда-то там его завербовали, что ли? Может, на остров Визе?

Мы ничего не знаем об этих обстоятельствах, откуда нам знать? Грищенко как раз в это время умер от разрыва сердца – была ли какая-то связь? Петр Степанович об этом особенно не распространялся, только в одном его письме старшему сыну мы находим небольшие и довольно-таки нечеткие сведения. Ничего особенного, но читатели – народ любопытный, может, их и заинтересует это письмо. Старший сын тогда уже реже приезжал домой, Петр Степанович частенько писал ему письма, советуясь по разным вопросам. Все письма, конечно, не сохранились, но одно нам удалось найти, вот оно.

Привожу основные выдержки из письма, которое только что получил от твоего среднего брата. Письмо отправлено 15-го мая.

Здравствуй Папа!

Папа, времени у меня очень мало, а особенно мало его будет летом. Через несколько месяцев к тебе заедет один человек с нашей бригады и расскажет тебе обо всем.

Развлекаться чтением беллетристики мне некогда, а мне надо книги, которые помогли бы мне подготовиться на паршивого хотя бы электрика. Моих знаний теоретических по электричеству вполне достаточно, но чтобы перемотать обмотку электромотора, сделать что-либо в электроприводах или зарядить или перебрать аккумулятор надо не радиотехнику, а литературу в этих направлениях. Электриком надо стать, чтобы облегчить свою жизнь, а также спастись от силикоза, которым меня, по видимому, рано или поздно постараются наградить. Сейчас я работаю на вольном воздухе. В такой месяц, как январь, я только четыре дня был в будке. Эта зима здесь очень теплая, по рассказам старожилов.

У меня возможна такая перемена жизни, что и для своего тела я не найду места, не говоря о книгах, которые можно искурить и употребить на разные инструменты для развлечения. Но на сегодняшний день у меня есть куда положить книги, и можно сохранить их.

Солнце сейчас не заходит. Должен сознаться, что для здешних мест я зверски плохо одет. Но красивых вещей я иметь не смогу. Надо иметь вещи неважные на вид, но теплые. Шапка и рукавицы

– большое место. Печалиться и о чем-то сожалеть мне некогда, да и смешно среди такого народа, как здесь.

Эх, какой я осёл был еще недавно! Здоровье мое довольно крепкое. Я стал суровей и крепче, чем до этой нахальной вербовки. Запасы витамина С в моем теле скоро иссякнут, и тогда будет хуже.

Если мне повезет, в начале 1955 года я должен быть дома. Я полон решимости назло всем негодьям вернуться еще здоровым, по-настоящему честным и неглупым человеком!

Живу я в будке 6 х 12. Нас много. Утром очень рано иду на работу, а вечером с работы, потом сплю, а дальше все сначала. Выходные определяются ненастными погодками. Но я за то, чтобы ненастных дней было меньше, так как каждый проработанный день, благодаря бригадиру, равен четырем.

Твой средний сын

15 мая 1952 г.

Далее он дает адрес, куда надо в начале осени заехать (у вас в Харькове) Туда должен приехать его бригадник. Ты сможешь заехать?

Вот и все.

Да, в словаре иностранных слов значится:

«Силикозис – легочная болезнь; встречается у пескоструйщиков, фарфористов и горнорабочих; вызывается длительным вдыханием кремнистой (кварцевой, песчаниковой) пыли.

Может быть, брат написал и тебе такое письмо, но я решил почти все списать. Получали вы от него что-нибудь?

По-видимому, надо поспешить с отправкой одежды. А также с витаминами. Может быть, отправить аптечные витамины?

С предыдущего письма я понял, что ему нужны учебники (в частности, по физике). Сообразно с этим и послал ему. А где найти те книги, что он сейчас просит?

Еще я pošлю ему бумаги. Часть его письма написана на конверте моего письма (прошлогоднего). Может, что-то надо бригадиру, о котором он пишет?

PS. Кстати, не знаешь, можно ли послать аптечные витамины? Как смотрят там, что это таблетки? Напиши мне.

Может быть, нужно послать шиповника или черной смородины? В черной смородине в 30 раз больше витамина, чем в луке, например.

Папа.

Вы что-нибудь поняли? Мы тоже – нет. Только потом уже, после всяких разысканий, нам удалось восстановить более или менее связную картину.

Старший сын Петра Степановича тогда встретился с упомянутым в письме однобригадником своего среднего брата и постарался его обо всем расспросить. Писать отцу о том, что узнал, не стал, а съездил специально в Задонецк и все сообщил в разговоре с глазу на глаз. Оба они знали, конечно, о самом факте ареста и заключения, но без ставших им теперь известными подробностей.

Оказывается, средний сын Петра Степановича был американский шпион. Его разоблачил его близкий друг из одного с ним взвода. Однажды, будучи в увольнительной в Днепропетровске, поблизости от которого протекала их служба, они разглядывали генеральский ЗИМ – новую, только что появившуюся машину с мотором в 90 лошадиных сил.

– Здорово! – сказал средний сын Петра Степановича, чемпион по плаванию, – только если бы эти лошадиные силы в поле, где на бабах пашут, а не одному генералу....

Пересказывая эти слова в Спецотделе, куда близкий друг среднего сына Петра Степановича обычно сообщал подобную информацию, он еще не понимал, что вышел на шпионское гнездо, но товарищам из Спецотдела сразу все стало ясно: это было типичное высказывание американского шпиона. Когда в 1950 году воинскую часть среднего сына Петра Степановича отправляли в Германию, его самого оставили в Днепропетровске, чтобы держать подальше от Америки, и продолжали собирать агентурные сведения о нем, читать его переписку с отцом, Оксаной, тетей Галей (по-украински). Спешить чекистам было некуда, хорошие сержанты тоже были нужны. И вообще интересней было удивить шпиона неожиданностью, преподнести ему, так сказать, сюрприз. Его арестовали на рассвете того дня, когда он должен был получить документы о демобилизации.

Судила тройка, был адвокат – безликий старикашка с палкой, но не мог же он всерьез защищать человека, обвинявшегося в шпионаже в пользу американской разведки, да еще и подозревавшегося в украинском национализме. Средний сын Петра Степановича молча слушал обвинения, тоже прекрасно понимая, что защищаться бесполезно, сказал лишь: «я не виновен» и замолчал. Адвокат попросил суд принять во внимание молодость подзащитного и дать ему только 10 лет строгого режима.

Петр Степанович выслушал рассказ старшего сына молча, с каменным лицом. Они сидели вдвоем на кухне, старший сын, не выдержав этого молчания, встал и, повернувшись спиной к отцу, стал мыть посуду.

– А тебя это может затронуть? – внезапно нарушил молчание Петр Степанович. – Как брата американского шпиона? Ты же по такой специальности учишься!

– Не знаю. Может, и затронет. Но пока никто ничего не говорил. По-моему, они сами не верят в это шпионство, просто у них есть разрядка, сколько человек надо посадить каждый год. Это же дармовая рабочая сила.

– А почему твой брат пишет о каких-то зачетах – четыре дня за один? Ты понимаешь, что это значит?

Старший сын Петра Степановича долго молчал. Потом сказал.

– Это значит, что мой брат работает на урановых рудниках. В Певеке, на Чукотке.

Вся посуда была вымыта, и старшему сыну Петра Степановича пришлось повернуться лицом к отцу. Тот сидел все с тем же неподвижным каменным лицом, и по нему текли слезы.

VIII

Младший сын Петра Степановича в то время еще учился в школе. Школы во время войны сделали, как до революции, – отдельно мужские, отдельно женские, младший сын Петра Степановича пошел в первый класс уже в мужскую школу. Петр Степанович не знал, что об этом думать. Когда он учился в реальном училище, там женского пола не наблюдалось, может быть, и надо было вернуться к тем временам? Не так уж было и

плохо, если не считать эксплуатации человека человеком. А с другой стороны, Петр Степанович уже отвык от того, к чему привык при царе, и теперь всякие нововведения старых порядков вызывали у него, как у человека критически мыслящего, недоумения и даже едкие замечания.

К ним иногда заходили в гости двое военкоматских, бывшие сослуживцы первого мужа Любови Петровны, из одного с ним военного училища. Они всю войну прошли, а теперь работали на заслуженном отдыхе в военкомате в чине то ли майоров, то ли подполковников. Любовь Петровна, когда встречала кого-нибудь из них на улице, упрекала:

– Коль, что-то вы меня совсем забыли. Зашли бы, посидели, вспомнили молодость.

Вот они и заходили. Петр Степанович любил с ними пошутить, и тон его при этом был покровительственно-иронический. Все-таки он был старше их лет на десять и, конечно, умудреннее.

– А, золотопогонники пришли! – говорил Петр Степанович, вернувшись с работы и застав гостей уже за столом с Любовью Петровной, по крайней мере, после первого чокания. – Здравствуйте, господа офицеры! – Он подсаживался к столу. – Как вошел в комнату, сразу не разобрался, думал, снова Деникин заявился, и меня сейчас будут в тюрьму брать.

Они не обижались, даже смеялись:

– Мы только мобилизовать можем, сажают другие.

Так же и с сыном иногда разговаривал:

– Ну, как там у тебя дела в мужской гимназии? Закон Божий еще не ввели?

Школьными делами сына больше Любовь Петровна занималась, да и ей не приходилось в них особенно вступать. Сыновья Петра Степановича, как один, в школе учились хорошо, особых забот с ними не было. За всю учебу родителей только два раза вызывали к директору школы, и то не по учебным вопросам, а по политическим. Первый раз – с целью выявления националистических настроений, это еще до войны было, когда старший сын нарисовал желто-голубой пейзаж. А второй раз – уже теперь, по совсем смехотворному поводу.

Младший сын был уже в седьмом классе, и какой-то дурак придумал игру: на переменке закрывали класс изнутри, засовывая ножку стула в ручку двери, и с криком «кастрировать!» налетали гурьбой на какого-нибудь одноклассника, спускали ему штаны и с гоготом рисовали ему мелом внизу живота пятиконечную звезду или что-нибудь еще. Кто-то, видно, наядбедничал родителям, дирекция школы переполошилась, началось расследование: надо было выявить зачинщика. И почему-то решили, что зачинщиком был младший сын Петра Степановича, староста класса и физически самый сильный. Пришлось Любви Петровне идти в школу объясняться.

Младший сын Петра Степановича согласился с тем, что игра глупая, но зачинщиком себя не считал. У него выходило, что никаких зачинщиков и не было, идея носилась в воздухе. А то, что он, как староста класса, не только не прекратил глупую игру, но даже принимал в ней участие, так это была его ошибка, которую он признавал.

Разговор происходил в кабинете директора, где, кроме него, Любви Петровны и младшего сына Петра Степановича, присутствовала учительница истории – секретарь школьной партийной организации. Если бы младший сын Петра Степановича был какой-нибудь двоечник, злостный нарушитель дисциплины, то его можно было бы очень просто исключить из школы, не дать ему поступить в восьмой класс, вообще как-нибудь примерно наказать. Но он был хорошим учеником, гордостью школы на спортивных соревнованиях, дирекция и партийная организация были в затруднении.

– Ты же пионер, ты должен знать, что означает пятиконечная звезда. Что она символизирует? – спросила учительница истории. Говорить о собственно спускании штанов она постеснялась.

– Она символизирует единство интересов трудящихся пяти континентов, – ответил младший сын Петра Степановича.

– Ну, вот видишь! – воскликнула учительница истории.

Потом она добавила еще несколько слов о великих стройках коммунизма и о борьбе за мир во всем мире, все это, по ее мнению, были несовместимо с подобными хулиганскими выходками.

Младший сын Петра Степановича был вынужден согласиться с ней и пообещать, что он больше никогда не допустит повторения подобных глупых игр...

– Хулиганских выходов! – прервала его учительница истории.

... да, хулиганских выходов, и вообще будет более ответственно относиться к своим обязанностям старосты класса.

Петр Степанович, получивший полную информацию от Любви Петровны, счел отцовским долгом тоже поговорить с сыном. Но что ему сказать?

– Я не понимаю, – начал он, – это просто какие-то «Очерки бурсы»! Ты читал?

– Читал, ну и что?

В самом деле, ну и что? У Петра Степановича так получилось, что он мало имел возможности наблюдать старших сыновей в подростковом возрасте, время к этому не располагало. Поэтому его удивила легкая интонация бунта, услышанная им в этом «ну и что?». Надо было найти убедительные аргументы.

– Люди скоро будут летать на Луну, – заметил он резонно. – Так уж, наверно, не бурсаки полетят!

Но младший сын Петра Степановича, кажется, не очень следил за ходом его мыслей, у него были свои.

– Пашка настучал, я точно понял, когда она заговорила про звезду. Когда рисовали серп и молот, его не было, она про это и не знает. А то бы тоже припомнила. Ну ладно..! (Интонация была угрожающей, а кроме того, по мелодии фразы видно было, что перед восклицательным знаком, там, где у нас стоит многоточие, у него должно было возникнуть какое-то слово, вроде «сука!»), но он знал, что отец этого не переносит, и удержался).

– «Она!» – передразнил Петр Степанович. – Не она, а Валентина Алексеевна! Смотри мне! Чтобы больше этого не было! Ты думаешь, у родителей других дел нет, как ходить к тебе в школу!

Петр Степанович не вполне был доволен своим воспитательным вмешательством, нужен бы более обстоятельный разговор. Но дерзость сына вывела его из себя, и он сорвался. Когда бы это он, Петр Степанович, позволил бы себе так разговаривать с отцом? А этот! Молокосос!

К десятому классу, конечно, все это забылось. Правда, перед концом девятого класса произошел еще один случай, даже опасный, но опять все обошлось.

Младший сын Петра Степановича учился во второй смене. В тот день, 5 марта, ему предстояло писать классное сочинение по произведению писателя Михайлы Коцюбинского «Fata morgana», и с утра он пошел в читалку районной библиотеки, чтобы подготовиться. Еще несколько его одноклассников пришли за тем же – учительница украинской литературы требовала, чтобы в сочинениях не только отражалось знание произведения, но и светилась связь с современностью. Например, надо было обязательно указать, что цитату из «Fata morgana» привел в своем выступлении, будучи главой Коммунистической партии Украины, товарищ Каганович. Эту цитату ученики должны были знать наизусть: «Ідуть дощі. Холодні осінні тумани клубочаться угорі і спускають на землю мокрі коси. Пливе у сірій безвісті нудьга, пливе безнадія, і стиха хлипає сум. Плачуть голі дерева плачуть солом'яні стріхи, вмивається сльозами убога земля і не знає, коли осміхнеться. Сірі дні змінюють темні ночі. Де небо? Де сонце?»^{*} Но одно дело – знать наизусть, а другое – объяснить в письменной форме, что хотел сказать автор, а особенно – товарищ Каганович. Один ученик, отвечая на уроке, предположил, что, наверное, они хотели сказать, что до революции на Украине была плохая погода, так учительница подняла его на смех. И она сказала, что именно надо почитать, чтобы знать, как правильно ответить на этот вопрос.

Заведующая читальным залом, брюнетка в украинском стиле – с косами вокруг головы и черной мушкой над верхней губой – была очень строгая, особенно по части поддержания тишины в зале, она даже болтливых мальчишек могла укротить: никаких разговоров! Младший сын Петра Степановича

* Идут дожди. Холодные осенние туманы клубятся вверху и спускают на землю мокрые косы. Плывет в серой безвестности тоска, плывет безнадежность, и тихо всхлипывает печаль. Плачут голые деревья, плачут соломенные крыши, умывается слезами убогая земля и не знает, когда улыбнется. Серые дни сменяют темные ночи. Где небо? Где солнце? (укр.)

любил всем давать смешные прозвища, ее он прозвал «Гандзя» – «Гандзя рыбка, Гандзя птичка, Гандзя цяця-молодычка», – похохатывал он, само собой так, чтобы она не слышала, еще чего не хватало! Сейчас она сидела за своей стойкой, народу было немного, в основном школьники, два каких-то старичка, листавших газеты, если бы через зал, извините, пролетела муха, – все бы услышали.

Вдруг шум, тарарам, оказывается, умер Сталин, и сейчас будет траурный митинг. Пришел заведующий библиотекой, инвалид войны без руки, – он в читальном зале редко появлялся, сидел где-то в своем кабинете, – и стал держать речь. Заведующий библиотекой говорил о большом горе, которое постигло советский народ, о том, что сегодня никто в стране не может удержаться от слез, и было видно, что он делает огромные, но безуспешные усилия, чтобы вызвать слезы и у себя. Ничего не получалось, только голос стал немного гнусавее, как у притворно плачущего ребенка. Учитывая серьезность момента, все сидели с вытянутыми лицами, а младший сын Петра Степановича, разгильдяй, не удержался и фыркнул. Нашел время! Понимая легкомысленную неуместность своего поведения, он опустил голову к столу и уткнулся лицом в раскрытый журнал «Вітчизна». Возможно, он надеялся, что если он примет такую позу, то его смех будет принят за рыдание? Обмануть Гандзю было, конечно, невозможно. Она подлетела к нему сзади, не говоря ни слова, выхватила журнал, так что младший сын Петра Степановича стукнулся носом об стол, и удалилась.

После окончания митинга он подошел к стойке, где выдавались книги, и попросил назад свой журнал, но не тут-то было. Гандзя, обычно благоволившая к нему, как к постоянному читателю, сейчас даже не стала разговаривать – только посмотрела с необыкновенной государственной свирепостью и объявила, что на месяц исключает его из библиотеки. Хорошо хоть не навсегда, и в школу не сообщила, а то могло кончиться хуже. В прошлом году одного мальчика из их школы спросили на уроке истории, почему Ленин взял себе такую фамилию. Надо было сказать, что в память о Ленском расстреле, а он не знал и честно сказал:

– Не знаю. Может быть, от слова «лень».

Так его исключили из комсомола. Навсегда.

У Петра Степановича на службе в тот день тоже, конечно, был траурный митинг. Вечером он вернулся домой, слышит на кухне какой-то гогот. Он открыл дверь кухни, а там младший сын с двумя приятелями смакуют подробности утреннего происшествия. Приятели увидели Петра Степановича, и с сохотом стали ему пересказывать, как его сын отличился. Петр Степанович сумрачно постоял в дверях и, ни слова не сказав, вышел из кухни, плотно закрыв дверь.

Вообще-то Петр Степанович недолюбливал Сталина, его роль в революции считал он, сильно преувеличили. В семейном кругу он, не таясь, говорил об этом, а иногда и с сослуживцами делился – осторожно и только с теми, кто понадежнее.

– Я же помню, – рассуждал он на правах пожившего человека, – тогда его никто не знал, про Махна и то мы больше слышали. А теперь, можно подумать, Ленин да он, больше никого и не было. Не знаю, может, конечно, он и не виноват, а приближенные подхалимы стараются. Там уже никого из революционных деятелей не осталось, кроме Молотова. Генералиссимус! Понадавали ему орденов, вешать некуда, скоро на спину будут прилеплять. Восхваляют до небес, разве это прилично? Что он не видит, что ли? Теоретик он сильный, я не говорю, в вопросы языкознания здорово вник. А в людях плохо разбирается, слишком доверяет подхалимам, а они творят, что хотят. За что моего среднего сына посадили? Тоже мне, шпиона нашли!

Большого горя при известии о смерти вождя Петр Степанович не испытал, а тревога была. Дальше-то что будет? Интуиция подсказывала, что хуже не будет, ощущалось даже что-то вроде надежды – в том смысле, что пусть даже и неизведанное, но новое. Но и опасения были, неизвестно ведь, кто станет новым вождем и как он себя проявит. Достойных кандидатов он не видел.

– Жалко, Кирова убили, – посетовал он, когда после траурного митинга его сослуживцы стали строить догадки насчет будущего вождя. – Этот смог бы! А Маленков может не потянуть. Молотов тоже, конечно, подходит, но возраст уже не тот...

Горя, повторяем, Петр Степанович не чувствовал, но почему-то ему не нравилось, что его не чувствовали и другие, – он это ясно видел, наблюдая людей вокруг себя, особенно тех, кто считал нужным добровольно или по долгу службы выразить свое горе прилюдно, – получалось очень фальшиво, лучше бы уж молчали, думал Петр Степанович.

А тут еще эти лоботрясы со своим рёготом... Все-таки, какой-никакой, а человек помер!

IX

Интуиция не обманула Петра Степановича. Несмотря на всенародную беду в виде смерти вождя, жить стало не только не хуже, а, можно сказать, даже лучше. Жалко только, думал иногда Петр Степанович, что эта беда не случилась раньше.

Уже в начале лета по деревням прошел слух, что, вроде, будет послабление с сельхозналогом. Петр Степанович отказывался верить этим слухам, потому что такое послабление было бы разумным шагом, с хозяйственной точки зрения, и к тому же большой поблажкой колхозникам. Ожидание подобных перемен настолько противоречило жизненному опыту Петра Степановича как агронома, много повидавшего за свою жизнь в сельском хозяйстве, что любой бы на его месте не принял нелепые слухи всерьез. Но надо же! – к концу лета слухи оправдались, и Петр Степанович вынужден был признать ошибочность своих предсказаний и даже отчасти пересмотрел свое отношение к Маленкову, которое, правда, впоследствии ему пришлось пересмотреть еще раз.

Потом неожиданно, раньше, чем загадывал, вернулся со своего острова Визе средний сын Петра Степановича. Тут уж Петр Степанович вообще возомнил бог знает что. Ему стало казаться, что 1954 год чем-то напоминает 1922, у него как у агронома закопошились в голове разные идеи, он даже стал вспоминать, чему его обучали, пусть и нерегулярно, в молодые годы в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, а то и свои первые успешные опыты хозяйствования в культурно-семенном питомнике – чем черт не шутит!

Петр Степанович давно считал, что в организации сельского хозяйства у нас имеются большие недостатки, а теперь, преждевременно решил он, их можно начать исправлять.

– Конечно, – говорил Петр Степанович, правильно расставляя политические акценты, молодому специалисту Маргарите Акимовне, только что окончившей институт, – немцы тут все поразорjali. Если бы не война, мы бы уже ого-го куда улетели! Но все-таки, если бы организация была правильная, так голода сорок шестого года можно было не допустить.

– Но что же делать, если во многих местах случился неурожай? – спрашивала молодой специалист.

– На то и существует агрономическая наука, Маргарита Акимовна, чтобы он не случался, – назидательно разъяснял ей Петр Степанович. – У нас сейчас в районе агрономов в десять раз больше, чем было, когда я начинал работать, а толку – в десять раз меньше.

Помню, у нас был один опытный агроном, Шкодьюко, дак разве ж его сравнишь с нынешними? Чем они заняты? Возьмите главного агронома района. Ему бы выехать на поле, проветриться от канцелярской духоты, а он сидит и строчит очередной отчет.

А мы, агрономы-отраслевники? Такие же канцеляристы. Разложим перед собой бумажные «простыни» со всякими рубриками и с утра до вечера заносим туда цифры. Ладно бы еще правильные, а то ведь сплошь и рядом – франко-потолок. В колхозы нам тоже ездить некогда, да и податься туда можно только случайной подводой или в кузове попутного грузовика, если возьмет...

Маргарита Акимовна, молодой специалист, была благодатной аудиторией, Петр Степанович оттачивал на ней свою аргументацию. Но мы задаем себе вопрос, не пытался ли Петр Степанович говорить в том же духе с другими людьми, более зрелыми, чем Маргарита Акимовна, и уже имевшими сложившееся мировоззрение. И не происходили ли у него на этой почве какие-нибудь стычки, на манер тех, какие у него постоянно возникали в довоенный период? Если бы этого не было, откуда бы взялся такой, например, документ?

Секретарю Харьковского обкома КПУ

Харьковский сахсвеклотрест мне, как старшему агроному свеклобазы, поручил срочно составить план размещения сахарной свеклы в зоне свеклосеяния нашей свеклобазы, согласовать этот план с нашими райисполкомами и представить в трест. (Петр Степанович явно не следил за литературным стилем своего послания, видимо, он был сильно возбужден, когда его писал. Впрочем, может быть, ему просто нравилось слово «свекла»).

Я составил план размещения свеклы к 2 июня, представил лично райисполкомам на рассмотрение. 9 июня, накануне отправки утверждения планов, я явился и к председателю Задонецкого Райисполкома с просьбой дать мне утвержденный план, но он меня повел к секретарю РК КПУ т. Крутько. Т. Крутько лаконически сказал: «Днями рассмотрим на бюро». Поскольку мне поручено представить план сахсвеклотресту к 10 июня, естественно, что я об этом сказал т. Крутько, но он, вместо того, чтобы по-человечески разъяснить, рассказать и дать совет, что же делать мне с несвоевременной доставкой в Харьков плана, начал меня оскорблять: называть гастролером, бездельником и т.д. Я должен был ему сказать, что секретарю райкома не к лицу так вести себя. Т. Крутько в грубой форме предложил мне «убраться вон», назвав меня нахалом и мерзавцем, и сказал мне, чтобы я никогда не являлся в райисполком и райком.

Я не могу простить т. Крутько такие оскорбления и обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы вы, как секретарь Обкома КПУ, призывали его к порядку, ибо не к лицу секретарю райкома оскорблять меня, старого агронома, проработавшего 32 года в сельском хозяйстве, такими словами, как бездельник, гастролер, мерзавец, не имея к тому никакого повода.

Старший сотрудник свеклобазы Петр Степанович К.
г. Задонецк, Красноармейская ул., 9
10 июня 1954 года.

Расхрабрился, расхрабрился Петр Степанович! Почувствовал какие-то перемены в воздухе? Мы не знаем. Но письмо написал. И не куда-нибудь, а в Обком!

В разных райкомах и райисполкомах Петр Степанович постоянно вращался, по долгу службы, даже и будучи беспартийным, а вот в Обкоме партии не бывал ни разу. Наезжая в Харьков, случалось, проходил мимо и всегда испытывал уважение – чувствовалось, что там, за хорошо вымытыми окнами, работают люди солидные, с широкими горизонтами, не то что в этих райкомах, где хам Крутько может орать, ругаться по-черному (об этом он уж и не стал писать) и чуть не топтать ногами.

В отличие от отца, младший сын Петра Степановича уже один раз побывал в Обкоме партии. Году в сорок восьмом он летом отдыхал в областном физкультурном пионерском лагере, потому что у него оказались большие спортивные способности, и его туда послали как чемпиона района среди детей по гимнастике. Петру Степановичу это было приятно, он гордился успехами сына, к тому же в этом лагере было повышенное питание – с целью укрепления здоровья молодых физкультурников.

Дети в лагере не только отдыхали, но также все время соревновались – на разных спортивных снарядах, играя в футбол и волейбол и бегая наперегонки с передаванием специальной палочки. Младший сын Петра Степановича тоже бегал и играл в футбол, но особенно хорошо у него получались упражнения на параллельных брусьях, он все время занимал на этих брусьях первое место. В конце месяца стали готовиться к заключительной спартакиаде, после которой на большой лесной поляне должен был состояться торжественный пионерский костер. Старший пионервожатый, партийный студент, недавно только снявший лейтенантские погоны, задумал, возможно, с целью привлечения к себе дополнительного внимания, позвать на праздничный костер какое-нибудь областное начальство. Он посоветовался со своими приятелями в обкоме комсомола, они прощупали почву и сказали, что можно пригласить третьего секретаря обкома партии, еще будет журналист из областной газеты, и потом все осветит.

Секретарь обкома должен был приехать не сам по себе, а по приглашению пионеров – одаренных физкультурников. В лагере отобрали пять делегатов – трех мальчиков и двух девочек, и они, нарядные, в белых рубашках и красных галстуках,

вместе со старшим пионервожатым, в назначенное время на специальном автобусе поехали в Харьков, на улицу Дзержинского, вручать приглашение.

Среди делегатов был и младший сын Петра Степановича, абсолютный чемпион по параллельным брусьям, и он потом рассказывал, как ему понравилось в обкоме партии. Одна девочка из их делегации, художественная гимнастка, кстати, дочка генерала, сказала, что там все отделявали пленные немцы, очень хорошие мастера, они и у них дома делали ремонт и даже какие-то альфрейные работы. В обкоме партии все сияло ухоженностью и чистотой, по коридорам были протянуты красные ковровые дорожки, никто не сидел в этих коридорах на стульях в ожидании, когда его примут, как привык видеть Петр Степанович во всех районных конторах. На улице стояла июльская жара, а здесь было прохладно, тихо и спокойно, почти никаких людей делегаты не встретили, видимо все сидели и вдумчиво работали за закрытыми белыми дверями. Рассказы сына об этой деловой обстановке еще более укрепили уважение Петра Степановича к обкому партии.

Надо, правда, сказать, что передать приглашение на праздничный костер третьему секретарю обкома партии делегатам тогда не удалось. Они зашли в его приемную, тоже тихую и спокойную, секретарша попросила их посидеть на стульях и вышла куда-то. Делегаты сидели, разговаривая вполголоса и поглядывая сквозь раскрытое окно на почти неподвижную тополиную листву за окном. Девочка, дочь генерала, терпеливо держала в руках скрученный в трубочку листок ватманской бумаги, вырванный из альбома для рисования, на котором красиво было написано приглашение и нарисованы значки БГТО и ГТО. А секретарша все не возвращалась. Никто не выходил и из кабинета секретаря. Прошло минут сорок, секретарша появилась на минуту, попросила еще немножко подождать и снова вышла. Когда миновало еще около часа, забеспокоился старший пионервожатый. Во-первых, они должны были возвратиться в пионерлагерь к обеду, чтобы не нарушать распорядок дня, а во-вторых, вообще непонятно, зачем было назначать детям время, если ты не можешь в это время поговорить с ними хотя бы пять минут. Старший пионервожатый, даром что бывший

офицер, а, может быть, именно поэтому, не рискнул заглянуть в дверь кабинета, боясь побеспокоить секретаря обкома, если он там находился, а вышел на разведку в коридор. Минут пятнадцать не было и его, а когда он, наконец, вернулся, то сразу же объявил, что сегодня встреча не состоится.

Дети расстроились, а уже в автобусе девочка, дочь генерала, которой, наверно, надоело держать в руках бумажный рулончик, сказала:

– Мы могли оставить ему наше приглашение, он бы его потом прочел.

На что старший пионервожатый возразил как-то неохотно, не сразу:

– Оно ему уже не понадобится. Он сегодня утром застрелился.

Скажем честно, в тот момент печальное известие не слишком отвлекло внимание младшего сына Петра Степановича от более важных для него мыслей. У него другое сидело в голове.

С первых дней пребывания в лагере у них сложилась дружная компания из нескольких пацанов и девчонок, они собирались, чаще всего после ужина, вели всякие разговоры, рассказывали анекдоты, вообще приятно проводили время до самого отбоя – когда гуляя по лагерю, а когда сидя на лавочке под деревьями на краю спортивной площадки, неподалеку от брусьев. Накануне они тоже там сидели – дни стояли жаркие, а к вечеру становилось свежее, посидеть на этой лавочке в сумерках и в хорошей компании было одно удовольствие.

Не то чтобы младший сын Петра Степановича хотел повыпендриваться, но брусья стояли рядом, настроение было хорошее, он подошел к ним и выполнил несколько своих коронных упражнений. Получилось хорошо, все даже захопали. На брусья полез Рома Рыжак, постоянный конкурент, а он, скромно улыбаясь, вернулся на лавочку и сел на свое место рядом с девочкой, дочкой генерала. Все стали смотреть на Рому, и тут она неожиданно похлопала рукой по голой коленке младшего сына Петра Степановича и даже как бы немного погладила его по ноге, а потом смутилась и быстро убрала руку. Он тоже, конечно, смутился, даже побоялся взглянуть на нее, а она вообще в это время смотрела на Рому. Но все равно в нем что-то как-то

повернулось – и совсем не потому, что она была дочка генерала...

Утром они встретились как ни в чем не бывало. Хотелось, конечно, сесть с ней рядом в автобусе, но, как назло, оказалось, что она уже сидит рядом с пионервожатым. Младший сын Петра Степановича надеялся поправить дело на обратном пути, но, к его досаде, пионервожатый снова посадил ее рядом с собой, наверно он чувствовал повышенную ответственность за дочку генерала или что-нибудь еще, кто его знает... Одним словом, вы понимаете, чем была занята голова младшего сына Петра Степановича в тот момент и почему он не придал большого значения драматическому, чтобы не сказать трагическому событию, о котором ему только что сообщили.

Но зато вернувшись домой и повествуя о своем пребывании в лагере, он сделал упор на посещении обкома и застрелившемся секретаре, интуитивно чувствуя, что отцу будет интересно именно это. О дочке же генерала... Боимся соврать, но о ней он, кажется, вообще не упомянул.

Так или иначе, но когда Петр Степанович писал свое письмо в обком, он вспомнил рассказ сына и, задним числом, истолковал его в неожиданном смысле:

– Раз стреляются, значит, там есть порядочные люди.

Но ведь это было когда? Младший сын Петра Степановича был тогда в пятом или шестом классе, а сейчас он уже школу заканчивал. Если в обкоме и были порядочные люди, за это время должны были уже все перестреляться.

А между тем Крутька-то сняли!

У Петра Степановича не было никаких доказательств, что сняли именно из-за его письма, тогда многих снимали и заменили на более молодых и образованных. Но, обсуждая новость с Любовью Петровной, Петр Степанович отмечал и свою роль:

– Этот безграмотный хам думал, что ему все сойдет! Хорошо, что я тогда не смолчал. А то все лебезили перед ним, вот он и сидел в своем кресле столько лет. Давно надо было прогнать!

На что Любовь Петровна отвечала:

– У них вся семейка такая. Они в Красном Куте жили, когда раскуркуливали, тетя Поля рассказывала. У них, говорит, соседей раскуркуленных еще и увезти не успели, а батько его уже через

плетень перелез и высматривал, чем бы поживиться из оставшегося. А сынок – выдвигенец из незаможников.

Выдвигенец – не выдвигенец, а прогнали все-таки. Дальше – больше, пошли всякие новые веяния, людей стали не только выпускать раньше срока, но и реабилитировать, многих, правда, посмертно.

Сестра Петра Степановича Галя считала, что надо пытаться разузнать что-то о судьбе их брата Василия и хлопотать о его реабилитации как честного коммуниста. После смерти мужа она по-прежнему жила в Полтаве. Грищенко хорошо зарабатывал, после же его смерти от разрыва сердца стало труднее, особенно когда Галя вышла на пенсию. Петр Степанович, памятуя о том, что она сделала для его среднего сына, стал посылать ей деньги, хоть она и отказывалась.

Приємно, що є ще на світі люди, що турбуються про мене, проте я в допомозі зараз ніякої потреби не маю. Двісті десять карбованців пенсії, звичайно, не дуже багато, але є деякі резерви. Тому викинь з голови думку про допомогу мені.

Зараз у нас поширені чутки, що деяким категоріям пенсіонерів, як, наприклад, академічним, набагато зменшать пенсії, до розмірів 700-1000 карбованців, а іншим, до яких належу і я, навпаки, підвищать до розмірів 300-350 карбованців. Це б мене цілком задовольнило. Поживемо – побачимо.

Ти питаєш про Наталю. Вона купила собі хату в Сорочинцях, має квартирантів, одержує з них невеличку платню, а за харчами (переважно за молоком) ходить до сина Івана, агронома. Таким чином, з норовистою невісткою майже не має справ. Іванова перша дружина померла, а друга, із вдовиць, така, що всім чортам в'язи скрутить. Дочка Наталіна Олена кінчає свою покуту і повинна повернутись восени. Про синів, Петра і Василя, немає чуток, вважають, що загинули.

Я раніш думала поїхати в Київ клопотати по нашій справі, але цими днями пошлю до Верховної Ради у Київ це клопотання в листовній формі. А далі справи покажуть.

* Приятно, что есть на свете люди, которые беспокоятся обо мне, но мне сейчас никакая помощь не нужна. Двести десять рублей пенсии, конечно, не очень много, но есть кое-какие резервы. Поэтому выкинь из головы

Кто такая Наталья? Что за «покута» досталась ее бедной дочери, где она ее заканчивает? Не доверяя своему знанию украинского языка, мы посмотрели значение слова «покута» в словаре. Да, есть такое слово: покута – покаяние, наказание, епитимья (церк.). Какое из этих значений нам следует выбрать? Где безвестно сгинули сыновья все той же Натальи? Мы не знаем и не можем заниматься разысканиями, наше внимание по-прежнему приковано к Петру Степановичу.

Он, конечно, не возражал против сестриных хлопот о реабилитации брата, но считал, что это дело мертвое. И снова ошибся. Их брата мало что реабилитировали, так еще назвали в его честь улицу в городе Львове. Оказывается, не там искал его старший сын Петра Степановича, когда лазил в подпол. Надо было ему пробраться в панскую Польшу, и именно в город Львов, и тогда бы он увидел, как Василий Степанович, известный там, правда, под другим именем, сплавивал ряды Коммунистической партии Западной Украины, готовя ее к будущей мировой революции и оберегая от шатаний, каковые в ней все время происходили. Но, видимо, не уберет, потому что с большинством членов КПЗУ потом пришлось разбираться нашему ОГПУ-НКВД, и они-то как раз разобрались быстро, хотя, как впоследствии оказалось, неправильно. Теперь всех, понятное дело, реабилитировали, а революционные заслуги Василия Степановича отметили, не только назвав в его честь улицу, носившую прежде какое-то никомушнее имя, но и установив в сквере на углу этой довольно зеленой улицы его бронзовый бюст.

мысли о помощи мне. Сейчас у нас ходят слухи, что некоторым категориям пенсионеров, например, академическим, намного уменьшат пенсии, до размеров 700-1000 рублей, а другим, к которым отношусь и я, наоборот, повысят до 300-350 рублей. Это бы меня вполне устроило. Поживем – увидим. Ты спрашиваешь о Наталье. Она купила себе дом в Сорочинцах, пускает квартирантов, получает с них небольшую плату, а за продуктами (в основном за молоком) ходит к сыну Ивану, агроному. Так что с норовистой невесткой она почти не общается. Первая жена Ивана умерла, а вторая, из вдовиц, такая, что всем чертям шею свернет. Дочь Натальи Елена кончает отбывать наказание и должна вернуться осенью. О сыновьях, Петре и Василии, ничего не слышно, считают, что погибли. Я раньше думала поехать в Киев хлопотать по нашему делу, но на днях пошла в Верховный Совет в Киев это ходатайство в письменный форме. А дальше дела покажут.

Алексея Степановича, кстати сказать, тоже реабилитировали, об этом Гале сообщила его вдова Вера, они переписывались время от времени. У самой Гали прежде не было уверенности, что это возможно, ведь Алексей Степанович не имел таких больших заслуг перед партией, как Василий Степанович. К ее удивлению, оказалось, что это не так важно.

Реабилитировали, как мы знаем, и самого Петра Степановича. Он, хотя и так не считал себя виноватым, когда получил справку, был доволен, показывал ее сыновьям и говорил:

– А вот от Деникина у меня такой нет. Жалко!

Х

В 1956 году, в феврале, стукнуло Петру Степановичу 60 лет. А давно ли сослуживцы отмечали его сорокалетие? Еще портфель ему тогда подарили! Спасибо Любове Петровне, во время отсутствия Петра Степановича она сохранила этот портфель вместе с некоторыми другими вещами, он и сейчас им пользуется.

Сказать, что много лет прошло, – так не скажешь, двадцать лет, не бог весть что в человеческой жизни, даже портфель не износился – качество довоенное было отменное. Но воды утекло немало. То сорокалетие – его хорошо тогда отметили – запомнилось Петру Степановичу как эпизод из другого существования, и он сам был вроде бы и тот, что тогда, – и совсем не тот. Мыслями он редко возвращался в прошлое, а когда возвращался, не слишком углублялся в воспоминания: ну, были какие-то события, они лежали где-то на складе памяти, Петр Степанович мог рассказать о них при случае даже и с подробностями. А все-таки больше жил Петр Степанович настоящим, а в чем-то даже и будущим.

Мы не можем, например, сказать, что Петр Степанович совсем отвернулся от честолюбивых проектов своей молодости – потрясти мир необыкновенным сочинением. Так, отсрочил их на неопределенное время. Иногда листал свои старые рукописи, кое-что перечитывал с удовольствием, но теперь у него были уже другие замыслы, более серьезные. По выходным, когда было время, – летом все-таки надо было еще огородом заниматься

– он делал разные записи, из которых впоследствии намеревался составить обстоятельный труд общего плана, был, был еще порох в пороховницах.

Казалось бы, сердечко пошаливало и двадцать лет назад, потом еще были всякие неприятные нагрузки, а когда подошел срок выходить на пенсию, Петр Степанович все оформил, а бросать работу не стал. Чувствовал, что еще может потрудиться, тем более, его попросили. «Нам вас заменить нечем, Петр Степанович, где сейчас найдешь такого специалиста, как вы!» К тому же и пенсия была маленькая.

Правда, в том же году, в конце года, вышел новый закон о пенсиях, теперь Петр Степанович как пенсионер мог бы получать намного больше. Они даже посоветовались с Любовью Петровной, не бросить ли ему все же службу. Она работала старшей сестрой в своей больнице и рассуждала как медицинский работник.

– Ты, Петр Степанович, решай сам. Если тебе тяжело работать, уходи. Проживем как-нибудь. А если работается, – можно и потянуть еще лямку. На работе тебя уважают. Те, кто уходят на пенсию, чаще болеют, это я по нашим пациентам знаю. Ты давно видел Трофима Игнатьевича? Пока работал – еще за девками гонялся, а скovyрнулся на пенсию три года назад – теперь уже без палочки не выходит. Смотри сам. Новая пенсия хоть и больше, а тоже – не зарплата с премиальными.

Это Петр Степанович и сам понимал. Прожить они могли бы, тем более, с огородом. Но и деньги были нужны. Крыша стала подтекать, требовала серьезного ремонта. Говорили, скоро газ будут проводить, – опять деньги понадобятся. Младший сын еще учился, надо было помогать, да и старшие не совсем стали на ноги, порой и им приходилось подбрасывать.

Одним словом, Петр Степанович никуда с работы не ушел, но все-таки повышением пенсий был доволен. Ведь теперь в любой момент можно было бросить службу. Сестра Галя тоже стала получать побольше. Все складывалось так, что подтверждало оптимистические прогнозы Петра Степановича, ждавшего новых перемен. И хоть они происходили не очень быстро, Петр Степанович все еще не терял надежды на возвращение 1922 года – как все тогда оживилось!

Сейчас тоже ведь многое менялось: сперва сельхозналог снизили, потом пенсии повысили, потом... Да возьмите хотя бы культ личности! Его правильно осудили, как будто с Петром Степановичем посоветовались! Он всегда был против этих воспеваний. А реабилитация невиновных! Его самого!

Петр Степанович стал с интересом читать газеты, и ему очень понравилась идея дать больше простора материальным стимулам в экономике, как предлагал в газете «Правда» харьковский профессор Либерман.

Скажем честно, к людям с такими фамилиями Петр Степанович всегда относился настороженно, хотя демонстративной нелюбви к ним он тоже не одобрял, старался быть объективным. Его отношение к этому вопросу еще со времен денкинской тюрьмы было двойственным и сильно зависело от конкретных обстоятельств.

Например, когда, незадолго до смерти Сталина, уволили с работы главврача районной больницы Льва Захаровича, опасаясь, что он станет неправильно лечить районное начальство, как это уже делали разоблаченные врачи-убийцы с членами правительства, то Петр Степанович почти открыто заявлял, во всяком случае, своим домашним, что не верит в такую глупость. Во-первых, от Любви Петровны, работавшей в этой больнице, он слышал много хорошего обо Льве Захаровиче. А во-вторых, говорил он тогда старшему сыну, евреи – народ умный. Если бы они захотели нанести вред нашему району, они не травить должны были бы наших начальников, а только то и делать, что заботиться об их долголетию.

Когда же посадили Бронштейна, многолетнего директора торговой базы, то Петр Степанович почти не сомневался, что нет дыма без огня. Какой смысл работать в торговле, если ты не имеешь навару? Поэтому они всегда там и работают. А считать, что его посадили только за то, что он еврей, тоже нельзя, потому что у него было два подельника – заведующий продмагом Казимир Казимирович Лещинский, наверняка, поляк, и Елена Ивановна из райторготдела, та вообще русская. Так что здесь все было чисто.

Вообще же в те времена Петр Степанович кощунственно считал себя чуть ли не космополитом.

– Скоро уже окажется, что мы не только паровоз и радио изобрели, но и закон всемирного тяготения открыли, – иронизировал он. – Просто еще не подыскали Ньютону подходящую замену.

А то вдруг в нем просыпался местный патриотизм. Они с Любовью Петровной пошли на выборы в школу, где учился младший сын Петра Степановича, – там был избирательный участок. Петр Степанович не преминул, конечно, побурчать перед выходом из дому, дескать, что это за выборы из одного кандидата, но в остальном ему все понравилось. В школе был организован хороший буфет, не успели они сделать покупки, как их тут же пригласили на концерт школьной художественной самодеятельности. Когда зашли в зал, концерт уже шел, на сцене мальчик в вышитой украинской рубаше играл на балалайке «Светит месяц, светит ясный». Столько воспоминаний нахлынуло на Петра Степановича, ой-ой-ой! Он не показал виду, хотя, что говорить, слезы так и наворачивались на глаза. Мальчику похлопали, а потом, представляете себе, выходит на сцену младший сын Петра Степановича и начинает читать «Як умру, то поховайте...» Ему похлопали, и он на бис прочел еще басню на русском языке – про мышь и крысу. Да так умело, с выражением, меняя интонацию, когда он говорил то за положительную мышь, то за отрицательную крысу, что Любовь Петровна просто растрогалась. Не ожидала. А заключительные строки он прочитал уже третьим голосом, как настоящий оратор:

Мы знаем, есть еще семейки,
Где наше хают и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки...
А сало... русское едят!

Тут зал просто взорвался аплодисментами. Петр Степанович покосился на Любовь Петровну, она вся сияла от гордости. Да и ему было приятно, что говорить! А все-таки дома, когда уже вечеряли, он не удержался:

– Сало-то там, часом, не украинское было? А то все русское, русское...

– Так в книжке написано, – обиделся младший сын. – Могу показать.

Впрочем, к Либерману все это не имело никакого отношения. Лично Петр Степанович его не знал, но мог бы знать, он ведь был из Харькова, можно сказать, свой, а не какой-то там московский или киевский. Уже одно это говорило о его близости к простым людям, как Петр Степанович, например, даже о какой-то причастности самого Петра Степановича к новым веяниям. А во-вторых, если быть совсем честным, так Петр Степанович и сам давно думал так же, как Либерман, только не умел это так хорошо выразить.

Дело, конечно, прошлое, и это – не телефонный разговор, но Петр Степанович так и не мог забыть, как ему хорошо жилось при НЭПе, пока на все командные высоты не пришли коммунисты. Потом, когда НЭП уже кончился, он встретил как-то в Харькове Жгутика, тоже приехал по служебным делам, тот все шутил. Знаешь, говорит, почему мяса не стало? Все бугаи и бараны ушли в партию. Дошутился, в конце концов!

А если здраво рассудить, так конечно, надо платить не за партийность и не за должность, а за работу, Петр Степанович так всегда и думал. Тем более, он думал так теперь, когда почти перестали сажать и даже в газетах стали писать о материальных стимулах к труду и чуть ли не о прибыли. Петр Степанович стал горячим сторонником профессора Либермана и как-то поинтересовался в письме старшему сыну, не знаком ли он с ним лично.

XI

А что? Старший сын Петра Степановича в это время уже высоко летал, был кандидатом физико-математических наук.

Когда-то, еще до войны, когда Петр Степанович с увлечением описывал приключения братьев Морейко, ему приходили в голову разные мысли насчет будущего, и он, помнится, делился ими в письмах со своей сестрой Галей и ее мужем Грищенко. Что-то там было мечтами, что-то – просто шуткой, любил, любил пошутить Петр Степанович. Но ведь чтобы так шутить, надо быть в курсе новейших достижений науки. Петр Степанович

этими достижениями всегда интересовался, понимая, что будущее принадлежит именно науке и, конечно, был очень доволен, когда старший сын после окончания университета не стал учителем физики в школе, а получил назначение в УФТИ, Украинский физико-технический институт.

В отличие от Петра Степановича, многие наши образованные читатели редко интересуются наукой, и, возможно, они даже и не знают, что именно физики из харьковского УФТИ в тридцатые годы первыми в мире расщепили атомное ядро? Ну, может быть, не первыми, но вторыми – это точно! А атомную бомбу кто первый придумал? То-то! Так что мы сочувствуем нашему неосведомленному читателю. О Лос-Аламосском проекте он, может, еще что-то и слышал, но у нас все было намного секретнее. Чуть что – сразу сажали и расстреливали. Чего же удивляться, если и особо умных физиков из УФТИ посажали и постреляли – в целях секретности, а Петр Степанович, при его давнем интересе к серьезным натурфилософским вопросам, ничего про это не знал?

Но все равно Петр Степанович очень уважал этот всемирно известный секретный институт и сильно переживал, когда устройство старшего сына на работу в УФТИ чуть не сорвалось. Время было такое, что одним расщеплением атома в лабораторных условиях уже нельзя было ограничиться, нужно было этот расщепленный атом практически использовать – и не хуже, например, чем американцы в Хиросиме. Институт расширялся, туда брали всех способных студентов из каждого выпуска физико-математического факультета, взяли даже двоих евреев, а у старшего сына Петра Степановича оформление на работу почему-то застопорилось. Почему – не говорили, но Петр Степанович считал, что из-за плена.

Петру Степановичу это казалось несправедливым. Если бы его сын сдался в плен индивидуально, к нему еще можно было бы предъявить претензии: почему не бился до последнего патрона? Но он же оказался в плену в составе большой воинской массы. Были ли у него условия продолжать бой в одиночку? А теперь, не разобравшись, ему это ставили в минус и не хотели допускать к секретной работе, хотя все признавали, что у него

большие способности к физике. Разве обороноспособность страны от этого выиграет?

Петр Степанович приводил в пример Тихона Андреевича, своего харьковского знакомого. Тихон Андреевич много лет работал в Управлении Южной железной дороги, после войны его хотели назначить начальником отдела, но не назначили, потому что он оставался и даже, кажется, работал при немцах. Почему не эвакуировался? Как будто так легко было эвакуироваться?! И кто же думал, что немцы так быстро захватят Харьков! Тихон Андреевич так и остался старшим инженером, а начальником отдела назначили какого-то мальчишку, который не мог отличить вагон от паровоза. Чего же удивляться, что грузы все время опаздывают, а в Лозовой даже столкнулись два поезда!

Ну, а со старшим сыном все кончилось хорошо. Его руководитель дипломной работы, профессор Баренбойм, с кем-то там поговорил, и сына взяли на работу, несмотря на плен. Этот Баренбойм, по слухам, был большой дока в атомных делах, и с ним считались.

Теперь Петр Степанович был уверен, что его старший сын станет настоящим ученым, вроде Морейко. Это его радовало с точки зрения укрепления обороноспособности страны, и в то же время приятно было, что складывается уже династия ученых: он, Петр Степанович, – ученый-агроном и натурфилософ с широким кругозором, его сын – выдающийся физик, и, наверняка, будут внуки, которые полетят на Луну и дальше.

Старший сын был человек занятой, виделись они не так уж часто, больше общались письмами, и Петр Степанович всегда старался, чтобы его письма были содержательными, с научной подкладкой, а не просто бабскими разговорами про здоровье или кто что сказал. Например, сообщал он о незначительном событии – ремонте печи, но быстро с этого сходил на более серьезные вещи.

Тяга стала намного лучше, хотя теперь это уже не так важно. Позавчера выпал снег, но все равно у нас пахнет весной.

Я тебе очень рекомендую прочитать биографию академика В.И. Вернадского. Вернадский, как и ты, закончил в свое время физико-математический факультет (Петербургского

университета) и специализировался на минералогии-кристаллографии. Но, не ограничиваясь этими двумя дисциплинами, Вернадскому пришлось создавать геохимию, изучать геологическую деятельность человека (да и не только человека, а вообще – флору и фауну). В общем, у Вернадского много описано о генезисах минералов и идей; о вечной жизни и бренности существования, о геологической деятельности человека, о химии жизни и т.д. Чего я тебе рекомендую этого Вернадского? Я с ним не сговаривался, но у меня с ним здорово совпадают взгляды на окружающую природу. Разница только в том, что я дилетант, а Вернадский – классический ученый и опытник. Обязательно прочитай эту биографию.

Годика через два после начала работы в УФТИ старший сын женился, потом у него появилась дочка Леночка. Любовь Петровна всем показывала его карточку с девочкой на руках, но все-таки больше всего Петр Степанович был доволен, когда старший сын защитил кандидатскую диссертацию. Он рассказывал об этом сослуживцам и как бы невзначай говорил:

– Не знаю, сколько у нас на миллион населения приходится кандидатов наук. Надо будет поинтересоваться.

XII

Как-то зимой Петр Степанович с осторожностью шел по улице, скользко было, а у него шнурок на ботинке развязался. Незнакомый прохожий говорит:

– У вас шнурок развязался, смотрите не упадите.

– Да вижу, вижу, – отвечает Петр Степанович с досадой. Конечно, видел, как не увидеть черный шнурок на белом снегу, да не хотелось на морозе останавливаться, и нагибаться стало трудно из-за боли в пояснице. Дошел до магазина и там уже, в тепле, прислонившись к стене, завязал потуже.

Такое не первый раз было, наверно шнурки стали делать никудышные. Но Петр Степанович воспринял это как знак свыше. Ему вот-вот должно было стукнуть 70 лет, и он принял решение, о котором и объявил Любове Петровне.

– Если я уже шнурки завязать не могу, так какой из меня работник? Надо уходить на пенсию.

На пенсию Петра Степановича проводили хорошо, Любовь Петровна все прекрасно устроила. Заведующая чайной несколько раз лечилась у нее в больнице, может и еще придется, так что она очень Любовь Петровну уважала. Условились с нею, что она закроет свое заведение на два часа раньше (правда, первую комнату, где буфет, она оставила открытой, на случай, если кто-нибудь придет из посторонних или там сигареты купить, но во вторую, большую, уже никого не пускала, повесила табличку «Спецобслуживание») и выделит продукты. Спиртное принесли с собой, заведующая не возражала. С поварихой договорились, что она сделает котлеты по-киевски, она когда-то работала в Харькове, в ресторане «Люкс», официанткой и знала всякие юбилейные тонкости.

Приехал директор сахарного завода, Петр Степанович даже не ожидал. Директор и слово взял первым, сказал, что хочет выпить за здоровье Петра Степановича, можно сказать, ветерана сахарной промышленности. Петр Степанович, говорил он, всегда был и остается для нас образцом думающего агронома, а это теперь не так часто встречается. Если, например, надо статью в газету написать, и к нам обращаются, кого мы рекомендуем? Конечно, Петра Степановича! Он всегда с большой ответственностью относился к порученной ему работе, был достойным гражданином своей Родины, удостоен правительственной награды – медали за доблестный труд во время Великой Отечественной войны. И разве каждый был способен хлопнуть дверью, когда его оскорблял зарвавшийся высокопоставленный перерожденец, а Петр Степанович не побоялся!

Видно было, что «оттепель» оставила кое-какие шрамы в сознании директора сахзавода, но Петра Степановича больше удивило и даже тронуло то, что директор знал столько подробностей из его биографии. В конце своей речи директор объявил, что Петр Степанович награждается почетной грамотой и премируется двумя месячными окладами, а если у Петра Степановича в будущем возникнут какие-либо проблемы, то он может смело обращаться за помощью на родной завод.

Произносились и другие тосты – и не только производственного содержания. Кадровичка, например, кстати сказать, довольно милостивая для своего возраста, вспомнила, что Петр Степанович – отец троих замечательных сыновей, один из которых прошел войну и теперь уже кандидат наук в очень важной области, и за это тоже выпили. А Кузьма Алексеевич, начальник железнодорожной станции, с которым Петр Степанович сначала был связан только по транспортным вопросам свеклопункта, а потом и так стал иногда беседовать на разные темы, в основном политические, вроде убийства Кеннеди или отставки Хрущева, Кузьма Алексеевич сказал:

– Я завидую Петру Степановичу. Мне тоже уже скоро на пенсию, а чем займусь, когда останусь без расписания поездов и сцепки вагонов? Может, на рыбалку буду чаще ходить или выпивать больше, вот и все. А Петр Степанович – человек философского склада, у него столько мыслей в голове, что ему никакая рыбалка не нужна, с ним никогда не соскучишься. Да если только он захочет все свои мысли записать, так у него получится полное собрание сочинений в десяти томах. Правильно я говорю, Петр Степанович?

Петр Степанович улыбнулся и без слов покивал головой. Он и сам уже думал об этом, когда принимал решение перейти на пенсионерское положение.

А директор сахзавода, оказывается, слов на ветер не бросал. Проводили Петра Степановича на пенсию в феврале, а в апреле пришло письмо за подписью управляющего Харьковского Свеклосахаротреста – директору Задонецкого сахарного завода, а копия – Петру Степановичу:

Пенсионер тов. К. Петр Степанович проработал в сахарной промышленности 38 лет, из них 27 лет в Задонецкой свеклобазе. В связи с этим включите его в список трудящихся Задонецкого свеклопункта на выдачу топлива в 1966 и последующие годы.

Так что зря Любовь Петровна боялась, что теперь им придется заботиться о топливе самим и будут большие расходы! Вообще Петр Степанович считал, что в материальном смысле после выхода на пенсию у него мало что изменилось. Пенсия

приличная – больше 60 рублей, овощи все – с огорода, топливо – бесплатно, чего еще надо? На курорты ездить он не собирался! Петр Степанович даже возмутился, когда старший сын написал ему, что хочет подъехать и привезти свой долг, наверно, решил, что они здесь нищенствуют! Он тогда написал ему довольно резкое письмо.

Ты, вероятно, думаешь, что я ночей не сплю из-за этого долга!? Я тебе уже писал, чтобы ты не морочил своей головы этим «долгом». И не думай пересылать мне этих денег: они мне не нужны. Если ты все-таки мне их перешлешь, я их сейчас же отправлю обратно. Из твоего письма я понял, что ты, собираешься специально приехать из-за своего долга в Заднецк, в твоём письме есть такая фраза: «Надеюсь, что в ближайшее время тебе подвезу» (имеется в виду долг). Если приедешь, будем рады тебя повидать. А то приезжайте всей семьей, дети в Донце покупаются. А про долг забудь.

Если ты из-за денежных обстоятельств не можешь даже по-человечески провести с семьей отпуск, то я тебе разрешаю свой «долг» потратить на это дело, а если этих денег не хватит, то могу выслать еще: напиши – сколько не хватает?

Долг образовался несколько лет назад, когда у старшего сына произошло кораблекрушение в семейной жизни, и он разошелся с женой. Петр Степанович точно не знал, кто был виноват в этом разрыве. Наверно все-таки жена, думал он, раз она тут же снова выскочила замуж. Впрочем, сына своего Петр Степанович тоже не совсем оправдывал. Он считал, что война испортила сыну нервы, чуть что – он сразу взрывался. В семейной жизни это тяжело, не всякая женщина может выдержать.

Развод сына огорчил Петра Степановича. И учтите: мало того, что развод, так дочка, Леночка, первая внучка Петра Степановича, осталась с отцом! Любовь Петровна, с одной стороны, радовалась этому, а с другой – не могла понять: мать – и оставила своего ребенка?! Петра же Степановича больше беспокоило, как его сын справится с воспитанием девочки без женского участия.

Хотя сын и получал теперь кандидатскую зарплату, с деньгами все равно было туговато, Петр Степанович всегда считал, что его бывшая невестка много тратила. А тут еще надо было срочно снимать квартиру, обзаводиться хозяйством. Пришлось попросить у отца денег взаймы.

Петр Степанович расспрашивал его тогда про дочку, давал советы, вспоминая свой давний педагогический опыт. Деньги тоже, конечно, дал.

Через годик старший сын Петра Степановича встретил другую женщину, Лиду, они поженились, получили квартиру от УФТИ, двухкомнатную, в Померках, на улице Вальтера, все наладилось, а денег свободных все равно никогда не было. Лида родила мальчика, Васю, целый год не работала. Да Петр Степанович и не вспоминал об этом долге. А теперь, пожалуйста, отец вышел на пенсию, так он решил отдать!

Петру Степановичу приятно было, конечно, что сын не забыл про долг, подумал об отце. Но и меркантильно это как-то было между своими, он даже неловко себя чувствовал. Сын получал приличную зарплату, Лида тоже работала преподавателем в Политехническом институте, да, но жизнь-то в Харькове намного дороже, чем в Запонецке, и огорода у них не было. Двое детей! Вот он и отчитал сына в своем письме.

Только старший сын все равно приехал и деньги Любовь Петровна уговорил взять.

ХІІІ

Особенно частым у Петра Степановича был обмен письмами со средним сыном.

Когда в 1953 году средний сын перестал считаться американским шпионом и возвратился домой раньше положенного срока, некоторые женщины прямо так на него и нацелились, тем более, он не пил, а путных мужчин маловато осталось после войны. И вообще он всегда нравился женщинам. Но он не забыл свою полтавскую любовь, Оксану, она его дождалась почти пять лет, у них поддерживалась переписка. Теперь они чуть не сразу поженились и уехали в Донбасс, в город Дебальцево, ее туда направили после окончания педагогического

института. В Дебальцево он стал работать электромехаником и учиться заочно в харьковском институте на инженера-электрика. А когда получил диплом, они переехали в город Краматорск. Сначала средний сын Петра Степановича работал инженером на заводе, а когда увидели, что он во всем хорошо разбирается, его пригласили преподавать в техникуме. Петр Степанович был доволен.

– Тяжелое машиностроение, – объяснял тогда Петр Степанович Любови Петровне, – это хоть и не подземная шахта, а для здоровья тоже не очень полезно. Шахты эти вообще надо позакрывать к чертовой матери или сделать так, чтобы там механизмы все выполняли! Как будто при современном развитии науки нельзя придумать каких-нибудь роботов для добычи угля?! Завод – другое дело, там без людей не обойдешься. Но тоже о здоровье мало думают. Я один раз был в литейном цехе на «Серпе и молоте» – это же ужас какой-то! Жарища, вонь! Агроном – не легкая профессия, но, по крайней мере, чаще на свежем воздухе, если, конечно, не сидеть в этих дурацких кабинетах. А преподавать – еще лучше, больше свободного времени, летом – каникулы два месяца. Я преподавал в молодости – милое дело!

Материально среднему сыну жилось нелегко. У них уже росли две дочери, своей квартиры не было, снимали комнату с кухней и сарай в частном секторе. Благодаря этому сараю, они смогли – снова-таки по совету Петра Степановича – завести козу, чтобы не стоять в очередях за молоком, и новости о козе средний сын Петра Степановича неизменно включал в свои письма.

Коза Верка, – сообщал он, например, – родила троих козлят. Первый раз в жизни я присутствовал при этом интересном событии и помог козлятам освободиться от мешков, в которых они родились, и слизи заполнявшей эти мешки. Козлят, две козочки и одного цапа, мы перенесли в комнату. Обсохнув, они начали подыматься на ноги и искать сиськи. На третий день пришлось переселить их в сарай. А через неделю они начали перепрыгивать через загородку, которой я их окружил, высотой около метра. Как пишется в книге, на десятые сутки они начнут жевать сено. Вся эта козья компания – приятное зрелище.

Казалось бы, ничего особенного, но Петр Степанович читал такие письма с удовольствием. Жизнь шла своей колеей и даже, казалось, немножко в гору, а большего ему и не надо было. Только бы здоровье не подвело.

Петр Степанович сильно тревожился о здоровье среднего сына еще когда тот вернулся из заключения, но тогда, кажется, обошлось. Врачи сказали, что внутренние органы у него здоровы, только нужно правильно питаться. Петр Степанович это запомнил и теперь переживал, что как раз правильное питание наладить не удавалось, это была его излюбленная тема.

Как-то собрался съездить в гости в Краматорск, пошел на вокзал смотреть расписание поездов, встретил там Кузьму Алексеевича. Тот, конечно, поинтересовался: как здоровье, Петр Степанович? Куда едем?

– Я на здоровье не жалуясь, – ответил Петр Степанович, а вот молодежь совсем не умеет следить за своим здоровьем, у всех какие-то болячки.

– Да, – вздохнул Кузьма Алексеевич, – сейчас сорок лет человеку, а уже без язвы желудка никого не найдешь!

– Дак им некогда думать о своем здоровье. В том, например, что люди болеют животами, чаще всего виной служит распорядок дня в питании. А как его соблюдешь? Мне мой сын, учитель в техникуме, пишет: «Часто нахожусь в техникуме с восьми до восьми». Домой попадает только около десяти вечера. Прорва всяких собраний, заседаний, политических семинаров. Привыкаешь, пишет, до того, как корова до мух, и почти не реагируешь.

Питается, когда придется, вечером приезжает домой и наедается так, что потом снятся кошмары. Я года два тоже учительствовал, директор такого кавардака не допускал: я более 7-8 часов не был в гимназии, учитывая и перемены. А сейчас, конечно, мой сын – кандидат на вывод желудка из строя... Теперь вот внучка заболела. Хочу поехать, посмотреть, может, что и подскажу. Хотя кто меня станет слушать!

Поговорили, разошлись, а месяца через два встречаются в гастрономе: Петр Степанович покупал подсолнечное масло, а Кузьма Алексеевич идет от винного отдела.

– Ну что, уже съездили, Петр Степанович? – спрашивает Кузьма Алексеевич.

– Да никуда я не ездил, – мрачно отвечает Петр Степанович. – Только собрался, как сын сообщает: пока не приезжай, внучку повезем на консультацию. В краматорских медиков царит примитивизм в такой степени, что они за месяц с гаком, когда лежала у них внучка, не только не вылечили ее, но даже не смогли определить названия ее болезни. И эти медики отфутболили внучку в Донецк, чтобы там определили прогноз. Ну, и конечно, невестка с ней поехала, сколько там пробудут, неизвестно. Так чего мне приезжать, спрашивается?

К концу зимы только смог Петр Степанович поехать, вернулся и сразу же написал старшему сыну – опять все больше о здоровье.

Ты, вероятно, хорошо знаком со всякими правилами, существующими в высших и средних специальных учебных заведениях? Мне хочется знать: правильно ли поступает директор техникума, что нагружает работой твоего брата с 8 часов утра и до 10 вечера? Если же учесть, что возле этого техникума нет близко столовой, то брат может скоро выйти из строя. Я ему посоветовал, чтобы он в ультимативной форме написал своему директору заявление, в вежливой, но ультимативной форме, что он не может выдерживать такой нагрузки, в противном случае он, мол, скоро выйдет из строя.

Сейчас считается, что самое главное – это работа, а здоровье – на втором месте, а в результате появляются разные заболевания. Я, например, внимательно осмотрел ротовую полость у твоего брата и пришел в ужас! Зубы его пребывают в последней стадии разрушения. Когда я его спросил, почему он не лечит зубы, то он ответил, что у него не было времени возиться с такой «чепухой», как зубы. Плохие зубы также у тебя... Я бы хотел всем вам сделать такой совет: за всякую цену капитально отремонтировать зубы, и не только себе, но и всем членам своих семейств, не считаясь ни с временем, ни с расходами. Прodelав это, в дальнейшем необходимо внимательно следить за зубами: как только почувствуете намек, что в зубе появляется хоть малюсенькая дырочка, уже утром на другой день, надо быть у

зубного врача. Зубы не мелочь: от состояния зубов находится в бо́льшей зависимости желудок, а от состояния желудка – все остальное. Прошу тебя, сынок, задуматься над этими моими советами и принять меры – содержать ротовые полости всех членов семьи в аккуратнейшем порядке.

Я краматорцам предложил забрать из моего погреба картофеля мешка два, они отказываются, говорят, что не съели и половины того картофеля, что завезли к себе от меня осенью. А мне так противно торговать картофелем на базаре... Придется в этом году уменьшить площадь под посадку картофеля. У меня в усадьбе почти снега нет. Вчера целый день шел дождь, а сегодня дождя нет, но последний снежок дотаивает. Так что я уже поглядываю на свой огородик и кумекаю, как лучше распределить культуры.

Напиши мне, давно ли ты видел твоего младшего брата и есть ли какие-нибудь перемены в его положении.

XIV

Переменами в положении своего младшего сына Петр Степанович интересовался, но, сказать по правде, никаких перемен не ждал, а если ждал, то только к худшему.

Старший сын Петра Степановича побывал в немецком плену, средний – в советском лагере, с младшим же сыном ничего такого, к счастью, не приключалось. А теперь как раз с ним не все было ладно.

Младший сын с самого начала пошел не по той линии, по какой хотелось отцу. В школе он учился вполне прилично, и Петр Степанович почти не сомневался, что он, по стопам старшего брата, пойдет на физико-математический факультет и тоже окажется, таким образом, на переднем крае науки. Петр Степанович не раз заводил с младшим сыном беседы на эту тему, хорошо так все обсуждали.

– Конкурс большой, – рассуждал Петр Степанович, но ты не хуже других, в олимпиадах всегда участвовал, по математике – больше пятерок, чем четверок. Да и брат у тебя – не последний человек в физике, у него там все знакомые. Помнишь, Игорь такой длинный, как-то с ним приезжал, приятель его, – я слышал,

он теперь уже замдекана. Будущее – за физикой с математикой, так что ты поднажми на эти предметы.

Сын соглашался, физика его тоже интересовала, он вполне компетентно поддерживал разговор с Петром Степановичем о протонах и электронах и на другие подобные темы, и вдруг бах! – как обухом по голове.

Перед выпускными экзаменами Петр Степанович спросил благодушно, считая вопрос решенным:

– Ну что, надумал уже, куда подавать документы?

– Надумал, – говорит.

– На физико-математический?

– Нет, на физико-культурный.

Петр Степанович не сразу даже сообразил, о чем речь, а когда сообразил, – чуть не взвыл.

То есть, понимаете ли, младший сын Петра Степановича собрался поступать в физкультурный институт!

Петр Степанович ничего не имел против физкультуры, даже сам когда-то подумывал заняться парашютизмом. Ему нравились физкультурные парады, которые показывали в кино в «Новостях дня» перед началом фильма. В здоровом теле – здоровый дух!

Спортивными успехами своего младшего сына Петр Степанович гордился, хотя старался не показывать, чтобы не подумали, что хвастается.

– Опять поехал на сборы в Ялту, – сообщал он сослуживцам как бы невзначай. – Я в первый раз попал в Крым, мне уже больше тридцати лет было, а этот – от горшка два вершка – развезжает повсюду за государственный счет! В том году ездил во Львов на соревнования, занял второе место по Украине среди юношей.

Но чтобы его сын, которому Петр Степанович прочил будущее, по меньшей мере, межпланетного путешественника, пошел учиться в физкультурный институт, – этого он никак не ожидал.

– Туда же идут одни троечники! – восклицал он. – Сила есть – ума не надо! На сколько ты можешь подняться над землей на твоих брусках? На два метра? Больше человеческие мышцы не позволяют. А человеческий разум может тебя

вознести на миллионы километров. Так какой выбор ты должен сделать?

Но младший сын Петра Степановича тоже был не лыком шит.

– Чтобы лететь на Марс, одних мозгов недостаточно. Мышцы тоже нужны. Посадишь в межпланетный корабль какого-нибудь хилака, он тебе там обосрет всю уборную и никуда не долетит. Так что физкультура тоже нужна, папа!

Поговорили-поговорили, а сын сделал, как хотел, стал студентом физкультурного института. Он получал стипендию, к тому же частенько ездил на спортивные сборы за казенный счет, но, конечно, и родители помогали, для него-то Любовь Петровна ничего не жалела. После окончания института остался здесь же, в Харькове, работал тренером по гимнастике в детской спортивной школе.

Петр Степанович давно знал, что у его младшего сына были художественные наклонности: он хорошо рисовал, а тут еще, случайно выяснилось, стал писать стихи. Сам Петр Степанович себя великим писателем видел не раз, а поэтом – нет. Такого дара у него не было. Но все равно стихотворчество младшего сына он приписывал влиянию своих генов, и его не удивило бы, если бы его отпрыск прославился как поэт, если уж с физикой не получилось. Не одна же физика существует на свете, в конце концов!

В Харькове у младшего сына были друзья, которым он читал свои стихи, но отцу он их не показывал, а просить Петр Степанович считал ниже своего достоинства. Другое дело, Любовь Петровна. Она постоянно попрекала младшего сына за то, что он скрывает свои стихи от родителей, и он иногда шел на уступки, переписывая для нее кое-что с уговором никому больше не давать. Уговор она соблюдала, но на Петра Степановича он не распространялся, это молчаливо подразумевалось. Так что Петр Степанович был в курсе. Любви Петровне все стихи безумно нравились, она не понимала, почему их до сих пор не напечатали. А Петру Степановичу они казались хотя и не бесталанными, но немного странными, что ли. Ну вот, например, «Лыжная прогулка»:

Трясучий автобус, везущий на казнь в наказанье
За верность. Сегодня он лыжников должен доставить в леса.
Сквозная дорога, простой результат разрезанья
Лесного покрова на части для нужд колеса.
Слепые снега, повязавшие землю и небо...
Лыжня не свела нас ни разу в те дни. Но когда
Я не был с тобой, – без тебя я тем более не был,
Искусство отсутствия требует много труда.

– Какое наказанье, какая казнь? О чем это все? Может и складно, но заумно как-то. – Впрочем, Петр Степанович не чувствовал уверенности в своих оценках и помалкивал, не исключая, что люди, понимающие в таких делах больше, чем он, отыщут в стихах его сына что-то такое, чего он сам в них не находил, а там глядишь...

Младшему сыну случалось делиться своими стихами и с братьями, особенно со средним – тот по-прежнему умудрялся много читать, и младший брат ему доверял. Но они встречались редко, только когда съезжались в родительском доме по особым случаям. В один из таких совместных приездов Петр Степанович зашел за каким-то свертком в комнату, где беседовали младший и средний сыновья. Средний растянулся на кровати, а младший, сидя на краю кровати, читал стихи:

На Литве звенят гитары.
Тула точит топоры.
На Дону живут татары.
На Москве сидят воры.

– Это ты, что ли, придумал? – спросил Петр Степанович.
– Ты бы поосторожнее...

Младший сын хохотнул.

– Нет, папа, мне такого не придумать, кишка тонка.

– А кто же это такой смелый? – недоверчиво пробурчал Петр Степанович.

– Да это, папа, не про то, что ты думаешь. А написал один поэт непризнанный, наш харьковский...

Петр Степанович взял сверток, за которым приходил, и вышел из комнаты. Но дверь оставил открытой, и слушал, как младший сын продолжал читать:

Знать, с великого похмелья
завязалась канитель:
то ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель...

– Зря я так быстро вышел, – подумал Петр Степанович, – но не возвращаться же. Да и не стали бы они читать при нем.

Еще когда младший сын Петра Степановича учился на последнем курсе, он женился на своей сокурснице, баскетболистке, а через год у них родился сын Максим. Она была харьковчанка, жила с родителями на Рымарской улице. Пока родители уступили им одну комнату, но ходили слухи, что будут строить кооперативные дома, и родители обещали помочь с покупкой квартиры в таком доме. Любовь Петровна сказала, что они тоже примут участие.

Работой своей в детской спортивной школе младший сын был доволен, дети его любили, он ездил с ними на сборы и соревнования, выступали удачно, все вроде бы шло хорошо. А потом у него случилась какая-то история с красивым мальчиком-подростком из его команды, кажется, на сборах в Каунасе, подробностей мы не знаем. Скандал замаяли, но что-то у него сломалось: с работы уволился, от жены ушел и с квартиры на Рымарской улице съехал. Нашел себе комнату на Журавлевке, работал грузчиком в магазине и стал пить. Поначалу от Петра Степановича все это скрывали, братья были в курсе, но договорились дома ничего не рассказывать. Так ведь шила в мешке не утаишь, особенно от Любви Петровны, для нее младший сын Петра Степановича был роднее родного. Нам неизвестно в точности, что знали, а о чем догадывались Петр Степанович и Любовь Петровна, но когда они поняли, что сын спивается, страшно переживали.

Петр Степанович видывал, конечно, пьяниц на своем веку, болезнь эта не была для него новостью, не на Луне жил, а все же в своей семье он с такими случаями не сталкивался. Надо было бы поговорить с младшим сыном, наставить его на путь истинный,

но тот уклонялся от встреч, они давно не виделись. Только однажды удалось с ним побеседовать.

Петр Степанович ездил как-то в Харьков на день рождения старшего сына, на его тридцатипятилетие. Это еще до выхода на пенсию было, Петр Степанович приехал на выходные. Вечером собрались гости, пришел и младший сын – он знал, что можно будет выпить надурику. Лицо постарело, обрюзгло, Петр Степанович не мог поверить... Впрочем, младший сын держался непринужденно, подошел к отцу с дружелюбной улыбкой, они обнялись. Петр Степанович решил действовать дипломатично, сначала поговорил об отвлеченных вещах, сказал, что мама Люба скучает по сыну... Тот сразу же откликнулся: да-да, конечно, я свинья, передай, что приеду на той неделе или через неделю, когда у меня выходной будет. Пусть свой борщ приготовит, я уже давно такого не ел! Петр Степанович рискнул спросить про внука Максима, оставшегося на Рымарской улице, оказалось, тоже все в порядке, они видятся почти каждую неделю по воскресеньям, отличный пацаненок, он уже учит его играть в футбол.

После такой тщательной подготовки Петр Степанович счел возможным осторожно перейти к теме злоупотребления алкоголем, водка, сказал он, до добра не доводит, надо взять себя в руки. А может быть, следует пройти курс лечения?

Петру Степановичу не пришлось даже особенно стараться. Младший сын охотно поддержал начатый отцом разговор, во всем согласился с ним, заверил его, что он все понимает и, конечно, не сегодня-завтра совсем бросит пить. Он же не собирается оставаться грузчиком на всю жизнь! Со следующей недели намерен возобновить тренировки, чтобы выступить на областных соревнованиях. Лечение – это ерунда, да ему это и не нужно, все и так будет хорошо, он обещает.

У Петра Степановича немного отлегло от сердца, и когда позвали к столу, он сказал:

– Если ты уж так твердо решил, так начинай, не откладывай. Не пей сегодня или хотя бы пей немного.

– Ну, конечно, – ответил младший сын, поспешил к столу, сразу налил себе – дрожащими, как показалось Петру Степановичу, руками – рюмку водки и выпил залпом, не дожидаясь, пока все усядутся...

Домой Петр Степанович возвращался в мрачном расположении духа, у него перед глазами все время стояло это застолье, когда младший сын непрерывно наливал себе рюмку за рюмкой, старательно отводя глаза, чтобы не встретиться взглядом с отцом, да и вообще ни с кем. Домой чуть не на карачках уползал, глупо повторяя заплетающимся языком: «порядок в танковых частях!»

Любовь Петровна решила посоветоваться с Александром Александровичем, психиатром из их больницы, очень опытным. Он не слишком ее утешил.

– Алкоголизм – серьезная болезнь, сейчас многие ею страдают. Казалось бы, сколько лет уже войны нет, и жизнь становится лучше, а пьют! В войну столько не пили. Острых алкоголиков отправляют на принудительное лечение, но не всем помогает. Иногда продержится какое-то время, а потом снова начинает пить. Если ваш сын придет в Задонецк, покажите его мне, но обещать ничего нельзя.

Если придет! А как его заставишь приехать, если он и видаться ни с кем не хочет? Она хоть каждый день варила бы ему борщ, да видно ему сейчас не до борща!

Извелись они тогда очень сильно. Особенно Любовь Петровна не находила себе места, два раза ездила в Харьков, разговаривала с ним подолгу, а возвращалась просто убитая. Никакого просвета!

XV

Средний сын Петра Степановича иногда приезжал в Харьков по служебным делам, останавливался у старшего брата, но обычно видался и с младшим. Он тоже решил с ним поговорить – Любовь Петровна просила, да он и сам хотел... Договорились встретиться в саду Шевченко, младший брат пришел прямо с работы, в руках у него был старый чемоданчик – он с ним столько лет ходил на тренировки. Они сидели на скамейке, уже стемнело, сильно пахли какие-то цветы. Может, сирень цвела?

– Ты стишки-то еще пописываешь? – спросил средний брат, чтобы с чего-то начать.

– Мне сейчас не до стихов. Ты же видишь, как жизнь меня прижала...

Да, все ополчились против него, он об этом долго рассказывал, с подробностями, вспоминал разные случаи, видно в голове он все свои обиды не раз прокручивал. И на жену, за которой вечно увивались ее баскетболисты, а что там между ними было, где-нибудь на сборах... «Не хочу грешить, но... Что-то я не видел, чтобы она кого-нибудь отшила». И на ее еврейскую маму: «Тебя никогда нет дома! ребенок тебя никогда не видит!». А как иначе, если у него и работа, и тренировки, и соревнования? И на Петра Степановича «с его прямоугольными правилами». А знает ли брат, как его засудили на первенстве Украины? Все ребята сказали, что он отлично выступал, а ему даже бронзы не досталось! Была упомянута и «эта идиотская мужская школа»...

– Что же тогда говорить об армии или тюрьме? – подумал средний брат, который побывал и там, и там и кое-что об этом знал. Но развивать эту тему не стал, а сказал совсем другое.

– Помнишь, я как-то приезжал на побывку из армии. Днем сидел дома без дела и решил пойти тебя встретить после уроков. А может, мне просто захотелось побыть возле школы, где учился до войны. Я подошел и увидел, как ты дрался с каким-то парнем, дрался серьезно, не по-детски, – с трудом вас растащил. Он был старше тебя, но драку затеял ты, чем-то он тебя обидел... Где же сейчас твои кулаки, братишка? Все тебя обижают, беденького, все виноваты... Может, оно и так, а кого в жизни не обижали? Жизнь и отбирает – кто слабак, а кто – нет. Не думал я, что ты в слабаках окажешься!

– Быстро ты меня в слабаки записал? Потому что я пью? Да я в любой момент могу бросить.

– Почему же не бросаешь?

Братья сидели рядом, так даже проще было разговаривать – не глядя друг на друга, взгляды их иногда только встречались. Сейчас средний брат повернулся к младшему, но тот молча смотрел вдаль, как будто рассматривал громаду Госпрома, хорошо видного с их скамейки, часть окон в нем светилась. Обращенная к среднему брату щека младшего была подперта языком изнутри – средний брат знал эту его привычку. Еще в

школьные годы, если ему не давалась какая-нибудь задачка по алгебре с тригонометрией или что-нибудь в этом роде и он внутренне сосредотачивался, точно так же упирался языком в щеку. Или когда Любовь Петровна его отчитывала, как он считал, несправедливо. Но что означало это сейчас? Он думал о чем-то? Или просто отмалчивался?

– Мы столько времени не виделись, а ты меня даже про мою жизнь не спросил, – средний брат решил зайти с другой стороны. – Наверно, она сильно легче твоей.

Но это был ошибочный ход. Он только подбросил дров в огонь.

– Я слабак, а ты сильный. Но посмотри, как ты живешь! Вспомни всю свою жизнь, жизнь отца, жизнь нашего старшего брата. Кто-то же должен напиться за всех вас! – он засмеялся, ему понравился этот неожиданный довод. – Я в дерьме, но, видно, каждый должен побывать в своем дерьме.

Он вдруг прижался лицом к плечу среднего брата.

– Ты не обижайся! Как там Оксана, как дочки? Давай пройдемся, хочется подвигаться немного.

Они пересекли сад и вышли к памятнику Шевченко. Младший брат сказал:

– Ты посиди здесь, я заскочу в Гастроном напротив, у меня дома есть нечего.

– Пойдем вместе.

– Нет-нет, я один, так быстрее будет!

Младший брат перебежал через Сумскую, лавируя между машинами, и скрылся в магазине. Вернулся буквально через несколько минут, что у него лежало в чемоданчике, средний брат видеть не мог, но догадался.

– Потеряли мы братишку! – сказал он Оксане, вернувшись домой.

А дело-то оказалось не таким безнадежным.

У старшего сына Петра Степановича был давний знакомый, еще со студенческих лет, Даниил, странноватый немного. Учился в мединституте, чему его там учили мы, не будучи медиками, представляем довольно смутно, но знаем что он увлекался точными методами врачевания. Чуть его тронь – сразу начинал травить про всякий оккультизм, про лечение наложением рук,

гипнозом и прочие чудеса. Его пытались звать Данила, а он обязательно поправит: Даниил. Ну, за глаза все равно звали Данилой, даже еще с каким-то садистским сладострастием, как бы насмехаясь заодно над всеми его странностями.

Теперь он уже, конечно, был врач, говорили, неплохой, а все равно старший сын Петра Степановича считал его немного шарлатаном. Во время редких случайных встреч он довольно терпеливо выслушивал разглагольствования Даниила о трех стихиях, знаках Зодиака и прочем, иронические реплики допускал, но мягкие, все-таки чем-то Даниил ему нравился, наверно, своим идиотским энтузиазмом. А в общем – поговорили и разошлись, какой смысл спорить? Нововремя последней встречи, дело было во время первомайской демонстрации, когда они стояли на дальних подступах к площади Дзержинского, – самое подходящее время для трепа, он вдруг возьми и скажи, тоже, скорее, в виде иронической реплики:

– Ты, Даниил (чуть не сказал Данила), рассказываешь про всякие чудеса, а у меня вот братец спивается. Ты можешь его вылечить?

– Заранее сказать не могу, надо сперва на него посмотреть, понять его карму. Давно это у него?

При слове «карма» старший сын Петра Степановича внутренне поморщился, но стерпел. Слово за слово, договорились свести Даниила с младшим братом. Лучше, сказал Даниил, чтобы это был не визит к врачу, а как бы случайная встреча, ее и подстроили хитроумно на следующей неделе. К концу рабочего дня подъехали в Гастроном на Пушкинской, где работал грузчиком младший брат, как бы ненароком наткнулись на него, купив предварительно бутылку водки, и потом все вместе поехали к старшему брату.

Лида, жена старшего сына Петра Степановича, была предупреждена заранее, она притворно удивилась, увидев младшего брата, как если бы ожидала только Даниила, накрыла стол, и они просидели весь вечер, на протяжении которого старший сын Петра Степановича непрерывно проклинал себя за то, что связался с этим шарлатаном.

Как условились, они навели разговор на лечение алкоголизма, ожидали, что Даниил все же убедит младшего брата

попытаться пройти курс лечения. А Даниил, то ли забыл, то ли на него тоже водка подействовала, – старались же младшему брату меньше оставить, чтобы он снова не напился, – стал ругать это лечение.

– Это бесполезно, – говорил он. – Не смешите меня. А уж принудительное лечение – вообще кретинизм! Ничего они не вылечат, только еще больше здоровье загубят!

Младший брат поддерживал Даниила с некоторым даже знанием дела, они быстро спелись.

Старший сын Петра Степановича был просто возмущен, под конец не выдержал и язвительно спросил Даниила:

– И это все, что знает ваша медицина? Я вижу, вы ничего, кроме поноса, лечить не умеете. Что же ему теперь так и оставаться алкоголиком навсегда?

– Мы и понос лечить не умеем, – дружелюбно откликнулся Даниил, не вполне твердо выговаривая слова. – Медицина – это же не наука, как у вас, – все заранее рассчитал – и точно попал в ту точку, в какую целился. Кстати, кого ты имеешь в виду, когда говоришь об алкоголиках?

– Да вот, братца моего, – раздраженно кивнул старший сын Петра Степановича в сторону младшего брата. Надо было кончать бессмысленный разговор, он зря тратил время с этими двумя пропойцами. Шарлатан – он и есть шарлатан!

– А, ты о нем! – Даниил словно бы проснулся, повернул голову и уставился на младшего брата. – Но я не думаю, что у вас алкоголизм, у алкоголиков глаза не такие. Тут, возможно, какая-то другая интоксикация, это бывает. В таких случаях мы обычно можем помочь. У вас часто бывают судороги нижних конечностей?

Младший брат видел, что водки в бутылке осталось почти на доньшке, на одну рюмку, а рюмки у всех были пустые. Как сделать, чтобы этот остаток достался ему? Неожиданный и довольно нелепый вопрос Даниила застал его врасплох, но в то же время дал возможность, отвечая ему, как бы невзначай вылить себе в рюмку остатки водки.

– Что-то не замечал, – промямлил он, уже держа бутылку в руке.

– Странно, – задумчиво произнес Даниил. – Должны были бы быть. Надо сделать анализы. Если хотите, зайдите ко мне, я дам вам направление на анализы, вот бумажка с адресом и моим телефоном.

Понятно, что ни за какими направлениями младший сын к Даниилу не пошел, бумажку потерял или выбросил, но этот Даниил оказался удивительно настырным. У него и со старшим-то сыном Петра Степановича было почти что шапочное знакомство, а о младшем – и говорить нечего. Тем не менее он вскорости заявился к нему в его Гастроном, уже по приятельски, и сказал, что прочитал кое-что обнадеживающее о его случае. Это не алкоголизм, конечно, другая болезнь, какой-то синдром... Младший сын забыл название. Внешние проявления сходные, но, в отличие от алкоголизма, за лечение которого Даниил ни за что бы не взялся, эта болезнь лечится гипнозом. Может, и врут, конечно, но почему бы и не попытаться.

– Риск небольшой, а там глядишь – и вернешься на свои параллельные брусья. Вообще-то я такие вещи делаю за деньги, но с тебя я денег не возьму, у меня здесь научный интерес.

Он уже перешел на «ты» и вообще сумел расположить к себе младшего сына Петра Степановича и таки затащил его к себе на сеанс гипноза.

Петр Степанович ничего этого не знал, на выздоровление младшего сына уже почти не рассчитывал... Так, цепляясь за надежду, больше по привычке, потому в каждом письме и спрашивал: нет ли перемен? А какие могут быть перемены?

А тут приходит письмо от старшего сына, в котором тот сообщает, что ему утвердили тему докторской диссертации. Это Петра Степановича не удивило, он уже привык к научным успехам сына, у него в особой папочке лежали копии всех его статей, напечатанных в разных журналах, две даже были опубликованы в «Успехах физических наук», а одна – на английском языке. Все же известие было приятное, Люба обрадуется. И Кузьме Алексеевичу надо, при случае, рассказать: знай наших!

Петр Степанович перевернул лист, исписанный с двух сторон, а на второй стороне оказалась еще одна важная новость. Сын так и писал:

А еще важная новость, вот какая. Братец мой, кажется, бросил пить. Во всяком случае, приходил трезвый, побритый и говорил, что полностью завязал. Сейчас, будто бы, собрался уходить из магазина и ищет другую работу. Поживем – увидим. Я звонил Даниилу, помнишь, я тебе рассказывал про него, любитель восточной медицины, я его когда-то познакомил с братом. Спросил, не его ли это рук дело. Он смеется, говорит: от врача в таких делах мало что зависит, главное – пациент. Выздоровление же брата вроде бы подтверждает. Я его считал шарлатаном, а сейчас – не знаю.

Петр Степанович дождался возвращения с работы Любви Петровны и прочитал ей вслух все письмо от первой до последней строчки. Ни слова не сказав, она ушла на кухню и там заплакала.

Легко сказать, «ищет другую работу», а какую? В большом спорте младший сын Петра Степановича себя уже не видел, это понятно. Стать тренером или преподавателем физкультуры в школе? После всего, что произошло, этот путь для него был закрыт, во всяком случае, в Харькове. Вообще из Харькова надо было уезжать, здесь его слишком многие знали – и по прежней жизни, и по годам пьянства, начать новую жизнь в Харькове он не мог. Так ему казалось, на самом деле, к нему, может быть, и не так плохо относились, пытались помогать. Предложили какую-то административную должность на стадионе «Динамо», он пока там устроился, но считал, что временно.

Как-то у них на стадионе проходили большие всесоюзные соревнования по волейболу, ему не понравилось: слабо играли и вообще был какой-то базар. Он разозлился и написал об этом заметку в «Советский спорт». Написал раздраженно, зло и в то же время с юмором. Послал в газету, ни на что не рассчитывая. А потом пробегает «Советский спорт», проходя мимо газетной витрины на стадионе, а там на второй странице... Он почему-то считал, что ему должны что-то ответить, вступить с ним в переписку. А так – несерьезно даже. Он позвонил старшему брату, говорит: посмотри сегодняшний «Советский спорт» на второй странице... Потом побежал в киоск «Союзпечати», купил пять экземпляров газеты и один послал отцу: «Дорогие

папа и мама Люба, посмотрите эту газету на второй странице. Может быть, вам будет приятно...», и так далее.

Петру Степановичу как агроному тоже иногда случалось печататься в газетах, но только местных. К нему обращались. Ерунда, конечно, но Люба очень гордилась. А тут – центральная, «Советский спорт», надо же! Любовь Петровна перечитала заметку несколько раз, показала газету всем знакомым, подержала ее несколько дней на столике возле швейной машины, но, опасаясь за сохранность, отдала Петру Степановичу:

– Положи вместе со своими, целей будет.

Петр Степанович сначала взял было папку с научными статьями старшего сына, но потом передумал, достал большой серый конверт, в котором были собраны его собственные публикации в газетах, наскоро просмотрел их, поколебался немного – вырезать только статью сына или сохранить всю газету, – и, в конце концов, засунул в конверт всю газету, от чего конверт необычно вспух, обретя при этом солидность, какой у него прежде не было.

А младший сын Петра Степановича написал еще несколько заметок-репортажей, их каждый раз печатали. Он хорошо разбирался в разных видах спорта, не зря ведь оканчивал физкультурный институт. И, видно, старая тяга к литературе как-то сказалась. Спортивный репортаж, конечно, – не стихи, а, видать, стихотворные опыты тоже даром не прошли. Он сам удивлялся легкости своего пера. Нежданно-негаданно один чувак, знакомый еще со времен его тренерских поездок, предложил ему работу спортивного журналиста в Новосибирске, в тамошней газете. Ему даже обещали однокомнатную квартиру в Академгородке, правда, не сразу.

Далековато, конечно, но ведь это именно то, чего хотел в тот момент младший сын Петра Степановича. Он принял предложение, все уже было на мази. Он уволился со стадиона и приехал в Задонецк на три дня – попрощаться. Любовь Петровна никогда не отъезжала далеко от дома, да и не собиралась. Разве что в Кисловодске побывать – у нее была такая мечта, она об этом Кисловодске много слышала. Но Любовь Петровна знала, что в Сибири бывают большие холода, и все интересовалась, есть ли у младшего сына теплые вещи.

– Там нужно все меховое, – говорила она. – Оно лучше греет. У нее у самой было зимнее пальто с каракулевым воротником, она им очень дорожила.

Младший сын улетел на самолете, это тоже тревожило Любовь Петровну. Но потом от него пришло письмо из Новосибирска: долетел благополучно, уже начал работать, работа интересная, зарплата приличная... Любовь Петровна успокоилась и почувствовала незнакомое ей, необычное облегчение. Как будто она долгие годы выплачивала огромный долг, и вот внесла последний платеж и была, наконец, свободна. Они с Петром Степановичем даже стали подумывать, не съездить ли им и впрямь в этот Кисловодск. Но не пришлось.

XVI

Катя, первая жена Петра Степановича, мать его сыновей, была женщина хрупкая, быстро уставала, постоянно жаловалась, что ей холодно, куталась в платок, вообще была немножко не от мира сего. А Петру Степановичу тогда даже нравилось, что жена его не такая бойкая, как все эти канцелярские барышни, сейчас он уже и не помнил их всех, разве что – Марусю Карасик, и то запомнилась она ему больше своими редкими зубами. Уж какая она была бойкая, а, по слухам, так и не вышла замуж, женихов-то не хватало после гражданской войны. О Кате же ему хотелось заботиться, даже баловать ее, купить ей, например, то же крепдешиновое платье, мы, кажется, уже об этом говорили... Зато кто как не она оценит успехи Петра Степановича, когда он, наконец, их добьется... К сожалению, время было неподходящее, успехи все откладывались, и Кате все труднее было выдержать их неустроенную жизнь со всеми служебными неприятностями Петра Степановича, переездами с места на место, да просто нищету их тогдашнюю, скажем прямо. Надо ли удивляться, что, в конце концов, она заболела. Если б не война, может, и удалось бы ее вылечить, а так...

Любовь Петровна – совсем другое дело, ой-ой-ой какая женщина! Коня на скаку остановит! Здоровая, энергичная, все знает, член партии. Петр Степанович чувствовал себя за ней,

как за каменной стеной, а о том, что она может заболеть, у него и мыслей не было.

А оказалось, у нее рак!

Любовь Петровна тоже уже вышла на пенсию, больше не работала в больнице. Но, разумеется, ей там все сделали без очереди – все анализы, рентген, к терапевту она пошла самому лучшему, Сергею Львовичу (сыну покойного Льва Захаровича, царство ему небесное). Сергей Львович сразу заподозрил онкологию, дал направление в Харьков, в институт медицинской радиологии, на консультацию. Петр Степанович посмотрел на адрес – Пушкинская улица – у него сердце упало. Да это тот же самый Рентгенинститут, в который они ездили с Катей перед войной! Он вспомнил, как они ходили тогда по разным кабинетам, и это ощущение ожидания приговора, смешанного с надеждой. И эти белые кафельные плитки на полу, он так и представлял себе лабораторию, но тогда от них веяло таким холодом... Ему стало не по себе. Конечно, теперь лечат лучше, чем раньше, и войны нет, а рак есть рак.

Невестка Лида все разузнала заранее, встретила Любовь Петровну на вокзале, отвезла к себе, потом они вместе поехали на Пушкинскую. Шел мокрый снег, почти дождь, и Любовь Петровна боялась, как бы от этого не испортился каракуль на ее воротнике. Как медицинский работник она сразу увидела, что институт – учреждение серьезное, не то, что их районная больница. Оборудование новейшее, врачи – кандидаты и доктора наук. А когда ей сказали, что надо лечь на обследование, – расстроилась.

Она, правда, надеялась, что ложиться надо будет не сразу, ей сказали, что существует очередь, надо записаться, а когда очередь дойдет и появится свободное место, ей пришлют приглашение. Но старший сын Петра Степановича сказал, что все это – ерунда. Их институт тесно связан с Институтом медицинской радиологии по научной линии, он поговорил со своим директором, и тот устроил место Любове Петровне без очереди. Так что ждать пришлось недолго, всего дня три, Любовь Петровна успела только съездить в Задонецк взять необходимые вещи.

...Любовь Петровну хоронили ранней осенью, погода стояла прекрасная. Организацию похорон взяла на себя больница,

ведь Любовь Петровна проработала в ней столько лет. Пришло много сотрудников, привезли венки, Сергей Львович произнес речь, охарактеризовал покойницу очень хорошо. На кладбище и потом на поминках Петр Степанович держался молодцом, один раз только утер слезу, со стороны трудно было понять, о чем он думает.

Младший сын Петра Степановича не смог приехать, он в это время находился в Варне, освещал важные соревнования. Его в первый раз выпустили за границу, для него это очень много значило. Он даже в партию для этого специально вступил. А старший и средний были на похоронах. Вечером, после поминок, когда все разошлись, стали спрашивать отца, как он собирается жить дальше.

– Без Любы? – они сидели за столом, Петр Степанович взял пустой стакан, стал его вертеть в руках и ничего не говорил, ушел мыслями в себя. Потом очнулся. – Жить я уже не буду, буду доживать. Пока отсюда никуда не уеду, здесь дом, здесь хозяйство. Если доживу до того, что не смогу себя обслуживать, определите меня в богадельню.

Братья переглянулись.

– Ну, при трех-то сыновьях можно и без богадельни обойтись, – возразил старший.

– Это я так сказал, на крайний случай. Надеюсь, что я до такого состояния не доживу, помру раньше.

– Ну, может, ты хоть погостить приедешь, – предложил средний сын. Первое время тебе тяжело будет одному,

– Позже, может быть, и приеду. А сейчас картошку нужно копать, огradкой заняться. Сейчас не могу уехать.

XVII

Теперь Петр Степанович жил в своем доме один, сыновья – старший и средний – время от времени навещали его, а потом делились впечатлениями с братьями. Пока, тьфу-тьфу, у отца все было в порядке. Старость, конечно, – не радость, но Петр Степанович был тот еще желудь!

Побывав у отца, средний брат писал старшему:

У папы все благополучно. Раздобыл где-то щенка неизвестной породы, говорит, что из него вырастет хороший караульщик, да и ему будет не так одиноко. Присвоил ему оригинальное имя Полкан, сейчас сооружает для него конуру. Встреча наша проходила по той же программе. Говорили о большом и малом, о формологии и т.д. Уезжать от папы как-то больно. А насчет собаки он, пожалуй, прав.

Зря, зря он так писал о Петре Степановиче. Вроде бы сочувственно, а о той же формологии отзывается едва ли не с пренебрежением. Обидно, конечно, за Петра Степановича, хотя самого его давно уже не удивляла несоразмерность людских понятий космическим масштабам его мировидения.

– Ты хоть сообрази, – не в первый раз уже втолковывал он среднему сыну. – Люди летят вместе с Землей вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду, но над этим никто и не задумывается! Люди утром просыпаются, наскоро завтракают и уходят или уезжают на работу, захватив с собою сумочку с провизией, чтобы между двенадцатью и часом еще раз позавтракать. Между четырьмя и пятью часами вечера возвращаются домой, обедают, отдыхают. Проходят сутки, а человек даже и не вспомнит, что за прошедшие 24 часа он пролетел по орбите вокруг Солнца два миллиона пятьсот девяносто две тыщи километров. Да человек ведь Землей еще возится вокруг своей оси...

– Ну и что из этого? – недоумевал сын, думая, наверно, о своей козе Верке.

– А то, что материя без движения существовать не может, без движения не было бы форм, не было бы и такой мыслящей формы, как человек. Давно пора создать науку о движении, и назвать ее надо «Формология». А такие науки, как морфология или кристаллография можно считать дочерьми матери-формологии.

– И чем она должна заниматься, эта царь-наука?

– Как чем? Разнообразием форм, бесконечным разнообразием форм. Вот, например, все люди – разные. А почему? Потому что их сознание, мышление и память подчиняются закону бесконечного разнообразия форм. Сознание, мышление и память – триумвират субъекта, а каждое из этих трех слов можно

назвать триумвиром. Эти триумвиры в разной степени развиты у живых существ, у людей, обезьян, собак, кошек и так далее. Но неодинаковые сознание, мышление и память имеют и люди. По отпечатку пальцев опознают людей; в письме у каждого – свой почерк. На базаре ребенок затерял мать, ищет ее, присматривается ко всем женщинам, но все они – не его мать. Наконец, нашел – по ее «почерку». Идешь ты по шумной улице, присматриваешься к людям, но все они тебе незнакомы. И вдруг среди этой массы людей к тебе пробивается твой родной Иван Петрович! Как не существует одинаковых почерков, поведения, манер, так не существует одинаковых сознаний, мышлений и памяти, у каждого человека они имеют «свой почерк»...

Средний сын Петра Степановича уехал в свой Краматорск, а Петр Степанович... Не хотелось нам раньше времени раскрывать дальнейшие планы Петра Степановича, но чувствуем, что без этого страдает полнота его жизнеописания, и вынуждены поэтому хоть в какой-то степени приоткрыть завесу таинственности.

Дело в том, что Петр Степанович давно уже работал над большой рукописью натурфилософского плана. Уроки жизни не прошли даром, научили Петра Степановича большей скромности. Он со снисходительной улыбкой вспоминал название своего первого, правда, не состоявшегося сочинения: «В омуте жизненной лжи». «Гипотетические заметки дилетанта» – вот как скромно назывался его теперешний труд, да еще в скобках было приписано, тоже, наверно, для скромности: «Черновик». И слава, о которой он когда-то мечтал, была теперь для него звук пустой, Петр Степанович очень уместно подчеркивал это, цитируя, как ему казалось, правда, ошибочно, поэта Батюшкова:

Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.*

Но смирение паче гордости. Петр Степанович был не из робких, и, начиная, понятное дело, с вопроса о смысле жизни,

* Нам кажется, что это – стихи Пушкина, хотя, конечно, и мы можем ошибаться.

он и великих ставил на место, если требовалось. К тому же уроки жизни каким-то образом вооружили Петра Степановича знанием диалектического материализма, которого ему так недоставало в молодости. Так что теперь он чувствовал себя на коне.

Жил на свете писатель Леонид Николаевич Андреев, – записывал Петр Степанович. – Он пил водку запоем и в 1919 году умер от разрыва сердца. Так этот писатель о цели жизни говорил так: «Смысл, смысл жизни, где он? Бога я не приму, пока не одурею. Человек? Конечно, и красиво, и гордо, и внушительно, – но конец где? Стремление ради стремления – так это верхом можно поехать для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ – ложь. Остается бунтовать – пока бунтуется, да пить чай с абрикосовым вареньем».

Леонид Андреев в свое время был в большом почете, но видите, как он пессимистично смотрел на жизнь. А с точки зрения диалектического материализма, на смысл и цель жизни можно смотреть так: для природы безразлично – живете вы или не живете, страдаете вы или веселитесь, но для самих людей это не безразлично. Блохи, куры, кошки, лошади и не подозревают, что они родились, что они умрут, но в человеке сознание получило такое развитие, что он может философствовать, задумываться и даже сам себе задавать вопрос: «А зачем я живу?»

Дети, отроки и даже юноши совсем не задумываются или мало задумываются над вопросами цели и смысла жизни, мысли об этом чаще приходят уже в стариковском возрасте. Некоторые пенсионеры, оформившись на пенсию, говорят: «В беседе записали в очередь на тот свет». В стариковском возрасте люди часто остаются в одиночестве: дети устроились и разъехались по работам. Это еще ничего, если живы старик и старуха, но в таком возрасте очень часто он или она остаются без своей пары, и тогда чаще всего приходят мысли о конце жизни. Здесь уже нужно к этому вопросу относиться старикам по-философски. Смерть – неизбежный факт для каждого из нас, и приходится (где же заденешься!) быть «философом ленивым», чтобы хоть немного «уравновесить» свои горькие мысли. Раз ты родился, так не вешаться же из-за того, что рано или поздно умрешь!

Лев Толстой мыслил метафизически и «домыслился» до такой наивности. «Доказательство бессмертия души есть существование. Все умирают, скажут мне. Нет, все изменяется, эти изменения мы называем смертью, но ничего не исчезает. Сущность всякого существа – материя – остается. Проведем параллель с душой. Сущность души есть самосознание. Душа может измениться со смертью, но самосознание, т.е. душа, не умрет». Удивляешься, что Толстой так примитивно и наивно «философствовал».

Душа – это мерка, выработанная религиями в целях «изменения» и определения качеств человеческих поступков. Умирает человек – прекращаются и все его взаимоотношения с людьми, с которыми он, будучи живым, находился в тесных деловых связях в целях обоюдных выгод. Если принять во внимание, что каждый человек – не только в своем облике, но и в поведении, в поступках – имеет «свой почерк», то возникает необходимость сравнивать взаимоотношения людей друг с другом, и естественно, что появилась в народе мерка, которую назвали душой: добрая душа, человек без души, черствая душа, мелкая душонка и т.п.

Религии, пользуясь наивностью людей, постепенно человека и его существо «раздвоили»: тело само собою, а душа – сама собою. Если человек умирает, то душа будто бы покидает тело, куда-то там возносится и предстает перед богом (или перед богами), чтобы ответить за поведение и поступки тела, в котором душа пребывала в качестве не то коменданта, не то полновластного хозяина. Да никуда она не улетает, ни перед кем отчитываться не будет, ибо нечему там было улетать! Душа беспредметна, нематериальна, умер человек – умерло его поведение, умерла мораль, т.е. его душа.

В грамматике есть слова, относящиеся к именам существительным, которые, собственно говоря, являются прилагательными, так как они определяют, скорее, качество, нежели существо: душа, талант, красота, неприязнь, строгость, ум, пошлость... Если вы умерли, то лопата, лошадь, стол, очки, которые вам принадлежали, остаются, чем и были. А душа, талант, красота, пошлость – уходят вместе с вами, так как, хотя они и называются именами существительными, но они – имена символические. А в общем, не стоит забираться в дебри филологии, а то еще и не выпутаешься.

Извините, что мы так долго цитировали, но мысли же интереснейшие!

XVIII

Петр Степанович не зря много размышлял в своем трактате о смысле жизни – и глубоко размышлял, правильно размышлял, в диалектическом ключе, а не в метафизическом, как Лев Толстой. Поэтому он пришел и к правильным выводам. Как истинный натурфилософ он понимал: чтобы ответить на вопрос о цели жизни, надо все-таки иметь, как он писал, *если не понятие, то хотя бы представление о жизни вообще*. Правда, сейчас, – не скрывал Петр Степанович, – в высших учебных заведениях и в техникумах проходят диалектический материализм, так что можно о нем иметь представления довольно солидные. *Но чтобы получить понятие о жизни флоры и фауны (мы снова цитируем), – то здесь уже нельзя ограничиться только диалектическим материализмом, а надо окунуться в физико-химические науки, сдобренные анатомиями, физиологиями и другими биологическими дисциплинами. Ведь только тогда можно говорить о Цели Жизни Человека, когда вы будете понимать существование жизни, то есть изучите материю, из которой возникли живые существа флоры и фауны.*

Не иначе, как изучение флоры и фауны заставило Петра Степановича в корне пересмотреть свое прежнее мирозерцание, с каковым мы имели счастливую возможность ознакомиться в первой части нашего повествования, и связать смысл жизни с достижением «я» человеческого сознания, мышления, памяти и воли в расцвете прогрессивного развития. Флора и фауна подсказали и наилучшие политические формы, приближающие нас к желанному «апогею», хотя воспользоваться ими мы, пожалуй что, еще не вполне готовы. Получили развитие и его мысли о Всемирном правительстве.

На сегодняшний день – надо отметить откровенно – человек еще далек от «апогея», – самокритично утверждал Петр Степанович, – человеку до апогея «лететь» придется долговато. Заметно, что мутации появляются все новые и новые, и особенно

большой скачок в «человеческой селекции» произошел после 1917 года, то есть после Октябрьской революции. За 50 лет в человеческом роду произошел большой сдвиг в сознании, мышлении, памяти и воле. Но все же, по всей видимости, их «апогея» человек достигнет лишь тогда, когда Земной шар будет находиться под руководством единого центрального управления и планирования, Общеземельного правительства и обязательно социалистического типа.

Таким был вкратце в высшей степени оригинальный эскиз будущего мирового устройства, продуманный Петром Степановичем до многих деталей.

Петр Степанович, поверьте, не склонен был преуменьшать трудности в виде капитализма, не говоря уже о его высшей стадии – империализме, стоявшие на пути достижения «апогея». Мы же знаем, мы читали труд Петра Степановича! Некоторыми тормозами он считал также появление культов личности, когда хорошие идеи искажаются, и возникает тормоз в прогрессе не только в одной стране, но и на всей Земле. Но все это не мешало Петру Степановичу оставаться оптимистом и видеть приближение того времени, когда на Земле будет создано единое социалистическое управление, с сохранением национальных республик – по типу нашего СССР. Тогда, – заверял Петр Степанович, – *Англии нечего будет шнырять по всяким там Сингапурам, Австралиям, Родезиям, Канадам; перестанут заниматься политическим бандитизмом и США...*

Умудренный личным опытом, Петр Степанович, желая всем добра, никому не желал вреда. Единый социалистический строй на Земле, заверял он, вовсе не значит, что англичанам или американцам тогда будет хуже жить, чем сейчас, притом, что всем остальным станет лучше. Он не держал зла даже против всяких там Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов и других Фордов. Конечно, сейчас можно смело сказать, что они безумно прожигают свою жизнь, оставаясь рабами в зубах капиталистических бирж, постоянно должны быть озабочены состоянием акций, а иной раз и ломать голову о том, чтобы отправить любимую кошечку на курорт в Италию.

Но Петр Степанович не мог понять этой глупой жизни.

– Зачем человеку иметь «собственный» миллион долларов, «собственный» миллиард долларов? Зачем семье в шесть человек иметь дом в 77 комнат? – допытывался как-то Петр Степанович в разговоре со своим старшим сыном. Вразумительного ответа он так и не получил.

Если же реализуется замысел Петра Степановича, то все эти Ротшильды, Морганы и другие Форды будут избавлены, освобождены от глупой жизни в болотах своих собственных капиталов. Тогда они сами с радостью перестанут планировать свое производство не с точки зрения благополучия и гармонии человеческой жизни, а только думая о том, как бы сесть на шею рабочего класса и побольше с него выжать прибыли. Это же и ему ясно! – пожимал плечами Петр Степанович.

Петр Степанович сознавал, конечно, что у диких капиталистических порядков, все еще существующих на Земле, есть и немало защитников, и его это не удивляло, ибо, с точки зрения формологии, могут и даже должны существовать самые разные формы сознания и мышления. Но как эволюционист Петр Степанович понимал и прямо об этом писал: *такие сознание и мышление, какие имеют муссолини, гитлеры, аденауэры, джонсоны, голдуотеры и иже с ними, очевидно, приречены на вымирание и скоро выведутся.*

– Умри, Денис! – подумал Петр Степанович, перечитав только что написанную главку «Заметок дилетанта», и поставил жирную точку.

XIX

Трактат Петра Степановича продвигался не очень быстро, он все время вынужден был отвлекаться на разные хозяйственные и прочие дела, да и переписка с сыновьями отбирала немало времени. Она тоже носила отчасти деловой характер. Ну вот, например.

Когда-то давно, задолго до войны, в ту пору, когда Петр Степанович постоянно менял места службы, переезжая из одного районного центра в другой, в одном из них он внес в сберкаассу деньги на имя своих, тогда еще двоих, малолетних детей. С тех

пор он их и не трогал, иногда только думал: интересно, сколько процентов набежало – за тридцать с лишним лет?

Петр Степанович и сейчас не собирался снимать эти деньги с книжки, но, выйдя на пенсию, решил перевести их поближе к детям: мало ли что может случиться, потом езжай, разыскивай их в этом Золочеве, где ни одного знакомого уже не осталось. Стал узнавать, как это сделать, оказывается надо послать заявление в Москву. Послал и через некоторое время получил ответ – ну, просто обухом по голове! Не ожидал Петр Степанович такого, не ожидал... Он не то чтобы жаловался, когда писал об этом старшему сыну, ему надо было отвести душу.

В 1928 году я вложил в Золочевскую сберкассу вклад 25 руб. на твоё имя, и 25 руб. на имя твоего брата. Недавно, проконсультировавшись с заведующей нашей сберкассой, написал просьбу Главному управлению гострудсберкасс и госкредита СССР (в Москву), чтобы эти 50 руб. с набевшими процентами перевели на твоё и на его имя соответственно в Харьковскую и Краматорскую сберкассы. 24 февраля получил отказ: «Поскольку в указанной вами сберегательной кассе, по обстоятельствам военного времени, не сохранились необходимые документы по довоенным вкладам, удовлетворить Вашу просьбу о выдаче довоенного вклада не представляется возможным».

Я написал письмо в «Правду» о том, что присланный мне отказ юридически не обоснован. Он, может, имел бы смысл, если бы 1 февраля 1928 года, когда я делал вклад, была не советская власть, а, скажем, старый строй. Но ведь в 1928 году мы все праздновали 11-летие Октября!

Я должен был бы получить не отказ в переоформлении вклада, а благодарность за то, что предоставил государству возможность пользоваться в оборотах моими деньгами (38 лет!). Но, оказывается, так как сберкассовская документация у них не сохранилась, то и мои сберкнижки, из которых видно, что деньги в Золочевскую кассу на сбережение внесены, я могу выбросить.

Выходит, нам, гражданам СССР, нельзя хранить деньги в государственных кассах вообще: вдруг сгорит вместе со своими документами какая-нибудь Золочевская или Валковская сберкасса, а когда вы предъявите свои сберкнижки, вам откажут в выдаче

денег, хотя деньги-то не сгорели, они ведь не лежали в этой сгоревшей сберкассе, а давно уже были где-то в банковских оборотах.

«Правда» уведомила меня, что мое письмо она отправила в Госбанк СССР, откуда я и получу ответ. Но ответ получен не из Госбанка, а от того же Госуправления трудовых сберкасс и госкредита СССР, и в нем снова сообщается, что вернуть мне мои вклады «на основании одних лишь сберегательных книжек не представляется возможным». Я бы, будучи на месте этого Управления, дописал бы еще: «Больше и не гавкайте! Подумаешь, документ – сберкнижка!».

Если тебе приходится встречаться с юриконсультантом вашего института, или в другом каком-нибудь месте, – спроси этих юристов: правилен ли, с точки зрения юридической, полученный мною отказ. Может быть, мне надо написать воззвание к вкладчикам денег на хранение в госсберкассах, чтобы они немедленно выбрали свои вклады, имея в виду, что сберкнижки не являются юридическим документом, подтверждающим, что ты внес деньги в сберкассу? Меня, как ты понимаешь, не так интересуют эти 50 рублей, как сам принцип.

Как твоё здоровье? Я здоров. Ехать к вам пока не собираюсь, так как буду заниматься огородо-садоводством. Уже посеял морковь, редис, и после XXIII съезда посажу лук, начну садить картофель, открывать виноград.

А ты ко мне приезжай, но делай это не с позиций «жалости», а из соображений «хотения», если такое появится. Также и письма, – пиши только тогда, когда будет желание, но не с позиций что мол, «давно уже не писал и неловко».

Хотел написать «папа», а подписался нечаянно фамилией – чертова привычка писать в разные учреждения!

XX

С некоторых пор средний сын Петра Степановича стал писать письма – и отцу, и братьям – по-украински. Но не всегда. То по-украински напишет, то по-русски. Это мешало Петру Степановичу выработать позицию. Он, конечно, был не против украинского языка и сам нередко пользовался им в повседневной, так сказать, жизни. Язык он знал хорошо, с Грищенко всегда

переписывался по-украински, и был даже в его биографии краткий период, когда, вознамерившись сделаться великим писателем, он всерьез подумывал о том, чтобы стать именно великим украинским писателем. В какой-то момент своих рассуждений он пришел к выводу, что в этом случае у него будет меньше конкурентов. Но в другой момент рассуждений он посчитал, что величие украинского писателя, даже, например, Михайлы Коцюбинского, все-таки не идет в сравнение с величием Льва Толстого, а на меньшее Петр Степанович, в те поры страшный максималист, не был согласен. Поэтому он возвратился к русскому языку и писал всегда только по-русски, если же обнаруживал в написанном залетевшие туда из его устной речи украинизмы (это случалось), безжалостно их вычищал.

Если бы средний сын Петра Степановича сейчас стал писать ему только по-украински, Петр Степанович мог бы усмотреть в этом какой-нибудь намек или вызов, дескать, что же это ты, папа, от своего родного языка отказываешься, счесть себя обиженным, и вообще было бы о чем поразмыслить, особенно такому мыслящему человеку, как Петр Степанович. Но средний сын Петра Степановича не давал для этого повода. Напишет пару писем по-украински, а потом – хлоп, опять по-русски. Ну что тут скажешь?! Сказать пиши только по-украински, если сам пишешь по-русски, было бы странно. Сказать наоборот – еще страннее. Петр Степанович был сбит с толку и – редкий случай – ничего не сказал.

Была, возможно, и еще одна причина, которая мешала Петру Степановичу обдумать этот вопрос до конца. Получая от сына написанные по-украински письма, он каждый раз невольно думал о влиянии, которое оказал на его среднего сына украинофил Грищенко, и это его смущало. Хоть он и был в самых добрых отношениях с покойным мужем своей сестры, во взглядах они часто расходились. И конечно, был уверен Петр Степанович, во всех этих случаях прав был он, а не Грищенко, склонный к поспешным, эмоциональным суждениям. Но теперь спорить было не с кем, в свое время Грищенко не перенес ареста среднего сына Петра Степановича, которого он любил, как своего собственного, умер от разрыва сердца, сделал это вместо него, родного отца... Не то, чтобы у Петра

Степановича так уж все было разложено по полочкам, нет, скорее, напротив, здесь мысль его наталкивалась на какой-то запрет, что-то не додумывалось и так и оставалось недодуманным.

По-русски ли, по-украински ли, средний сын писал Петру Степановичу обстоятельные письма со всякими подробностями своей жизни, о которой поэтому Петр Степанович знал намного больше, чем о жизни других своих сыновей. Эти письма сына сильно влияли на настроение Петра Степановича.

Средний сын уже не преподавал в техникуме, он перешел в Донбассводтрест, где ему предложили лучшие условия, да и работа была интереснее. Он рассказывал о ней в письмах, нередко подвергая испытанию общественный темперамент Петра Степановича.

Я работаю на прежней работе, но загрузка заметно нарастает. Заканчивается ремонт насосных агрегатов, идет много грузов на новые насосные станции, приходится принимать работы по каналу от подрядчиков, составлять дефектные акты да еще проводить занятия по «экономическим знаниям» и гражданской обороне. Собираемся пускать новые насосные станции, а они пока изобилуют недоделками и изъянами. Со стен каплет, и течет местами вода в подземных этажах. Устраняем утечки на новых напорных трубопроводах.

И при этом преодолевают нагрузки по оказанию помощи колхозам. Мы вырываем и чистим кормовую свеклу. Предстоит еще уборка кукурузы и капусты плюс гектара 3 веников – это по ширпотребу. На прошлой неделе мы только один день работали на производство.

Столь нерациональное использование труда инженеров Петра Степановича возмущало, и он даже подумывал, не написать ли об этом в «Правду». Что же они не понимают, что заставлять специалиста с высшим образованием убирать веники – это все равно, что забивать гвозди фотоаппаратом!?

В конце письма – другая тема, и снова повод для размышлений.

Тетя Галя акуратно мне пишет. Прислала книжечку о дяде Васе и фотографию, на которой есть его сын. Где он теперь?

В самом деле, где он теперь? Живет, кажется, в Ленинграде, но надо бы уточнить. Когда брата Василия расстреляли, его жену Шуру посадили на 10 лет, а сына Велорика отдали в детдом. Шура отсидела 10 лет, разыскала сына, сестра Галя с нею переписывалась, от нее он знал, что теперь Шуры уже нет в живых, Петр Степанович так с ней и не повидался. Конечно, он всегда жил своей отдельной жизнью, с братом общался мало. Но в трудную-то минуту тот его выручил, и Шура помогла тогда. Помнится, Галя писала, что Велорик защитил кандидатскую диссертацию. Надо расспросить ее поподробнее и ответить сыну.

А ведь была еще Таня, дочка Алексея, проходившего по процессу Промпартии. Тогда жен не сажали, да Алексей, кажется, и не был расписан со своей Верой, в 20-е годы этому не придавали значения. Когда его осудили, Вера уехала к родителям в Нижний, ее отец был там известный врач, профессор. Веру не трогали, она потом второй раз вышла замуж, а Таня кончила медицинский институт и тоже уже была кандидатом наук. От Петра Степановича все это было далеко, а Грищенко переписывались с Верой и до войны, и потом, главные новости Галя сообщала и Петру Степановичу. Наверняка она говорила или писала об этом и среднему сыну Петра Степановича.

Следующее письмо от него было по-украински.

У нас дома зараз відносно все гаразд. Деякий час тому ми завели в сараї звірків нутрій. У цих звірків коштовне хутро, і їх м'ясо можна їсти. Практичний пожиток з цих звірків буде на наступну осінь, зараз з ними тільки морока. Спочатку у нас було цих звірків 8 штук. Тепер їх, разом з малятами, понад 50, і я зі страхом дивлюсь, як тануть заготовані для них харчі. Але спостерігати їх цікаво.

Коли ввечері або вранці я підхожу до вольєру, то вони, зібравшись, чекають мене. Коли я нахиляюсь, щоб поставити додолу коритця, вони дружно хватають їх своїми руками і тягнуть до землі. Вони дуже діяльні. Всякі переміни у вольєрі їх дуже цікавлять.

Коли я причепив хвіртку, щоб розділити вольєр надвоє, то вони цілу годину возилися біля неї відкриваючи, та закриваючи. Бувають забавні сценки. Наприклад, заповнюючи водою нове корито, я добавив до короткуватого шланга ще кусок, обв'язавши місце з'єднання шлангів ганчіркою. Стара нутрія, яку ми зовемо Кусучою, розв'язала цю ганчірку, і вода полилась додола, а Кусуча стала мити свої руки в струмі. Я розсердився і знову почав з'єднувати шланги, а Кусуча сиділа рядом і погрозово скрипіла зубами за те, що я припинив воду. Ось ще видовище. Внизу вольєра із-за постійних дощів з'явилося болото. До нього підходить молода нутрія, занурює в це маслянисте місиво голову, і скоро поверх залишається довгий хвіст, який теж потім зник. Звичайно вона вилізла з другого краю болітця дуже брудна. Але, зробивши кілька кроків, вона обтрусилась і знову стала чистою, яскраво жовтою, як і була. Деякі нутряки, невідомо якими шляхами, вилазять з вольєру. Через город є протоптані стежки в другі двори. Але ввечері та ранком я налічую повну кількість звірят.

Нутрії забирають багато часу, але все ж іноді трохи читаю англійською мовою. Ця мова починає мені подобатись більш по мірі більшого її розуміння.*

* У нас дома сейчас относительно все в порядке. Не так давно мы завели в сарае зверьков – нутрий. У этих зверьков ценный мех, а их мясо съедобно. Практическая польза от этих зверьков будет на следующую осень, сейчас с ними только морока. Сначала этих зверьков у нас было 8 штук. Теперь их, вместе с детенышами, более 50, и я со страхом смотрю, как тает заготовленный для них корм. Но наблюдать за ними интересно.

Когда вечером или утром я подхожу к вольеру, то они, собравшись, ждут меня. Когда я наклоняюсь, чтобы поставить на землю корытца, они дружно хватают их своими руками и тянут к земле. Они очень деятельны. Всякие перемены в вольере их очень интересуют. Когда я навесил дверцу, чтобы разделить вольер надвое, они целый час возились возле нее, открывая и закрывая. Бывают забавные сценки. Например, заполняя водой новое корыто, я добавил к короткуватому шлангу еще кусок, обвязав место соединения шлангов тряпкой. Старая нутрия, которую мы зовем Кусучей, развязала эту тряпку, и вода хлынула вниз, а Кусучая стала мыть под струей свои руки. Я рассердился и снова начал соединять шланги, а Кусучая сидела рядом и угрожающе скрипела зубами из-за того, что я перекрыл воду. Вот еще картинка. Внизу вольєра из-за постоянных дождей образовалось болото. К нему подходит молодая нутрия, ныряет в это маслянистое месиво головой, и скоро на поверхности остается длинный хвост, который тоже потом

Идея разводить нутрий Петру Степановичу показалась разумной, он даже хотел дать сыну какой-нибудь профессиональный совет, стал вспоминать свою забытую уже деятельность в разных хозяйствах. Но он не был уверен, что его давний опыт работы с крупным рогатым скотом будет так уж полезен при разведении нутрий, и решил повременить с советами. Зато он полностью одобрил занятия английским языком, потому что, как он написал в ответном письме, «для дипломатического и научного общения немецкий и французский языки сейчас не так важны, как во времена моей молодости, сейчас самый главный – английский язык». В каком из этих двух видов общения английский язык понадобится его среднему сыну, Петр Степанович не уточнял.

Иногда сын писал что-нибудь такое, от чего приходилось морщиться.

Я нахожусь на работе с утра и до 6-8 часов вечера. Приходится работать и по выходным. Оба новых агрегата, включенные в работу, вышли со строя, один минут через 15, а второй через час. Сейчас мы своими силами ремонтируем эти агрегаты без выходных с тем, чтобы их до Нового года включить снова.

– Как же можно работать без выходных! – возмущался Петр Степанович. – У нас совершенно не думают о здоровье людей. Агрегаты выходят со строя через 15 минут, так их срочно лечат, а люди месяцами не имеют выходных, и никто не боится, что они тоже могут выйти со строя!

Зная подробности жизни среднего сына, Петр Степанович следил за тем, чтобы ни одна из них от него не ускользнула,

исчез. Само собой, что она вылезла на противоположный берег болотца очень грязной. Но, сделав несколько шагов, она отряхнулась и снова стала чистой, ярко-желтой, как и была. Некоторые нутряки, неизвестно какими путями, вылезают из вольера. Через огород ведут протоптанные тропинки в другие дворы. Но вечером и утром я насчитываю полный комплект зверьков. Нутрии отнимают много времени, но все же иногда немного читаю по-английски. Этот язык начинает мне все больше нравиться по мере большего его понимания. (укр.)

напоминал об упущенной информации – сын относился к этому с пониманием.

Ти питаєш, чому я нічого не написав про моє відрядження до Києва. Київ нічим мене не здивував. Українська мова чується дуже рідко. На вокзалі оголошення робляться двома мовами: російською і скаліченою – українською. Наприклад, я не зразу збагнув суть, коли почув таке: «Поезд Ивано-Франковськ – Москва прибуває на третю колію». Наголос зроблено на і.

В наступному місяці вже займуся своїми зубами. Зуби псу-ються, але в стоматологічній поліклініці не записують на чергу на протези, тому що, мовлять, зараз уже записано більше людей, ніж потужність лікарні може обслужити.

Наталка, перебуваючи в Москві, згаяла весь час на покупки взуття. Вона купила чоботи собі та матері. Додому поверну-лася в поганому настрої: каже, що за час подорожі в Москву вона не відпочила.

Послав до редакції статтю, в якій пропоную запровадити скрізь, де є вертикальні агрегати, як у нас, придуманий мною при-стрій для перевірки концентричності вала насоса з робочим колесом перед тим, як опустити це робоче колесо в гніздо. Це заощаджує багато часу і праці. Цей пристрій виявиться простим, зручним в користуванні і дуже точним. На базі цього пристрою в мене з'явилась ідея пристрою для перевірки залому спарених валів двигуна та насосу. Цей другий пристрій вже зроблено в майстерні. Якщо при перевірці збудуться мої надії, я його теж запропоную через редакцію.

*Тепер розділ про нутрій...**

* Ты спрашиваешь, почему я ничего не написал о моей командировке в Киев. Киев ничем меня не удивил. Украинский язык слышится редко. На вокзале объявления делаются на двух языках: русском и искаленном украинском. Например, я не сразу понял смысл, когда услышал следующее: «Поезд Ивано-Франковск – Москва прибывает на третий путь». Ударение [в слове колію] сделано на і.

В следующем месяце займусь, наконец, своими зубами. Зубы портятся, но в стоматологической поликлинике не записывают в очередь на протезы, потому что, говорят, сейчас уже записано больше людей, чем позволяет об-служить пропускная способность больницы.

Петр Степанович несколько раз перечитал эту часть письма, пытаясь понять, что такое вертикальный агрегат, не понял, но спрашивать не стал, а лишь выразил в ответном письме одобрение тому, что средний сын занялся изобретательством. Конечно, писал он, у них в роду больше была развита склонность к абстрактному мышлению (он имел в виду в основном себя и старшего сына), а на среднего сына, видимо, повлиял, как и во многом другом, инженер Грищенко. Но технические изобретения тоже важны в наше время, признавал Петр Степанович, и интересовался, получит ли средний сын патент на свое изобретение.

Кстати, и раздел о нутриях не был лишен интереса.

*Багато з них повиростали, – писал средний сын, – і настав час здирати з них шкури. Але наші життєві справи так складаються, що я не маю часу це зробити. Крім цього сильно страдає моя психіка. Дуже нелегко мені лишати життя цих повних життя, красивих і довірливих звірків.**

– Для чего же было заводить? – удивлялся Петр Степанович. – Что же, он думал, что будет их стричь, как овец, не лишая жизни?

Наталка, будучи в Москве, убила все время на покупку обуви. Она купила сапоги себе и матери. Домой вернулась в плохом настроении: говорит, что за время поездки в Москву не отдохнула.

Послал в редакцию статью, в которой предлагаю внедрить везде, где есть вертикальные агрегаты, как у нас, придуманное мною устройство для проверки концентричности вала насоса с рабочим колесом перед тем, как опустить рабочее колесо в гнездо. Это экономит много времени и труда. Это устройство будет простым, удобным в пользовании и очень точным. На базе этого устройства у меня появилась идея устройства для проверки залома спаренных валов двигателя и насоса. Этот второе устройство уже сделано в мастерской. Если при проверке мои надежды оправдаются, я его тоже предложу через редакцию.

Теперь раздел о нутриях...

* Многие из них выросли, и пора сдирать с них шкуру. Но наши жизненные дела так складываются, что у меня нет времени этим заняться. Кроме того, сильно страдает моя психика. Очень нелегко мне лишать жизни этих полных жизни, красивых и доверчивых зверьков. (укр.)

XXI

Особое значение Петр Степанович придавал переписке с младшим сыном. Во-первых, они реже виделись, Новосибирск все-таки – не ближний свет, так просто не съездишь повидаться. А во-вторых, хоть и много воды утекло с тех пор, а все не мог забыть Петр Степанович давнего пьяного срыва младшего сына и вообще его непонятного поведения. Никак не мог избавиться от опасений, что, оказавшись вдали от родительского дома, младший сын снова начнет куролесить, опять потянется к «зеленому змию», да мало ли что с ним может приключиться... Петр Степанович тщательно продумывал свои письма младшему сыну, не жалел на них времени, иногда разворачивал их в целые новеллы. Жизнь давала для этого достаточно материала, он лишь немного обрабатывал его в нужном направлении.

Приведем для примера один случай, предупредив читателя, что наше описание – это лишь реконструкция событий, хотя и основанная на достоверных источниках. Кроме того, мы сообщаем, что не можем употребить здесь всех слов, каких требует реалистическое отображение действительности, и вынуждены ограничиться лишь легким намеком на них, рассчитывая, на то, что те, кто знает эти слова, догадаются и по намеку, а кто не знает, спросят у тех, кто знает.

Петр Степанович давно планировал навестить Елену Порфирьевну, давнюю подругу Любви Петровны, ждал только когда потеплеет. Елена Порфирьевна всю зиму болела, но она жила с дочкой в соседнем поселке, добираться туда было не очень удобно, особенно в зимнее время. Вы же знаете наши дороги! Наконец, установилась прекрасная весенняя погода, и Петр Степанович отправился в путь. Он сидел в ожидании автобуса на остановке возле церкви в компании двух стариков, пожилой женщины с четырехлетней девочкой и еще трех или четырех подростков. Рядом стояла сумка с гостинцем – двумя литровыми банками смородинового варенья, теплый ветерок дул с полей, обвевая лицо родными запахами просыпавшейся земли. Петр Степанович блаженствовал.

До прихода автобуса оставалось минут пять, когда к остановке подошли еще два человека – мужчины лет по 30-35. Один –

хорошо одетый, видно, начальник, в дорогом пальто, в шляпе и при галстукe. Второй – попроще: в поношенной кепке, в брюках-галифе и кирзовых сапогах. Они громко разговаривали между собой, впрочем, слышно было одного начальника, собеседник ему только поддакивал.

– Да пошел он на х...! – говорил начальник красивым интеллигентным баритоном. – Ты ему, б..., скажи, что если он к пятнице все не сделает, так я его в понедельник выгоню к ... матери! Мне таких зас...цев не надо! Он думает, б..., что он незаменимый. Ни х...!

– Пойдем, Виточка, на угол, посмотрим, не идет ли автобус, – женщина взяла девочку за руку и поспешно двинулась от остановки. Оба старика тоже не задержались – отошли от скамейки подальше в другую сторону и закурили. Хотел отойти и Петр Степанович, но он так пригрелся на скамейке, да и сумка с банками была тяжеловата.

– Е.т.м.! – не унимался начальник. – Нас только повесили на Доску почета, а теперь из-за какого-то разье...я мы сорвем все планы, и хорошо еще, если я выговором отделаюсь! Ты так и передай: к пятнице не закончит – ему п...ц!

Он достал пачку «Казбека» и стал закуривать.

Сказать, что у Петра Степановича ничего не осталось от недавнего блаженства, – значит ничего не сказать. Он набычился и готов был чуть не в драку лезть с матерщинником. Но тут подошел автобус – потрепанный «Пазик» довольно-таки скромной вместимости, и все поспешили занять места, никому ведь не хотелось трястись стоя.

Матерщинник держался солидно, вошел в автобус последним, его спутник только провожал его. Единственное свободное место оставалось возле Петра Степановича, он и уселся рядом. Петр Степанович, отвернувшись, демонстративно смотрел в окно, не желая иметь ничего общего со своим новоиспеченным соседом. Не тут-то было! Явно скучая без собеседника, тот стал налаживать контакты – снова достал пачку «Казбека» и предложил Петру Степановичу закурить.

От папиросы Петр Степанович отказался – он давно уже бросил курить, – а разговор решил поддержать, ему надо было высказаться.

– Могу я задать вам вопрос?

– А почему же нет, – благодушно настроенный собеседник Петра Степановича, кажется, несколько удивился, встретив его колючий, неприязненный взгляд.

– Вы одеты, как джентльмен, а разговариваете, как урка. Шляпу и галстук, вы, видно, тщательно выбирали, а слов не выбираете совсем. Вам что, не хватает слов в русском языке?

– Вы же не думаете, что я всегда так разговариваю. Но Сашка – наш рабочий, который меня провожал, – он других слов не понимает.

– Прекрасно понимает, уверяю вас. Я с такими Сашками всю жизнь проработал. Это он, глядя на вас, думает, что по-другому нельзя. А с женщинами вы тоже матом разговариваете?

– Ну что вы! С женщиной я никогда себе не позволю...

– Но сейчас-то вы хоть заметили, что женщина увела ребенка подальше от вашего разговора? Да и всем остальным было не по себе.

– Ну, это я, может быть, и увлекся, – он несколько смущенно усмехнулся. – Но у нас на работе все так разговаривают. Вот только-только я был у управляющего «Сельхозтехники», так он вдвое гуще матюкается! Или захожу я ко второму секретарю горкома, а он меня встречает матом.

Тут Петр Степанович не преминул, разумеется, вспомнить уже известную читателю историю.

– Я, – говорит, – припоминаю такой случай. Когда секретарь райкома – был тут у нас такой, Крутько, – тоже меня встретил матом, я ему сказал, что не желаю слушать его матерщины.

– А он что?

– Выгнал меня из кабинета.

– Ну, вот видите!

– Так потом его самого из этого кабинета выгнали.

– Это еще, наверно, при Сталине было?

– Да нет, уже после. При Сталине он бы на повышение пошел.

– А, говорят, при Сталине был порядок.

– Не заметил. Он их и распустил. Я считаю, он плохо разбирался в людях, окружил себя подхалимами.

– Про культ личности мы знаем. Но он же не матюкался.

– По радио – нет, а так – не знаю. А если бы матюкался, как бы вы к этому отнеслись?

– Я считаю, на такой должности нельзя. Это же не управляющий «Сельхозтехники»...

Они еще немного поговорили, Петр Степанович доехал до своей остановки, и они распрощались довольно миролюбиво.

А на другой день Петр Степанович сел писать письмо младшему сыну, стараясь, как всегда, придать ему воспитательную направленность. Начал он с важного семейного события.

Ты, наверно, уже знаешь, что твой старший брат скоро выходит на защиту докторской диссертации. Из-за этого он сейчас перегружен работой – надо проходить всякие обсуждения, собирать отзывы, договариваться с оппонентами. Я просил его, чтобы он не перенапрягался, о здоровье ведь тоже надо думать. Но ты лучше меня знаешь своего старшего брата, с него – как с гуся вода! Хотя, видно, это у него фамильное, лентяев в нашей семье никогда не было. На сегодняшний день у нас уже три кандидата наук, считая твоих двоюродных брата и сестру, а доктор наук будет первый.

Но, разумеется, нельзя было обойти молчанием и вчерашнюю поездку к Елене Порфирьевне.

Чувствует она себя неважно, но держится. Расспрашивала о тебе. Между прочим, по дороге со мной произошел такой эпизод...

С эпизодом читатель уже знаком, мы не будем его пересказывать, хотя в письме, преобразованный силой искусства Петра Степановича, он выглядел несколько иначе. Воспроизведем только заключение, так сказать, мораль.

В общем, мы проговорили с ним всю дорогу, оказался совсем неглупый человек, даже, можно сказать, интеллигентный, кончил автомобильный институт в Харькове, образование, как ты знаешь, у нас дают хорошее. Мечтает приобрести автомобиль, записался на очередь. А что до материцины, так мне кажется, что он как бы стесняется своей интеллигентности и с помощью мата изображает свою близость к народу. Когда же я ему сказал, что мат загрязняет воздух не меньше, чем дым из труб нашей электростанции, он сначала удивился, а потом, кажется, согласился.

Вернулся я домой уже без всяких приключений.

А у вас, в спортивном мире, матерщина тоже так распространена? Или у спортсменов речь почище?

Что-то давно ты не присылал мне своих новых статей.

Целую. Папа.

Петр Степанович, конечно, рассчитывал на воспитательное воздействие своих писем, но дело было не только в этом. Вопросы воспитания вообще сильно занимали внимание Петра Степановича, так сказать, в общефилософском плане. В этом можно убедиться, читая его «Заметки дилетанта», в которых мы обнаруживаем параллели с мыслями, высказанными в только что прочитанном нами письме.

Как внимательные читатели этого трактата мы уже знаем, что после 1917 года произошел большой скачок в человеческой селекции, и движение к апогею сознания, мышления, памяти и воли необыкновенно ускорилося. И хоть Петр Степанович понимал, конечно, что до самого апогея нам еще шагать и шагать, а на ускорение все же рассчитывал.

Так ведь любой агроном рассчитывает весной на хороший урожай, а правильные или неправильные были расчеты – об этом судить можно только по осени. Хочешь-не хочешь, а Петру Степановичу все еще приходилось наблюдать такие факты, которые его безумно огорчали. Сквернословие – само собой, а другие проявления сознания и мышления, недостойные социалистического венца природы?!

Естественники-трансформисты, – находим мы соответствующее место в «Заметках дилетанта», – считают, что много есть видов живых существ, у которых сознание стоит на довольно высоком уровне. В. Вересаев в своих «Записках врача» описывает обезьян-макак Степку и Джильду, читая о которых, дивуешься их высокой сознательности. Если так обстоит дело с обезьянами, то надо удивляться, поражаться и возмущаться, когда человек – не собака и не обезьяна – два года спустя после пятидесятилетия Октября совершает такие поступки, что не подберешь слов, чтобы охарактеризовать их природу. Приведем один пример.

Двор сахарного завода огражден массивной кирпичной стеной. Рабочий из упаковочной выносит на плечах мешок сахара в 80 килограмм, прокрадывается к забору, через него перебрасывает мешок, перелезает через забор, берет этот мешок на плечи и, как ни в чем не бывало, несет его домой. Охранник наблюдает все это происшествие, но он отворотился и делает вид, что ничего не видит. Когда директор завода понял, что на заводе воровство приняло большие масштабы, он начал проявлять активность в борьбе с воровством. Воры сговорились и вбросили директора в жомовую яму. Совершенно случайно директора вытащили из ямы и не дали ему утонуть.

Больше примеров приводить не будем, так как наши газеты помещают десятки фельетонов, в которых описываются проявления некоторыми людьми – не обезьянами, не кошками, не собаками, а людьми – своей «сознательности» в такой форме, что это слово надо писать в кавычках.

Когда мы прочитали историю директора сахарного завода, в нас снова зашевелились – правда, намного слабее, чем прежде, – мысли о шекспировских страстях, о бочке с мальвазией, в которой нашел успокоение вероломно убитый (подумать только, по приказу родного брата!) герцог Кларенс, – напрашивалась прямая аналогия с жомовой ямой, едва не ставшей последним приютом честного директора. Конечно, в нашем случае на кону была не королевская корона, но тем поучительнее, что и вокруг мешка сахара могут бушевать нешуточные страсти, отгороженные от мира массивной кирпичной стеной, – надо только уметь их описать. Мы почти уверены, что покушению (к счастью, неудачному) предшествовала шекспировская фраза: *Director, beware; thou keep'st me from the light: but I will sort a pitchy day for thee*^{*}.

Одним словом, мы были готовы поработать с современным отечественным материалом и прямо на этих страницах разделить с Шекспиром его славу. Все испортило упоминание Петром Степановичем «десятков фельетонов». Оно лишило

* Директор, берегись: ты застишь мне свет, – я черный день тебе готовлю!... (Снова Шекспир).

едва не переросшее в трагедию событие его уникальности и в миг разрушило возвышенный – с переходом в трагический – строй наших размышлений. В который раз нам пришлось убедиться: мы – не Шекспир; Шекспир – не мы.

А, может быть, просто время такое?

Мальвазия или не мальвазия, а опасения Петра Степановича насчет его младшего сына оказались совершенно напрасными. Он не только не брал и капли в рот, но даже стал идейным противником всех этих капель. Об этом мы знаем из его не лишнего юмора и полного ярких деталей письма отцу.

Папа, ты любишь описывать разные случаи, вот тебе еще один. Наши местные футболисты праздновали победу в финальном матче и так расслабились, что нанесли материальный ущерб помещению ресторана, в котором происходило празднование (расколотили стекло в дверях, приняв их, видимо, за футбольные ворота). Потом они немного побили посторонних людей, посетителей ресторана, не имевших отношения к футболу, – те, свидетели, чем-то были недовольны. Пришлось вызывать милицию, ее они тоже хотели побить, и поделом: вы сначала выиграйте финал, а потом задерживайте народных любимцев!

Начальству все это не понравилось, газете поручили проработать зарвавшихся чемпионов, и мне была доверена эта ответственная задача. А я уже слышал, что у нас в Новосибирске есть люди, ученые, всерьез обеспокоенные проблемой пьянства. Я их разыскал, встретился и не пожалел об этом, они мне много рассказали такого, чего я не знал. Я теперь совсем по-другому смотрю на наше так называемое «русское пьянство».

Свою задачу младший сын Петра Степановича выполнил с блеском, в газете появился его памфлет «Спорт и спирт несовместимы» (отличное название!), начальство осталось довольным. Разумеется, он переслал этот номер газеты отцу. Петр Степанович чувствовал себя прямо-таки на седьмом небе, не удержался, чтобы не показать газету Кузьме Алексеевичу, правда, с неожиданным результатом. Кузьма Алексеевич внимательно прочел статью и сказал:

– Какое счастье, что я не занимаюсь спортом!

Он вообще любил пошутить, но и выпить тоже был не дурак.

Про личную жизнь младшего сына Петру Степановичу мало что было известно, и то, как говорится, с чужих слов. Средний сын ездил однажды в командировку на Новосибирский электромеханический завод, тогда и познакомился с новой женой брата, Татьяной. Он останавливался у них в Академгородке, место было, брат с женой и ее ребенком от первого брака жили в трехкомнатной квартире – обменяли две свои однокомнатные.

Как обычно, он рассказал о своих впечатлениях в письме отцу.

Дивчина вроде неплохая, держит нашего младшего братика на коротком поводке, ему, думаю, это полезно. В прошлом – волейболистка, познакомилась, понятное дело, на стадионе – где же еще? Сейчас она свой волейбол забросила, служба да семья – как у всех. На ногах Татьяна стоит твердо. Окончила институт кооперативной торговли, работает товароведом, так что с продуктами у них проблем нет. Она сама из-под Бийска, родители и сейчас там живут, отец – путевой обходчик. Чужая душа – потемки, но мне кажется, что она нашего братика любит и бережет, тем более первый брак у нее неудачный был, и ей есть с чем сравнивать. А он ее во всем слушается. Выпивкой у них дома даже и не пахнет, на этот счет можешь не тревожиться.

Средний сын Петра Степановича рассказал о своей поездке в Новосибирск и в письме старшему брату, тоже все описал, но не в точности так, как Петру Степановичу.

Татьяна показалась мне женщиной деловой, навить занадто: о чем не спроси, – на все готовый ответ, сомнений никаких. Видно, ее нынешняя городская жизнь шибко новая для нее (дочь путевого обходчика), вот ей и кажется, что она все в ней просекла. Может, нашему братику и нужна такая женщина, только что-то уж слишком он ей в рот смотрит. Когда со мной разговаривал, и то на нее оглядывался. Чем она его так приворожила? Не думал, что он такой внушаемый. Но тоже стал деловой.*

* Даже слишком (укр.).

Мы пошли в кино, а там очередь на километр. Я говорю: пошли домой, нам билетов все равно не достанется. А братишка наш как-то нахохлился, надвинул кепку поплотнее, достал свое журналистское удостоверение и попер к администратору. Через пять минут возвращается с тремя билетами. Елки зеленые, первый раз в жизни я получил что-то вне очереди!

Отец все беспокоится, чтобы он снова не запил, а он мало что не пьет, так стал активным поборником трезвости. Целую лекцию мне прочитал. Оказывается, когда мы пьем, так то – не наша вина, а нас спаивают разные коварные враги. По-моему, это тоже влияние Татьяны, хотя у них в Академгородке есть целая группа борцов против «спаивания русского народа», и он с ними контактирует. Я раньше про этот городок как-то по-другому думал.

Спросил братишку, пишет ли стихи. Нет, говорит, сейчас не получается. Но иногда ходит с этюдником в лес «для отдохновения», показывал мне свое рисование. Даже в выставке местной участвовал. Надо было про это написать отцу, да я забыл.

Впрочем, Петр Степанович был рад и тому, что узнал. Личная жизнь младшего сына налаживалась, связи с Максимом, оставшимся на Рымарской улице, он, кажется, тоже поддерживал, но это – предположительно. И профессионально младший сын рос. После Варны еще несколько раз ездил за границу, пока только в соцстраны: два раза в ГДР и один раз – в Венгрию. А недавно прислал отцу небольшую книжечку под названием «Мяч – в сетке!», в которой были собраны его самые удачные статьи и репортажи. Издана новосибирским издательством. К этому времени у Петра Степановича уже была отдельная папка, куда он складывал вырезанные из газет статьи младшего сына, туда же он положил и книжку. Но, конечно, сначала прочитал от корки до корки и отметил карандашом отдельные стилистические неряшливости, о которых подробно написал в ответном письме. У Петра Степановича все-таки был приличный писательский опыт.

Например, Петр Степанович, как человек, хорошо подкованный в естественных науках, не мог понять выражения «мне удалось оказаться в эпицентре спортивных событий этой недели». «Я бы, на твоём месте, постарался лучше попасть в самый центр

этих событий, – ехидно замечал он в своем письме. – На каком расстоянии от него ты находился в своем эпицентре?»

Правда, и младший сын Петра Степановича, как всегда, за словом в карман не лез. «Может, папа, ты и прав по-своему, но должен ли журналист быть таким уж пуристом? (Слова какие употребляет! – подумал Петр Степанович с одобрением). Я у ребят поспрашивал, у спортсменов, для которых я и пишу, все говорят: «эпицентр» – лучше, как-то солиднее звучит. Глас народа – глас Божий».

Петр Степанович не хотел уступать. Дескать, спортсмены – еще не весь народ. «Может быть, они и могут прыгать дальше всех и выше всех, а “Тараса Бульбу” они не напишут, как говаривал один мой старый приятель».

Такая шла у них пикировка, но она даже нравилась Петру Степановичу: разногласия были невинными, а по тону писем младшего сына он чувствовал, что о его делах можно не тревожиться.

XXII

Со старшим сыном Петр Степанович тоже вел оживленную переписку, но в другом роде. Для полноты жизнеописания Петра Степановича мы позволим себе привести хотя бы одно из его писем старшему сыну, но если читателю, менее просвещенному, чем Петр Степанович, будет трудно следить за ходом его мыслей, то он может пропустить это письмо и спокойно перейти к вещам более ему понятным. А чтобы это читать, надо иметь научные интересы.

Мне сейчас нечего делать, так я решил написать тебе письмо на ученую тему.

На днях мне встретилось слово: «детерминизм». Я взял словарь иностранных слов и прочитал следующее объяснение: «детерминизм (лат. Determinare – определять) – свойственное научному миропониманию признание всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы и общества, в частности человеческой воли и человеческого поведения (противоположность индетерминизму)».

Странно, что автор, который расшифровывает слово детерминизм, почему-то слово общество выделяет из «океана» природы. Этому автору следовало бы объяснить, что «детерминизм – понятие, свойственное научному миропониманию признание всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы», после чего следовало бы поставить точку, ибо общество – тоже неотъемлемый кусочек природы. Но дело не в том. А дело в том, что 15 словами можно так ясно объяснить важнейшее научное миропонимание «всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы». Я с тобой на эту тему, как-то говорил, но тогда я не знал, что это называется «детерминизмом».

Этот вопрос я затронул не потому только, что мне нечего делать. Я, кажется, тебе говорил, что написал 100 страниц под заглавием «Гипотетические заметки дилетанта». Так в этих записках я часто сталкивался с вопросами законов природы, и почему-то в моей жизни детерминизм занимает большее место. Я еще в молодости пришел к выводу об отсутствии в природе случайности. Особенно этот детерминизм стал «залазить» в мою голову, когда она, после ухода на пенсию, освободилась от бураков. Я сейчас могу быть назван членом партии детерминизма. А раз я стал признавать «всеобщую закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы», то я все меньше и меньше стал нервничать. Вот ты часто нервничаешь, особенно если затрагиваются политические вопросы. Если же проникнуть в законы детерминизма очень глубоко, то можно вообще перестать нервничать, и тогда можно будет прожить не меньше ста лет.

Но для меня непонятно, как это могло случиться, что квантовая теория признает случайность? Я тебе этот вопрос задавал, но ты мне не разъяснил. Случайность могут признавать только сторонники индетерминизма и те, кто ходит в церковь.

У Петра Степановича накопилось немало и других вопросов к старшему сыну, но он решил их пока не задавать, понимая, что сейчас сын очень занят, он заканчивал свою докторскую диссертацию.

Подумать только, как быстро летело время. Кажется, еще недавно Петр Степанович спрашивал в письме: «Интересно, как ты озаглавил свою диссертацию? Сколько еще процентов писать?» И вот уже, почти что, к защите дело приблизилось, Петр Степанович не сомневался, что все хорошо пройдет, а все же... Надо было предупредить старшего сына, что встречаются и подводные камни.

На моем фронте без перемен. Время вот только быстро пролетает: сажусь 26-го писать письмо, считая, что это происходит в понедельник. Мельком взгляну на календарь, а там... вторник! Так я не заметил этого понедельника; как будто бы его и не было.

В последнем твоём письме сообщается, что ты «страшно занят» в связи с диссертационными писанинами, оформлениями и т.д. В этом же письме ты пишешь: «В качестве оппонировающей организации, вероятно, будет один московский Институт, в связи с чем собираюсь съездить в Москву».

Я 3 апреля ответил на твоё письмо, но ответа не получил. Правда, из-за твоей занятости, я не имею претензии к тебе, тем более что надо дописать диссертацию, увязываться с оппонентами и в Москве, и в Харькове, и в Киеве. Но я хотел знать, когда ты собираешься вернуться из Москвы. С 3 апреля уже прошло 54 дня. Безусловно, за эти 54 дня ты проделал много работы, и уже, вероятно, дело подходит к концу, и можно срок поездки в Москву и возвращения в Харьков конкретизировать. Чего я цепился в эту конкретизацию? Дело в том, что я планирую приехать в Харьков на два дня, и мне хотелось бы повидаться с тобой, когда уже все вопросы будут тобой утрясены. Мне все-таки хочется узнать, уверен ли ты, что защита пройдет успешно. Я не сомневаюсь, что у тебя отличная диссертация, но ведь в жизни так бывает, что именно ценные мысли не встречают понимания. Мне это хорошо знакомо. Об этой ситуации я хочу тебя расспросить. А я еще обещал твоему брату побывать в Краматорске и хочу сделать это одним заходом – поехать к ним из Харькова, а потом уже вернуться в Заднецк. Так я боюсь, что могу с тобой разминуться: приеду, а ты как раз будешь в Москве.

Средний и младший сыновья Петра Степановича были, разумеется, в курсе всех этапов подготовки к защите – братья

регулярно переписывались. Но Петр Степанович, со своей стороны, также снабжал их известными ему сведениями, делился своими опасениями и получал от них разные комментарии.

Незадолго до защиты он получил письмо от младшего сына.

Я думаю, папа, ты зря тревожишься. Защита диссертации у нас – это что-то вроде договорного матча, когда результаты известны заранее. Такое бывает и в спорте, но редко, обычно все-таки идет честная борьба, и результат предсказать заранее трудно. А во всех этих ученых советах – наоборот, обычно все договорено заранее, под ковром, а открытая борьба – исключение из правил. У нашего старшего братика как будто особых врагов нет, большинство он наберет, а если кто-то и проголосует против, так завистники есть у всех. Не знаю, видел ли ты список их Ученого совета, а я его раздобыл через Игоря. Но результата это не изменит.

Хочу затронуть еще один деликатный вопрос. Не знаю, знаком ли ты с нынешней «банкетной» этикой диссертационных защит. После защиты надо организовать банкет в ресторане, а это удовольствие дорогое. Хотя наш старший брат и кандидат наук, но загашиника у них, конечно, нет, выполнить «велеие времени» после защиты, не влезая в долги, им будет сложновато. Да и у кого он может занять?

Его этот вопрос беспокоит, я, к сожалению, тоже пока не имею счета в банке, о краматорцах я уж и не говорю. Так я подумал, не можешь ли ты ссудить ему сколько-то денег, все-таки взять займы у тебя ему было бы проще. Но это только мое предположение. Я не знаю, можешь ли ты дать ему денег и захочет ли он их взять. У меня с ним обмена мнениями на этот счет не было. А что ты по этому поводу думаешь?

Петр Степанович обычно писал свои письма сыновьям по субботам, чтобы в другие дни не отвлекаться, по возможности, от работы над своим трактатом. Но тут он отложил все дела, внимательно изучил свою сберкнижку, хотя, честно говоря, он ее и так хорошо знал, и тут же написал младшему сыну, что

готов ссудить на банкетные нужды 800 рублей, пусть только скажут, когда нужны эти деньги.

О том, как прошла защита, Петр Степанович узнал из письма Лиды, жены старшего сына. Сам сын был по уши занят всякими последиссертационными формальностями и попросил ее написать отцу.

Вообще Петр Степанович всегда считал, что с этой Лидой сыну повезло. Она была открытой, общительной и не строила из себя какую-то фифу, как его когда-тошняя первая жена. Сейчас Лида поздравляла Петра Степановича с таким выдающимся сыном, рассказывала, что во время защиты все выступавшие очень хвалили и диссертацию, и диссертанта, называли его крупным ученым, говорили, что его работа граничит с открытием, благодарил за присланные деньги, с помощью которых банкет в ресторане «Театральный» прошел на самом высоком уровне.

Теперь Петр Степанович совсем успокоился, хотя и подумал, что, как обычно, и он был не совсем неправ. Три черных шара его сын все-таки получил. У кого же нет недоброжелателей?

Дней через десять пришел и комментарий на сей счет от младшего сына. Он, оказывается, ездил освещать какие-то соревнования в Ташкент, умудрился побывать и в Самарканде – впервые – и был под большим впечатлением от этой поездки. Затронул, само собой, и вопрос о докторской защите, назвал старшего брата молодцом и выразился в том смысле, что ему можно только позавидовать. А касаясь трех голосов против, так ведь он писал уже, что заранее изучил список членов Ученого совета.

– Чего же было ожидать, папа, – писал он, – если у них там армянин на грузине сидит и евреями погоняет?!

Но Петр Степанович таких взглядов на защиты диссертаций и вообще на ученый мир не разделял.

XXIII

Почему личное счастье, личное благополучие и личный интерес зависят от высокой организации общественного социалистического строя? – размышлял Петр Степанович на страницах своего трактата.
– Да потому что в хорошо организованном социалистическом

государстве скаждым днем становится людям жить все лучше и лучше. Скажем, в таких городах, как Задонецк, Купянск, Изюм, Балаклея, люди на заводы к 7-8 часам утра ходили на работу за три-четыре-пять-шесть километров пешком, а теперь ездят автобусами; трудно найти такой дом, чтобы в нем не было электричества; с каждым годом увеличивается и увеличивается строительство квартир, детских садов и яслей, курортов, больниц, столовых, магазинов, театров, домов культуры. С каждым днем люди ездят по железной дороге в более и более комфортабельных поездах на электрической тяге; улучшаются и улучшаются удобства в части поездок на речных и морских пароходах; хочешь быстро куда проехать – для этого есть сколько угодно комфортабельных аэропланов. А какие начали в последние 10 лет строить школьные здания!

Может быть, вы думаете, что Петр Степанович брал все эти сведения из газеты «Правда»? Да, он, регулярно читал эту газету, несмотря даже на то, что в последнее время ее стало сложно выписывать. Газеты-то теперь распределяли по разнарядке: в стране очень повысилась грамотность, и из-за этого стало не хватать бумаги. Подписаться на «Правду» можно было только членам партии, да и то не всем. Как же мог выписывать «Правду» Петр Степанович, будучи беспартийным?

Ну, это проще пареной репы. Он был знаком с начальницей отделения связи Татьяной Филипповной. Лет пятнадцать назад у нее выскочили фурункулы, она почему-то не захотела стоять в очереди в поликлинике и приходила к Любове Петровне делать уколы частным образом, – тогда и познакомились. Татьяна Филипповна очень уважала Петра Степановича, тем более, знала, что он частенько получает письма со штампом газеты «Правда». Конечно, если бы он просто так пришел на почту оформлять подписку, так кто бы его подписал? А Татьяна Филипповна сказала:

– Не волнуйтесь, Петр Степанович, я вас подпишу как ветерана труда, у меня есть на это лимит. И таки подписала – и в прошлом году, и в этом.

Так что газету Петр Степанович читал, но у него были и прямые наблюдения жизни – и у себя в Задонецке, и в Харькове, куда он ездил иногда навещать старшего сына, и в Краматорске.

Взять хотя бы новую квартиру старшего сына на улице Харьковских дивизий. Когда-то здесь были огромные поля селекционной станции академика Юрьева, Петр Степанович даже ездил туда знакомиться с новыми культурами. Теперь на этих бывших полях понастроили видимо-невидимо многоэтажных домов, и старшему сыну дали в одном из них прекрасную трехкомнатную квартиру со всеми удобствами.

Мало того, они и старую квартиру в Померках не отдали, а как-то сделали, чтобы там осталась внучка Петра Степановича Леночка. Она училась в мединституте, у нее был молодой человек, там же учился, на курс старше. Они вроде бы собирались пожениться, но не торопились, думали, после окончания – на две стипендии ведь не проживешь. Но тут возникла эта ситуация с квартирой, родители уезжали, квартиру могли отобрать, сказать: выметайтесь вместе с родителями. Так они решили ускорить процесс, зарегистрироваться и прописать Олега: получается отдельная семья, тогда квартиру уже не нужно сдавать. Старшему сыну Петра Степановича, уважаемому человеку, теперь уже доктору наук, пошли навстречу, и не стали их выписывать...

Ну нет, это даже смешно предполагать, что такой человек, как Петр Степанович, прекрасно во всем разбиравшийся, стал бы судить о жизни по тому, что писала о ней газета «Правда». Глупости все это! Совсем напротив, газета «Правда» должна была быть благодарна таким людям, как Петр Степанович, всем Петрам Степановичам, что до нее доходили, если можно так выразиться в хорошем журналистском стиле, правдивые вести с полей нашей жизни.

Например, Петр Степанович всегда кое-что смыслил в политике и, когда мог, высказывал свои суждения. Зря к нему не прислушивались, потом уже убеждались, что он был прав. Помнится, когда-то давно, еще старший сын был студентом, сняли с должности первого партийного секретаря Украины Никиту Хрущева и назначили на его место товарища Кагановича Лазаря Мойсеевича. Это вызвало неоднозначную реакцию коллег Петра Степановича, но он, как всегда, пер против течения.

– Я еще когда говорил, – рассказывал он сыну, приезжавшему в родительский дом за продуктами, без чего в то время трудно было учиться в университете, – Кагановича нужно

использовать на партийной работе. У нас тогда был председатель профсоюза, забыл фамилию, все спорил со мной. Сейчас видно, кто был прав. Не зря Краулевич, мой давний знакомец, – я тебе рассказывал, его впоследствии репрессировали, а сейчас, наверно, реабилитировали, – всегда твердил мне: ты, Петя, здорово разбираешься в политике!

Впрочем, Хрущеву Петр Степанович тоже сочувствовал, он, как и Хрущев, считал, что будущее – за агрогородами. Поэтому он положительно отнесся и к назначению Хрущева Первым секретарем после смерти Сталина, хотя честно признавался, что этого он как раз не предвидел.

А полеты в космос! Средний сын Петра Степановича не видел в них ничего особенного, но он вообще жил как-то приземленно, это огорчало Петра Степановича.

– Лучше бы они канализацию построили в нашем поселке, – говорил сын.

Но Петр Степанович с ним не соглашался.

– Ты рассуждаешь, как Грищенко. Вроде умный был человек, а тоже дальше своих скважин ничего не видел. «Зачекай, до Місяцю нам ще далеченько, ти спочатку корів нагодуй, а то і нам їсти нічого буде, як було у тридцять третьому»^{*}. Я ему про Фому, а он мне – про Ерему. Коровы – коровами, а на Луну в 2000 году точно полетят, жалко, что после нас, – это я ему еще тогда сказал, думал, не доживем. Он и не дожил, царство ему небесное, а я, старый дурак, вижу, что мое предсказание сбывается.

Петр Степанович ловко так назвал себя «старым дураком», уничижение паче гордости. Крыть-то среднему сыну нечем было! Вовсю, вовсю уже летали в космос – и собаки Белка и Стрелка, и первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин, даже американцы, и дело явно шло к полету на Луну.

В позиции же своего среднего сына Петр Степанович видел подтверждение развиваемой им универсальной теории о «разных почерках». О ней много говорилось в его рукописи, он подтверждал ее примерами различий в оттенках сознания и мышления, среди них был и такой (под номером 4):

^{*} Погоди, до Луны нам еще далековато, ты сначала коров накорми, а то и нам нечего будет есть, как было в тридцать третьем (укр.)

Справившись с делами на базаре, вы со своими знакомыми зашли в закусочную. Сидите, выпили, разговорились... Вот вы и рассказываете своим товарищам, что вчера снова запустили в космос корабль с двумя человеками. А ваш визави возражает возмущенно: «А вы ото и верите, что они в газетах да по радио брешут?!»

Так что в отношении своего среднего сына к космическим полетам Петр Степанович видел лишь еще один своеобразный оттенок сознания и мышления, пример номер 5, которым он мог пополнить свою коллекцию примеров.

Сами же космические полеты, несомненно, подтверждали дальновидную правоту Петра Степановича.

XXIV

Вы можете спросить, почему Петру Степановичу обязательно нужно было выписывать «Правду». А то вы сами не догадываетесь?

Петр Степанович давно уже понял, что большие руководители загружены текущей работой и через это порой не видят самых очевидных стратегических истин. Как человек более свободный, но тоже обладающий государственным мышлением, он мог бы открыть им глаза на самые разные области нашего общественного бытия, ему о многом приходилось раздумывать на протяжении своей долгой и наполненной событиями допенсионной жизни. А как теоретик-формолог он мог бы кое-что подсказать по части развития новых политических форм, в этом деле у него уже были серьезные наработки.

Но как достучаться до больших руководителей? Петр Степанович был бы готов даже поехать в Москву за свой счет. Так ведь в Кремль просто так не попадешь, могут и не пустить – по соображениям безопасности. Проще и верней идти через печатное слово, рассудил Петр Степанович, через газету.

Хотя Петр Степанович из скромности называл свою рукопись «черновиком», он писал в ней почти без помарок, заранее тщательно отшлифовывая формулировки в голове. Зато потом ему совсем нетрудно было превратить любой фрагмент своей

работы в законченную статью, какую можно было напечатать в любой газете, – понятное дело, не ради славы, она его давно уже не интересовала, а чтобы открыть глаза сразу большому числу читателей.

Впрочем, это так говорится – любая газета. Любая газета Петра Степановича не устраивала. Ему особенно важно было просветить высших руководителей страны, а они, судя по их многочисленным изображениям на картинах и фотографиях, начиная с т. Ленина, читали только газету «Правда». Да и вообще Петр Степанович не понимал, зачем иметь так много разных газет, когда все главное говорится в «Правде», а остальные только повторяют, но он этот вопрос еще до конца не продумал, поэтому и мы о нем писать ничего не будем. Знаем только, что для Петра Степановича другой газеты не существовало, и даже крайне неудачное обращение в «Правду» по поводу работы сберегательных касс не стало препятствием для последующего общения Петра Степановича с ее редакцией. Все-таки в истории со сберкассой сказывались мелкие неполадки в государственном управлении, а сейчас Петра Степановича занимали государственные проблемы гораздо более высокого, так сказать, политического уровня.

Мы давно собираемся полистать подшивки «Правды» за те годы и поискать в них статьи Петра Степановича, да все руки не доходят. Так что пока мы знаем только о тех статьях, которые там *не были* напечатаны.

Беда Петра Степановича, а отчасти и наша заключалась в том, что, хотя Петру Степановичу давно уже хотелось иметь пишущую машинку, пока ее у него не было, и свои предложения и статьи он писал от руки, не догадываясь подложить копировальную бумагу и не оставляя себе копии. Мы не сомневаемся, что все его сочинения сохраняются в каких-то архивах и будут разысканы следопытами грядущих времен, но сейчас мы имеем представление лишь о тех его статьях, каковые были вежливо отклонены редакцией. Только полные уважения к автору редакционные ответы, которые Петр Степанович получал от своих московских братьев по разуму и аккуратно сохранял, и имеются сегодня в нашем распоряжении. Впрочем, для биографа

Петра Степановича и они драгоценны, ибо свидетельствуют о высокой оценке этого человека, намного опередившего свое время.

Приведем для примера лишь один такой ответ.

Уважаемый Петр Степанович,

Письмо Ваше и приложенная к нему рукопись «Стратегия жизни социалистических государств» мною получены. Благодарю Вас за внимание к статье, опубликованной в «Правде». Перехожу к существу вопроса, поднятого Вами в рукописи.

Вы правильно пишете, что придет время, когда все народы земного шара будут охвачены социалистическим строем, а капитализм отойдет в область преданий. Вполне вероятно, что к этому времени народы пожелают образовать единое социалистическое государство либо федерацию таких государств. В настоящее время социалистические страны, объединенные общностью целей, стремлений и экономическими и политическими связями, образуют содружество стран социализма, которое, несмотря на известные трудности, развивается по пути расширения и углубления братского сотрудничества. Фронту империалистических государств противостоит теперь не одно государство, как это было раньше, а объединенный фронт суверенных социалистических государств. Это имеет огромное влияние на курс независимых государств в странах Азии и Африки. Это важно и с точки зрения поддержки наших акций в Организации Объединенных Наций. В целом это укрепляет дело мира, демократии и социализма.

Конечно, возможен такой момент, когда интересы укрепления сотрудничества поставят перед народами тех или иных социалистических государств вопрос и о новых, более тесных формах их связей с советским народом. Но как и когда это будет происходить, решать не нам с Вами, а самим трудящимся массам и коммунистическим партиям этих стран. В этих вопросах необходим особый такт и уважение прав каждого народа самим определять свою судьбу. Этому такту, как Вам известно, учил В.И. Ленин.

Думается, что, исходя из этого, опубликовать Вашу рукопись нецелесообразно.

Э. Баграмов

4 декабря 1969 года.

Нет пророка в своем отечестве! – не нами сказано. Петр Степанович привык к непониманию и не очень даже огорчался, получая такие ответы. Хотя, конечно, не всегда приятно бывало: принимаешь из почтового ящика конверт со штампом газеты «Правда», думаешь: ну, наконец-то отелились! А распечатываешь конверт и видишь: опять на дурака наскочил ограниченного. Человечество, видно, никогда не поумнеет!

Другому было бы обидно, что не напечатали, но Петр Степанович был выше этого. Сколько было примеров, когда мыслителя или художника признавали лишь много лет спустя после его смерти! Возьмите хотя бы композитора Баха!

XXV

В 1976 году Петру Степановичу исполнилось 80 лет, здоровье было уже не то, что прежде. К особым здоровякам Петр Степанович себя никогда не причислял, как человек вдумчивый всегда прислушивался к своему организму, неизменно находя в нем многочисленные изъяны. А чтобы болеть серьезно и подолгу, – такого не было.

Еще года три назад он даже не без некоторой язвительности писал старшему сыну.

Что-то, дорогой мой, твои письма в прошлом году были очень драматичны, даже трагичны. У внука «куча язв на ноге», у тебя то грипп, то ангина, служебные ситуации с выговорами и «выборами» на председательский стул... Я говорю обо всем этом не для того, чтобы ты сообщал в своих письмах только о хорошем. Просто меня поражает концентрация всех драм и трагедий, случившихся на коротком участке времени.

Правда, мне тоже нечем похвастаться: хронические боли в пояснице, прогрессирует очень сильно полиартрит на пальцах рук, и я боюсь, что меня еще придется кормить ложечкой... Но ведь мне пошел 77-й год! А тебе только стукнуло 47.

Может быть, тебе бы следовало переменить место работы, чтобы избавиться от неприятных ситуаций по служебным делам? Тогда бы остались одни болезни, а на служебном новом поприще была бы тишь и благодать.

Согласитесь, звучит немножко издевательски, ехидно как-то, с какими-то намеками звучит. Хорохорится Петр Степанович. А все-таки мы с вами понимаем: не исключал Петр Степанович, что здоровье его может серьезно пошатнуться, не исключал, но давал понять: этот час еще не настал.

Большой помпы по случаю 80-летия Петра Степановича не было, да он и не хотел. Задумали, было, устроить чествование в Харькове – он отказался, съехаться у него в Задонецке не получилось – дела, расстояния... Только старший сын да внук Вася приехали из Харькова. Петр Степанович был доволен, ему давно уже не хватало собеседников, а ведь было, что вспомнить за восемьдесят-то лет. Сидели допоздна, потом переночевали еще одну ночь и укатили. Старший сын послал отчет братьям, дескать, старик, конечно, сдал немного, но еще вполне самостоятелен и ни о каких переменах в своей жизни слышать не хочет.

Сказать честно, так и сыновья Петра Степановича не рвались к особым переменам. Придут перемены – кто-то из братьев должен будет взять отца к себе. Но кто? куда? как все это получится? Мы-то помним Петра Степановича еще молодым человеком, а 80 лет, согласитесь, это уже не первая молодость. Характер у него с годами стал тот еще! Уживется ли он с детьми да с внуками – порядочными, надо сказать, лоботрясами, как все эти нынешние молодые? Не задохнется ли в четырех стенах на каком-нибудь десятом этаже, прожив всю жизнь без всяких этажей, вблизи земли, поля, огорода? Куда, наконец, он денет своего Полкана – он столько лет честно сторожил дом да и скрашивал немного его одиночество, что там говорить? Отдать собаку кому-нибудь – так кто ее возьмет, старую? Ответов на эти вопросы никто не знал, и если можно было отодвинуть их решение на потом, то только это и нужно было сделать.

На потом – но на сколько времени? Годика через два от Петра Степановича стали приходиться тревожные сигналы, во всяком случае, более тревожные, чем обычно, хотя менять в своей жизни он по-прежнему ничего не хотел. Он так и писал об этом старшему сыну.

На моем фронте без перемен. Получил от твоего среднего брата письмо, в котором он ультимативно пишет, чтобы я

переезжал к нему на полное иждивение. Правда, я здесь сам виноват, так как сообщил ему, что у меня стрекочет в ушах, как будто бы я окружен кузнечиками. 24 августа я был на приеме у терапевта, так она признала у меня в наличии атеросклероз. Но этот атеросклероз у меня обнаружили врачи в 1938 году, правда, тогда кузнечики не стрекотали. Приписала мне принимать пилюли «Сайодин» (Sayodini) и витамины В6, В и аскорбиновую кислоту (порошки). Представь себе, что после двухдневного приема этих лекарств стало меньше стрекотать.

То я написал твоему брату, что я не собираюсь переезжать, так как в иждивенчестве еще нет нужды.

Средний сын не унимался, даже съездил в Задонецк и попытался уговорить отца переехать к нему хотя бы на зиму, но так и уехал ни с чем. Об этом мы снова узнаём из письма Петра Степановича старшему сыну.

Поздравляю вас с праздником Октября! Желаю вам всех благ, а главное – здоровья!

Только что получил письмо от твоего среднего брата, в котором он пишет: все члены его семьи возмущены, что он возвратился домой без меня. Но я никак не могу себе представить: как это можно запереть дом до марта месяца, чтобы в марте возвратиться в Задонецк и заняться огородничеством!? Я понимаю – проскочить в Харьков, Краматорск или даже в Новосибирск (хотя туда так просто не «проскочишь») на 5-6 деньков. Это еще так-сяк. Но поехать на четыре-пять месяцев, бросить собаку на соседей и быть спокойным – этого без гипноза никак нельзя сделать.

Впрочем, постепенно настроение Петра Степановича и тон его писем стали меняться.

Если бы была жива Люба, еще бы продержался здесь, – пишет он среднему сыну. – Мне жаль расставаться и с Задонецком, и с хозяйством. В хозяйстве по Красноармейской ул. №9, которое досталось нам от матери Любы, я прожил 35 лет! Правда, эти

35 лет мне кажутся – не 35 лет, а так... лет 8-10. 35 лет прошли, как затяжная война, а мне кажется, что и не было их.

Но у меня все-таки прогрессирует дрожание рук, и не хочется в одиночестве оставаться до катастрофы. Да и сейчас уже я могу выполнить только грубую работу, например, колоть и пилить дрова, носить мешки, а вот уже пришить пуговицу, подносить ко рту чайную ложечку, бриться ножевой бритвой – эти дела трудные....

Не мог Петр Степанович не задумываться о переезде, пусть не сейчас еще, так в будущем... Собака, он понимал, долго не протянет, а новую заводить уже поздно. Но к кому переезжать? Предварительно он склонялся к тому, чтобы переселиться к среднему сыну.

Петр Степанович по-прежнему регулярно получал от него письма, всегда их ждал и с удовольствием читал – и про производственные дела, и про нутрий, а боялся только одного: новостей о болезнях, особенно после той истории с Лизой. Тогда все кончилось более-менее хорошо, а все равно Петр Степанович, открывая конверт, всегда опасался чего-нибудь неприятного. А если письмо начиналось с нутрий, значит, в семье все было спокойно, никто не болел, и у Петра Степановича сразу отлегалось от сердца.

В последнее время приходили в основном приятные известия.

Сегодня Лизавета приехала домой после экзаменов, худая и больная. Но она теперь студентка. Наконец, свершилось! Наталка готовится поступать на филологический факультет, но она почти уверена, что не поступит.

Каждый день, придя домой, добываю корни нутриям в маленьком болотце. Мы кидаем им, кроме рогозы, ветки фруктовых деревьев после обрезки в садках наших соседей, нутрии охотно огрызают кору. Красивые зверьки. Самец держит всех девок в повиновении. Когда он моет в ванне корень, а самка хочет сделать то же, он, держа в зубах корень, пинает ее головой, и та в сторонке начинает грызть немывтый корешок. Однажды самец, держа в зубах корешок, стал танцевать. Это было очаровательно.

Ну, нутрии ладно. А почему это Наталка не поступит? Лиза несколько раз пыталась поступить в художественное училище, но это ведь не так просто, могло и не получаться. Петр Степанович сам когда-то преподавал рисование и разбирался в таких вещах. Настоящего призвания у него, правда, не было, это Петр Степанович еще тогда понял, возможно, и Лиза пошла в деда, но ведь и она поступила. А насчет филологии гены должны были сработать безотказно, в этом можно было не сомневаться, и за Наталку он был спокоен.

Она и в самом деле поступила на свой филологический факультет, молодец, он так и думал. Теперь-то это все уже позади, теперь уже обе дочери среднего сына не жили дома, одна училась в Харькове в институте, другая в Донецке, в художественном училище. Так что место для Петра Степановича в доме было.

Но окончательного решения Петр Степанович еще не принял.

XXVI

Вчера только отмечали восьмидесятилетие, а нынче уже 1981 год на носу, а Петру Степановичу, стало быть, пора готовиться к 85-летию. Время сейчас вообще стало бежать быстрее, чем раньше, вы, наверно, тоже заметили? Никогда не подумал бы Петр Степанович, что сможет дожить до таких годов! В молодости он вообще не о долголетию задумывался, а о славе, а вышло-то как раз долголетие... Тут уж сыновьям всерьез пришлось ломать голову: что делать с отцом?

В 1979 году исполнилось двадцать пять лет со дня окончания школы младшим сыном Петра Степановича, по какому случаю он приезжал в Задонецк. Младший сын видался с отцом реже своих братьев, может быть, поэтому яснее увидел, как состарился Петр Степанович. В самолете, пока летел назад в свой Новосибирск, все время думал, что же делать с отцом. Так ни до чего и не додумался. Потом засосали текущие дела, обычная суэта журналистской жизни, потом эта Олимпиада неудачная... Спихватился, только когда надвинулась новая, полукруглая дата Петра Степановича, почувствовал угрызения

совести, а может быть и еще что-то, шелест времени, что ли? Отложил недописанный репортаж и настроил обоим братьям по письмишку с предложением встретиться.

С отцом, конечно, надо что-то решать. Сколько еще он может оставаться один? Но я предлагаю не письмами обмениваться наспех накарябанными а съехаться, и поговорить, сколько надо, и решить окончательно.

Я последний раз был в Задонецке после долгого перерыва два года назад, на встрече выпускников нашей школы. Собрались дружно, приехали с разных концов Союза, а поразбросало их, дай бог как! Петька Столяренко стал летчиком, живет аж в Уссурийске, но и он прикатил. Пришло много наших преподавателей, была даже Варвара Ивановна, которая учила меня с первого по четвертый класс, старенькая уже.

Пробыл в Задонецке два дня, но ничего толком не увидел, все время ушло на общение с одноклассниками. Заметил лишь – от автовокзала, – что наша церковь снова облезла. Похоже, что теперь ей уже никогда не оправиться. Рассчитывал на обратном пути заехать в Харьков, но обстоятельства сложились так, что в Харькове я был глубокой ночью, поэтому решил никого не тревожить.

А теперь вот жалею, разыгралась у меня непонятная ностальгия, и тянет меня хоть ненадолго в родные места. Все на этой москалёвщине не так, как хотелось бы, хоть и давно здесь живу. И наверняка сдуру я идеализирую возможное влияние родных мест на собственную жизнь, если бы я вдруг оказался там. Скорее всего, это у меня тоска по прошедшим беззаботным временам, вдруг всколыхнувшаяся от осознания, что такого времени уже никогда не будет.

Но все-таки, братцы, хочется вернуться в то время, пусть на миг только. Давайте съедемся все вместе разок, а? Я прилечу любой ценой, а вам ведь недалеко. И отец будет доволен. Тогда и поговорим все вместе о том, как ему жить дальше. Вот только в феврале, на день рождения, я приехать не смогу, крупные соревнования по гимнастике, этого мне нельзя пропустить. Может быть, летом?

Ответных писем братьев мы не видели, но знаем, что им эта идея понравилась, из дневника старшего брата знаем. Он, оказывается, все эти годы вел дневник, производил в нем всякие записи больше производственного характера, но иногда и личного, а вообще писал обо всем. Не спрашивайте, как этот дневник попал в наши руки, мало ли как... Но дневник – подлинный, мы ни слова от себя не добавим, это было бы непозволительно. Да мы всё и не будем вам сообщать, только те записи, что касаются Петра Степановича.

Из дневника старшего сына. 21 декабря 1980

День рождения Сталина. Кто об этом теперь помнит? 19-го вручали орден Брежневу, видно, из-за этого мы только вчера узнали о смерти 18 декабря Косыгина, не хотели омрачать праздник Бровеносу.

Вчера же получил письмо от младшего брата, предлагает летом съехаться втроем в Задонецке. Я не против, давно не встречались все вместе. Предложу забрать отца к себе, мы с Лидой об этом уже не раз говорили. Хотя легко нам с ним не будет. У него и прежде характер был занозистый, а с возрастом... Честно сказать, порой мне кажется, что у отца и вовсе поехала крыша. Недавно прислал мне письмо с огромной цитатой из Пастера: «Проникнитесь интересом к тем священным обителям, которым дано выразительное наименование – лаборатории. Требуйте, чтобы умножили их число и украшали. Это храмы будущего богатства и благосостояния» и т.д. Цитата длинная, отец не поленился ее всю откуда-то переписать, что, впрочем, меня не удивило. Он часто посылает мне всякие выписки и вырезки. Но самое интересное – в конце. «Эти пожелания Пастера наступят тогда, когда на Земле будет организовано Общеземельное правительство и обязательно социалистического типа». Надо бы переслать это письмо нашему середнячку, что-то он скажет? Заодно спрошу, сможет ли он летом выбраться в Задонецк на несколько дней.

Доволен сегодня слегка: удалось раскрыть секулярное уравнение восьмого порядка. У меня впечатление, что я немного продвинулся со своими магнонами. Правда, это мне удалось сделать только

для направления (100). Но я теперь понял, как надо действовать для любого симметричного направления волнового вектора K .

Нечитайло снова запил. Из дому его прогнала жена, он ушел ночевать к маме, однако прошлую ночь он там не ночевал, и его семейство сильно из-за этого взволновалось. Его видели на улице, недалеко от Института («священная обитель»!), совершенно пьяным. Он выкрикивал разные глупости, нецензурно ругался и явно был невменяем. Сегодня утром звонил мне по телефону, будучи снова пьяным. Пьет от неполадок в семье, как он сказал. «Сегодня уже выпил 700 граммов и продолжаю пить в одиночку».

Кстати, недавно приезжала Оксана на какую-то медицинскую консультацию, рассказывала ужасы о размерах пьянства в Донбассе. Удивительно, но отовсюду только и слышишь, что страна движется катастрофически к пропасти, причем во всех областях нашей жизни. Неужели это чутье народное?

А Нечитайло подавал надежды, когда был аспирантом, глаза горели...

Средний брат на письмо старшего об отце ответил так.

Поехала крыша? Не знаю, что тут и сказать. Наверно, скрываются и возраст, и одиночество. Иной раз отец и не такое заворачивает, ты же знаешь. Он ведь показывал тебе, ты говорил, свои «Заметки дилетанта». Я тоже кое-что там прочел. Если крыша поехала, то давно – и не у него одного. Мне все чаще и самому начинает казаться, что я ненормальный. Когда меня начинают одолевать до безумия мрачные мысли, я спасаюсь физической работой. Одна ночь была так тяжела, что я поднялся в два часа ночи и пошел копать огород. Было лунно. Затем запели первые петухи (в квартире их не слышать) – это было около трех часов ночи. Когда запели вторые петухи, было около четырех часов (я заходил в квартиру посмотреть часы), в пять часов, потный и уставший, я пришел в дом и лег на один час. А в шесть я уже поднялся и стал выполнять обычные свои дела. Психика уравновесилась.

Предложение нашего братишки встретиться в Задонецке мне нравится. И хорошо, что летом. Со времен нашего довоенного детства, когда он вообще был карапузом, мы не собирались втроем в Задонецке никогда, а в детстве было хорошо, особенно летом.

Детства не вернуть, но иногда кажется, что оно не ушло совсем, просто находится где-то в другом месте. А если это так, то для нас это место называется Задонецк. Надо съездить поискать. Да и с отцом надо что-то решать.

Только я еще не знаю, когда мне дадут отпуск. Если мы точно выберем дату, постараюсь договориться.

Ты, наверно, уже знаешь, что Полкан издох?

Сговорившись приехать втроем в Задонецк, братья решили, что надо бы привезти отцу какой-нибудь подарок, – все-таки это был его 85-летний юбилей, пусть и сдвинутый на несколько месяцев. Ломать голову особенно не пришлось – в том же письме, в котором старший сын сообщал об их планах, он спросил Петра Степановича, какой подарок он хотел бы получить. Петр Степанович ответил, что приезд троих сыновей – уже небывалый подарок и никакого другого ему не надо, но если это для них не слишком дорого, то ему давно хотелось бы иметь пишущую машинку. Реакция братьев была такой, что если бы они сидели за одним столом, то можно было бы сказать, что они переглянулись, оценив просьбу отца как очередное чудачество. Но зато задача приобретения подарка сразу получила определенность.

Из всех троих с пишущими машинками до этого приходилось иметь дело только младшему брату – журналист все-таки. Он сказал, что ни в коем случае нельзя покупать машинку отечественного производства, потому что, не имея непосредственно военного назначения, пишущие машинки не входили в число изделий, которые в Советском Союзе умели делать сколько-нибудь прилично. Покупать нужно только гэдээровскую «Эрику».

Младший брат собирался на какие-то соревнования в Москву, у него везде были приятели, и он обещал выяснить, где и как можно было купить такую машинку.

Поеду в Москву на следующей неделе, возможно в среду, узнаю обстоятельно об «Erika». Лет 6 назад такую машинку купил мой знакомый Тимохин. В Москве есть магазин, где он сдал деньги (кажется, 150 руб.) и через год после этого получил машинку. Сейчас говорят, такой способ возможен только для москвичей. Если это так, то у нас найдутся москвичи, которые помогут в этом деле.

Он действительно все разузнал, и сообщил братьям всю необходимую информацию.

По поводу «Erika» узнал следующее. Один раз в году, обычно в январе, в магазине «Пишущие машинки», что на Пушкинской улице, проводится «подписка» на эти машинки. На Москву выделяется приблизительно 2000 штук. Жаждающий купить такую машинку приходит в установленный магазином день и становится в очередь, имея при себе паспорт с московской пропиской и почтовую открытку, которая остается в магазине и высылается покупателю при подходе его очереди на получение машинки. Вся «подписка» длится часа два – два с половиной. Я зондировал сотрудников магазина на предмет покупки машинки «за мзду». Говорят, что беспросветно... День подписки объявляется примерно за месяц: вывешивают в магазине плакатик. Обычно это делается в декабре. Если у вас к тому времени ничего не появится, то мы попробуем провести «подписку» с помощью московских знакомых.

К сожалению, этот план не удался. Московские знакомые младшего сына Петра Степановича согласились помочь и даже пришли к магазину в день подписки. Но ведь они же не для себя это делали. Поэтому они пришли только к 10 часам, к открытию магазина. А чтобы попасть в число счастливицов, надо было прийти не позднее 6 утра, а то и раньше, кто-то, возможно, дежурил и с вечера. Конечно, им уже ничего не досталось.

Братья понимали, что желание иметь пишущую машинку – блажь Петра Степановича, что он с ней будет делать, ведь он никогда ею не пользовался? Но они уже и сами завелись, приобретение машинки стало делом принципа.

Из дневника старшего сына. 15 марта 1981.

Ковалёнок и Савиных состыковались с «Салютом», – похоже, что это будет также длительный вояж. Савиных оказался сотым космонавтом в мире и пятидесятым в Советском Союзе.

Лида очень довольна своей поездкой в Москву, привезла кучу впечатлений. Основное: в Москве все есть. Москва, как всегда, полна

приезжими, рыскающими за покупками еды и барахла. Это было очень видно на остановке такси, где сотни людей из московского поезда со свертками ждали машин. Всё прут оттуда. А ведь все это барахло сначала везли из Рязаней, Полтав и прочих провинциальных городов в Москву. Лида купила за 98 рублей 8-кратный бинокль. Дети теперь забавляются. Пару лет назад такой бинокль стоил не более 50 рублей. В Москве, как и в Харькове, после длительного отсутствия в продаже появилось полно фотоаппаратов «Зенит», однако теперь по 240 рублей вместо 100 прежних. Заходила в магазин пишущих машинок, и ей подтвердили то, что написал младший брат. В этом году – никаких перспектив. Попробую попросить нашего аспиранта, сына директора универсама на Тракторном.

Вчера получил от среднего брата письмо, он пишет, что, вроде бы, договорился об отпуске на август и сообщит об этом отцу. Меня это тоже устраивает, во всяком случае, начало августа. Я в феврале поздравлял отца, и написал, что мы приедем летом. Он не был бы самим собой, если бы не стал сразу спрашивать о точной дате. Теперь напишу ему.

Вторую половину дня прозанимался дома – кое-что успел сделать. Вернулся к магномам, нашел ошибку в предыдущих вычислениях. Обнаружил, что оператор возмущения в двухмаглонной задаче имеет собственные значения меньше единицы. Теперь передо мной стоит задача произвести намотку гамильтониана на найденные собственные векторы оператора возмущения. Хочу это сделать для направления (100) при произвольном значении модуля K . Удастся ли?

Средний сын – Петру Степановичу.

9 марта 1981.

Здравствуй, Папа!

Мой начальник идет в отпуск в июле (и тогда я его заменяю), так что мне удобнее приехать в августе. Наверно, в августе и приедем.

Я начал хорошо выделывать шкурки, но продавать их мы еще не научились. У Оксаны отпуск в сентябре, тогда мы попытаемся

сами шить шапки. У нас дома очень грязно и неудобно. Надо, наконец, хотя бы побелить. На огородах и во дворе тоже порядка нет.

Нутрии забирают весь мой досуг, мы с ними попали в заколдованный круг. Я принял решение закрыть эту фирму, но появляются малютки, а по вольеру переваливаются еще несколько брюхатых будущих мамаш, которые очень приветливо встречают и ждут, глядя через сетку во двор, держась за нее руками.

Из дневника старшего сына. 24 марта 1981.

Написал отцу, что приедем в начале августа.

Сегодня 28 лет со смерти мамы и столько же со дня попадания в плен. Как течет время!

Был у невропатолога. Находит у меня церебральный склероз. Полагает, что это от моих отитов, возможно, последствие контузии. Велела сделать рентгеновский снимок головы и измерить височное давление. Но снимок сделать не могу, так как в поликлинике нет плёнок. Пошёл в платную поликлинику, там говорят, что надо прийти в понедельник к 7 часам утра и записаться на тот день, на который будут талоны. Вот такие дела!

Со своими магнонами я зашел в странный тупик, – что-то совсем непонятное происходит. Неужели я в чем-то ошибся?

В Харькове разрешили пустить кинофильм «Гараж», который шел довольно давно в России.

Состоялся пленум районного общества «Знание». Приняли, заверили... Ученые выступили с каким-то почином... Когда стали читать подписи, вдруг прозвучала моя фамилия. Чудеса!.. Я об этом впервые слышу. Оказывается, вчера вечером в Обком вызвали кого-то из парткома Института и велели выступить с таким «почином». Его быстренько сегодня и сварганили.

Выступал какой-то старый большевик, пенсионер, 84 года, сказал, что у них есть, по крайней мере, 30 человек членов партии с 1914-1924 годов, которые, несмотря на возраст (80-100 лет), еще имеют силы воспитывать молодежь. Мы заверяем... и т.д. Сычев, он же председатель правления и председатель сегодняшнего пленума, сидел в президиуме и, по-моему, тихо ухмылялся этому спектаклю. Все смеются, но от этого делается страшно. До чего они доведут страну? Раствление нации... Жулье, прохвосты,

бандиты... Все идеалы, в которые раньше как-то верили, исчезли, по закоулкам шепчутся, а с трибуны произносят «зажигательные» верноподданнические речи и тут же смеются в кулак.

Улицу Черноглазовскую переименовали в улицу маршала Баженова (бывшего начальника Харьковской военной академии). О вкусах не спорят!..

Отец пишет, что готовится к нашему приезду и чтобы мы ничего не привозили – у него все есть. Может быть. Но я все же планирую после Задонца съездить с детьми порыбачить на Волгу, на пару недель хотя бы, а туда без запасов не поедешь. Попрошу московских гавриков купить, если смогут, немного гречки, или сечки, а также копченой колбасы. О тушенке (не комиссионной) и просить не буду это, наверное, совсем экзотика, к тому же мы, вероятно, будем нажимать на рыбу.

Директор универмага на Тракторном сказал, что к ним Erika не поступает, но он попробует найти.

Из дневника старшего сына. 16 апреля 1981.

12-го взлетела в космос американская ракета-паром «Колумбия». Сегодня в 11-30 московского времени она должна была приземлиться и благополучно приземлилась. Наши комментарии весьма сдержаны, мягко говоря.

Мне предстоит встреча с кабезниками по поводу экспериментов с гелием-II в космосе. Американцы планируют большую программу на сей счет, поэтому наше начальство, как всегда, начинает обезьянничать. Но разве это – путь? И кто будет реализовывать эту программу? На прошлой неделе я побывал на ректорском семинаре – какое убожество! От первого доклада я ничего и не ждал, Соловьев – совершенно невежественный человек. Чего стоят его утверждения о том, что когда иссякнет атомная энергия, то мы перейдем на сверхпроводящие генераторы. Или термин «каучуковая пальма», из которой добывают каучук! Второй доклад – не лучше, полнейшая безграмотность вроде «обратимого сгорания водорода». При этом докладчик давал понять, что относится к «крупным физикам, которые разрабатывают указанную проблему». Как ни странно, лучше всех выступал Женя Омельченко, в прошлом слабейший студент, а ныне уже заведующий

кафедрой. По сути, это был не доклад, а рассказ о том, как мы отстаем от американцев. По его словам: 1) мы отстаем от них на 10-15 лет; 2) наши машины используются 3 часа в сутки против 13 часов у американцев; 3) в 1978 году мы произвели 200 тысяч микрокалькуляторов, а американцы – 24 миллиона; 4) нашу вычислительную машину обслуживают 20 инженеров-электронщиков, а американскую только 3; 5) у нас полностью отсутствует математическое обеспечение.

Зато на семинаре Титаренко был прекрасный доклад «Масса нейтрино», я получил большое удовольствие. Но это – редкость.

Отец готовится к нашему приезду и написал, что хочет выбросить разные бумаги, в том числе письма среднего брата из заключения. Я тут же ему ответил, чтобы он этого не делал, но не уверен, что он меня послушается. У него все-таки что-то повернулось в голове и, кажется, необратимо.

По Би-Би-Си Анатолий Максимович рассказал о том, что несколько дней назад дирижер Максим Шостакович – сын Дмитрия Шостаковича – после гастролей в Западной Германии попросил там политического убежища – вместе с сыном.

XXVII

Братья съехались в Задонецке, как и планировали, в начале августа – младший прилетел в Харьков, и оттуда уже – вместе со старшим – прибыли автобусом в Задонецк. А средний приехал на поезде прямо из Краматорска. Когда все съехались, Петру Степановичу торжественно вручили пишущую машинку Еrika, которую отец аспиранта старшего сына Петра Степановича, в конце концов, достал через директора «Военторга».

Петр Степанович был очень доволен, рассматривал машинку со всех сторон, расспрашивал, как ею пользоваться, потом бережно уложил в футляр и унес в свою комнату. Вообще видно было, что Петр Степанович чрезвычайно рад этой встрече, он прямо светился, но при этом держался независимо и особого желания уезжать из дому не высказывал, а разговоры все больше переводил на формологию и другие свои излюбленные идеи, которые он неутомимо развивал в «Заметках дилетанта».

Время было отпускное, гостевание затянулось на неделю, а в середине недели, одолжив у соседа-рыбака польскую оранжевую палатку, братья взяли такси и отъехали на знакомое с детства место в лесу, на берегу Донца, километрах в 20 от города. Когда-то ездили туда на лошади, на отцовской бричке, бывали и потом, но порознь, со своими детьми. А теперь решили съездить втроем. Поначалу вроде бы и не собирались, но младший брат уговорил, ему, видно, и впрямь казалось, что вернулось детство.

Донец, во всяком случае, не изменился, как и маленькие песчаные отмели на левом пологом берегу – чудесные пляжи детских лет. Река в тех местах мчится быстро, против течения не поплывешь, поэтому отходили подальше вверх, а потом плыли до своей отмели и там с удовольствием прижимались к горячему песку, как делали в детстве. И трава в горячем воздухе пахла, как в детстве. А то, что жизнь была уже не впереди, как когда-то, а больше позади, о том вспоминать не хотелось и не вспоминалось.

Младший брат заботился о загаре, весь день ходил в плавках, разве что только нательный крестик не снимал да темные очки надевал, когда нужно было. Об этом крестике уже был у них короткий разговор, в первый же день в Задонецке, как только старший брат его узрел с удивлением.

– Ты же партийный!

– А что, нельзя быть партийным и православным? И ты же знаешь, какой я партийный.

– Ну, партия ладно, но, выходит, и наш батька зря старался, – сказал старший брат вроде бы нейтральным тоном, а может, и насмешливо, кто его знает. Как ни крути, а намекал он на давнюю историю, которую иначе как со смехом в молодые годы не рассказывали.

Сразу после войны мать Петра Степановича продала свой дом в Змиеве, где у нее никого уже не осталось, и купила дом поменьше в Задонецке, поближе к сыну. Была она женщина богомольная, и характер у нее был трудный, неуживчивый. Большой близости ни с Петром Степановичем, ни с Любовью Петровной у нее не получилось, покойную Катю она вообще всегда недолюбливала, а вот в младшем сыне Петра Степановича

она увидела легкую добычу. Стала брать его с собой в церковь, приучала молиться вместе с нею, уговорила креститься и заставила носить крестик. Младшему сыну Петра Степановича все это было даже интересно, сам же Петр Степанович ни о чем не подозревал. Но однажды, в осенний слякотный день, в воскресенье, когда Петр Степанович был дома, младший сын, прибежав с улицы и, опасаясь нанести грязи в дом, за что можно было и оплеуху схлопотать, – Петр Степанович был далеко не святой, как, может быть, некоторые думают, – стал разуваться на пороге. Он нагнулся, чтобы расшнуровать ботинки, а крестик возьми и вывалился из-за рубашки, да еще и оказался в поле зрения Петра Степановича.

– Это что такое? – грозно спросил Петр Степанович, тоже имевший свои убеждения.

Он взял крестик в кулак и довольно сильно дернул, младший сын Петра Степановича почувствовал это своей шеей. Шнурку же, на котором держался крестик, и вовсе не повезло: он порвался. Крестик остался в руке Петра Степановича. Он тут же подошел к топившейся на кухне печке, открыл дверцу и с яростью бросил крестик с остатками шнурка в огонь.

Младший сын Петра Степановича растерялся, а, главное, испугался за отца. По его тогдашним представлениям, отца ждала немедленная кара, столь безумное богохульство не могло остаться безнаказанным. Но ни немедленно, ни через некоторое время кара не последовала, и в душе младшего сына Петра Степановича зародились сомнения. Оказывается, и в таком невинном возрасте человеку нужна мировоззренческая ясность, и младший сын Петра Степановича решил прояснить все до конца.

Церковь, возле которой некогда стояла румынская полевая кухня и где впоследствии он не раз бывал с бабушкой, стояла на той же улице, что и его школа и еще несколько достойных упоминания зданий, например, чайная и даже милиция. Когда-то, при царе Горохе, эта улица была мощеной, и некоторые удачливые люди, представьте, имели обыкновение проноситься по ней на пролетках с рессорами. Но позднее, уже при техническом прогрессе, дореволюционное мощение оказалось не в состоянии выдержать напора колес грузовиков, тракторных, а в лихую

годину и танковых гусениц, от слабого дореволюционного мощения остались еще более слабые воспоминания.

Вот на этой-то улице младший сын Петра Степановича и подстерег отца Якова, возвращавшегося из церкви домой. Младший сын Петра Степановича уважал отца Якова, правда, уважал, если можно так выразиться, с чужих слов. Тогда много горя было вокруг, и он слышал, как женщины в церкви, разговаривая между собой, хвалили отца Якова за то, что он очень хорошо служил, что он находил для них слова утешения, сравнивали его с какими-то другими священниками, которых они знали, и приходили к выводу, что он – самый лучший. Послушав эти разговоры, стал уважать отца Якова и младший сын Петра Степановича.

Подтянув рясу повыше, худой, долговязый отец Яков осторожно брел от церкви по грязи, выискивая остатки былого мощения, – все же, думал отец Яков, идти по проезжей части лучше, чем по совсем уже расквашенному тротуару, где не было и этих остатков. Где-то на середине дороги младший сын Петра Степановича и перехватил отца Якова, возник перед ним и спросил:

– Отець Яків, скажіть, будь ласка, Бог є?

Отец Яков остановился, положил руку на плечо младшего сына Петра Степановича, который едва доходил ему до пояса, немного подумал и произнес внятно и строго:

– Бога нема!

Постоял секунду, снял руку с плеча мальчика и пошел дальше, не оглядываясь.

Когда в следующий раз бабушка позвала младшего сына Петра Степановича помолиться, он довольно нахально сказал ей:

– Бабушка, ты молись сама. Мне надо уроки учить.

Бабушка отступилась не сразу, но когда поняла, что внук потерян для Бога навсегда, зачислила его в вероотступники и не простила до конца своих дней.

Бабушка умерла, когда младший сын Петра Степановича был уже студентом. Петр Степанович не был бы Петром Степановичем, если бы и в этот горестный момент не провел воспитательной работы и не высказал свои атеистические убеждения.

Во всяком случае, младший сын Петра Степановича получил от него такое письмо.

16 октября в 8 часов утра умерла наша бабушка, проживши 84 года и 8 дней. Поскольку бабушка завещала хоронить ее со строгим соблюдением ритуалов религии, а в Задонецке мне было бы трудно это сделать, я повез ее к тете Гале, где и организовали похороны по всем правилам ритуального кодекса.

Поскольку бабушка из состава моих иждивенцев вышла, то при наличии троек у тебя нет надежды на получение стипендии. Тебе нужны будут теперь только четверки и пятерки.

Бабушка три-четыре дня до смерти жутко страдала от боли, и было стыдно за бога, который проявил к своей рабе такое «милосердие». Кем же надо все-таки быть, чтобы так щедро снабжать страданиями своих рабов и не терять названия «милосердного» бога?!

И вот теперь, можно сказать, на старости лет, младший сын Петра Степановича, это дитя безбожного века, вдруг нацепил крест, стал регулярно ходить в церковь, называя ее не иначе как храмом, соблюдал, оказывается, посты. Все это для братьев было новостью и новостью не совсем понятной. Хотелось поговорить, но вопрос-то деликатный, и, главное, братьям – и старшему, и среднему – трудно было выбрать исходные позиции для такого разговора. Критиковать религию? Советская власть и без них это делала – и делала прекрасно. А что им самим нередко хотелось спрятаться от этой власти в каком-нибудь монастыре, – так это совсем другой вопрос. Прочитать лекцию по натурфилософии? На то был отец, но и его усилия, как видим, оказались не очень успешными. И зачем лезть в душу человеку, даже и родному брату? В общем, разговор как-то откладывался...

В очередной раз выйдя из воды, братья растянулись на песке и снова стали говорить об отце (начали они этот разговор еще вечером). Сошлись на том, что надо его кому-то забирать к себе, особого-то выбора не было. Младший брат отпадал – не ехать же старику в Сибирь! Сам-то младший брат не возражал, не без основания замечая, что и в Сибири живут люди. Да и

Новосибирск – не такая уже Сибирь, а когда живешь в стандартной хрущевке, то вообще нет никакой разницы. Но все же, трезво оценив норы Петра Степановича, братья сошлись на том, что так далеко от родных мест он не уедет. Оставались Харьков и Краматорск, и надо было начинать готовить к этому отца.

Постепенно тема исчерпалась, зной сморил всех, и братья задремали, впрочем, ненадолго. Первым очнулся младший брат, поднялся с песка и пошел к палатке взять темные очки. Старший поднял голову и посмотрел ему вслед.

Младшему брату шел уже пятый десяток, но ему как-то удавалось сохранять свою атлетическую фигуру гимнаста, стал только немного сутулиться. «Как ксендз, – почему-то подумалось старшему брату, хотя он, скорее всего, никогда и не видел живого ксендза. – Может ему кажется, что так он выглядит солиднее?» Но все равно могучая спина впечатляла.

– Как это тебе удастся поддерживать форму? – спросил он, когда младший вернулся и, напялив очки, снова распростерся на песке, теперь уже пузом вверх. – Ты что, регулярно тренируешься?

– Регулярно, конечно, нет, но когда могу, – хожу в зал. Меня там все знают, могу прийти в любой момент. Для меня важно не только то, что там брусья есть и перекладина. Для меня там вся обстановка – родная. Особый запах спортивных залов, раздевалок... Я сросся с этим. И потом я люблю общаться со спортсменами. Это мне нужно как журналисту, помогает видеть изнанку событий. В спорте всегда есть своя интрига, ее можно понять только изнутри...

– Иувас интриги? – подал голос средний брат. Он, как вышли из воды последний раз и разлеглись на пляже, так сразу и заснул. Видно, большой недосып накопился, не часто ему приходилось валяться без дела. Разговор братьев его разбудил.

– Да нет, я не о том. В спорте путь к победе зависит от очень многих обстоятельств, и их надо знать и понимать, это я и имею в виду. А как раз таких интриг, как в советском учреждении или... – он поколебался – или даже как в церкви, в спорте меньше всего. Бывает, конечно, но мало. Там человек нацелен на результат. В Академии наук можно сделать карьеру, выступая на

партийных собраниях. А здесь тебе надо забивать голы или выигрывать бои, без этого ты – никто. Хочешь чего-то добиться – работай, а не занимайся демагогией, и каждый это понимает, для шелухи просто не остается места. Я много общаюсь с ребятами, иногда совсем молодыми, они очень трезво смотрят на жизнь. В школе, в институте им, как и всем, вешают комсомольскую лапшу на уши, а к ним ничего не прилипает. Леонид Ильич их, в лучшем случае, интересуется как тема для анекдотов, а то и вовсе не интересуется. Да, кстати, и ваш Анатолий Максимович им тоже до одного места.

– Так, может, их вообще ничто не интересуется?

– Просто они люди дела. Будь моя воля, я бы на высшие государственные посты назначал только спортсменов. Меньше было бы тумана.

– Только этого нам не хватало! – средний брат дремал-то дремал, а оказывается, слушал и довольно внимательно. – Помнишь, что тебе отец когда-то написал по поводу твоего восхищения спортсменами? Ты сам же мне и рассказывал.

– Ты про что? – не понял младший.

– Про «Тараса Бульбу». «Тараса Бульбу» они напишут? А тем более, «Мертвые души»?

– При чем тут «Тарас Бульба»? – не понял младший брат.

– А при том! Одно дело ляссы точить в спортивной раздевалке, а другое – управлять государством. Спорт – это игра, там все намного проще, чем в жизни. А в политике эта простота – хуже воровства. По-моему, нами как раз и управляют какие-то спортсмены: сила есть – ума не надо!

– Да ты же их не знаешь! – обиделся за спортсменов младший брат. – Они поумнее наших политиков, да и почестнее...

XXVII

День клонился к вечеру, пора разводиться костер, готовить ужин, но жаль было расставаться с теплым песочком.

– Смотрите, как красиво сверкают весла, – сказал средний брат. – Ему не хотелось продолжать разговор, перераставший в спор.

Все повернулись к реке и увидели выходящую из-за поворота маленькую флотилию байдарок – одна, потом другая, третья... На каждой было по два гребца, весла слаженно опускались и поднимались, дюралевые лопасти, взлетая, вспыхивали на закатном солнце.

Это была уже третья группа байдарочников, проходившая мимо, и старший брат всякий раз беспокоился, что они причалят к их отмели и все испортят своим присутствием. Но байдарки проходили мимо.

Он и на этот раз напрягся, сидел с непроницаемым негостеприимным лицом, а его вдруг окликнули с байдарки по имени. Вот тебе и на! Это, оказывается, был его коллега-физик, из его же института. По всем правилам надо было бы его пригласить причалить, да он и сам начал сворачивать к их отмели. Радостно улыбаясь, старший брат подошел к кромке воды.

– Привет, Вахтанг! – сказал он дружелюбно. – Если вы собираетесь делать привал, там чуть ниже за поворотом есть хорошая стоянка – чистый пляж и сход к воде очень удобный.

Вахтанг понял, поблагодарил и стал отгребать от берега. Старший брат почувствовал некоторую неловкость и крикнул ему вдогонку:

– Устройтесь, приходи в гости!

– Грузин, что ли? – спросил младший брат, когда байдарки ушли за поворот.

– Да, это наша восходящая звезда, – ответил старший. – Головастый! В 30 лет был уже доктором наук.

– У нас тоже что-то много грузин появилось, – сказал младший.

– Ну, в спорте их всегда много было, – возразил средний.

– Борцы, футболисты...

– Да не о спортсменах я говорю! В спорте ты выиграл – ты и чемпион. А у нас главврач в больнице – Цуладзе. Какие соревнования он выиграл, что стал главврачом?

– Кто-то же должен быть главврачом, – не сдавался средний брат. – Он что, хуже лечит?

– Лечит он, может, и не хуже. Но и не лучше. Почему как начальник – так грузин? Что у нас врачей своих нет?

– Может и нет, – вмешался старший. – Евреи уезжают – приезжают грузины. Ты отца нашего спроси. Он одному Сергею Львовичу доверял, а как тот уехал, его к врачу не загоишь. Заладил одно: они там все – коновалы, а не врачи, чего я буду к ним ходить! Вот если бы был Сергей Львович...

– А я и не знал, что Сергей Львович уехал, – сказал средний брат.

– Опять же с этими отъездами, – не уступал младший. – По Петру Степановичу судить нельзя, ты нашего батьку знаешь: если он упрется, его с места не сдвинешь, так ведь это не значит, что он всегда прав. Я с Сергеем Львовичем не встречался, только от мамы Любы о нем слышал. Может, он и хороший был врач, но я уверен, многие другие – не хуже, хоть они из Задонца, а не из Иерусалима.

– А он откуда, по-твоему? – спросил средний брат. – В одной с тобой школе учился.

– Ну, это я так сказал. Теперь-то уже – из Иерусалима или уж не знаю, где он там живет. Хотят уезжать – пусть уезжают. И не надо их держать, тем более, как у нас это делают.

– А как у нас делают? – не унимался средний брат.

– Могу тебе рассказать. У нас недавно в одном институте была интересная история, знаю со слов Лёшки – моего соседа, который там работает. Да я и от других слышал из этого института, Академгородок маленький, там все друг с другом знакомы. Переаттестовывался на старшего научного математик Финкель, подавший заявление на выезд. Собирались его провалить как не соответствующего должности по деловым качествам, но... Как говорят злые языки, институтский «кнессет» не мог этого допустить и не допустил. Тринадцатью голосами против одиннадцати проголосовали за него. Есть у них такой Слава Гольц, я его, между прочим, часто в спортзале встречаю, довольно приличный волейболист, так он с трибуны заявил, что своими работами Финкель, возможно, принесет институту мировую славу. «Возможно!» Херня какая-то! Он начал славословие, а Леня Петренко, которого ты знаешь (это было адресовано старшему брату), он когда-то в Харькове работал, с еще одним математиком, Городецким завершили. Леня Петренко вообще

меня удивил своей непоследовательностью. Финкеля хвалили, а Гуревича, сам мне говорил, терпеть не может...

– В чем же непоследовательность? – удивился средний брат.

– Ты спроси у нашего старшего брата. В такой же ситуации в московском институте его дружка Генделя единогласно вынудили уйти с работы, хоть он и правда, говорят, выдающийся физик, а у нас... Трудно непросвещенному разобраться, но на душе от этого противно.

Среднему брату, видно, надоело лежать, он сел, повытряхивал песок из волос, потом аккуратным жестом поправил сползший набок крестик на груди у младшего брата и спросил ехидным голосом:

– Где это ты научился так хорошо отличать еллина от иудея? Не в храме ли твоём?

Поднялся, пошел к кострищу возле палатки и стал рубить топориком сушняк для костра.

– Чего это он? – младший брат повернулся к старшему в поисках поддержки. – Что я такого сказал? Они сами лучше нас знают, где иудей, а где еллин, потому и уезжают.

– А ты бы как повел себя на их месте?

– А какое у них место? Говорят, им здесь плохо. А ему хорошо? – он кивнул в сторону среднего брата. – Он же никуда не уезжает.

– Мог бы – уехал бы, – донеслось от костра. – Только некуда. Еврей может уехать в Израиль, чтобы почувствовать себя евреем. А куда мне уехать, чтобы почувствовать себя украинцем?

– Не знаю, – сказал старший брат. – Тут много непонятного. Гуревич, коего ты помянул, мне тоже известен, и я тоже терпеть его не могу, гнусный тип. Но не гнуснее нашего Савченко – спать не ляжет, пока не настучит на кого-нибудь, хоть его давно уже никто не слушает. О чем это говорит? Да ни о чем. У меня есть приятель Федор, можно сказать, с армейских времен, потом в университете вместе учились. Ты его знаешь, кажется? После университета его сделали секретарем райкома комсомола, хоть он и сопротивлялся. Но он в армии еще вступил в вашу партию, его и обязали в порядке партийной дисциплины. И все равно, партийной карьеры делать не стал, как только смог, ушел из райкома, сейчас работает на кафедре математики в политехническом институте. Вроде порядочный

человек. А мне хвастался, что наловчился составлять нерешаемые задачи по математике, на вступительных экзаменах их дают абитуриентам-евреям, чтобы их завалить. Господь ведаёт, на хрена это ему нужно. Но если ты об этом знаешь, и у тебя растут сын или дочь, которым надо поступать в институт, как не захотеть уехать? И я ведь тоже не раздружился с Федором...

Стемнело, братья собрались у костра, разложили на подстилке привезенную с собой снедь. У старшего брата была фляжка с водкой, он стал разливать, но младший отказался, налил себе томатного сока. Чокнулись, выпили – каждый свое, поставили кружки, и младший брат с удивлением уставился во тьму, в которой, то появляясь, то исчезая за деревьями, но явно приближаясь к ним, двигался огонек.

Впрочем, особенно можно было и не удивляться. Это был фонарик Вахтанга, пришедшего с визитом вежливости. Ему тоже налили, он стал рассказывать о своих успехах по части рыбной ловли на предыдущих стоянках, о том, что он уже поставил удочки и на новом месте, – спасибо, что ты мне посоветовал такое прекрасное место, – сказал он старшему брату.

Вахтанг говорил по-русски совершенно чисто, хотя его и выдавала свойственная многим грузинам интонация, пусть и еле заметная, но придававшая его русской речи какую-то особую звуковую изысканность. Постепенно тема разговора расширилась, от рыбной ловли перешли к жизни вообще, конечно, и к политике. Младший брат бывал в Грузии и сказал, что когда туда приезжаешь из Новосибирска, кажется, что там все живут очень хорошо, намного лучше, чем в России или на Украине. Но вот он недавно посмотрел фильм «Пастораль» и понял, что за красивым фасадом тоже не все ладно, а кое-что, может быть, даже еще хуже, чем в России. Не такие уж грузины святые.

– Ну конечно, – подхватил Вахтанг, – какие святые? Вы слышали анекдот? Приходит Гога к друзьям и говорит: срочно продаю подпольную фабрику по производству кепок – знаете такие большие кепки, какие грузины любят носить? – повернулся Вахтанг к младшему брату. Тот кивнул.

– Ну вот. Друзья в недоумении: Гога, ты что, с ума спятил? Такое выгодное дело, зачем продавать? Да понимаете, говорит Гога, райком партии покупаю, денег не хватает!

Все хмыкнули, но младший брат не расслабился:

– Анекдот – анекдотом, а живете богаче, это правда. Почему так?

– Я не знаю, живем богаче или лучше пускаем пыль в глаза, – сказал Вахтанг. – Хотя, конечно, Грузия – замечательная страна, я ее очень люблю. У нас все самое лучшее. Я недавно был в Тбилиси и совсем не удивился, когда мне один мой коллега-математик сказал, что второе пришествие Мессии состоится в ближайшее время и именно в Грузии. Это уже точно известно.

– Почему именно в Грузии? – удивился младший брат.

– Вы же не спрашиваете, почему Ноев ковчег пришвартовался в Армении – если, конечно, считать Арарат армянским. А это наши ближайшие соседи. Место такое. А вы хотите, чтобы второе пришествие состоялось в Новосибирске? Разве грузины не заслуживают Пришествия больше других?

– Что вы этим хотите сказать?! – не понял младший брат.

– Я хочу этим сказать, – сказал Вахтанг, ковыряя палкой угли в костре, – что грузины – такие же дураки, как и все остальные. И больше ничего.

– Потому что верят во второе пришествие? – заинтересовался средний брат.

– И поэтому тоже, – невозмутимо ответил Вахтанг.

– Ну, тогда я с вами согласен! – Средний брат выглядел удовлетворенным, а младший-то как раз и нет. И он не преминул сообщить об этом среднему брату, уязвив мимоходом и Вахтанга.

– Зачем ты все время подчеркиваешь свое безбожие? Конечно, эти грузинские сказки – ерунда, в Библии сказано, что никто не знает ни дня, ни часа, когда явится Сын Человеческий. А тем более – где. Но ты смеешься над самим пророчеством. У тебя есть доказательства, что оно неверно? Никаких! Просто не верю – и все. Но это – такая же вера, как и у тех, кто верит в противоположное. Почему же ты так убежден в своей правоте? Ты хоть Библию читал когда-нибудь?

– Интересно, где бы я эту Библию взял? Ее что, можно в магазине купить? Но даже если бы и читал, – Библия – Библией, но я ведь и на жизнь смотрю. «I, голову схопивши в руки,

дивуюся, чому не йде Апостол правди і науки». Ти пам'ятаєш ці вірші? Ти ж їх ще й намагався перекладати*.

– Было дело. Только сейчас речь не о том. Тогда веры не было, а теперь есть. Мне тебя не переубедить, я и пробовать не стану. Приезжай к нам, познакомлю тебя с отцом Михаилом, я тебе рассказывал. Поговоришь с ним, может он тебя проймет. Зачем-то же нужна была вера человеку тысячи лет. А мы что о себе возомнили?

– Да ничего я о себе не возомнил! Людей без веры не бывает. Весь вопрос, во что верить. Если ты читал «Дон-Кихота» или «Воскресение», не догадались отобрать, то тебе не нужен никакой отец Михаил, он тебе большего не скажет. Моему христианству, если это можно назвать христианством, не нужна вера во второе пришествие, а тем более в твоего отца Михаила. Христианином можно быть и без храма – слово «храм» он вымолвил с передразнивающей интонацией, как бы взяв его в невидимые кавычки.

– Выходит, вы беспартийный христианин, – то ли спросил, то ли констатировал Вахтанг, с неожиданным интересом взглянув на среднего брата.

– Что-то вроде этого, – подтвердил средний брат. – Я, когда оказался в лагере, стучал на других, меня опер тамошний сразу завербовал, образцового сержанта! Конечно, фильтровал то, что ему рассказывал, надеюсь, никого по-серьезному не заложил, а все же стучал, да еще и оправдывал себя, понимая в душе, что мерзостью занимаюсь. А потом отказался: не буду – и всё! Вот тогда я и стал христианином. А церкви у нас там не было, да она и не была мне нужна.

– Тебе не нужна, а другим нужна, – не уступал младший брат. – А рассуждать как ты – так можно и разрушение храмов оправдать.

– Я разрушения храмов не оправдываю и согласен, что многим церковь нужна, – чтобы замаливать грехи. А жить праведно можно и без церкви.

* «И, голову склонив на руки, не понимаю, где же тот, Апостол правды и науки» (Т.Шевченко. Перевод младшего сына Петра Степановича). Ты помнишь эти стихи? Ты же их еще пытался переводить (укр.)

Младший брат, кажется, обиделся, это было видно по тому, как он несогласно покачал головой, как привычно подпер языком щеку – с детства знакомая братьям мимика, признак внутренней сосредоточенности. Он хотел что-то возразить, но его опередил старший брат.

До того времени он не вмешивался в спор, слушал снисходительно. Все-таки он был постарше – и по возрасту, и по положению, споров таких он за свою жизнь наслушался – ой-ой-ой! Но разговор, похоже, стал съезжать не туда. Историю о лагерном стукачестве среднего брата он не раз слышал, тот всю жизнь ею мучился. Только зачем растравливать раны, да еще перед чужим человеком? А как мог истолковать его слова о замаливании грехов младший брат? Надо было сменить регистр. Ион спросил, отразив свою снисходительность в тоне вопроса:

– Вот ты, Вахтанг, великий физик, как ты считаешь: Бог есть?

– Разумеется, есть! – развел руками Вахтанг, не поколебавшись и секунды. – Это даже более достоверно, чем то, что я великий физик. Как же можно без Бога? Бог – венец человеческого творения! Некоторые ведут начало человеческой истории от открытия огня, но я с ними не согласен. Огонь что? Это материальная сила. Обезьяна с огнем, но без Бога – это еще обезьяна. А человек стал человеком только тогда, когда изобрел Бога и обрел силу духовную! Бог есть!

Снова настала пауза. Старший брат хотел что-то спросить, но Вахтанг уже поднялся.

– Извините, друзья, надо идти, а то мои уже, наверно, волнуются. Спасибо за угощение и за интересный разговор. Приятно было познакомиться – Вахтанг дружелюбно улыбнулся в сторону среднего и младшего братьев, помахал рукой на прощанье и растворился в темноте. Несколько секунд свет его фонарика еще мелькал среди деревьев, а затем исчез и он.

Помолчали, а потом средний брат произнес:

– Какие разные бывают грузины.

– Много ли ты их знал? – поинтересовался младший брат, еще не остывший от спора.

– Знал одного, мне хватило, – сказал средний, поднялся и ушел к палатке.

Братья думали, что он сейчас вернется, но он не вернулся. Видно, лег спать.

А младшему брату хотелось еще посидеть. Он подбросил дров, вспыхнувшее пламя осветило лицо старшего, сидевшего по другую сторону костра. Было очень тихо, в реке плеснула рыба.

– Кого он имел в виду? Я что-то не понял...

Старший брат пожал плечами.

– Мог бы и догадаться. Мы его все знали.

XXVIII

Под объединенным натиском троих сыновей Петр Степанович заколебался и обещал подумать о переезде к одному из них. Но сомнения у братьев оставались, особенно у младшего, вообще склонного к поспешному скептицизму.

Младший брат должен был возвращаться домой через Москву, у него уже были билеты на самолет из Москвы до Новосибирска, но он беспокоился, что будут проблемы с билетами на поезд до Москвы. Беспокоился, надо сказать, не зря. Через Харьков пролегали все пути в Крым и на Кавказ, и в августе это было самое загруженное пассажирское направление. Билетов в кассе, конечно, не было, но все-таки ему удалось уехать, правда, как следует из его письма старшему брату, так и не купив билета.

Уехал я из Харькова без билета. С самого вечера и до 2 ночи на поезда в Москву было продано всего лишь около 5 билетов в кассе для пассажиров с детьми. Люди же, тем не менее, уезжали. Я вышел на перрон и с первого же захода был приглашен в купейный вагон ереванского поезда. Ехали в купе, в котором на таких же правах, как и мы, ехали летчик и завлаб какого-то НИИ, они сели в поезд еще в Ростове. Обошлось это нам даже дешевле, чем если бы мы купили билеты. Удивляться этому, конечно, не стоит, наши государственные поезда – давно уже частная собственность проводников.

Я разговорился с летчиком, и он мне рассказал свою историю, похожую на нашу. У него мать живет в деревне одна, и вообще в

этой деревне мало кто остался, но перебираться к нему в город (он живет в Барнауле) не хочет, иногда только приезжает погостить. Держится за свой дом и огород, хотя, случись с ней что в деревне, там никакой медицинской помощи не дождешься. Но она только смеется. Вот и я боюсь, как бы отец не посмеялся над нами...

Скептицизм – скептицизмом, а все же на этот раз Петр Степанович задумался о переезде всерьез. Об этом мы узнаем из дневника старшего сына за тот год.

Из дневника старшего сына. 7 сентября 1981.

Отец, кажется, сдался. Когда мы вернулись с Волги, нас уже ждало его письмо. Он дает согласие на переезд и сейчас обдумывает, как лучше это сделать. И он еще не решил, к кому переезжать.

От Волги осталось довольно много впечатлений. Рыба ловилась очень хорошо. Насмотрелись на тамошний быт: пьянка непробудная, водка – тамошняя валюта. Наши «Луч», после 26 лет верной службы, пришлось оставить в Заволжье на пристани. Было очень жаль расставаться с ним. Странно вспоминать, что когда я его купил, то первым делом сплавился в Задонецк и там катал отца и маму Любу, а она визжала, потому что боялась перевернуться. В будущем году придется покупать новую байдарку.

Партийцам читали письмо на закрытых собраниях по поводу тяжелого положения нашей страны. Анатолий Максимович сообщил, что СССР должен будет закупить за границей около 40-50 млн. тонн зерна.

В Польше происходят любопытнейшие события. Наша пресса молчит и пишет о грандиозных манёврах, которые происходят вокруг Польши, а о том, что там сейчас происходит работа съезда «Солидарности», – ни слова.

Студентов почему-то послали в этом году на промышленные предприятия. Никита работает на ХТЗ грузчиком. Сейчас он беспокоится, что если дедушка переедет к нам, то он останется без своей комнаты. Но мне кажется, что отец склоняется к переезду в Краматорск.

Из дневника старшего сына. 3 октября 1981.

Пришел на работу: у двери стоит Овечкина. – «Я к вам. Я же не могу ездить в колхоз, – я беременная, у меня токсикоз». Что я мог ей предложить? – Возьмите справку об этом. Мы должны были выделить одного человека на сельхозработы – на месяц в колхоз им. Жданова. С большим трудом удалось организовать, спасибо, ребята взяли это на себя. Первым поехал Петренко, с сегодняшнего дня его сменил Фельдман, а кто поедет через неделю? Овечкина не может, у Игнатова запланирована командировка в Дубну... Придется отменять командировку. И еще на следующий вторник требуют одного человека на казаты, к 8 утра.

Днем выяснилось, что собрать кворум на совете 9 октября, вероятно, не удастся: командировки, колхозы, больные. Нечитайло опять в запое, Света, его жена, бедненькая, плакала в телефон.

Пастера бы в этот храм науки!

Надо узнать насчет стройки нашего дома. На заседании дирекции в начале сентября Шевченко клятвенно заверял, что к весне закончат, схожу-ка я сам посмотрю, до какого этажа они добрались. Если отец надумает переезжать, то лучше бы уже в новую квартиру.

Из дневника старшего сына. 19 декабря 1981.

На днях из-за бугра передавали обращение психиатра к мировой общественности по поводу использования психиатрии в политических целях (он наш земляк, из Харькова, сейчас где-то в лагере, в Пермской области, куда его посадили на 7 лет). А.Д. Сахаров со своей женой Еленой Боннер около месяца тому назад объявили голодовку из-за отказа властей выпустить их невестку к ее мужу. Сахарова и его жену в Горьком поместили в больницу, где якобы их насильственно кормят. Можно ли этому верить? Но Польша – это же несомненные факты. В воскресенье Ярузельский объявил военное положение, пересажал всех неугодных (за одну ночь, как я понял), прервал связь Польши со всеми странами и внутри Польши прекратил телефонную и прочие связи. Сотни раненых, есть убитые... Очень оперативно все сделано, и ахнуть не успели... Наша информация ничего этого не замечает, полностью

поглощена 40-летием разгрома немцев под Москвой в 1941 году. Остального как будто бы и нет в мире. Снова вспоминают Сталина.

Сегодня нашему великому ленинцу стукнуло 75. В Кремль по этому поводу съехались все начальники социалистических стран, и все упражнялись, как в Большой Орде, в славословии. За неисчислимые заслуги ему навесили дополнительную звезду Героя Советского Союза. На этом фоне наш 85-летний отец выглядит, пожалуй, вполне нормальным, он, по крайней мере, не падок на побрякушки и заблуждается бескорыстно. Во всяком случае, он не буйный. Хотя я все же не знаю, как мы уживемся, если он переедет к нам, и немного этого опасуюсь. Отец написал, что примет решение весной.

Лида с Никитой сегодня поехали в Белгород за харчами. Не знаю, с чем они вернуться, у нас за всем почти очереди. Просвета не видно. Многие считают, что близки и у нас какие-то изменения. Но власти о деле не говорят, а заняты только политическим обработыванием народа.

В своей дневниковой записи от 7 сентября старший сын Петра Степановича, видимо, имеет в виду следующее письмо отца.

Я решил весной посетить тебя с твоей семьей и твоего среднего брата, который готовит для меня жилье во флигеле (вернее – в летней кухне). Я ему даже переслал деньги на расход по постилу полов, по ремонту потолка, окон и топки. Поэтому давай сделаем так: я весной приеду к вам, от вас наведуось в Краматорск, и за этими «оглядинами» будет видно, куда мне лучше приехать, – к вам или к нему. Вероятно, лучше всего поехать мне в это турне в конце марта или в начале апреля.

Почему я так ставлю вопрос о моем переезде? Конечно, в Краматорске мне бы можно было жить в отдельной постройке (рядом с козой), и я бы своей персоной меньше мозолил глаза. Но дело в том, что там уже живет один иждивенец – Мария Алексеевна, Оксанина мама, она уже в летах, чувствует себя плохо, а тут еще и меня принесет. Конечно, в нынешнюю вашу квартиру

я приехать не могу, но ты писал, что тебе могут дать новую квартиру. Может быть, к весне и дадут?

Вот весной и будет видно, как мне поступить: переехать ли мне к вам лучше или к ним.

Петру Степановичу всегда казалось, что если он переедет к среднему сыну, то в его жизни мало что изменится: первый этаж, огород под окнами, коза в сарае... Он так всегда жил. Он дал деньги среднему сыну на подготовку «флигеля» к зиме и считал дело решенным. Но чем ближе подходило время переезда, тем чаще он задумывался. И, если честно сказать, дело было не только в Марии Алексеевне.

Средний сын Петра Степановича был рядовой инженер, ну, может, небольшой начальник. Заработок инженера – сами знаете какой, а работа ответственная, восемью часами не ограниченная, иной раз и в выходные приходится вкалывать. Да еще хозяйство. Девочки хоть и не живут дома, а помогать надо, на стипендию не проживешь. Средний сын Петра Степановича был человек недюжинных сил, но и они стали исчерпываться, Петр Степанович чувствовал это по тону писем, которые он продолжал регулярно получать. Одно особенно его огорчило.

Прийшла весна, і ми починаємо довбатись нагородах. І осточортіло мені уже оце все. Хочеться зупинитись і подумати якщо не про Бога, так хоч про себе.

З нутр'ями ми дуже заплутувалися. Їх розвелось багато (все більше малеча), і всі вони живуть в одній загороді. Великі чудові самки знову ходять брухаті. Обідрати їх нема глузду, бо хутро в них зараз погане, та й мораль моя не дозволяє зробити це. А продати їх у нас нема хисту у часу. Обдумую шляхи, щоб припинити свій невдатний «бізнес», і не знаходжу їх. Так ми і тягнемо цей тягар зі страхом: а що же буде завтра?

Кожен день в половині шостої ранку я повинен іти до болота по очерет. Повернувшись з роботи, я товчусь, добуваючи їм корм, до заходу сонця. Кожен день я несу на плечах, піднімаючись вгору, тягар до 30 кг кілометрів за три, не зважаючи на погоду. В дощ я одягаю резинові чоботи і плащ і йду. Я так стомлююсь іноді, що сплю потім без сновидінь.

Кілька разів я продавав кітних самок на базарі, пересилюючи забобон, що продавати соромно. Кожен раз я продавав цих самок дешевше їх вартості. Якщо кітних самок не продавати, то наплотиться стільки звірят, що наша фірма зможе луснути.

Дуже хочу, щоб у мене уже не було нутрій, але як це зробити, ще не розумію.

*З місяць назад у Оксани був приступ. Щось трапилось з вестибулярним апаратом. Вона падала з ніг, вертілось в голові, була блювота. Її довелось привезти з городу, де ми працювали. Були в лікарні. Виявилось, що у неї дуже низький гемоглобін і високий тиск крові. Через тиждень Оксана стала знову в центрі нашого побуту. Я молив Богу, щоб приступ не повторювався, але він повторюється, і в моїй душі повіяло холодом.**

* Пришла весна, и мы начинаем копать на огородах. И осточертело мне уже это все. Хочется остановиться и подумать – если не о Боге, так хоть о себе.

С нутриями мы сильно запутались. Их развелось много (все больше детеныши), и все они живут в одном загоне. Большие чудесные самки снова ходят брюхатыми. Обдирать их нет смысла, потому что мех у них сейчас плохой, да и мораль моя не позволяет этого делать. А продать их у нас нет ни умения, ни времени. Обдумываю пути, как прекратить свой неудачный «бизнес», и не нахожу их. Так мы и тянем этот груз со страхом: а что же будет завтра?

Каждый день в половине шестого утра я должен идти на болото за камышом. Вернувшись с работы, я толкусь, добывая им корм, до захода солнца. Каждый день я несу на плечах, поднимаясь вверх километра три, груз до 30 кг, не глядя на погоду. В дождь я надеваю резиновые сапоги и плащ и иду. Я так устаю иногда, что сплю потом без сновидений.

Несколько раз я продавал котных самок на базаре, превозмогая предрассудок, что продавать стыдно. Каждый раз я продавал этих самок дешевле их стоимости. Если котных самок не продавать, то наплодиться столько зверушек, что наша фирма может лопнуть.

Очень хочу, чтобы у меня уже не было нутрий, но как это сделать, еще не понимаю.

С месяц назад у Оксаны был приступ. Что-то случилось с вестибулярным аппаратом. Она падала с ног, кружилась голова, была рвота. Ее пришлось привезти с огорода, где мы работали. Были в больнице. Оказалось, что у нее очень низкий гемоглобин и высокое кровяное давление. Через неделю Оксана снова стала в центре нашей жизни. Я молил Бога, чтобы приступ не повторился, но он повторяется, и в моей душе повеяло холодом. (укр.)

Когда Петр Степанович прочел это письмо, он как-то пригнулся даже, как будто это у него на спине лежал тридцатикилограммовый груз. Поселился он сейчас у среднего сына, он бы еще больше увеличил бремя, давившее и на сына, и на невестку, – он это ясно понял, поменял свое решение, и написал то письмо. Якобы он еще ничего не решил, а хочет поехать и посмотреть. А на самом деле, он уже все решил: пусть и придется ему жить в городской многоэтажке, но хоть материальным бременем он своему старшему сыну-профессору не будет, тем более у него и своя пенсия есть. А сам-то он уж к непривычным условиям как-то приспособится.

XXIX

У старшего сына Петра Степановича была хорошая трехкомнатная квартира на улице Харьковских дивизий, но сейчас его Институт строил на Павловом поле новый дом – с улучшенной планировкой, кирпичный, он давно говорил об этом отцу. Конечно, не каждый мог получить квартиру в этом доме, но старший сын Петра Степановича был человек уважаемый – видный физик, доктор наук, руководитель целого отдела. Старшая его дочь Лена с мужем давно жили отдельно, в Померках. Но сын Вася, тоже уже женившийся и переехавший к жене в квартиру, доставшуюся ей от бабушки, пока не выписывался из родительской квартиры, подрастал второй сын, Никита, к тому же нужно было взять к себе престарелого отца...

Новую квартиру – в ней было целых четыре комнаты, так что и внук Никита ничего не терял, – получили в начале лета, а осенью, после окончания огородного сезона, Петру Степановичу можно было и переезжать.

С младшим сыном Петр Степанович виделся реже, чем с его братьями, – уж слишком далеко был этот Новосибирск – но переписывался регулярно. Петр Степанович ему и сообщил первому о своем переезде.

Ликвидировал свое задонцкое хозяйство. Третьего ноября приехал ко мне твой старший брат, собрали кое-какие вещицки,

четвертого утром прибыл контейнер, все туда погрузили, сразу сели на поезд, пообедали уже в Харькове.

Квартира здесь хорошая, и мне все нравится: хорошие полы, великолепные стены, прежняя мебель, а одну из комнат выделили мне. Вася, как ты знаешь, живет теперь отдельно, у своей жены. Родители ему помогают, но все равно трудновато. Летом он был на заработках со студенческим отрядом, заработал меньше, чем надеялся, говорит, студентов крепко обсчитывают.

Невестка ко мне относится хорошо, внуки тоже. Только боюсь быть им в тягость, особенно невестке. Все-таки лишний рот. Магазины здесь получше, чем в Запонецке, но там еда была своя, с огорода, а тут все продукты надо таскать из магазина на седьмой этаж. Ладно, лифт работает исправно, а вдруг сломается?

Твой старший брат очень много работает, буквально не вылезает из своего института. А приходит домой – сразу к телефону и только и слышно: измерения, конференция, защита, симпозиум... По выходным не встает из-за письменного стола. Совершенно не думает о своем здоровье, никогда не бывает на воздухе, а курит – дым, как от целого завода. Правда, как ты знаешь, во время отпуска он каждый год ездит с семьей на байдарках – теперь уже не на Донец, а куда-то на Волгу, говорит, там рыбная ловля лучше. Но при его курении этого недостаточно, нужно бывать на воздухе ежедневно. В его возрасте следует регулярно проверяться у врачей, а он этого, кажется, никогда не делает, хотя у него дочь – врач. Я сказал ей, чтобы она, как бы между делом, посоветовала ему сходить в поликлинику. Но, может, ты тоже ему подскажешь как физкультурник? Дескать, ты, вероятно, подвергаешься облучению в своих лабораториях, так надо обязательно сходить провериться. Меня он не слушает.

Леночка, первая внучка Петра Степановича, по-прежнему жила со своим Олегом в бывшей квартире старшего сына в Померках. Они окончили медицинский институт и теперь работали в больнице – он хирургом, она – по части гинекологии. Петр Степанович почти никогда не болел, но другие же болели, и он от них понаслушался всякого про нашу медицину. Петр Степанович, конечно, не очень верил всем этим рассказам, а все-таки нет дыма без огня, и ему было спокойнее, когда

он думал, что в семье есть свои врачи. Гинекология ему, само собой, не понадобится, а хирургия – дело важное. Он об этом так думал, вообще, а оказалось, что это совсем не пустяки.

Летом, через пару лет после переселения Петра Степановича в Харьков, он поехал на недельку в Краматорск повидаться с семьей среднего сына, и там почувствовал себя плохо.

Пришлось вызывать врача, в сопровождении Оксаны срочно возвращаться в Харьков, там снова врачи... Но без знакомства – знаете, как у нас лечиться! Врач пришел – ушел, а ты болей. Он сразу и забыл про тебя. Нет, без знакомства невозможно. Младший сын Петра Степановича, более практичный, более современный, чем его братья, считал, что и без денег нельзя. Даже письмо написал.

Вы с этим не шутите, может быть, вы судите по тому, как было раньше (да и было ли еще?), но сейчас вам деньги понадобятся. Сейчас попасть в больницу – просто беда. У нас уже есть не один пример, а куча, когда спасение от смерти или инвалидности всецело зависит от взятки. Недавно попал в больницу с разрывом связок на ноге наш 32-летний коллега-журналист. Ему сделали операцию, и вот уже полтора месяца у него не могут закрыться швы. Врачи мрачно говорят, что они делают все, что положено по инструкции. Если же кому-то что-то не нравится, то они могут выписать больного хоть сейчас. Нога тем временем гниет, и рана становится все больше и больше. Буквально сегодня своим опытом о необходимости дать взятку поделился наш экономический обозреватель, который только таким образом достал из загробного царства после операции свою жену. После взятки ее перевезли в другую палату, и дело быстро пошло на поправку. У меня сейчас деньги есть, я вам пришлю.

Журналисты вообще склонны к преувеличению, Петр Степанович всегда это знал. Он обошелся без всяких денег. Олег кому-то позвонил, его сразу положили в больницу, обследовали и сказали – мужу внучки, а она уже потом передала Петру Степановичу: аденома простаты, надо оперировать. Петр Степанович колебался, но внучка уговорила. Олег, ее муж, договорится, чтобы оперировал самый лучший хирург.

– В Харькове очень хорошие специалисты, сказала она. А послеоперационный уход мы организуем.

Петр Степанович уже и не помнил, когда он лежал в больнице. Кажется, в гражданскую войну, когда его угораздило заболеть тифом. С тех пор он этих больниц боялся, как огня, понаслышался о них всякого. Но в этот раз ему даже понравилось. Хорошие кровати, чисто, палата не переполненная, из восьми коек только шесть занято. Все знали, что он родственник Олега Дмитриевича, отношение персонала было хорошее, симпатичная сестра, которая делала перевязки, всегда с ним шутила. Внучка приходила проводить, приносила фрукты. А самое главное, что операция прошла без сучка, без задоринки, он вернулся домой и чувствовал себя неплохо.

XXX

В феврале 1986 года Петру Степановичу исполнилось 90 лет.

– Это же надо! – делился он с невесткой Лидой, настигая ее на кухне. – Так и до ста лет можно доползти. Не думал, что столько проживу. Я когда с Котласа вернулся, рассчитывал: повидаюсь со всеми, годик-другой еще протяну, но не больше. Да я и до дому-то мог не добраться. Так ослабел, что уже и по теплушке этой вонючей не мог сделать двух шагов. Как узнал, что будем проезжать Сердобск, сказал, чтобы меня там высадили к чертовой матери.

– Почему в Сердобске? – спросила Лида. – Она уже знала эту историю, но старалась поддерживать разговор, чтобы старик не подумал, что она его не слушает.

– А там же Степанида жила, у меня был ее адрес. Я двое суток лежал на полу, на вокзале, писал записочки с этим адресом и раздавал прохожим. А на третий день она пришла, увидела меня, нашла где-то подводу и отвезла к себе.

– Степанида – это ваша сокурсница?

– Что-то вроде этого. У нас с ней, можно сказать, ничего не было, так, по молодости... Она вышла замуж, а когда ее мужа арестовали, оказалась в Сердобске. Она мне сообщила адрес и потом иногда писала, а я ей отвечал. Так что адрес у меня был. Степанида меня выходила, и я поехал дальше, я ведь не знал еще, что Кати нет. Домой я пришел уже на своих ногах. Но все

равно, когда сестра Галя приехала глянуть на брата, так отшатнулась даже. Ты Петя, ахнула, стал совсем старик! Что ж, говорю, значит, помирать скоро. А вот все живу и живу! Сколько это лет прошло с сорок четвертого года?

На девяностолетие Петра Степановича средний сын приехал с женой Оксаной, младший прилетел из Новосибирска один, внуки только харьковские были, дети старшего сына, Лена, конечно, пришла с Олегом.

– Девяносто лет – это большой возраст, – сказал Петр Степанович, отвечая на юбилейные тосты. – Хотя я и неплохо себя чувствую, а все ж таки пора и мне собираться в дорогу. Когда так долго живешь, забываешь многое из своей прежней жизни, а лучше всего помнятся детство и ранняя молодость. И помнятся не тем, что на самом деле приключилось, а больше надеждами. Надежды у меня были громадные! Молодость вообще отличается глупостью.

Не все в жизни получилось, как я думал в своей глупой молодости, когда считал, что мы вот-вот познаем тайну невидимости. А замыслы Циолковского сбылись, как я и ожидал. Хотя некоторые и в это не верили, Грищенко, например. Что бы он сказал сейчас? Атомные электростанции строим! Я боялся, что наше поколение все сделает, а детям и внукам ничего не достанется, это была моя ошибка.

Петр Степанович забыл, что он хотел сказать дальше, долго молчал, все терпеливо ждали.

– Может тебе это и не понравится, – Петр Степанович повернулся к старшему сыну, – но я считаю, что физикам не надо зазнаваться. Как агроном я всегда был связан с землей, с природой, может, чего и не понимаю в современной науке, но считаю, что нужно больше внимания уделять натурфилософии. Я в молодости не на шутку увлекался натурфилософией...

Петр Степанович совсем потерял нить рассуждения и снова растерянно замолчал. Средний сын сказал:

– Папа, давай выпьем за то, чтобы мы все собрались, когда тебе исполнится сто лет!

Все поднялись со своих мест, стали чокаться с Петром Степановичем, желать ему мафусаиловых лет, Петр Степанович

кивал, беспомощно улыбаясь, а сам все еще напряженно искал утерянную мысль.

– В молодости у меня был знакомый, Краулевич, хороший мужик, то он всегда говорил... не могу вспомнить!

– Петр Степанович, – вмешалась невестка Лида. – Вы устали? Может, вы отдохнете? Полежите немного, а потом вернетесь за стол. Никита, проводи дедушку и включи там свет, чтобы деда не споткнулся!

– Да, я немного устал, – сказал Петр Степанович и, сразу как-то сникнув, пошел в свою комнату.

Какое-то время все молча смотрели как он, довольно грузный мужчина, обходя стол, медленно шел к двери. А затем обе невестки начали убирать со стола, готовясь подавать горячее, а старший сын, чтобы снять возникшее напряжение, стал в комических тонах пересказывать одиссею получения талонов на спиртное по случаю девяностолетия Петра Степановича. По его словам выходило, что когда он пришел за этими талонами, то ему заявили, что их гораздо проще было бы получить, если бы речь шла о поминках. Он, будто бы, спросил у тетки, которая выдавала талоны: «Что же, вы считаете, было бы лучше, если бы мой отец умер?». А она ответила: «В таком возрасте в этом не было бы ничего удивительного».

От частного разговор перешел к общему. Вначале братья немного поспорили о том, правильно или неправильно ведется нынешняя борьба с алкоголизмом. Младший сын, счастливо излечившийся в свое время от запойного пьянства, будучи сторонником своего новосибирского земляка и знакомого профессора Жданова, считал лигачевские антиалкогольные меры полумерами и требовал абсолютного сухого закона. Средний же брат меланхолически заметил, что если до сих пор был хотя бы один товар, который можно было купить без очереди, то теперь нету и его. Но он никогда особенно не прикладывался к спиртному и поэтому не мог считаться специалистом в этом вопросе.

Когда тема спиртного была исчерпана, средний брат поинтересовался, что вообще говорят знающие люди о Горбачеве и его политике.

– Вы тут все же ближе к начальству, чем мы в нашей глухомани. Он взаправду хочет что-то поменять или затеял очередной обман?

Младший брат оказался самым осведомленным. Журналист все-таки, хоть и спортивный!

– Вроде бы хочет, но не знает как. Страна в такой заднице, что никому не известно, как ее оттуда вытащить. У нас в Академгородке сливочное масло по талонам еще можно купить, а в Бийске нет и по талонам. Академик с мировым именем у нас имеет право на килограмм сыра в месяц, а доктор наук – только на полкило. Зато на кладбище растет число могил с надписями под копирку: «погиб при исполнении интернационального долга» – где? что? – не разъясняется. Знакомый чувак, вхожий в высокие коридоры, говорит, что твердо хотят вывести наши войска из Афганистана, но есть и противники.

– За бугром тоже считают, что будут перемены, – подтвердил и старший брат, регулярно слушавший Би-Би-Си и Голос Америки. Тетчериха хвалит Горбачева, говорит, что это первый советский политик, с которым можно иметь дело. А я считаю, пока рано судить. Если Сахарова освободят, тогда я, может быть, поверю. Хотя где они возьмут мясо, все равно непонятно...

– А говорят, в Москве после смерти Брежнева стала свободно продаваться туалетная бумага, – встряла в мужской разговор Оксана. – Откуда они ее взяли?

– Наверно из стратегических запасов. – Олег встал из-за стола и пошел проведать Петра Степановича.

XXXI

Братья разъехались, младший брат вернулся в Новосибирск, а там его ждала приятная новость: его, возможно, пошлют освещать Олимпийские игры в Сеуле. Во всяком случае, его включили в предварительный список.

Младший сын Петра Степановича был человек проверенный, он часто ездил за границу, но пока только в социалистические страны. А тут – такая возможность! Надо было заполнить анкету, все рассказать о своих родителях братьях, сестрах... Если, например, кто-нибудь умер, то указать, где похоронен. В общем – все подробно. У младшего сына Петра Степановича всегда были проблемы, что писать в таких анкетах. Писать, что он был в детстве на оккупированной территории, или в детстве не считается? Что

один брат был в плену? А второй – в заключении? Что отец сидел? А если они реабилитированы? Он как-то отвечал на все эти вопросы, сообразуясь с духом времени, но от разу до разу забывал, что писал в прошлый раз, и всякий раз опасался, что напишет что-то не то, а спрашивать у кадровиков не хотел, чтобы лишний раз их не насторожить. Он больше советовался с братьями.

У старшего брата у самого были проблемы с такими анкетами по линии Первого отдела. Их периодически полагалось обновлять, он же такими секретными делами занимался. Старший брат кое-что опускал или привирал, но всегда одинаково, хотя и ему приходилось непросто: прошлое-то все время менялось. Скажем, он своих дядьев репрессированных никогда не упоминал, как будто их и не было, а они вдруг возьми и появись, их реабилитировали, стали о них писать в газетах, про дядю Васю книжка вышла. Надо их теперь указывать или нет? Он решил ничего не менять, а спросят – прикинется дурачком, скажет, не знал, дескать, что дядьев тоже надо указывать. Примерно такие советы он давали младшему брату. А тому очень хотелось поехать в Сеул, и он задумывался: а не повысит ли его шансы наличие героического революционного дяди, именем которого теперь назвали улицу во Львове и даже поставили ему там памятник? Но тогда возникнут расхождения между этой анкетой и теми, которые он заполнял прежде. Как он это будет объяснять, если спросят?

Он решил посоветоваться с братьями: стоит ли добавлять про дядю? Или лучше не надо? Впишешь какую-нибудь дополнительную мелочь, потом не расхлебашь! Старший брат советовал ничего не менять, а среднему будто вожжа под хвост попала:

Що стосується твоєї «анкети», «особистого листа» і додаткової «дрібниці», то я вважаю, що в нашому віці можна вже і не тремтіти. І як же мені хочеться хоч напоследок плюнути межі очі тим упорядникам «особистих листів».*

* Что касается твоей «анкеты», «личного листка» и дополнительной «мелочи», то я считаю, что в нашем возрасте можно уже и не дрожать. И как же мне хочется хоть напоследок плюнуть в глаза этим составителям «личных листков». (укр.)

Применить на практике совет среднего брата младший брат, конечно, не мог, только покачал головой, удивляясь необоснованной резкости полученного ответа. Видно, поездка в Сеул для среднего брата была чем-то вроде полета на Марс, он мог посчитать, что младший брат просто с жиру бесится, добиваясь этой поездки. Сам-то он только что впервые побывал в Ленинграде – и то отнесся к этому довольно спокойно. А младшему брату Сеул нужен был для профессионального роста.

О поездке в Ленинград, между прочим, мы даже и не знали, пока нам не случилось прочесть письмо, полученное старшим сыном Петра Степановича от среднего брата вскоре после отцовского юбилея.

Грустно было смотреть на отца, всегда такого самостоятельного, а сейчас такого беспомощного. Думаю о нем часто, а сказать, что за человек наш отец, не могу. Трудный характер – часть его самостоятельности, иногда даже смешной (в прошлом). Он всегда был прижимистым, но держался за заработанное, представить же себе, чтобы он позарился на чужое, – не могу. Вроде и неглупый, столько хлебнул в жизни, – а карась-идеалист, да еще какой! И много ли мы о нем знаем?

Я тут недавно побывал в Ленинграде. Впервые в жизни наш профсоюз предложил мне недельную туристическую путевку, и я согласился поехать в надежде купить сапоги моим девочкам и посетить Велория, двоюродного братца, сына нашего загубленного дядьки. Я ведь с ним никогда не виделся, да и ты, кажется, тоже. Ну и почему бы не посмотреть этот город знаменитый?

Жили мы в Ораниенбауме, километрах в 60 от Ленинграда, а завтракали в городе Ломоносов. По дороге в Ломоносов гиды с восторгом рассказывали о военном героизме и хвастались бесконечностью братских могил.

На один день я оторвался от своей группы, чтобы походить по магазинам, хотя купить сапоги тогда не удалось. А заночевал у Велория (имя это означает Великая Октябрьская революция) Васильевича. За один вечер человека не узнаешь. Он мне показался благочестивым и правоверным, а я в разговоре допускал некоторое богохульство, о чем потом сожалел. Но разговор был интересный. Велорий знает (от покойной матери) много семейных

преданий, о которых наш отец не распространяется. По его словам, Петр Степанович в молодости хотел стать писателем и даже написал повесть о пути разночинца к высшей школе. Он будто бы показывал ее Короленко, и тот одобрил. Но когда отец в 20-е годы попытался опубликовать свою повесть, ему сказали, что она слишком насыщена эсеровским духом, и он прекратил свои попытки. Я бы с удовольствием ее прочел, но, похоже, она не сохранилась.

Кстати, когда мы говорили о наших родителях, Велорий высказал неглупую мысль, что они были типичными представителями поколения крестьян, прорвавшихся к какой-то другой, новой для них жизни, в которую они с одержимостью поверили – каждый на свой лад. Не знаю, эсеровская это мысль или какая другая, но она мне понравилась.

Я подарил им две чудесные шкурки на шапку, а утром, когда мы выходили из дому, он сунул мне в карман 75 рублей на подарки для нашей женской половины. Я незаметно вынул деньги и оставил их на столике в коридоре.

На следующий день после моего возвращения домой приехала Наталка. Линия ее жизни меня пугает, так как я всю жизнь прожил в страхе, и мне богоотступной кажется ее вольность. После окончания института она работала по назначению в Донецке. Когда заболела гриппом, не обращалась к врачам и две недели пролежала дома без больничного, пока не почувствовала себя нормально. Я бы на ее месте ползком пополз на работу, как только врачи сказали, что дольше меня держать на больничном не могут. У нее испортились отношения с начальством, она поскандалила и сказала что увольняется, хотя она еще не отработала положенный срок. Начальство закусило удила, Наталка – тоже. Она перестала ходить на работу, считая, что дело ее правое и логика ее железная. Я со своей философией премудрого пескаря пасую перед ней.

Она решила добиваться «правды». В понедельник позвонила в Киев и узнала, что их министр принимает в среду. Вечером во вторник мы посадили ее в поезд на Киев. А в среду ночью нам принесли телеграмму с одним словом: «удача». Теперь из Киева она направилась во Львов, чтобы повидать свою подругу перед родами. Этот визит Наталка считаете абсолютно необходимым. Я же всю осмысленную жизнь не питал доверия ни к кому чужому и не

понимаю Наталкиной привязанности к подруге (а подруг у нее много). Что будет делать Наталка дальше, – посмотрим.

Особенно долго смотреть не пришлось.

Внучка Лиза, первая дочка среднего сына Петра Степановича, давно хотела выйти замуж, и женихи как будто были, а все не получалось с замужеством. И сын, и Оксана сильно переживали из-за этого. А Наталка, их младшая дочка, вроде и не собиралась, а выскочила. В том смысле, что вышла замуж за красивого кавказца, и когда Петр Степанович узнал об этом, она жила уже не в Донецке, а с мужем – на Кавказе.

*Наша Наталка вийшла заміж за Магомедова Володимира Магомедовича, лакца по національності, – сообщал средний сын в письме к отцу. – Зараз Магомедова Наталка живе в місті Махачкалі в родині Володимира. Вона часто пише нам великі, художнього змісту, листи, які нас чарують. Володимир уже працює, а Наталці шукають роботу родичі, і можливо, що вона буде працювати вчителькою.**

Петр Степанович, само собой, поздравил и сына, и невестку, и внучку, но сыну написал, что хотелось бы больше узнать о том, как живется теперь Наталке в чужой семье, какие у нее там условия. Там же у них, может быть, все по-другому. Они там все джигиты. У него, Петра Степановича, во времена военного коммунизма был один знакомый джигит, чуть что, – хватался за пистолет. Страшный был человек, не страшнее, впрочем, всего военного коммунизма. Его, кажется, тоже потом посадили.

Сын ответил, что сам ничего не знает, но ближе к весне собирается съездить посмотреть. А когда вернулся, описал все подробно в письме, Петр же Степанович это письмо сохранил. Вот оно.

* Наша Наталка вышла замуж за Магомедова Владимира Магомедовича, лакца по национальности. Сейчас Магомедова Наталья живет в городе Махачкале в семье Владимира. Она часто пишет нам большие, художественного содержания, письма, которые нас очаровывают. Владимир уже работает, а Наталке ищут работу родственники, и возможно, она будет работать учительницей. (укр.)

XXXII

Прибув я до Махачкали десь біля 9 годин ранку. Було видно Каспійське море, на якому гайдалась поломана крига... Мене зустрів Володимир, привів додому, а так як дома нікого не було, а Володимиру треба було на роботу, то я вирішив піти в школу де працює Наталка. В дворі школи прямо на стінах будівлі зеленою фарбою були намальовані солдати в різних положеннях: «смирно!», «отдача честі», «равнение направо» і таке інше. Цих малюнків в зріст людини було так багато, що двір нагадував казарму.

Оксану я знайшов на четвертому поверсі. У неї було «вікно», і вона щось писала у вільному від занять класі. Ми сиділи і розмовляли з Оксаною. Я був щасливий, що вона не виглядала хворобливою.

В неділю, в другій половині дня зібрались родичі Володимира подивитись на мене. Прийшло душ 8 чоловіків і одна жінка. У більшості з цих чоловіків був респектабельний вигляд. Один «гоголь», повний, напівлисий, дуже охайно одягнений, нагадував Чичикова, він має якесь відношення до міліції. Мене посадили біля Мухамеда, колишнього міністра, у цього була сива голова і мудре обличчя. Справа від мене був Курбан – найкращий лікар-гінеколог міста. Цей мені сподобався. Затаскані у нього джинси, сиві виски, віком років 45. Він мене запевнив, що коли Наталка «поспіє», то вона попаде в його руки, і що з нею повинно бути все гаразд.

Напроти мене сидів Ісмаїл, сивий, в окулярах, невеличкий чоловік інтелігентного вигляду. Потім було ще два, років під 50, схожих на якихось завмагів. Одному з них Дадай (тобто мати) цілувала руки, коли він виходив з дому. Мабуть він має велике значення для сім'ї Магомедових. В другому кінці стола було двоє молодих. Один – директор школи в тюрмі, а другий – завуч в ПТУ.

За столом пили тільки російську гірку. Особливо старанно це робили вчителі тюрми і ПТУ.

Через деякий час хтось запитав мене, що я думаю про Сталіна. Я повинен був би подумати перш ніж відповісти. Але я бовкнув: «Я думаю, що це бандит». Всі затихли.

– А що ти думаєш про те, що татар не пускають на батьківщину?

– Я думаю, це нахабство, їх треба повернути додому, – сказав я.

– Та вони ж убивці! – хтось викрикнув (мабуть тюремщик). Але Мухамед запропонував залишити політику, я з ним погодився.

Їдучи уже в поїзді, я все думав, чому вони мені задали ці питання. Невже, думав, Сталін, цей ублюдок, їхній кумир? Так я і зараз не знаю, як вони дивляться на життя.

Під час їди і випивки гості часто пропонували тости. Та єдина жінка, це жінка «Чичикова», вешиталась з Дадай і Наталкою на кухні, але зайшла, щоб промовити свій тост. Відчувався розум в неї і хист для промови. Вона зверталась до Наталки, запевнюючи її, що вони пильно слідкують за справами в їхньому роді, і всі приймуть участь, якщо буде щось негаразд. А жінка, сказала вона, мусить піклуватися, щоб чоловік її був доглянутий і нагородований.

Ая подумав, чому це така розумна і симпатична жінка повинна все життя витирати гузно свого «Чичикова»? Невже він сам цього не може робити? Але цього я вголос не сказав.

Вся ця подорож зайняла чотири дні, проте мені здавалося, що я дуже давно не був дома. Коли я, повернувшись, вночі потрапив на свою тиху вулицю з поїзда, я був дуже щасливим. Зараз я ледве не молюся, щоб у Наталки було все гаразд.*

* Прибыл я в Махачкалу где-то около 9 часов утра. Было видно Каспийское море, на котором болтались обломки льда... Меня встретил Владимир, привел домой, а так как дома никого не было, а Владимиру надо было на работу, то я решил пойти в школу, где работает Наталка. Во дворе школы прямо на стенах здания зеленой краской были нарисованы солдаты в различных положениях: «смирно», «отдача чести», «равнение направо» и тому подобное. Этим рисунков в рост человека было так много, что двор напоминал казарму.

Оксану я нашел на четвертом этаже. У нее было «окно», и она писала в свободном от занятой классе. Мы сидели и разговаривали с Оксаной. Я был счастлив, что она не выглядела болезненной.

В воскресенье, во второй половине дня собрались родственники Владимира посмотреть на меня. Пришло человек 8 мужчин и одна женщина. У большинства мужчин был respectable вид. Один «гоголь», полный, наполовину лысый, очень опрятно одетый, напоминал Чичикова, он имеет какое-то отношение к милиции. Меня посадили возле Мухаммеда, бывшего министра, у этого была седая голова и мудрое лицо. Справа от меня был Курбан – лучший врач-гинеколог города. Он мне понравился. В затасканных джинсах, седые виски, возраст – лет 45. Он меня заверил, что когда Наташа «поспеет», то она попадет в его руки, и с ней должно быть все в порядке.

Петр Степанович прочел это письмо и никак не мог сообщить, зачем его сын ездил в Дагестан, с письмом в руках пошел на кухню, где возилась невестка Лида, с недоумением стал ее спрашивать.

– Петр Степанович, он ездил проведать Наталку. Она теперь там живет с мужем.

– Так она же жила в Краматорске, – как-то неуверенно сказал Петр Степанович.

– А теперь живет в Махачкале, ее муж – оттуда.

Напротив меня сидел Исмаил, седой, в очках, невысокий мужчина интеллигентного вида. Еще было двое, лет под 50, похожие на каких-то завмагов. Одному из них Дадай (т.е. мать) целовала руки, когда он выходил из дома. Видимо он имеет большое значение для семьи Магомедовых. В другом конце стола было двое молодых. Один – директор тюремной школы, а второй – завуч в ПТУ.

За столом пили только русскую горькую. Особенно старательно это делали тюремный и пэтэушный учителя.

Через некоторое время кто-то спросил меня, что я думаю о Сталине. Я должен был бы подумать, прежде чем ответить. Но я брякнул: «Я думаю, что это бандит». Все затихли.

– А что ты думаешь о том, что татар не пускают на родину?

– Я думаю, это наглость, их надо вернуть домой, – сказала я. – Да они же убийцы! – воскликнул кто-то (кажется, тюремщик). Но Мухаммад предложил оставить политику, я с ним согласился.

Уже потом, в поезде, я все думал, зачем они мне задали эти вопросы. Неужели, думал, Сталин, этот ублюдок, их кумир? Так я и сейчас не знаю, как они смотрят на жизнь.

Во время еды и выпивки гости часто предлагали тосты. Единственная женщина, это была жена «Чичикова», возилась с Дада и Наталкой на кухне, но зашла, чтобы произнести и свой тост. В ней чувствовались ум и ораторские способности. Она обращалась к Наташе, заверяя ее, что они пристально следят за делами в их роду, и все помогут, если что-то будет неладно. Жена же, сказала она, должна заботиться о том, чтобы муж ее был ухожен и накормлен. А я подумал, почему такая умная и симпатичная женщина должна всю жизнь вытирать гузно своего «Чичикова»? Неужели он сам этого не может сделать? Но вслух я этого не сказал.

Вся поездка заняла четыре дня, но мне казалось, что я очень давно не был дома. Когда я, вернувшись, ночью добрался с поезда на свою тихую улицу, я был очень счастлив. Сейчас я чуть ли не молюсь, чтобы у Наталки все было в порядке. (укр.)

– В Махачкале? – удивился Петр Степанович, растерянно потоптался в дверях и молча ушел в свою комнату.

XXXIII

... Таблетки принимать два раз в день до еды; направление на анализы положил в серую папку; в воскресенье посмотреть передачу «Очевидное-невероятное»; чистую рубашу надел 14 марта; спросить у невестки Лиды, можно ли купить в аптеке витамины для пожилого человека... Петр Степанович теперь все записывал, память-то все чаще стала отказывать Петру Степановичу. Все бы хорошо, да потом он забывал смотреть в свои записи, а то и не мог найти их. Если все же попадал вовремя к врачу или находил свое направление на сдачу анализов, то только потому, что за этим следила невестка Лида. А передачу «Очевидное-невероятное» мог и пропустить, чаще всего и пропускал, позже, конечно, вспоминал об этом с досадой.

Через свою забывчивость Петр Степанович даже в общении с близкими частично перешел на письменную форму, как будто опасался провалов памяти во время разговора. Хотя, как знать, может, и не в том было дело... Может, его обижало недостаточное внимание собеседников? Или ему казалось, что он раздражает их, особенно старшего сына, своими разглагольствованиями? Мы не можем ответить на эти вопросы, мы всего лишь описываем известные нам факты.

Как-то Петр Степанович пожаловался старшему сыну на неисправность своей электробритвы, но тот, видимо, при своей всегдашней занятости, не посчитал дело срочным и через пару дней, вернувшись с работы, обнаружил у себя на письменном столе такое послание.

Пока не покунай новой электробритвы. Может быть, я скоро выздоровею, то я попробую сам взять с собой неисправную электробритву и начну с ней ходить по парикмахерским в г. Харькове, чтобы у них достать и вставить в мою электробритву недостающие части. Думаю, что мне удастся это: в Харькове много парикмахерских и, вероятно, в них можно найти частицы к старой электробритве, недостающие в моем хозяйстве. Я хочу тебя

*освободить от хлопот по организации ремонта электробритвы.
Папа.*

Прочитав это письмо, старший сын Петра Степановича занес к нему в комнату свою бритву.

– Побрейся пока моей, а в субботу я куплю тебе новую, до субботы у меня не получится. И при чем тут парикмахерские? В них же стригут, а не бритвы ремонтируют.

Петр Степанович посмотрел на сына растерянно, но бритву взял и побрился.

А на следующий день старшего сына Петра Степановича ждало новое письмо.

Дорогой сын, моё здоровье с каждым днем все ухудшается и ухудшается. А мне нужно обязательно побывать в тех местах, где можно исправить старую электробритву или купить новую. Я хотел это проделать так: занявшись бритвами, взять с собою электробритву и пойти с нею по Сумской или по Пушкинской улице, зайти в несколько бритвенных мастерских и попросить в них ознакомиться со старой бритвой, разобрать её и исправить, заплатив деньги в кассу, когда ремонт будет закончен. Если не сделают такой ремонт, то купи новую в мастерских бритвенных. На этом заканчиваю свою просьбу.

Извини за эту просьбу, но мне самому нельзя сделать иначе, так как состояние моего здоровья в плохом положении.

Твой папа.

Собираясь к врачу, Петр Степанович подготовил письменный доклад.

Доклад

врачу больного мужчины 92-летнего возраста,
для ознакомления с его состоянием теперь здоровья
и принятия мер лечения этого больного

Фамилия, имя и отчество этого больного – К. Петр Степанович, родился в 1896 году в Валковском уезде Харьковской губернии.

Получив в больнице справку (смотрите копию ее), я эту справку сохранил, т.к. она может быть «фундаментом» для лечения и принятия мер для нового лечения, хотя уже прошло 5 лет ровно: я пробыл в больнице 18 суток: с 14/VII по 31/VII 1983 года.

5 лет, что я прожил после больницы (она называется «Харківська обласна клінічна лікарня», урологічний відділ), где мне сделали операцию, я, как будто бы, был вылеченный, но потом начали желудочные и мочевые дела мои ухудшаться и дошли до такого состояния, что теперь бывают «катастрофы»: то необходимо через каждые 1,5-2 часа в сутки освобождаться от мочи, от кала приходится через 4-5 суток освобождаться, или клизмой, или принимать, скажем, касторовое масло, или другие лекарства, употребляемые при таких болезнях. Теперь я дожил до катастрофических фактов. Моя жизнь сложилась так, что хочется умереть.

Вот поэтому и решил кратко описать мое состояние при встрече с вами. Если у вас будут еще вопросы, то это дело примет совсем медицинскую ясность. Поскольку мне 92 года, я не страдаю, ибо такой возраст является редкостью. Правда, несколько лет тому назад в литературе мне встретились такие факты: один англичанин родился не на своих островах, а где-то в Африке (в гористой местности), так он прожил 208 лет, а одна женщина, азербайджанка, прожила на Кавказе 197 лет. Но ведь это редкость. Я считаю, что 92 года прожить трудноато тоже.

Если у Вас найдутся подходящие предложения для продолжения моей жизни, то я буду Вам благодарен. Ведь люди редко проживают 100 лет, а я все-таки уже прожил 92 года и вступил в 93-й год.

Извините, что я написал такую длинную просьбу, но лучше получить от Вас подходящие предложения о поддержании моей жизни, если они у Вас найдутся, или прямо сказать мне: «Вы уже не особенно надейтесь на продолжение своей 92-летней жизни и особенно не переживайте».

Примечание: к этому докладу приложена копия «Справки». Интересно, чем все это кончится.

Ученый агроном Петр Степанович К.
14-05-1988 г.

Судя по всему, возможности медицины помочь Петру Степановичу становились все более ограниченными. Об этом мы узнаем из письма, оставленного Петром Степановичем в кухне на столе, хотя адресовано оно было, конечно, не нам, а невестке Лиде.

Дорогая Лида,

За 93 года моей жизни я, впервые, вынужден написать такое письмо своей дочери – невестке, то есть тебе.

Дело в том, что в моем организме, в моем желудочно-мочевом отделе начали происходить изменения. Эти изменения: ночью, когда я сплю, вдруг, без моего сознания, выделяется моча, и я вынужден, когда проснусь, вытащить с постели простыню подвесить, чтобы она подсохла. Утром, когда простыня подсохнет, остается желтенькое пятно, довольно порядочного размера. Простыня эта уже высохшая, снова на вторую ночь мною используется, я снова под себя подстилаю эту простыню. И во вторую, третью ночь мною используется. И во вторую ночь, третью ночь эта простыня замачивается без моего сознания.

Я решил обратиться к тебе с просьбой: не менять этих простынь ежедневно, а можно пользоваться одной и той же в течение недели. Чтобы тебя в это дело не вмешивать, ты разреши мне самому прополаскивать в умывальнике помоченную простыню; до вечера пусть она просыхает на балконе, а когда я буду ложиться спать, то снова ее использовать, застелив постель. Если эта болезнь в моем организме перестанет существовать, то можно будет без полосканий использовать, как это было в течение 93 лет моей жизни.

Ты извини, дорогая невестка, меня за это письмо, но я хотел бы, чтобы я сам включился в эту мойку простынь. Разреши мне, чтобы не ты занималась этим деликатным случаем в моей жизни, а я сам.

Еще прошу тебя, не знакомить моего сына с этим письмом, так как его оно может расстроить, и у него будут только лишние переживания. Без этого можно обойтись.

Извини меня еще раз за это письмо, так как оно за 93 года моей жизни пишется впервые, а я хочу, чтобы такие письма не повторялись.

Прошу тебя очень не переживать. Извини...

Петр Степанович, твой отец-свекор.

После продажи дома в Задонецке Петр Степанович все деньги – порядочную сумму – положил на сберкнижку. Когда переехал в Харьков, показал сберкнижку старшему сыну.

– С той истории со вкладами в золочевскую сберкассу я им не очень доверяю. Но не держать же такую сумму дома под подушкой! Времена сейчас поспокойнее, чем тогда, войны, вроде, не предвидится, – как ты считаешь? Ты только узнай, как сделать, чтобы перевести вклад из задонецкой сберкассы в Харьков. Не стану же я всякий раз ездить в Задонецк, когда деньги понадобятся.

Деньги, лежавшие на сберкнижке, казались Петру Степановичу очень значительными, впервые в жизни он чувствовал себя богатым человеком. Впрочем, тратить свои деньги почему зря Петр Степанович все равно не собирался. Держал на черный день. Давно ушел Петр Степанович из родительского дома, с тех пор никогда не нахлебничал у кого-то, всегда был сам себе хозяин. И теперь жить у старшего сына ему было как-то непривычно, неловко, стеснительно. Невестка Лида была хорошая женщина, не всякому такая невестка попадается, но и ей может надоест кормить его и обстирывать при его-то постыдной болезни. Так если уже совсем он им станет в тягость, рассуждал Петр Степанович, у него есть деньги, он снимет себе где-нибудь комнату и будет доживать в ней свой век самостоятельно.

Нам кажется, по-настоящему Петр Степанович никуда съезжать и не собирался, так, тешил себя мыслями о своей независимости. Но если бы сберкнижки не было, так и тешить бы не мог, разве было бы лучше? Время, однако же, шло, здоровье ухудшалось... Старший сын Петра Степановича уже привык находить у себя на столе листки бумаги с отцовскими посланиями, а тут его ждал заклеенный конверт с картинкой – развевающиеся на фоне голубого неба красные флаги и поверх всего слова: Май! Мир! Труд! Старший сын распечатал этот

конверт, который он же и дал Петру Степановичу накануне, и извлек оттуда письмо.

Дорогие дети,

Если бы я сегодня умер, то я бы оставил вам такую записку распределения моих денежных средств сыновьям и невестке:

Старшему сыну, у которого я живу – 6000 рублей.

Среднему сыну 5000

Младшему сыну 5000

Невестке Лиде, которая за мной ухаживает 2000

Итого 18 000

Сейчас у меня, кроме 16 602 рублей, хранящихся в сберкассе, есть при мне около 2000 рублей. Если я еще буду жить, то в сберкассе к 16 602 рублям прибавятся проценты, и хранящиеся деньги увеличатся. Тогда всем вам четверем пропорционально можно выдачу увеличить. Если хотите, я сейчас могу дать часть денег вам, а хотите, то пусть эти деньги сохраняются в сберкассе.

Платеж Лиде я сейчас вношу за квартиру со столом 50 рублей в месяц, а хотите, то могу платить 60 рублей в месяц, так как мне государство ежемесячно выплачивает пенсии 62 руб. 70 копеек.

Обсудите этот вопрос, и вы увидите, что я живу у вас не даром. Правда, Лиде приходится за мной ухаживать: стирка белья, приготовление пищи и т.д. Все это отнимает время у нее.

Мне освободить вас от моей персоны, при моем состоянии здоровья, никак нельзя. Мне сейчас трудно сходить даже в аптеку. Чувствую, что я буду жить у вас уже не долго, но я не знаю, куда мне перейти от вас при моем ужасном состоянии здоровья: ведь Лиде, наверно, хочется, чтобы я немедленно вас «освободил».

Прошу вас, сына и невестку, оставить меня на жительство у вас до моей смерти; мои средства в сберкассе на сегодняшний день составляют 16 602 рубля и прибавляются на 3% ежегодно.

Быть на квартире у частников с моим заболеванием живота и мочевых каналов в последнее время ужасно, и в частной квартире я буду от стыда бедствовать. А когда я живу у вас, то вы уже привыкли к моим позорным заболеваниям, и мне от этого легче.

Цель этого письма: сделайте мне предсмертное одолжение, чтобы мне представилось более спокойно прожить остаток моей жизни; мне уже идет 94-й год...

Ваш папа и свекор.

Старший сын Петра Степановича показал это письмо жене, и на следующий день, когда Петр Степанович ел на кухне геркулесовую кашу, которую он готовил себе каждое утро, она села за стол напротив него.

– Петр Степанович, вы меня обижаете. С чего вы взяли, что я хочу от вас освободиться? У меня такого и в мыслях не было!

Петр Степанович посмотрел на нее вопросительно.

– А я и не говорю, что ты хочешь от меня освободиться. Ты всегда обо мне заботишься, я тебе очень благодарен.

– Но вы же написали в письме...

– В каком письме? – искренне удивился Петр Степанович.

XXXIV

12 февраля 1991 года Петру Степановичу должно было исполниться 95 лет, надо было бы отметить, но Петр Степанович почему-то этого не хотел и несколько раз повторил, что просит ничего не устраивать. Старший сын не знал, как быть, советовался с братьями.

Младший брат заранее не мог сказать, сможет ли приехать, а средний вроде бы собирался. Незадолго до отцова дня рождения от него пришло письмо.

Думаю, тобі вже відомо, що держава зробила подарунок нашому батькові до дня народження. По радіо оголосили, що вклади громадян в ощадкасах заморожуються. Якщо він про те не знає, так і не треба йому казати, щоб його не засмучувати. Пам'ятаєш, як він бився за свій внесок 28-го року, а ми сміялися? У нас, звичайно, грошей на книжці було небагато, але якась заначка на крайній випадок була. Тепер немає і її. Давно нам всім треба було зрозуміти, що бігати з нашою державою наввипередки – справа безглузда, держава все одно тебе об'є... . Навіть якщо через якийсь

час наші вклади розморозять, на ті гроші можна буде купити хіба що пару покійницьких капців.

12 лютого хочу приїхати, один, без Оксани, хоча фізично вона почуває себе непогано, дотримуючись моєї системи спартанського життя, помітно схудла і перестала скаржитись на серце. В мене також нічого не болить, і я почуваю себе цілком здоровим, але ніякої мети на майбутнє немає, і я все ясніше усвідомлюю собі, що мій шлях пройдений, і що пора збиратись в інший світ. До батькових років мені не дожити. Він завжди був ідеаліст і вірив в науку і прогрес, а єдине, в що я ще вірю, це городи, та кози. Тому все літо я так наполегливо копав, садив, полов, травив колорадських жуків і т. ін., і, зважаючи на нестабільність нашого добробуту, наступне літо нічим не буде відрізнятися від минулого. До речі, нещодавно наша коза Квітка привела трьох козенят, але вона стала давати дуже мало молока. Мабуть виснажилась. Треба якось її поправити.

Намагаюся щось розуміти в політиці, дивлюсь що діється в оточенні, і нічого, щоб підігріло якусь надію на краще, не бачу. Хоч логіка підказує, що КППС повинна б послабити свою хватку, а то й згинутися.

*Цілуємо вас.**

* Думаю, ты уже знаешь, что государство сделало подарок нашему отцу на день рождения. По радио объявили, что вклады граждан в сберкассах замораживаются. Если он об этом не знает, так и не надо ему говорить, чтобы его не расстраивать. Помнишь, как он сражался за свой вклад 28-го года, а мы смеялись? У нас, конечно, денег на книжке было немного, но какая-то заначка на крайний случай была. Теперь нет и ее. Давно нам всем нужно было понять, что бегать с нашим государством наперегонки – дело бессмысленное, государство все равно тебя объе.... Даже если через некоторое время наши вклады разморозят, на те деньги можно будет купить разве что пару покойничьих тапочек.

12 февраля хочу приехать, один, без Оксаны, хотя физически она чувствует себя неплохо, следуя моей системе спартанской жизни, заметно похудела и перестала жаловаться на сердце. У меня тоже ничего не болит, и я чувствую себя вполне здоровым, но никакой цели на будущее нет, и я все яснее осознаю, что мой путь пройден и что пора собираться в иной мир. До отцовских лет мне не дожить. Он всегда был идеалистом и верил в науку и прогресс, а единственное, во что я еще верю, это огороды, и козы. Поэтому все лето я так упорно копал, сажал, полон, травил колорадских жуков и тому

Так що середнього сына ждали. Но накануне дня рождения позвонила Оксана и сказала, что он загрипповал и приехать не сможет. От них пришла поздравительная телеграмма, от младшего сына – тоже. Через пару дней старший сын Петра Степановича получил еще и письмо от среднего брата.

Дуже шкодую, що не зміг приїхати, хотілося побачити і батька, і всіх вас. Як він? Останній раз, коли я його бачив, мені здалося, що він сильно здав. Я вкладаю фотокартку наших онуків для нього, на звороті я написав йому кілька слів. Скажи батькові, що коли я одужаю, приїду побачитися.

Дома у нас майже без перемін, але життя проходить швидко і безбарвно. Лякали, що з Нового року пенсіонерів будуть витурювати, але мене поки залишили, і я продовжую їздити на працю. Що стосується повсякденного життя, то я його весь час порівнюю з найтяжчими роками і знаходжу, що ми живемо чудово. Головне, що є хліб і сіль.

До політики я втратив майже всяку цікавість. Всі брешуть, і кінця цьому не видно. Що нас чекає далі, не маю ніякого уявлення. Схоже, що нас знову погонять до комунізму, а спереду будуть комуністи, на цей раз з попами. Ззаду будуть теж вони, але з гвинтівками. В дорозі до комунізму, напевно, їсти буде нічого. Наїмось, коли дійдемо...

Національного відродження ми навряд чи дождемось. Дозволили на зупинках в метро у вас об'являти їх назви українською мовою – і це вже дуже багато. Думаю, що на цьому оказамілюванні все і скінчиться. Залишки української особистості будуть розтоптані. Ще деякий час буде розіграватися комедія з

подобное, и, учитывая нестабильность нашего благосостояния, следующее лето ничем не будет отличаться от прошлого. Кстати, недавно наша коза Квитка принесла трех козлят, но она стала давать очень мало молока. Видимо, истощение. Надо как-то ее поправить.

Пытаюсь что-то понимать в политике, смотрю что творится вокруг, и ничего, что бы подогрело какую-то надежду на лучшее, не вижу. Хотя логика подсказывает, что КПСС должна бы ослабить свою хватку, а то и исчезнуть.

Целуем вас. (укр.)

суверенитетом, а тоді заглухне і це. А може, ще буде якась несподіванка, і життя потече в інший бік? Подивимось.

*Гадаю, що від наших поглядів і прагнень нічого не залежить. Всі події проходять, не торкнувшись рядового громадянина. Кажуть, що скоро буде референдум. Мабуть, це буде якесь наступне шарлатанство. Сьогодні слухав виступ Олени Боннер. Вона говорила коротко, але розумно. Каже, що всім вчинкам наших керівників передує брехня і радить бойкотувати референдум. Як думаєш ти?**

12 февраля был рабочий день, поэтому решили отметить день рождения в следующий выходной. В воскресенье утром Петр Степанович зашел в комнату старшего сына.

* Очень жалею, что не смог приехать, хотелось повидеть и отца, и всех вас. Как он? Последний раз, когда я его видел, мне показалось, что он сильно сдал. Я вкладываю фотографию наших внуков, на обороте я написал ему несколько слов. Скажи отцу, что когда я выздоровею, приеду повидаться. Дома у нас почти без перемен, но жизнь проходит быстро и бесцветно... Грозилась, что с Нового года пенсионеров будут выгонять, но меня пока оставили, и я продолжаю ездить на работу. Что касается повседневной жизни, то я ее все время сравниваю с самыми тяжелыми годами и нахожу, что мы живем прекрасно. Главное, что есть хлеб и соль. К политике я потерял почти всякий интерес. Все врут, и конца этому не видно. О том, что нас ждет дальше, не имею никакого представления. Похоже, что нас снова погонят к коммунизму, а впереди будут коммунисты, на этот раз с попами. Сзади будут тоже они, но с винтовками. В пути к коммунизму, наверное, есть будет нечего. Наедемся, когда дойдем... Национального возрождения мы вряд ли дождемся. У вас позволили объявлять названия остановок в метро на украинском языке – и это уже очень много. Думаю, что на этом очковтирательстве все и кончится. Остатки украинской самобытности будут растоптаны. Еще некоторое время будет разыгрываться комедия с суверенитетом, а потом заглохнет и это. А может, еще случится какая-нибудь неожиданность, и жизнь потечет в другую сторону? Посмотрим.

Думаю, что от наших взглядов и стремлений ничего не зависит. Все события проходят, не коснувшись рядового гражданина. Говорят, что скоро будет референдум. Наверно, это будет очередное шарлатанство. Сегодня слушал выступление Елены Боннэр. Она говорила кратко, но разумно. Говорит, что за всеми поступками наших руководителей стоит ложь, и советует бойкотировать референдум. Как думаешь ты? (укр.)

– Лида сказала, что вы хотите сегодня праздновать мой день рождения. Давай отменим это дело. Не такое важное событие. И где взять столько продуктов? Это ж надо в очередях стоять!

– Да ты уже говорил, папа. А потом согласился. Все уже куплено.

– Не помню, чтобы я соглашался. У нас разговора об этом не было.

Старший сын Петра Степановича давно уже старался поменьше общаться с отцом – всякий раз на него накатывала волна раздражения. А чего, собственно, раздражаться? Еще неизвестно, каким ты сам будешь, приведись тебе дожить до девяноста пяти лет, может, совсем выживешь из ума. Даже точно выживешь!

Рассуждал он, как видим, правильно, а толку от этого не было никакого, характер, мы же знаем, у него был очень вспыльчивый. На вопросы отца он обычно отвечал саркастически, но кратко, чтобы не разогреться до вспыхивания. Отец на долгих разговорах не настаивал, а обижался он на сарказмы старшего сына или нет, тому было неизвестно, а нам – тем более.

В этот раз обошлось без сарказма, день рождения все-таки, но не без обычной краткости. Старшему сыну Петра Степановича позарез нужно было к понедельнику написать отзыв на диссертацию, и сделать это надо было до обеда, пока не сядут за стол. Не подводить же диссертанта из-за своих домашних дел! Он еще смотрел на отца, а вполглаза уже в диссертацию.

Петр Степанович потоптался посреди комнаты.

– Ну как знаете, вам виднее. Я вот хотел тебе рассказать, мне сегодня интересный сон приснился. Тебе как человеку, связанному с космическими полетами, должно быть интересно.

Этого только не хватало!

– Может, ты потом расскажешь, папа?

– Потом я забуду.

Пришлось слушать, нельзя было обидеть отца в этот день.

На праздничный обед в честь Петра Степановича, пришли внуки. Олег, муж внучки Лены, с которым у Петра Степановича еще со времен его больничной эпопеи, сложились почти приятельские отношения, спросил:

– Петр Степанович, вы прожили почти целое столетие. Какой кусок вашей жизни кажется вам самым лучшим?

Петр Степанович задумался. При всей его забывчивости, касавшейся недавних событий, давние он помнил хорошо, нередко до деталей, до отдельных звуков и запахов. Но только отдельные события – перебрать в памяти все пережитое у него не получалось, он быстро уставал, мысль отвлекалась на что-то другое. Сейчас вдруг в памяти всплыла та давно забытая, казалось, зимняя лунная ночь, когда он ехал на санях с вечеринки райсельхозсоюза и ощущал себя частью мироздания, и она вспомнилась в мельчайших подробностях, и звездным небом, и запахом овчины от полушубка, от бараньей полости, и лаем выбежавших его встречать собак, и какими-то необыкновенными ожиданиями, и чувством, что ты хозяин в этой жизни...

– Трудно выбрать, – сказал Петр Степанович. – Может, при НЭПе? Или то просто молодость была? Ведь самый лучший кусок жизни – это молодость. А вообще были разные куски... Я на свою жизнь не обижаюсь. Жаль только, что поумнел поздно. Но я все свои мысли успел записать, почитаете, когда умру...

XXXV

Летом, в августе, оставив отца на попечение Лены, старший сын Петра Степановича с Лидой и сыном Никитой, как обычно, поехали на Волгу – рыбачить. Он никогда не расставался со своей «Спидолой», был в курсе всех новостей, сразу узнал и о московских событиях, а уже по дороге домой – об их благоприятном исходе.

В Харькове ничего не изменилось, отец был в добром здравии – насколько это было возможно в его возрасте и при его общем состоянии здоровья. Дома ждало письмо от среднего брата.

Здоров, брат!

Кілька днів тому одержав від тебе просторого листа, не відповідав, знаючи, що ви у відпустці. Але коли цей лист дійде до вас, ви, напевно, вже повернетесь.

Як почуває себе батько? У вересні хочу, нарешті, приїхати побачитися.

Про життя і ціни не буду писати, бо всім відомо, що в цій справі діється.

Наталка з обома хлопцями півтора місяця назад поїхала в Махачкалу до батьків Володимира, а зараз живе з ними в аулі десь в горах. В своєму листі вона написала про бідність гірської землі, про велич і багатство наших просторів, які вона оцінила тільки тепер. Про прикрість, що володарі цих просторів зовсім не шанують їх, тому що ці володарі не знають і в упор не бачать, звідки береться хліб і всяка благодать. Наталка ще описала, як гірські жінки від джерела носять воду в мідних глеках ємкістю 20-25 літрів по крутих стежках і на значну висоту.

Надіємося, що в вересні Наталка з хлопцями повернеться назад. Я вже починаю сумувати за ними. Моє життя проходить на роботі, де я спілкуюсь з невеличкою кількістю людей. Повернувшись додому після 17-ї години пораюсь біля кіз, кой-що роблю по господарству, але намагаюся знайти і час, щоб побути з онуками. Ці хлопці мені подобаються. Обоє дуже активні, темпераментні, дуже цікавляться всім навколо. Коли вони в іншій кімнаті, весь час чути вигуки захоплення, потім свари, плач, потім знову діло, гурчати губами машини, трактори, потім щось малюють і т. ін.

*Нещодавно одержав листа від Велорія. Ось що він пише:**

* Здорово, брат!

Несколько дней назад получил от тебя пространное письмо. О жизни и ценах не буду писать, и так всем известно, что с этим творится. Наталка с обоими ребятами полтора месяца назад уехала в Махачкалу к родителям Владимира, а сейчас живет с ними в ауле где-то в горах. В своем письме она написала о бедности горской земли, о величии и богатстве наших просторов, которые она оценила только сейчас. О горечи от того, что хозяева этих просторов совсем не ценят их, потому что эти хозяева не знают и в упор не видят, откуда берется хлеб и всякая благодать. Наталка еще описала, как горские женщины носят воду в медных кувшинах емкостью 20-25 литров от источника по крутым тропам и на большую высоту.

Надеюсь, что в сентябре Наталка с ребятами вернется. Я уже начинаю скучать по ним. Моя жизнь проходит на работе, где я общаюсь с небольшим числом людей. Вернувшись домой после 17 часов, когда уже темно, хлопчу возле коз, кое-что делаю по хозяйству, но пытаюсь найти и время, чтобы побыть с внуками. Эти хлопцы мне нравятся. Оба очень активные, темпераментные, очень интересуются всем вокруг. Когда они в другой комнате, оттуда все время слышны увлеченные крики, потом ссоры, плач, потом

«Получил справку из Военной прокуратуры, за что арестовали и кончили Василия Степановича. Сразу по трем статьям: террористическая, диверсионная, контрреволюционная деятельность. По каждой из них – расстрел! Не пойму, зачем три раза? За это все мне дали бесплатный проезд в метро, трамвае и автобусе. Во Львове же улицу его имени новые демократы снова переназвали по-старому, бюст из сквера убрали и предложили мне забрать его и установить на могиле отца. Они, видно, не знают, что у него нет могилы, и где он похоронен – неизвестно. Что теперь делать, не знаю».

Зараз ми дуже заклопотані утриманням свого господарства. Ще треба викопати картоплю, якої, мабуть, буде дуже мало, і вибити соняшник. Мороки так багато, що я не дивлюсь телевізор, не читаю газет. Брюючись вранці, слухаю Бі-Бі-Сі або Свободу і узнаю звідки, що діється на білому світі. Так сьогодні вранці і узнав, що Горбачова скинули з посади президента. Може ми будемо свідками ще одного завитка безглуздя*.

Старший брат сразу же ответил.

Отец, вроде бы, в порядке, но в полной растерянности от политических событий, смысла которых он совершенно не понимает, – к перестройке и к Горбачеву всегда относился подозрительно и вообще, на старости лет, стал большим приверженцем порядка. Он и нас ведь считает непозволительными вольнодумцами. Сейчас не может понять, как можно управлять страной без КПСС (он что-то слышал по радио о ее роспуске).

На Волге мы хорошо отдохнули, рыбалка была замечательная, но, боюсь, это последний раз, что Никита с нами поехал. У него

опять за дело, урчат губами, изображая машины, тракторы, потом что-то рисуют и т.д.

Недавно получил письмо от Велория. Вот что он пишет: (укр.)

* Сейчас мы погружены в заботы о нашем хозяйстве. Предстоит еще выкопать картошку, которой, видимо, будет очень мало, и выбить подсолнухи. Мороки так много, что я не смотрю телевизор, не читаю газет. Брюясь по утрам, слушаю Би-Би-Си или Свободу и узнаю оттуда, что творится на белом свете. Так сегодня утром и узнал, что Горбачева скинули с поста президента. Возможно, мы станем свидетелями еще одного витка безумия. (укр.)

уже своя жизнь, и он с нами немного томился. Василий с Ириной давно отделились, ездят куда-то со своими друзьями, в этом году были в Карелии. А вдвоем Лида ездить не согласится – мало ли что может приключиться.

Но пока о будущем годе думать рано, неизвестно еще что будет вообще со всеми нами. Ситуация какая-то очень мутная, хотя и надежды есть.

Твое письмо получили, вернувшись с Волги, где узнали и про путч, и про его провал (уже на обратном пути). В поезде люди обсуждали эти события, и хотя большинство, вроде бы, радо, что путч провалился, видно, что у людей – каша в голове, почти как у нашего отца. Мои коллеги институтские не лучше. Ты помнишь Приходько, моего соседа по садовому участку, мы там с ним когда-то выпивали. Он дошел до Берлина и рассказывал нам, под пьяную руку, как насильовали немок. Я спросил: и ты тоже насильовал? Он сказал, что не насильовал, а ты ему: совесть не позволяла? Помнишь, что он ответил? Нет, говорит, я боялся, что у меня не получится. Он у нас сейчас тоже отделом заведует, как и я. Так он считает, что Горбачев непозволительно распустил народ, а путчисты хотели снова закрутить гайки, и это правильно. Он, между прочим, сын раскулаченного, и до Горбачева это скрывал, а сейчас чуть что – не прочь об этом напомнить.

Первые дни после отпуска всегда бывали не очень напряженными, и старший сын Петра Степановича торопился закончить давно начатую статью, по опыту знал, что потом засосет повседневная текучка, работать будет некогда. Если что и удавалось сделать, то дома и урывками. Сейчас же он сидел спокойно в своем служебном кабинете, и ни одна собака его не побеспокоила, и все получалось. Сентябрьский легкий ветерок шевелил листву за приоткрытым окном, солнечные блики лежали на стене кабинета, мозги варили вполне удовлетворительно. Всегда бы так!

Два дня прошли спокойно, а на третий, перед обедом – звонок из дому:

– Приезжай скорее, папе нехорошо!

Статью пришлось отложить. О дальнейшем знаем из письма старшего сына Петра Степановича братьям.

Здравствуйте, дорогие братцы!

Похоже, что папа доживает последние дни. Этого поворота событий мы ожидали, как вам известно, довольно давно, ведь ещё семь лет назад у папы был обнаружен рак предстательной железы. После операции врачи сказали, что он может прожить ещё несколько лет. Известны случаи, что при таком же заболевании люди живут до пятнадцати лет. Однако, в данном случае, наверное, следует принимать во внимание и возраст.

Крутой поворот в папином состоянии проявился внезапно в прошлую среду, во время обеда папа упал вдруг на пол, и его очень трудно было поднять. На следующую ночь эта же история повторилась несколько раз. Хотя мы очень просили папу лежать, но он продолжал вставать с кровати. Уговоры на него не действуют, о своих падениях, несмотря на ушибы, он не помнит. Это всё было бы полбеды, если бы эти новые симптомы не сопровождалось самопроизвольным выделением кала и мочи, мы не успеваем менять ему бельё. Каждый раз папа считает, что это с ним происходит впервые: память ему изменяет даже в событиях пятиминутной давности.

Сначала мы полагали, что у папы случился микроинсульт, затронувший центры, которые регулируют функции кишечника и равновесия. Однако, врач, осмотревший его, нашёл, что опухоль предстательной железы разрослась настолько, что поразила сфинктер и мочевыводящие пути. Не исключаются метастазы. Помочь в этом случае ничем нельзя – процесс этот необратим. Остаётся только ждать конца. Опухоль настолько велика, что, по мнению врача, она должна давать сильные боли. Однако папа на боли не жалуется. Это врач объясняет тем, что у папы глубокий склероз головного мозга, в результате чего у него атрофированы болевые центры. Пока папе прописали сильное снотворное, чтобы он не вставал, мы очень боимся, что очередное падение может закончиться каким-нибудь переломом.

Папа постоянно просит есть, ему кажется, что он давно не ел, даже в этом ему изменяет память. Он не помнит, что несколько минут тому назад я его из ложечки покормил.

Вот такие у нас дела...

Средний брат через день приехал в Харьков, боялся, что не успеет попрощаться с отцом. А от младшего брата пришло письмо.

Отцу тяжело жилось, и умирает он, как ты описываешь, тяжело. За что? Не может же Господь наказывать его за тот сорванный крестик! А за что еще? За неверие?

Как всегда, чувствую себя виноватым перед вами: вижу, что уход за отцом превратился в кошмар для вас, а помочь ничем не могу.

Вообще, я свинья, что так давно не писал, а теперь только откликаюсь на столь грустные новости. А все политика, пропади она пропадом!

19 августа я крутился в Москве как газетчик. Хотя активных защитников Белого дома по отношению к числу жителей было очень мало, но решимость их впечатляла. Первыми, как мне показалось, стали организовывать сопротивление люди от 40 и старше. Молодежь сначала глазела, а потом стала практически основной силой. Сознаю, тогда я был тронут храбростью людей. А теперь думаю: может мне все померещилось по моей наивности или дурости, что в наше время почти одно и то же? Татьяна смеется над моим идеализмом и считает, что до добра он не доведет. Похоже, она права.

Сейчас говорят, что ГКЧП все равно победил. Опять какие-то игры, интриги. И чертовски обидно, что новоявленные вожди так бездарно использовали революционный энтузиазм и надежды.

Неужели агония отца совпадает с агонией страны, и он унесет ее с собой в могилу?

Вот тебе и Петр Степанович! Кто бы мог подумать?!

Хотя, чего, собственно, удивляться? Разве мы не видим: не осталось уже почти что настоящих Петров Степановичей, он, можно сказать, последний из могикан. А эти новые, молодые – им на все наплевать. Били их, наверно, мало, сажали мало! Теперь опереться не на кого, вторую подпись поставить некому – откуда же порядок в государстве возьмется?

Но это мы так, от себя добавляем, может быть, и зря. Не нашего ума это дело!

XXXVI

Средний и младший братья уехали на следующий день после похорон: младший торопился на какие-то соревнования, а средний плохо себя чувствовал и боялся совсем разболеться, не доехав до дому. Комнату Петра Степановича Лида помыла и проветрила, но старший сын Петра Степановича зашел в нее только в следующий выходной.

После отца не осталось почти никаких вещей, все его пожитки уместились в одном чемодане – изрядно поношенная одежда, которая уже никому не могла согдиться. И был еще допотопный дерматиновый портфель.

В портфеле, в отдельном пакете из плотной бумаги, лежали документы Петра Степановича – паспорт, трудовая книжка, пенсионное удостоверение и сберегательная книжка. Была еще пачка с фотографиями и всякого рода справками и удостоверениями давних лет, лежали там и две сберкнижки 28-го года. Остальное же пространство вместительного портфеля занимали конторская книга с надписью «Гипотетические заметки дилетанта» и еще какие-то частично разложенные по папкам газетные вырезки и старые рукописи, написанные фиолетовыми чернилами – либо тоже в конторских книгах, либо просто на разграфленных больших листах, – старший сын пока не стал их смотреть, решив, что сделает это в другой раз. Он снова аккуратно уложил все в портфель, вынув из него только сберкнижку Петра Степановича, на которой была довольно большая сумма денег, оставшихся от продажи дома, и одну фотографию, где Петр Степанович стоял с мамой Катей под пальмой, а красивая надпись с завиточками сообщала, что это был Крым, 1927 год. Никто из детей даже и не знал, что папа с мамой когда-то были в Крыму. То есть, может быть, когда-то знали, а потом забыли.

Старший сын долго смотрел на эту фотографию, а потом поставил ее перед собой, оперев на ствол настольной лампы, пододвинул к себе машинку «Эрика» и принялся писать письмо братьям. Отец, получив эту машинку в подарок на свое 85-летие, никогда ею не пользовался и даже, кажется, не открывал. Вскоре после переезда в Харьков он принес ее старшему сыну и сказал,

что он всю жизнь мечтал о машинке, но привык писать пером, и теперь ему уже поздно переучиваться. «А тебе, при твоём положении, пишущая машинка необходима», – сказал Петр Степанович.

Старший сын тоже прежде никогда не имел дела с машинкой, тем более что на ней нельзя было писать формулы, а он никак не мог обходиться без них в своей работе. Но коль скоро машинка оказалась у него на столе, он постепенно вошел во вкус и стал пользоваться ею все чаще, а формулы вписывал от руки. Воспользовался он ею и сейчас.

Здравствуйте, дорогие братцы!

Пишу на машинке под копирку, так как не хочется писать письмо дважды.

До крематория еще не добрался. Для получения урны на руки якобы следует иметь разрешение от начальства кладбища, где предполагается урну захоронить. Видимо, надо кому-то из нас съездить в Задонецк на кладбище, где похоронена Любовь Петровна, и узнать, можно ли там же похоронить прах отца.

Не возьму в толк, что делать с отцовской сберкнижкой. Отец так и не узнал, что его вклад недоступен. Сейчас эта книжка – пустая бумажка, и чует моя душа, что так оно и останется. Но все же сумма на ней приличная, а чем черт не шутит! По завещанию мы должны разделить отцовский вклад на три части (Лида от своей отказалась), даже и понимая, что делим пустоту.

Я побывал у нотариуса, но ничего вразумительного не узнал, понял только, что в этом деле не обойдешься без хлопот. Создаётся впечатление, что нотариальные конторы специально организованы так, чтобы у клиентов отпала охота с ними иметь дело.

Как мне разъяснили, вступить в наследство мы сможем только по истечении срока в полгода после смерти папы. Для этого следует, прежде всего, написать заявления о том, что мы претендуем на наследство, или отказываемся от него (!). Заявления должны быть написаны каждым из нас в отдельности. Вы имеете право по доверенности позволить мне вести от вашего имени все дела по вопросу о наследстве.

Когда будете оформлять все бумажки у ваших нотариусов, пожалуйста, получите у них подробные консультации по вопросу

о наследовании и сообщите мне об этом. Люди говорят, что нотариусы сознательно чего-то не договаривают, с тем чтобы к истечению полугода в наших делах не хватало какой либо закорючки, а отсутствие такой закорючки может привести к потере наших прав. В юридической конторе юрист не захотела мне дать разъяснения по этому поводу. Надеюсь, что когда мы сопоставим данные от разных нотариусов, у нас будет больше ясности.

Повторяю, все наши хлопоты могут оказаться пустыми, но то, что зависит от нас, я бы все-таки сделал.

XXXVII

Получив письмо старшего брата, средний брат съездил в Заднецк, разузнал, что нужно, про захоронение праха Петра Степановича и сообщил обо всем в Харьков.

Був у Заднецьку на кладовищі. Могилу Любові Петрівни я знайшов. Добре збереглась емальована табличка, прив'язана алюмінієвим дротом до дерев'яної тумби. Навіть стоїть на могилі голубенький глечик, в якому колись ставились квіти.

Я радився з завідуючою кладовищем, що треба, щоб поховати там урну батька. Вона порадила просто закопати урну на могилі і поставити загальний пам'ятничок. Мабуть, я так і зроблю. На моє прохання вона написала бумагу зі штампом, що вона не заперечує проти поховання праху нашого батька в одній могилі з його дружиною, цю бумагу я тобі і посилаю.

На кладовищі зібралось дуже багато нових поселенців. Є і знайомі. Лежить майже вся родина Бутенків в одному місці. Не вистачає там тільки Івана та алкогольного Костика, який десь ще існує. Лежать Яницькі, батько і мати, Доренко, колишній поклонник Любові Петрівни, і т.ін.

Пріїхав я додому стомлений і засмучений спогадами.

У нас зараз така новина: держава продала нам квартиру, в якій ми живемо. Заплатили за неї 3830 крб. 30 коп. Для цього нам довелося позичити у Лізи 1650 крб. Таким чином ми її боржники. Якщо приймати до уваги, що гроші з кожним днем втрачають свою вартість, ми, мабуть, зробили вірно.

В ощадкасі, коли я переводив гроші на нашу установу, касирка сказала, що труни зараз дуже дорогі і що вона мені радить не вмирати доки вони не подешевіють. Прийдеться чекати. Але ж і живому без грошей ніяк не обійтися. Ставши домовласником, я глянув на свій дім вже іншими очима і побачив, що дах в нього нікудишній і що є ще багато роботи, яку слід зробити до зими. Отож потрібні гроші, та й матеріалів (шиферу там, дахового заліза) не дістанеш. Гроші з батьківської спадщини були б нам дуже до речі, але я згоден з тобою: ми їх, напевно, ніколи не побачимо.

Зараз вже всім ясно, здається, що наближаються нові часи. Але якими вони будуть?

Одного разу наш молодший брат показав мені віршик. Він, якщо пам'ятаєш, і сам колись писав вірші, але цей віршик – не його. Віршик мені сподобався, я переписав його для себе, а зараз знайшов той листочок. Батькові тоді той вірш здався крамольним, а брат сказав йому: йдеться не про те, що ти думаєш, Батько. А зараз я читаю і думаю: ні, саме про те:

*Знать, с великого похмелья
Завязалась канитель:
То ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель.
То ли к завтрему, быть может,
воцарится новый тать...*

*Незабаром можемо мати нового царя. Гадаю, що він і його компанія, як звичайно, будуть мастаки бити морди, а що стоєть розумного ладу в країні, то його не дочекаємося.**

* Был в Задонецке на кладбище. Могилу Любви Петровны нашел. Хорошо сохранилась эмалированная табличка, привязанная алюминиевой проволокой к деревянной тумбе. Даже голубенький кувшин, в который когда-то ставили цветы, стоит на могиле.

Я советовался с заведующей кладбищем о том, что нужно, чтобы похоронить там урну отца. Она посоветовала просто закопать урну в могиле и поставить общий памятник. Видимо, я так и сделаю. По моей просьбе написала бумагу со штампом, что она не возражает против захоронения праха нашего отца в одной могиле с его женой, эту бумагу я тебе и посылаю.

XXXVIII

Старший сын Петра Степановича все собирался разобраться повнимательнее в содержимом отцовского портфеля, а добрался до него только в конце года. 25 декабря, с утра, принял зачет у студентов, потом провел заседание у себя в отделе, а к 7 часам вернулся домой, чтобы увидеть прощальное выступление Горбачева. Как бы посмотрел на все это Петр Степанович? Наверно, не одобрил бы...

Он выключил телевизор, расчистил место у себя на столе и принялся за разборку отцовских бумаг.

На кладбище собралось очень много новых постояльцев. Есть и знакомые. Лежит почти вся семья Бутенко в одном месте. Не хватает там только Ивана и алкогольного Костика, который где-то еще существует. Лежат Яницкие, отец и мать, Доренко, бывший поклонник Любви Петровны, и т.д. Домой я приехал усталый и расстроенный воспоминаниями.

У нас сейчас такая новость: государство продало нам квартиру, в которой мы живем. Заплатили за нее 3830 руб. 30 коп. Для этого нам пришлось занять у Лизы 1650 руб. Таким образом, мы ее должники. Если принять во внимание, что деньги с каждым днем теряют свою стоимость, то мы, наверное, поступили правильно.

В сберкассе, когда я переводил деньги в нашу организацию, кассирша сказала, что гробы сейчас очень дорогие и что она мне советует не умирать, пока они не подешевеют. Придется ждать. Но ведь и живому без денег никак не обойтись. Став домовладельцем, я посмотрел на свой дом уже другими глазами и увидел, что крыша у него никудышная и что есть много работы, которую необходимо сделать до зимы. Так что нужны деньги, да и материалов (шифера там, кровельного железа) не достанешь.

Деньги из отцовского наследства были бы нам очень кстати, но я согласен с тобой: мы их, наверняка, никогда не увидим.

Сейчас уже всем ясно, кажется, что приближаются новые времена. Но какими они будут?

Однажды наш младший брат показал мне стишок. Он, если помнишь, и сам когда-то писал стихи, но этот стишок – не его. Стишок мне понравился, я переписал его для себя, а сейчас нашел тот листочек. Отцу тогда это стихотворение показался крамольным, а брат сказал ему: это не о том, что ты думаешь, отец. А сейчас я читаю и думаю: нет, именно о том:

<...>

Скоро можем заполучить нового царя. Думаю, что он и его компания будут мастаки бить морды, а что касается разумного порядка в стране, то его не дождемся. (укр.)

Давней повести Петра Степановича «с сэеровским уклоном», согласно семейному преданию, якобы одобренной Короленко, в портфеле не оказалось. Не было и писем среднего брата из заключения, он хорошо помнил эту перевязанную веревочкой пачку, но, видимо, отец уничтожил все письма, не послушался его.

Полистал амбарную книгу с «Гипотетическими заметками дилетанта». В свое время, когда Петр Степанович еще жил в Задонецке, а он приезжал навестить его, отец пару раз показывал ему отдельные записи, он просматривал из вежливости. Но подряд никогда не читал, многое видел впервые. Вот, например, забавное рассуждение.

Нам, людям бывает обидно, что человек живет каких-нибудь 50-70-90 лет. Но если глубоко вдуматься, то человек живет немало, лошадь, например, живет от человека значительно меньше. В старой Австро-Венгрии поставили племенной кобыле памятник за то, что она прожила 52 года и привела за свою жизнь 36 лошадей.

Мы привыкли считать крепким все, что сделано из металла: замок, трактор, паровоз, молот, наковальня. А посмотрите, – разве все эти «крепкие» изделия попадают в металлолом через 50-70-90 лет? Они выходят из строя намного раньше, и, конечно же, человека надо относить к категории «крепких» формаций, и довольно долговечных.

– Надо бы почитать потом повнимательнее, – подумал старший сын Петра Степановича и отложил амбарную книгу в сторону.

Было уже поздно, пришлось прерваться. Выгруженные из портфеля бумаги так и остались на столе, а в выходной, 30 декабря, он засел за их просмотр с самого утра.

Первые научные публикации старшего сына, книжечки и спортивные репортажи младшего отец сохранил, но их он держал в отдельной коробке на шкафу. В портфеле была только папка с его собственными статьями в районной газете, в рубрике «Советы агронома»:

Порада агронома.

Посіємо буряки в кращі агротехнічні строки

*Щоб домогтись бажаних успіхів у вирощенні високого врожаю цукрових буряків треба, перш за все, не прогаяти з строками сівби, щоб насіння лягло в пухкий, вологий ґрунт...**

Старший сын Петра Степановича не стал читать дальше, аккуратно вложил все газеты – их было немного – назад в папку и написал на ней: «Статьи папы в Соц. Задонеччині».

Потом его внимание привлекла никогда не попадавшаяся прежде на глаза неоконченная рукопись, никак не озаглавленная, а начинавшаяся прямо с «Главы первой, так сказать, вступительной, чтобы с чего-нибудь начать повествование». Фиолетовые чернила почти не выцвели – вот было качество! – и он начал читать: «Это была не учеба, а черт знает что! На самом деле: вода в лаборатории замерзала, трубы лопались, реактивов не было, профессорские жены торговали пирожками, голод, очереди, анкеты...».

Старший сын Петра Степановича хотел прочесть одну страничку, а стал читать все подряд. Он помнил с довоенных лет, что по выходным отец всегда что-то писал, и мама Катя просила детей не шуметь и не мешать папе. Что же он писал тогда? Почерк был отцовский, и интонация знакомая иногда проскальзывала, но в остальном... Неужели это писал отец?

Читалось с интересом, но рукопись внезапно оборвалась. Стал рыться дальше, тот же почерк на таких же листах, но уже что-то другое, тоже неоконченное, оборванное на полуслове. Он насчитал семь разных начал, ни одно не доведено до конца. Почерк у отца был разборчивый, но все же чтение рукописного текста шло медленно, чтобы разобрать концы строк приходилось каждый раз разглаживать обтрепанные края страниц. Дневной свет за окном сменился вечерней чернотой, а еще оставалось много не просмотренного.

* «Совет агронома. Посеем свеклу в лучшие агротехнические сроки. Чтобы добиться желаемых результатов в выращивании высокого урожая сахарной свеклы нужно, прежде всего, не опоздать со сроками сева, чтобы семена легли в рыхлую, влажную почву... (укр.)

Старший сын Петра Степановича отодвинул стопку рукописей и развязал тесемки незнакомой на вид папки, очень ветхой. В ней лежало тонкая книжечка и две газеты, старые номера «Известий», полуистлевшие, во многих местах порванные на сгибах.

Книжечка под названием «Син соколиного племени», напротив, была новой – не так давно изданные воспоминания о брате Петра Степановича Василии. Старший сын Петра Степановича знал, конечно, эту книжку, она и у него где-то была, так что он ее только полистал.

В 1964 году в Львовский горком партии поступило письмо из Евпатории. Неизвестный автор сообщала, что в 1931-1933 годах во Львове на руководящем комсомольском посту под псевдонимом «Роман» работал ее муж – Василий К....

Сын бывшего батрака панских экономий, ученик сельской школы Василий К. откровенно говорил, что только Советская власть может дать им, бедняцким детям, право стать образованными, а их родителям создать условия для работы на своей, а не господской земле...

Старший сын Петра Степановича знал, что его дед был крестьянином и, кажется, не самым бедным. Не все же крестьяне могли учить при старом режиме своих детей в реальных училищах. И мы тоже так думаем, нам даже помнится, что Петр Степанович в молодости немножко путал, когда ему надо было представить доказательства своего незаможного происхождения, и так путал, что мы и до сих пор не знаем, например, насчет числа десятин. А теперь вот, наконец, мы держим в руках ценный документ и из него узнаём, что ему и путаться не надо было: никаких десятин не существовало, был его папаша просто батраком. Нам бы такое социальное происхождение!

На всю жизнь запомнился мне этот юноша с пышным смолисто-черным чубом, широко открытыми глазами. Он запомнился во всем решительным, преданным родной партии, революции...

Большое внимание Василий уделял антирелигиозной работе, ликвидации неграмотности и военной подготовке молодежи. Он советовал поступать нам на рабфак, в техникумы и вузы, чтобы стать опытными советскими специалистами...

В августе 1931 года под видом туристского похода в Карпаты прибыли молодые западноукраинские подпольщики. Из сел Татарова и Микуличина они отправились на гору Поп-Иван. Примерно в четырнадцать часов началась конференция. С четкой, зажигающей речью выступил «Остап». Мы, комсомольцы, активисты, тогда не знали ни его настоящей фамилии, ни того, что он из Советской Украины. Только недавно я узнал, что «Остап» был первым секретарем ЦК Коммунистического союза молодежи Западной Украины...

Почти два года я работала в подполье с «Романом», его настоящее имя я услышала лишь много лет спустя. Работать «Роману» приходилось в глубоком подполье. Я подыскала ему надежную квартиру, покупала для него необходимые вещи. В мои обязанности входило: ежедневно доставлять ему свежую прессу, переводить некоторые заметки, устраивать встречи с нужными ему людьми...

Старший сын Петра Степановича вспомнил, как он лазил в подпол в поисках таинственного дяди Васи, со вздохом закрыл книжечку с его фотографией на обложке и стал рассматривать газеты.

Одна была за май 1922 года. Старшему сыну Петра Степановича никогда еще не приходилось держать в руках столь ветхую газету, он стал внимательно изучать ее, осторожно разворачивая полуистлевшие листы и пытаясь понять, зачем сохранялись они столь долгое время в отцовских бумагах. Сначала его внимание привлек материал о процессе правых эсеров в Харькове. Речь шла о бывшем правом эсере Пашутинском, который до революции был террористом, оказался в ссылке, затем примкнул к левым эсерам, а потом вообще устроился на советской должности и даже втерся в коммунистическую партию. «Пашутинский пытался уверить суд, что совершенно искренне проделал всю эту «смену вех». Но на вопрос обвинения, почему

же он, придя к коммунизму, не разоблачил полностью своих бывших сотоварищей, он ответил: «Я был слишком связан всем своим прошлым с этой партией». Суд приговорил Пашутинского к расстрелу и, в числе других преступлений его как ответственного представителя партии эсеров, установил, «что подсудимый не раскаялся чистосердечно и слишком осторожно держался на суде, боясь, что чистосердечным раскаянием он раскроет преступную деятельность и свою, и партии, к которой он принадлежал».

Старший сын внимательно прочел всю статью про эсеров, которая называлась «Дальше в лес больше дров», но так и не понял, зачем отец хранил эту газету, что, между прочим, в иные времена могло быть и опасно. Но, уже закрывая газету, он обратил внимание на маленькую заметку под названием «Снимают колокола»:

Харьков. Крестьяне села Петровское Змиевского уезда добровольно сняли церковные колокола весом 40 пудов и доставили их в Херсон. Развиваемая кулаками и черносотенцами агитация против помощи голодающим успеха не имеет. Крестьяне не поддаются на провокации и сознательно выполняют свой долг.

Церковные колокола, церковные колокола... В голове у старшего сына Петра Степановича шевельнулось слабое воспоминание, покойная бабушка, вроде бы, рассказывала как-то о деде, о том, что он пытался воспрепятствовать снятию церковных колоколов и поплатился за это... Но, будучи обломком безумно далекого прошлого, бабушка в семье не пользовалась авторитетом, могла что-то и присочинить, ее рассказ не входил в устойчивый корпус семейных преданий, таких, скажем, как пребывание Петра Степановича в деникинской каторжной тюрьме...

Старший сын перешел ко второй газете, датированной декабрем 1930 года. «Возку сахарной свеклы с полей колхоза для сахарного завода или приемочного пункта, а также подвоз свекловичных семян и доставку минеральных удобрений производит колхоз своей тяговой силой в сроки, устанавливаемые машинно-тракторной станцией». Присутствие с детства бывших на слуху свеклосахарных словесных сочетаний без труда

объясняло причины сохранения этого номера газеты с полезными производственными инструкциями среди отцовских бумаг. Но все же, на всякий случай, старший сын Петра Степановича стал просматривать и другие страницы и к своему удивлению заметил, что на ней то и дело мелькала его собственная фамилия.

Однофамильцу старшего сына Петра Степановича, а, значит, и самого Петра Степановича, задавали вопросы, а он на них отвечал. Он говорил:

К. Я был, как большинство технической молодежи, почти совершенно аполитичен. Меня мало интересовали политические вопросы; партийных взглядов, более или менее строго выраженных, у меня не было.

Председатель. Это когда было, в какие годы?

К. Я учился с 1907 по 1912 год в МВТУ.

В этот момент старший сын Петра Степановича все понял. Это был не однофамилец, это был его дядя Алексей Степанович, осужденный по делу «Промпартии». Оба номера газеты, касавшиеся ее мужа и сына, хранила его почти безграмотная бабушка, не умея прочесть, но зная, что в них написано. А уже после ее смерти папку с газетами забрал Петр Степанович, но никому их не показал.

Старший сын Петра Степановича стал читать дальше, там были стенограммы допросов не только его дяди, но и других обвиняемых. Его заинтересовал допрос Рамзина, который перемешался с допросом Алексея Степановича. Он кое-что слышал о Рамзине, не особенно лестное, от покойного профессора Потемкина, химика, хорошо помнившего процесс и лично знавшего некоторых обвиняемых. По его словам, Рамзин, кажется, свидетельствовал о том, что он получал вредительские установки из-за рубежа, от Рябушинского, которого даже прочили в министры будущего правительства. Ценность этого свидетельства была велика, хотя и ослаблялась тем, что Рябушинский умер еще в 1924 году и с тех пор уже был лишен возможности давать подобные установки, а тем более быть министром. Нужно место нашлось довольно быстро.

Крыленко. Когда вы выехали за границу в 1927 году?

Рамзин. В конце июня.

Крыленко. Тогда вы получили поручение?

Рамзин. Да.

Крыленко. От кого?

Рамзин. От Пальчинского. Пальчинский мне сказал, что я там должен встретиться с Рябушинским и договориться, главным образом, относительно основных политических установок.

Старший сын Петра Степановича убедился, что память его не подвела, и вернулся к перекрестному допросу Рамзина и Алексея Степановича.

Рамзин. С тех пор как была объявлена политика нэпа всерьез и надолго, мы и приняли этот курс, как курс, взятый всерьез и надолго...

Председатель. Вы пришли работать в Госплан с убеждением, что советская власть на почве нэпа будет идти в направлении перерождения к капитализму или иначе, – вот в чем вопрос.

Рамзин. В тот момент, когда я начал работать в Госплане, взятый курс советской властью с новой экономической политикой меня лично вполне удовлетворял

Председатель. Почему этот курс вас удовлетворял? Вы надеялись, что при помощи этого курса к чему придет советская власть?

Рамзин. Никаких надежд в то время я не имел. Я считал, что при той экономической политике, которая была взята советской властью, имеется полная возможность правильно организовать и вести народное хозяйство.

Председатель. А как у вас, подсудимый К., обстоит дело в этом отношении?

К. Я пришел в Госплан из Донецкого бассейна с убеждением, что с большевиками можно работать, а нэп, начавшийся в это время, казалось мне, еще более открывает путь к возможности приложения и наших сил и стремлений к нашему идеалу.

Председатель. К какому идеалу? Нэп был для вас стимулом, это была ваша платформа в это время?

К. Как сказать? Если считать это за платформу, то часть технической интеллигенции, в том числе и я, стремились к демократической республике с ее количеством свобод – в этом отношении, конечно, пролетарская диктатура с этим не совпадала. Но поскольку совершался переход, то, по моему мнению, этот переход приближал советское государство к моему идеалу.

Председатель. У вас впереди была буржуазно-демократическая республика, а у Рамзина то же самое?

К. Его идеал была демократическая республика.

Председатель. Я о деталях не говорю. Но основные принципиальные установки у вас совпадали.

К. Мы отрицали крайне правые, но и крайне левые установки. Мы отрицали возможность возврата к меньшевистско-эсеровским установкам.

Антонов-Саратовский. Вы сказали, что вот эта демократическая республика являлась вашим идеалом?

К. Да.

Антонов-Саратовский. В отличие от советской власти?

К. Да.

Антонов-Саратовский. Я думаю, этого совершенно достаточно в основном.

Было уже поздно, Лида зашла в комнату и недовольно сказала:

– Ты бы заканчивал. Уже второй час. Все-таки завтра надо выспаться, нам ведь Новый год еще встречать!

Но старший сын Петра Степановича уже и сам решил превратиться. Он стал укладывать разбросанные по столу бумаги в портфель, одна выскользнула и спланировала под тумбу письменного стола. Пришлось отодвинуть стул, встать на колени и, кряхтя, скрести под тумбой длинной линейкой, пока не удалось вытолкнуть оттуда беглую бумажку. В этом положении его и застала Лида.

Наконец, бумажка показалась из-под тумбы. Старший сын Петра Степановича, не вставая с колен, смахнул с нее пыль и стал рассматривать. Это был пустой конверт от его же письма, отправленного еще когда отец жил в Задонецке, а они получили новую квартиру. Петр Степанович, видимо, и сохранил его потому, что там был их новый адрес. На обороте порванного конверта

было что-то написано рукой отца, и не что-то, а стихотворение слышанное от отца в детстве, а потом забытое. Петр Степанович записал его, скорее всего, не так давно, когда пальцы уже плохо слушались. Карандашные буквы были еле видны, но читались.

Круговорот жизни

Сказка жизни коротка:
Птичка ловит червяка,
Птичку съел голодный кот,
Псу попался котик в рот,
Пса сожрал голодный волк.
Но какой же вышел толк?
Волка съел могучий лев,
Человек же, льва узрев,
Застрелил его, а сам
Он достался червякам.
И опять наверняка
Съест пичуга червяка,
Птичку съест голодный кот...
Вот и весь круговорот.

Старший сын Петра Степановича поднялся, держась за край стола, отряхнул брюки и сказал:

– Ладно. Дочитаю утром. Сейчас вот только посмотрю одну вещь.

Как-то, незадолго до смерти, Петр Степанович рассказал сыну свой сон. Помнится, из-за срочных дел было не до разговоров, но пришлось уступить и выслушать. Что-то он тогда записал в своем дневнике, сон отца его чем-то тронул, теперь ему захотелось взглянуть на тогдашнюю запись.

Уже стоя, он листал дневник, нашел нужное место и был разочарован: всего два слова. «Воскресенье, 17 февраля. Отметили юбилей отца. Утром он рассказывал свой сон. Вечером, за столом, хвалил НЭП. Отзыв на Винокурова так и не закончил, потом дописывал на работе. Диссертация средненькая».

Впрочем, отцовский сон он помнил и так.

... К Петру Степановичу пришел какой-то очень важный военный чин и приглашает его совершить прогулку на космической ракете. Петру Степановичу и хочется, и боязно, особенно его страшит очень большой шум во время взлета. Но военный его успокаивает:

– Что вы, Петр Степанович. Это было на первых ракетах, а сейчас они взлетают совершенно бесшумно.

Они едут на лошади, в санях, и Петр Степанович с удовольствием вдыхает такие родные запахи соломы и овчины. Но очень скоро их вытесняет запах бензина, потом сани останавливаются, военный – генерал (или полковник?) – надевает каракулевую папаху, предупреждает кучера, похожего на сторожа Макара, чтобы он не распрягал, – Петр Степанович скоро поедет назад, – и они поднимаются куда-то на лифте. Петр Степанович знает, на какую кнопку нужно нажать. Они выходят из лифта и идут к ракете. Теперь ракеты, представьте, не такие, как раньше, больше похожи на дирижабль, пассажиры размещаются в гондоле. Ракета бесшумно взлетает, несмотря на то, что гондола открыта, никакого ветра не ощущается, и совсем не холодно. А между тем, они уже очень высоко, и если посмотреть вниз, то можно увидеть Землю, которая медленно вращается с Запада на Восток. Вот промелькнул Харьков, Петру Степановичу даже показалось, что он увидел Задонецк, хотя это совсем маленький городок. Потом пошла Европа. Рим Петр Степанович узнал по Колизею и удивился, он считал, что Рим должен быть где-то южнее. А потом под гондолой возник какой-то огромный луг, покрытый свежей, необыкновенно зеленой, сочной травой. Возможно, это была Англия.

Посреди луга стоял мальчик лет двенадцати в вышитой украинской рубашке, махал им рукой и что-то кричал, а что – нельзя было слышать.

И я не взглядел, – сказал Петр Степанович, – кто он: я или ты.

Литературно-художественное издание
Вишневский Анатолий Григорьевич
Жизнеописание Петра Степановича К.

Редактор Слуцкий Л.С.
Обложка Решетников К.В., Могутова М.А.
Верстка Вишневский А.А.

Подписано в печать 26.08.2013
Формат 60x90/16. Объем 22,0 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Знак», 101000 Москва, а/я № 648